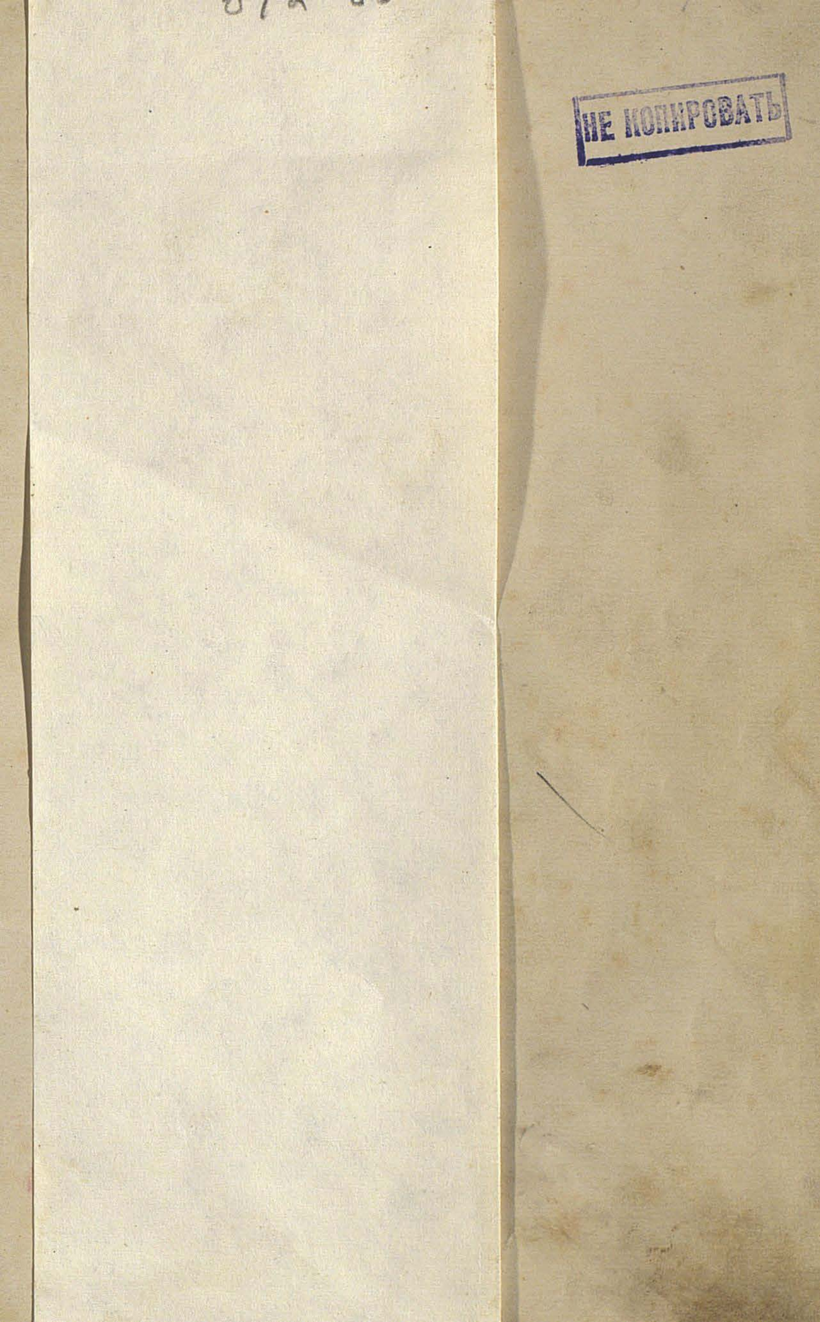
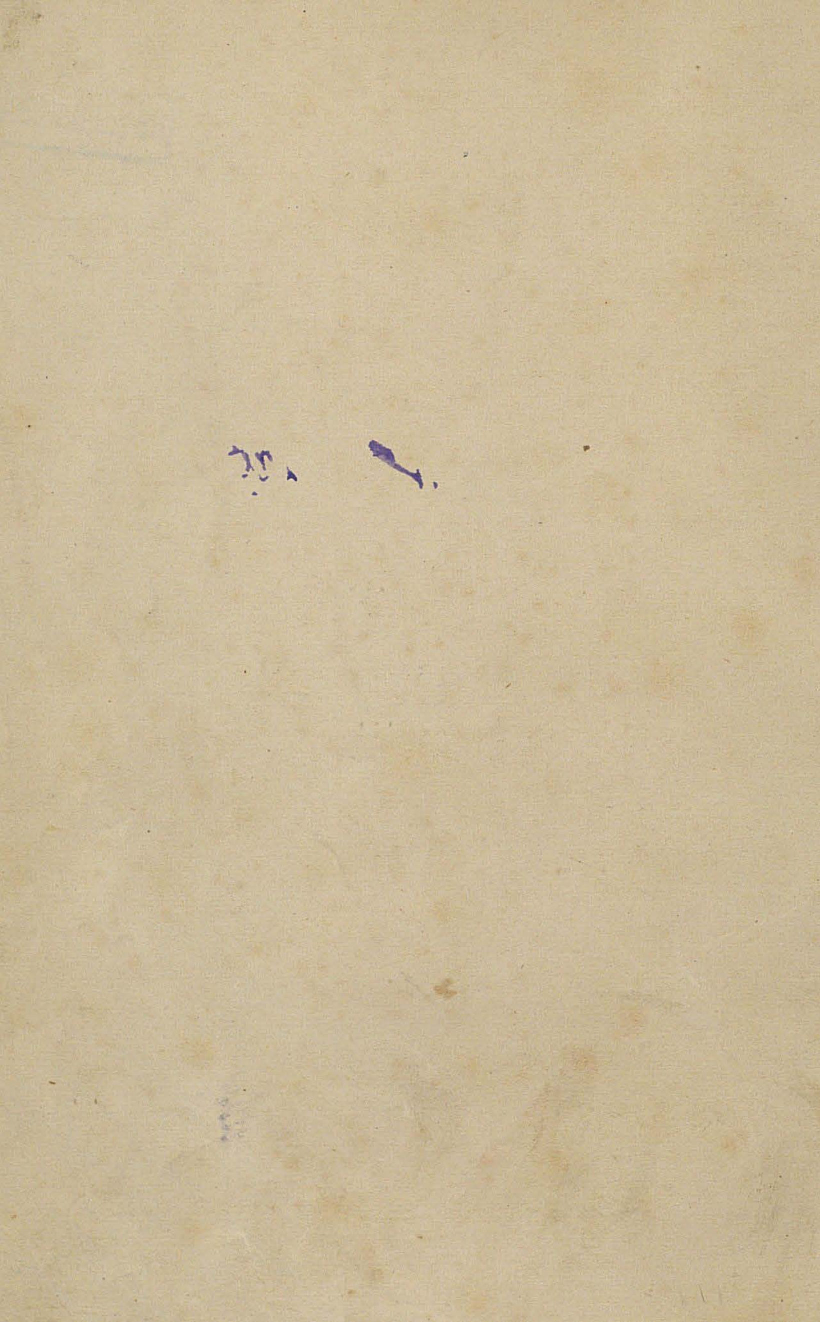

Д 5б
334

НЕ КОПИРОВАТЬ

НЕ КОПИРОВАТЬ

В. П. Авенаріусъ.
Юношескіе годы
Пушкина
Біографическая повѣсть.
Изданіе
редакціи журнала
„Родникъ“

ЮНОШЕСКІЕ ГОДЫ

ПУШКИНА.

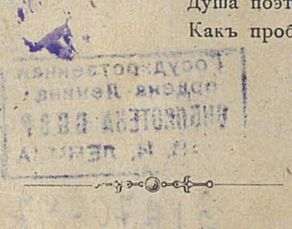
БІОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

В. П. Авенаріуса.

»Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ...

»Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется —
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.«

(Поэтъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе редакціи журнала „Родникъ“.
1888.

Настоящая повѣсть была помѣщена въ журналѣ для дѣтей „РОДНИКЪ“ за 1887 г. Для отдѣльнаго изданія къ ней прибавлена новая глава: „За стѣнами лицея“.

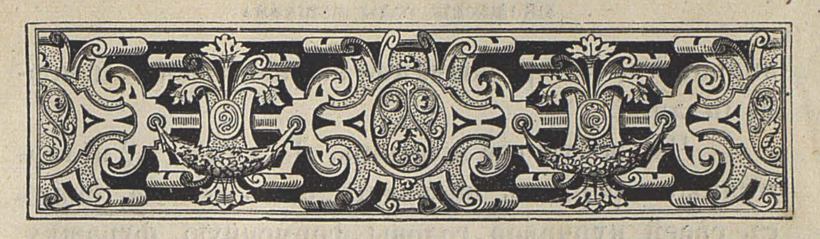
Предисловіе.

Настоящая повѣсть, сама по себѣ составляя законченное цѣлое, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ прямымъ продолженіемъ и окончаніемъ другой моей повѣсти: »*Отроческіе годы Пушкина*«. Обѣ предназначены для юношества и появились сначала въ журналѣ »*Родникъ*«. Изъ этого, однако, еще не слѣдуетъ, чтобы онѣ не могли имѣть и общаго интереса. Обстоятельныхъ біографій Пушкина до сихъ поръ ни одной не существуетъ. Двѣ біографическія повѣсти мои, правда, захватываютъ также только лицейскій періодъ жизни поэта, и самая форма моего разсказа беллетристическая; но, какъ показываетъ уже приложенный въ концѣ книги перечень бывшихъ въ моемъ распоряженіи матеріаловъ, я старался не упустить изъ виду ни одного факта, ни одной личности, имѣвшихъ вліяніе на развитіе характера и таланта Пушкина-лицеиста. Беллетристическую форму я предпочелъ потому, что она, какъ болѣе доступная, могла разсчитывать на большее число читателей, а стало быть, принести и бóльшую пользу. Задача моя — возможно живо и правдоподобно описать молодость нашего великаго поэта до перваго крупнаго его произведенія: »*Руслана и Людмилы*«,

установившаго его славу, — значительно облегчалась возможностью пользоваться такою массою накопившихся за полвѣка отъ его смерти печатныхъ, а также нѣкоторыхъ рукописныхъ матеріаловъ. Въ числѣ рукописныхъ не могу не указать особенно на лицейскій журналъ: »*Лицейскій Мудрецъ*« за 1815 годъ, хранящійся у бывшаго лицеиста, нынѣ академика, Я. К. Грота. Съ разрѣшенія послѣдняго, мною сдѣланы изъ »*Лицейскаго Мудреца*« для моего разсказа нигдѣ еще непечатавшіяся, чрезвычайно любопытныя выписки и сняты точныя копіи съ двухъ, также неизвѣстныхъ еще до сихъ поръ публикѣ, карикатуръ лицейскаго товарища Пушкина, Илличевскаго; за что считаю долгомъ принести здѣсь нашему почтенному академику глубокую благодарность.

В. А.

Спб., 4 октября 1887.

Глава I.

Лицейское междуцарствіе.

»Лошади шли шагомъ и скоро стали.

» — Что же ты не ѣдешь? спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ.

» — Да что ѣхать? отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка: — невѣсть и такъ куда заѣхали: дороги нѣтъ, и мгла кругомъ.«

(Капитанская дочка.)

Въ солнечный полдень, весною 1814 г., по крайней аллеѣ царскосельскаго дворцоваго парка, прилегающей къ городу, брели рука объ руку два лицеиста. Старшій изъ нихъ казался на видъ уже степеннымъ юношей, хотя въ дѣйствительности ему не было еще и шестнадцати лѣтъ. Но синія очки, защищавшія его близорукіе и слабые глаза отъ яркаго весенняго свѣта, и мечтательно-серьёзное выраженіе довольно полнаго, блѣднаго лица старообразили его. Съ молчаливымъ сочувствіемъ поглядывалъ онъ только по временамъ на своего разговорчиваго собесѣдника, подростка лѣтъ пятнадцати, съ смуглыми, непра-

вильными, но чрезвычайно выразительными чертами лица.

— Что же ты все молчишь, Дельвигъ? нетерпѣливо прервалъ послѣдній самъ себя и, снявъ съ своей курчавой головы форменную фуражку, сталъ обмахиваться ею. — Однако, какъ жарко!..

— Да... согласился Дельвигъ, какъ бы очнувшись отъ раздумья.

— Что »да«?

— Жарко.

— Ну, вотъ! Битый часъ разсыпаю я передъ нимъ свой бисеръ...

— Да я совершенно согласенъ съ тобой, Пушкинъ...

— Въ чемъ же именно? Ну-ка, повтори!

Дельвигъ усмѣхнулся пылкости пріятеля и дружелюбно пожалъ ему рукою локоть.

— Повторить, братъ, не берусь. Я слѣдилъ не столько за твоимъ бисеромъ, какъ за тобой самимъ, и съ удовольствіемъ вижу, что ты дѣлаешься опять тѣмъ же живчикомъ, какимъ былъ до смерти Малиновскаго.

— Да, жаль Малиновскаго! вздохнулъ Пушкинъ, и легкое облако грусти затуманило его оживленный взоръ. — Такого директора намъ ужъ не дождаться...

— Ну, жаловаться намъ на свою судьбу покуда грѣхъ: учись или лѣнись — ни въ чемъ ни приказа, ни заказа нѣтъ; распѣвай себѣ свои пѣсни, какъ птичка Божія...

— То-то, что еще не поется!.. Смотри-ка, кого это къ намъ несетъ? прибавилъ онъ, подходя къ чугунной рѣшеткѣ парка. — Такую пыль подняли, что и не разглядишь.

Изъ-за столба пыли, приближавшагося по большой дорогѣ, вынырнула въ это время верхушка старомодной почтовой громады-колымаги.

— Ноевъ ковчегъ! разсмѣялся Пушкинъ. — А на козлахъ-то, гляди-ка, рядомъ съ ямщикомъ, старая вѣдьма кіевская!..

— И насъ съ тобой, кажется, увидѣла, подхватилъ Дельвигъ: — машетъ сюда рукой...

— Вѣрно, тебѣ, баронъ!

— Нѣтъ, я ее не знаю. Вотъ и зубы оскалила, головой киваетъ: вѣрно, тебѣ, Пушкинъ.

Но Пушкинъ уже примолкъ и судорожно схватился рукою за холодную рѣшетку.

»Неужели это няня Арина Родіоновна?« промелькнуло у него въ головѣ, и духъ у него заняло, сердце забилось.

Между тѣмъ, колымага по ту сторону рѣшетки поравнялась уже съ ними. »Кіевская вѣдьма« наклонилась съ козелъ къ окну колымаги. И вотъ, оттуда, изъ-подъ развѣвающагося голубаго вуаля, выглянуло свѣжее, какъ розанъ, личико.

— Александръ! донеслось къ нему. Бѣлый носовой платокъ взвился въ воздухѣ — и колымага прогромыхала мимо, заволакиваясь прежнимъ облакомъ пыли.

— Оля! вырвалось у Пушкина, и онъ бѣгомъ

пустился по тому же направленію, вверхъ по аллеѣ, къ выходнымъ воротамъ парка.

— Кто это? кричалъ ему въ догонку Дельвигъ.

— Наши! отвѣтилъ, не оглядываясь, Пушкинъ и, добѣжавъ до воротъ, бросился черезъ улицу къ лицею.

»Ноевъ ковчегъ« стоялъ уже у лицейскаго подъѣзда. Швейцаръ высаживалъ оттуда подъ руку видную даму лѣтъ 35-ти.

— Матушка! какими судьбами? окликнулъ ее по-французски Пушкинъ и хотѣлъ кинуться къ ней на шею.

— Что съ тобой, Александръ? обниматься на улицѣ! на томъ же языкѣ охладила мать его неумѣстный порывъ и дала ему приложиться только къ ея лайковой перчаткѣ.

Баронъ Дельвигъ остановился на тротуарѣ въ десяти шагахъ отъ нихъ и былъ невольнымъ свидѣтелемъ этой форменной встрѣчи.

»Такъ вотъ она, Надежда Осиповна Пушкина, прекрасная креолка, какъ зовутъ ее во всей Москвѣ, сказалъ онъ про себя.—Дѣйствительно, она еще очень хороша, и какое изящество въ каждомъ движеніи, какая надменность въ осанкѣ!«

Вслѣдъ за Надеждой Осиповной, изъ колымаги выпорхнула, уже безъ помощи швейцара, молоденькая барышня. По фамильному сходству, Дельвигъ тотчасъ сообразилъ, что это сестра Пушкина, Ольга Сергѣевна. Она, какъ видно,

приняла къ свѣдѣнію замѣчаніе матери, потому что мимолетомъ только коснулась губами щеки брата.

Зато сползшая съ козелъ старушка-няня дала полную волю чувствамъ: пригнувъ къ себѣ голову своего питомца, она такъ и прильнула къ нему, осыпая поцѣлуями то одну его щеку, то другую.

— Сердечный ты мой! сокровище мое! единственный мой!.. приговаривала она.

— Ты съ ума сошла, Родіоновна?! старалась ее урезонить барыня.

— Помилуйте, сударыня! оправдывалась расчувствовавшаяся старушка: — не я ли его съ самыхъ пеленокъ взростила? Дороже онъ мнѣ и родныхъ-то ребятъ; ей-Богу, правда!

— Ну, ну, не разсуждай, пожалуйста! Полѣзай себѣ опять на козлы: скоро поѣдемъ дальше, оборвала ее Надежда Осиповна; потомъ обратилась по-французски къ сыну: — а ужъ тебѣ-то какъ не совѣстно, Александръ?

Александръ насилу высвободился изъ объятій няни; на глазахъ его блестѣли слезы, когда онъ взглянулъ на стоявшаго тутъ же Дельвига. Выраженіе глазъ послѣдняго нельзя было замѣтить за синими очками, но игравшая на губахъ его улыбка какъ бы говорила: »Вотъ тебѣ и кіевская вѣдьма!«

Раскраснѣвшійся Пушкинъ только улыбнулся въ отвѣтъ: старушка няня его, хотя и вся бронзовая отъ загара, имѣла такую простодушную,

чисто-великорусскую физіономію и высказала къ нему такую непритворную материнскую нѣжность, что заподозрить въ ней малорусскую вѣдьму, конечно, никому бы и въ голову не пришло.

Надежда Осиповна вошла, между тѣмъ, въ прихожую лицея и на ходу, черезъ плечо, небрежно сказала швейцару:

— Нельзя ли позвать ко мнѣ пансіонера Льва Пушкина?

— Слушаю-съ, ваше превосходительство! подобострастно отвѣчалъ швейцаръ, который съ перваго взгляда призналъ въ ней, по меньшей мѣрѣ, генеральшу.

Надежда Осиповна стала подниматься во второй этажъ, шурша по каменнымъ ступенямъ лѣстницы своимъ дорожнымъ шелковымъ платьемъ; дочь и сынъ слѣдовали за нею.

Здѣсь же, на лѣстницѣ, Ольга Сергѣевна, украдкой отъ матери, крѣпко чмокнула брата и окинула его сіяющимъ взглядомъ:

— Какъ ты, однако, Александръ, выросъ!

— И ты не меньше стала, отшутился онъ: — совсѣмъ какъ взрослая — въ длинномъ платьѣ!

— Да вѣдь, мнѣ ужь семнадцатый годъ. Ты меня сколько лѣтъ не видалъ. Но вотъ теперь мы будемъ видѣться часто. Лѣто мы еще проведемъ въ Михайловскомъ *), а къ осени совсѣмъ ужь переѣдемъ въ Петербургъ.

---

*) Село Михайловское, Псковской губерніи, имѣніе Пушкиныхъ.

— Вотъ какъ! И папа тоже? Отчего онъ не съ вами?

— Папа? да развѣ ты не знаешь, что онъ зимой еще отправился изъ Москвы въ Варшаву, начальникомъ этой коммисаріатской, что ли? коммисіи нашей резервной арміи...

— Да, правда; ну, и что же?

— Ну, и надоѣло ему, кажется; бросаетъ службу и надняхъ долженъ съѣхаться съ нами въ Петербургѣ.

Въ пріемной Надежду Осиповну встрѣтилъ сухощавый и вертлявый чиновникъ. Освѣдомившись о цѣли ея прибытія, онъ съ неловкимъ поклономъ отрекомендовался ей:

— Надзиратель по учебной части, Василій Васильевичъ Чачковъ.

— Чачковъ? переспросила Надежда Осиповна; — а не Пилецкій?

— Совершенно справедливо-съ, залебезилъ надзиратель: — предмѣстникъ мой точно назывался Пилецкій-Урбановичъ; но мѣсяца два назадъ его... какъ бы лучше выразиться?..

Онъ замялся и опасливо оглянулся на молодаго Пушкина. Но тотъ съ сестрою удалился уже въ углубленіе окна, чтобы продолжать съ нею тамъ прерванную бесѣду.

— Не угодно ли вамъ присѣсть, сударыня? спросилъ Чачковъ, указывая почетной гостьѣ на клеенчатый диванъ.

Она сѣла, а онъ остался на ногахъ передъ нею и продолжалъ пониженнымъ голосомъ:

— Съ предмѣстникомъ моимъ, изволите видѣть, учинилось здѣсь нѣчто необычайное... Развѣ сынокъ вашъ ничего не отписалъ вамъ?

— Писалъ, кажется, — какъ теперь припоминаю, — что Пилецкій ушелъ, но и только.

— Ушелъ... гмъ! да-съ... но форсированнымъ маршемъ.

— То-есть его »уходили«?

— Хе-хе-хе! тонко изволили замѣтить. Однако, мало ли что болтаютъ? Не всякому слуху вѣрь. Воспитанники, словно сговорившись межъ собой, хранятъ дѣло въ тайнѣ. Намъ же, начальству, вѣдомо лишь, что у нихъ съ господиномъ Пилецкимъ было секретное собесѣдованіе при закрытыхъ дверяхъ. О чемъ? Одному Богу да самимъ имъ только извѣстно. На другое же утро господина Пилецкаго и слѣдъ простылъ: укатилъ въ Петербургъ невозвратно. Да-съ, сударыня! вздохнулъ преемникъ Пилецкаго и снова покосился на Пушкина: — могу сказать, тяжеленько-таки нынче нашему брату! Директора намъ все еще не даютъ, и живемъ мы между небомъ да землей, какъ на шарѣ воздушномъ.

— Да вѣдь, кто-нибудь поставленъ у васъ на мѣсто директора?

— Положимъ, что такъ... Я васъ, сударыня, не безпокою своимъ разговоромъ?

— Нѣтъ, отчего же? Мнѣ, напротивъ, любо-

пытно знать, какой у васъ тутъ надзоръ за дѣтьми.

— А мнѣ, осмѣлюсь доложить, нѣкая даже потребность облегчить душу... Какъ скончался, изволите видѣть, въ мартѣ мѣсяцѣ покойный директоръ Малиновскій (достойнѣйшій, говорятъ, былъ человѣкъ; не имѣлъ чести его знать!), такъ впредь до окончательнаго назначенія ему преемника, обязанности директорскія его сіятельство графъ Алексѣй Кирилловичъ (министръ нашъ, Разумовскій) изволилъ возложить на старшаго изъ господъ профессоровъ, Кошанскаго. Но бѣда бѣду родитъ. Господина Кошанскаго постигла тоже тяжкая болѣзнь. И вотъ, власть раздѣлили: каждый изъ господъ профессоровъ директорствуетъ поочередно. Всѣ они, положимъ, люди препочтенные, но бываютъ здѣсь только наѣздомъ изъ Петербурга и спѣшатъ »распорядиться« каждый по своей части, не справясь толкомъ, согласуется ли, нѣтъ ли, »распоряженіе« съ мѣрами прочихъ содиректоровъ. Коли уже у семи нянекъ дитя безъ глазу, такъ спрашиваю я васъ, сударыня: каково-то нашему многоголовому дѣтищу-лицею у семи ученыхъ мужей? Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; а гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ щепки летятъ. Первой такой щепкой былъ мой бѣдный предшественникъ; второй щепкой чуть-чуть не сдѣлался экономъ нашъ Золотаревъ...

— А что было съ нимъ?

— Что было съ нимъ?.. повторилъ Чачковъ и прикусилъ языкъ. Теперь только какъ-будто спохватился онъ, что черезъ-чуръ уже откровенно излилъ передъ постороннимъ лицомъ накипѣвшую у него на сердцѣ горечь. — Да такъ, ничего-съ, маленькое недоразумѣніе съ однимъ изъ воспитанниковъ; но все теперь, слава Богу, улажено, а кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ.

— Надѣюсь, что воспитанникъ этотъ былъ не сынъ мой Александръ? спросила Надежда Осиповна, строго поглядывая въ сторону сына.

— О, нѣтъ-съ!.. скажу прямо: то былъ графъ Брогліо... Такъ вотъ какъ, сударыня. Одно слово: »междуцарствіе«, какъ мѣтко прозвали сами господа лицеисты это переходное время-съ. И приходится намъ, начальству ихъ, идти потихонечку-полегонечку, лавировать, какъ межъ подводныхъ рифовъ, между строгостью и лаской.

Какъ нарочно, надзирателю пришлось тутъ-же показать это »лавированіе« на дѣлѣ. Въ пріемную вошелъ, въ высокихъ ботфортахъ, съ хлыстомъ въ рукѣ, темнолицый, чернобровый геркулесъ-лицеистъ. Похлопывая хлыстомъ по ботфортамъ, онъ такъ самоувѣренно оглядѣлся кругомъ, такъ беззастѣнчиво прищурился своими, какъ смоль черными, глазами на сидѣвшую на подоконникѣ, рядомъ съ братомъ, Ольгу Сергѣевну, что та вспыхнула и потупилась. Съ тонкой усмѣшкой переглянувшись съ Пушкинымъ, онъ прошелъ далѣе.

— А, графъ! обратился къ нему съ товарищескою фамильярностью надзиратель.—Ну, что, наѣздились верхомъ?

— Наѣздился, нехотя отозвался тотъ, и, проходя мимо, еще пристальнѣе всмотрѣлся въ лицо красавицы-матери своего товарища.

— Кто этотъ нахалъ? спросила, негодуя, Надежда Осиповна, когда графъ-наѣздникъ скрылся за дверью.

— А это, сударыня, тотъ самый графъ Брогліо, о которомъ я имѣлъ честь давеча вамъ докладывать. Онъ пользуется у насъ привилегіей ѣздить верхомъ въ здѣшнемъ гусарскомъ манежѣ.

Влетѣвшій въ это время вихремъ второй сынъ Надежды Осиповны, Левъ, Леонъ или Лёвушка, прервалъ разговоръ ея съ надзирателемъ. Обнявъ и расцѣловавъ по пути сестру у окна, онъ бросился къ матери и уже безъ околичностей, сжалъ ее также въ объятіяхъ. Младшій сынъ былъ ей, очевидно, дороже первенца. Сама порывисто приголубивъ мальчика, она усадила его около себя, вышитымъ батистовымъ платкомъ отерла ему разгоряченное лицо и съ одобрительной улыбкой заслушалась его дѣтской болтовни.

Надзиратель Чачковъ деликатно отошелъ въ сторону; да ему было теперь и не до нихъ, потому что воспитанники, возвращавшіеся одинъ за другимъ съ прогулки и съ шумнымъ говоромъ проходившіе чрезъ пріемную въ столовую,

требовали его полнаго вниманія; каждому говорилъ онъ что-нибудь, по его мнѣнію, подходящее и пріятное.

— Дельвига я сейчасъ узнала на улицѣ по его синимъ очкамъ, говорила полушепотомъ Ольга Сергѣевна брату, который долженъ былъ называть ей по именамъ всѣхъ товарищей, проходившихъ мимо какъ бы церемоніальнымъ маршемъ.

— А этотъ блондинъ, вѣрно, князь Горчаковъ? спросила она, когда мимо нихъ прошли опять два лицеиста, блондинъ и брюнетъ: первый—писанный красавецъ; второй—тщедушный, неприглядный малый, съ крупнымъ носомъ и замѣтными уже усами.

— Да, Горчаковъ, отвѣчалъ Александръ. — Ты какъ догадалась, Оля?

— Да вѣдь, ты же писалъ мнѣ, что онъ въ своемъ родѣ Аполлонъ Бельведерскій...

— Неправда ли? Но онъ прекрасенъ не только тѣломъ, но и душой. Впрочемъ, Суворочка ему въ этомъ отношеніи ни чуть не уступитъ.

— »Суворочка«?

— Ну, да, тотъ брюнетъ, что шелъ съ нимъ— Вальховскій, Суворочка или Sapentia (мудрость).

— За что вы его такъ прозвали?

— За его выдержку и разсудительность. Повѣришь ли: чтобы не изнѣжить своего слабаго тѣла, онъ спитъ нарочно на голыхъ доскахъ,

встаетъ зимой въ 4, лѣтомъ въ 3 часа утра; чтобы пріучить себя къ голоду, онъ постится по недѣлямъ, даже въ мясоѣдъ, отказывается отъ пирожнаго, отъ чаю; наконецъ, даже приготовляясь къ урокамъ, чтобы тѣло не отдыхало, онъ кладетъ себѣ на плечи по толстѣйшему тому словаря Гейма. Прямой спартанецъ или Суворовъ.

— И, вѣроятно, тоже изъ первыхъ учениковъ?

— Да, они оба съ Горчаковымъ перебиваютъ другъ у друга пальму первенства; но какъ ты сейчасъ видѣла, они въ лучшихъ отношеніяхъ между собой.

Обѣденный колоколъ, сзывавшій лицеистовъ въ столовую, положилъ конецъ свиданію Пушкиныхъ. Началось торопливое прощанье. Сестра и младшій братъ украдкой утирали глаза.

— Ничего, господа: вы можете проводить вашу матушку и до экипажа, милостиво разрѣшилъ двумъ братьямъ надзиратель Чачковъ.

— Такъ смотри же, Александръ, пиши ко мнѣ! говорила Ольга Сергѣевна старшему брату, спускаясь съ лѣстницы.

— Да вѣдь, письма, сама ты знаешь, Оля, смерть моя, отговаривался братъ.

— Ну, такъ пришли хоть стихи. Вѣдь ты теперь пишешь и по-русски. Обѣщаешься?

— Не знаю, право... Въ послѣднее время я совсѣмъ бросилъ писать...

— И слышать не хочу! Я жду отъ тебя пре-

длиннаго и премилаго »посланія« въ стихахъ. Такъ и знай!

Терпѣливо сидѣвшая на козлахъ колымаги, въ ожиданіи господъ, няня Арина Родіоновна собиралась теперь слѣзть опять на-земь, чтобы какъ слѣдуетъ проститься со своимъ любимцемъ, Александромъ. Барыня повелительнымъ жестомъ остановила ее. Зато, когда швейцаръ суетливо сталъ подсаживать »ея превосходительство« въ колымагу, старушка подозвала къ себѣ пальцемъ Александра и, наклонившись съ козелъ, сунула ему небольшой пакетецъ изъ толстой синей сахарной бумаги, перевязанный золотымъ шнурочкомъ.

— Спрячь, родной мой... шепнула она. — Думала: сама благословлю образкомъ Иверской Божьей Матери, да не довелось, вишь...

Еще нѣсколько добрыхъ пожеланій на дорогу, свистъ бича, окрикъ ямщика: »Трогай! Эй, вы, любезныя!« — и громоздскій дѣдовскій экипажъ загромыхалъ по мостовой.

Пушкинъ едва могъ дождаться конца обѣда. Пакетъ няни за пазухой не давалъ ему покоя. »Что-то положено у нея тамъ?« Послѣ обѣда онъ, первымъ дѣломъ, побѣжалъ наверхъ, въ четвертый этажъ, въ свою комнату. Когда онъ сорвалъ съ пакета золотой шнурокъ и развернулъ бумагу, — сверху, какъ онъ и ожидалъ, оказался миніатюрный образокъ Иверской Богоматери на голубой шелковинкѣ. Подъ образкомъ

же блестѣла цѣлая груда новенькихъ и старинныхъ серебряныхъ монетъ, Петровскій рубль съ просверленнымъ ушкомъ и одинъ старый голландскій червонецъ. И Петровскій рубль, и голландскій червонецъ онъ видѣлъ когда-то въ копилкѣ своей скопидомки-няни; а теперь вотъ она все — все отдала ему!

На глазахъ его навернулись слезы умиленія. Съ безотчетнымъ благоговѣніемъ приложился онъ губами къ святому лику, разстегнулъ воротъ и надѣлъ на себя образокъ. Деньги же няни онъ заперъ въ конторку, мысленно обѣщая себѣ—ни за что, ни за что не истратить изъ нихъ ни копейки!

Дня черезъ два, няня и сестра получили отъ него въ Петербургѣ по посланію: первая — благодарственное въ прозѣ, вторая — извѣстное стихотворное: »Къ сестрѣ«, начинающееся словами:

›Ты хочешь, другъ безцѣнный,
Чтобъ я, поэтъ младой,
Бесѣдовалъ съ тобой...»

Увидѣлся Пушкинъ снова съ няней, матерью и сестрой только мелькомъ, при обратномъ проѣздѣ ихъ черезъ Царское въ село Михайловское, гдѣ съ этого года семья Пушкиныхъ проводила уже каждое лѣто. Арина Родіоновна такъ и осталась въ Михайловскомъ; Ольга же Сергѣевна, по возвращеніи въ Петербургъ, по временамъ навѣщала брата-поэта, то съ отцомъ,

то съ матерью, и была однимъ изъ его внимательнѣйшихъ и снисходительнѣйшихъ судей. Примѣръ его даже ее заразилъ: сама она тайкомъ отъ всѣхъ принялась упражняться въ стихотворствѣ, и уже на старости лѣтъ только призналась въ томъ своимъ дѣтямъ.

Глава II.

На Розовомъ полѣ.

›Вы помните-ль то *Розовое поле*,
Друзья мои, гдѣ красною весной,
Оставя классъ, рѣзвились мы на волѣ
И тѣшились отважною игрой?
Графъ Брогліо былъ отважнѣе, сильнѣе,
Комовскій же проворнѣе, хитрѣе;
Не скоро могъ рѣшиться жаркій бой...
Гдѣ вы, лѣта забавы молодой?...‹

(Отрывокъ).

Въ концѣ того же мая мѣсяца, двухъ братьевъ Пушкиныхъ въ царскосельскомъ лицеѣ навѣстилъ, по пути изъ Варшавы въ Петербургъ, и отецъ ихъ, Сергѣй Львовичъ. Когда онъ небрежно скинулъ на руки швейцара свой пыльный дорожный плащъ съ капишономъ, на немъ оказался нарядъ, по пестротѣ своей, пожалуй, не совсѣмъ уже соотвѣтствовавшій его немолодымъ лѣтамъ: зеленый фракъ, клѣтчатый трехцвѣтный жилетъ и полосатыя панталоны. Когда-то нарядъ этотъ былъ очень моднымъ, Сергѣй же Львовичъ въ молодости слылъ въ Москвѣ, подобно брату своему, стихотворцу Василью

Львовичу Пушкину, извѣстнымъ щеголемъ, и съ годами, не перенявъ новыхъ модъ, продолжалъ держаться излюбленной разъ пестроты. Лицейскій швейцаръ, »видавшій виды«, по пословицѣ: по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ«, тотчасъ оцѣнилъ пріѣзжаго по его изысканной, въ своемъ родѣ, внѣшности, а также по той покровительственной важности, съ которой онъ потребовалъ къ себѣ обоихъ своихъ сыновей. Впрочемъ, за старшимъ изъ нихъ, гулявшимъ гдѣ-то въ паркѣ, швейцару некого было сейчасъ послать, а самъ онъ для этого не смѣлъ такъ надолго отлучиться изъ своей швейцарской; за младшимъ же онъ не замедлилъ побѣжать въ лицейскій пансіонъ, который былъ рядомъ.

Наговорившись съ Левушкой, по обычаю того времени, въ перемежку — по-русски и по-французски, Сергѣй Львовичъ вспомнилъ, наконецъ, опять о старшемъ сынѣ.

— А гдѣ же Александръ?

— Онъ, вѣрно, на Розовомъ полѣ, отвѣчалъ Левушка.

— Это чтожъ такое?

— А большой лугъ, знаете, между большой руиной и капризомъ, гдѣ при Екатеринѣ Великой, говорятъ, росли розы. Теперь его отвели лицеистамъ для ихъ игръ.

— Стреножили, значитъ, жеребчиковъ, чтобы другой травы не помяли? Ну, чтожъ, пойдемъ, отыщемъ его.

Спустившись съ сыномъ въ паркъ, Сергѣй Львовичъ остановился на минутку и взглядомъ знатока окинулъ великолѣпный фасадъ императорскаго дворца.

— Семьдесятъ лѣтъ, вѣдь, прошло съ тѣхъ поръ, промолвилъ онъ, — какъ графъ Растрелли обезсмертилъ себя этой колоссальной постройкой. Позолота, правда, сошла ужь съ крыши, карнизовъ и статуй; но стиль, смотри-ка, какъ выдержанъ: Людовикъ XIV да и только! Разсказываютъ, что когда императрица Елисавета Петровна прибыла сюда со всѣмъ дворомъ и иностранными послами осмотрѣть новый дворецъ, одинъ только французскій посолъ, маркизъ де-ла-Шетарди, не проронилъ ни слова.

»— Что же, маркизъ, вамъ не нравится мой дворецъ? спросила Елисавета.

»— Одной, главной вещи не достаетъ, отвѣчалъ онъ.

»— Чего же именно?

»— Футляра, чтобы покрыть эту драгоцѣнность.«

При дальнѣйшей прогулкѣ по парку, отцу съ сыномъ попался на глаза лицеистъ въ синихъ очкахъ, который, полулежа на скамьѣ, читалъ книгу.

— Это баронъ Дельвигъ, другъ Александра, вполголоса пояснилъ Леонъ.

— Вѣрно, онъ такъ прилеженъ, что даже не играетъ съ другими?

Левушка разсмѣялся.

— Напротивъ, такъ лѣнивъ, что не хочетъ играть. А читаетъ теперь непремѣнно какіе-нибудь стихи.

— Сейчасъ узнаемъ, сказалъ Сергѣй Львовичъ и, подойдя къ Дельвигу, очень вѣжливо снялъ шляпу:

— Если не ошибаюсь: баронъ Дельвигъ, другъ моего старшаго сына, Александра Пушкина?

— Точно такъ, отвѣчалъ, вставая, Дельвигъ. — Вы ищете Александра? Онъ съ другими на Розовомъ полѣ.

— А вы предпочли читать книгу? Позвольте полюбопытствовать.

Дельвигъ не могъ не подать ему книги.

— Такъ и зналъ: стишки, снисходительно усмѣхнулся Сергѣй Львовичъ. — Вы, вѣдь, тоже одинъ изъ лицейскихъ стихотворцевъ?

— Полъ-класса у нихъ стихотворцы! вмѣшался съ живостью Левушка. — Баронъ да нашъ Александръ изъ самыхъ лучшихъ. Одинъ только Илличевскій можетъ помѣряться съ ними. Какія, я вамъ скажу, у нихъ эпиграммы, какія каррикатуры! Особенно въ каррикатурномъ журналѣ. Самъ гувернеръ нашъ и учитель рисованья, Чириковъ, поправляетъ эти каррикатуры...

— Похвально, произнесъ Сергѣй Львовичъ такимъ тономъ, что оставалось подъ сомнѣніемъ: хвалитъ онъ иронически или серьёзно. — И ко

мнѣ, за тридевять земель, дошли уже слухи, что у васъ здѣсь сильно «зажурналилось« и »затуманилось«, какъ выразился Державинъ, когда у насъ на Руси черезъ-чуръ расплодились журналы.

— Въ настоящее время, у насъ въ лицеѣ всего одинъ журналъ: »Лицейскій мудрецъ«, замѣтилъ, какъ бы извиняясь, Дельвигъ.

— Но самъ баронъ — цензоръ этого журнала, подхватилъ Левушка; -- Корсаковъ — редакторъ, а Данзасъ — типографщикъ, т. е. переписчикъ, потому что у него лучшій почеркъ.

— Запретить вамъ, господа, баловаться стихами никто посторонній, конечно, не въ правѣ, наставительно заговорилъ Сергѣй Львовичъ, и между бровями его появилась легкая складка: — но сыну моему Александру я строго закажу...

— Но вы же сами, папенька, пишете прекраснѣйшіе альбомные стихи, вступился за отсутствующаго брата Леонъ.

— Альбомные — да. Всякій благовоспитанный человѣкъ нашего вѣка обязанъ умѣть: войти въ комнату, болтать по-французски обо всемъ и ни о чемъ, знать наизусть тысячи изреченій и сентенцій, участвовать въ спектакляхъ, живыхъ картинахъ, общественныхъ играхъ; точно также онъ долженъ быть готовъ во всякое время, по первому востребованію, настрочить альбомный куплетъ по-русски, по-французски или на иномъ европейскомъ діалектѣ. И въ этомъ отношеніи,

любезный баронъ, могу сказать безъ излишняго самохвальства, вашъ покорный слуга дошелъ до нѣкоторой виртуозности:

»Вы приказали — повинуюсь
И дань спѣшу принесть въ альбомъ;
Хоть въ стихотворцы я не суюсь,
Но воля ваша мнѣ законъ...«

Вы, кажется, не одобряете моего куплета? прервалъ самъ себя декламаторъ, замѣтивъ, что Дельвигъ закусилъ губу. — »Альбомъ« и »законъ« — не особенно богатая рифма, согласенъ. Но альбомный стихъ — дареный конь; а дареному коню въ зубы не смотрятъ.

— Такъ видите ли, папенька, какъ хорошо, что Александръ ужь смолоду упражняется въ стихахъ? возразилъ Левушка. — Въ послѣдніе мѣсяцы онъ что-то мало писалъ. Но есть у него одна вещица: »Красавицѣ, которая нюхала табакъ« — просто, пальчики расцѣловать!

— Хороша должна быть красавица, которая набиваетъ себѣ носъ табакомъ! Горгона какая-нибудь?

— О, нѣтъ! Родная сестра лицеиста нашего, князя Горчакова, княгиня Кантакузенъ: молоденькая и прехорошенькая. Она какъ-то пріѣзжала сюда къ своему брату. Я вамъ сейчасъ скажу все стихотвореніе; я знаю его отъ доски до доски... *)

---

*) Впослѣдствіи, во время отсутствія А. С. Пушкина изъ Петербурга, братъ его Левъ Сергѣевичъ былъ постояннымъ его ко-

— Не трудись, сказалъ Сергѣй Львовичъ.

— Нѣтъ, вы только послушайте, папенька, какіе тамъ есть стихи:

»Ахъ, еслибъ превращенный въ прахъ,
И, въ табакеркѣ, въ заточеньи,
Я въ персты нѣжные твои попасться могъ;
Тогда-бъ въ сердечномъ восхищеньи...«

— И такъ далѣе, перебилъ Дельвигъ, который не могъ вынести насмѣшливой улыбки, показавшейся на губахъ отца его друга. — Александръ будетъ очень радъ васъ видѣть.

— Надѣюсь, съ нѣкоторою уже сухостью произнесъ Сергѣй Львовичъ. — Вы, баронъ, не пойдете съ нами?

— Нѣтъ, благодарю васъ... Я почитаю.

— Такъ имѣю честь вамъ кланяться: больше, вѣроятно, не увидимся.

И, въ сопровожденіи младшаго сына, Сергѣй Львовичъ отправился далѣе. На Розовомъ полѣ всѣ прочіе лицеисты, дѣйствительно, оказались на лицо. Играли они въ лапту, и игра ихъ была въ полномъ разгарѣ *). Одинъ изъ горо-

---

миссіонеромъ по книжнымъ дѣламъ и, обладая удивительною памятью, говорилъ наизусть своимъ знакомымъ цѣлыя поэмы старшаго брата. По этому поводу кѣмъ-то былъ сказанъ такой экспромптъ:

»Нашъ Левъ Сергѣичъ очень радъ,
Что своему онъ брату братъ«.

*) Для читателей, незнакомыхъ съ игрою въ *лапту*, опишемъ ее здѣсь нѣсколько подробнѣе. Играющіе изъ своей среды избираютъ двухъ наиболѣе ловкихъ и увертливыхъ начальниками, которые называются *матками*. По жребію (схватываніемъ подброшенной

жанъ, сутуловатый великанъ, забѣжавшій за противоположную черту поля, перебѣгалъ только-что обратно въ городъ.

— Живѣе, Кюхельбекеръ! Не поддавайся, Виленька! подбодряли его друзья-горожане.

Согнувшись въ три погибели, Кюхельбекеръ неуклюже вымѣрялъ уже своими длинными журавлиными ногами половину вражьяго стана, когда попалъ подъ непріятельскую бомбу: матка полевщиковъ, графъ Брогліо, несмотря на то, что былъ лѣвша, такъ мѣтко угодилъ ему въ голову мячемъ, что Кюхельбекеръ схватился за щеку и сдѣлалъ козлиный прыжокъ. Полевщики кругомъ такъ и заликовали, потому что этимъ

палки) обѣ матки рѣшаютъ, кому изъ нихъ быть *старшей*, кому *младшей маткой*. Старшая, по жребію же (угадываніемъ произвольно-взятыхъ кличекъ), избираетъ себѣ подначальную команду изъ прочихъ товарищей, подходящихъ къ ней попарно; послѣ чего занимаетъ со своей командой небольшой уголокъ — *городъ* — на предназначенномъ для игры мѣстѣ. Младшая же матка со своей шайкой располагается въ разсыпную въ *полѣ*, т. е. на остальномъ пространствѣ ристалища, которое отгораживается отъ города небольшою только, въ сажень ширины, нейтральною полосою. Одинъ изъ *полевщиковъ*, съ мячемъ въ рукѣ, становится на пограничной чертѣ поля и подбрасываетъ *горожанамъ* мячъ. *Горожане*, по очереди, *сдаютъ*, т. е. бьютъ по мячу *лопатою* — палкою съ лопатообразнымъ концомъ, стараясь зашвырнуть мячъ возможно далѣе въ *поле* или даже за крайнюю его черту. Вслѣдъ за сдѣланнымъ ударомъ, горожанинъ самъ бѣжитъ черезъ *поле*, чтобы перебраться за вражій станъ, пока еща никто изъ враговъ не успѣлъ *запятнять* его. *Пятнать*, однако, не дозволяется руками, а только тѣмъ же мячемъ. Чтобы ударъ былъ возможно мѣтокъ, полевщикъ, первый подхватившій мячъ, перебрасываетъ его къ самому ловкому изъ ближайшихъ къ бѣгущему товарищей, и тотъ уже старается *запятнать* послѣдняго. Если *запятнать* его удалось, то этимъ самымъ полевщики побѣдили,

бой былъ рѣшенъ и городъ перешелъ въ ихъ власть.

— Стой, Кюхля! не разгибайся! раздался вдругъ повелительный голосъ.

Добродушный и простоватый Кюхельбекеръ. неоправившійся отъ понесеннаго сейчасъ пораженія, послушно согнулся еще круче въ дугу. Въ тотъ же мигъ товарищъ, крикнувшій ему, разбѣжался на него сзади и, едва коснувшись руками его плечъ, однимъ махомъ перелетѣлъ черезъ него.

— Ай-да, Пушкинъ! молодецъ-французъ! привѣтствовалъ его выходку дружный смѣхъ.

— Ни съ мѣста, Виленька! побереги голову!

городъ взятъ: *полевщики* дѣлаются горожанами, и наоборотъ. Точно также игра кончена, если кто-нибудь изъ полевщиковъ успѣетъ поймать на лету *сданный* мячъ, пока онъ еще не коснулся земли. Если очередной *горожанинъ* промахнулся лаптою въ подброшенный ему мячъ, то онъ на этотъ разъ лишается права бѣжать черезъ *поле* и становится на пограничной чертѣ въ ожиданіи, пока кто-нибудь изъ его товарищей *сдастъ* болѣе удачно. Тогда онъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ, бѣжитъ черезъ *поле*. Старшая *матка* имѣетъ три удара, чтобы въ случаѣ нужды, выручать своихъ подначальныхъ, и потому сдаетъ всегда послѣднею. Перебѣжавъ разъ благополучно за *поле*, каждый горожанинъ можетъ бѣжать въ удобный моментъ обратно въ *городъ*, и если при этомъ избѣгнетъ направленнаго противъ него врагами мяча, то пріобрѣтаетъ опять право на одинъ ударъ. Такъ продолжается игра, пока одного изъ горожанъ не *запятнаютъ*, или мячъ не будетъ подхваченъ на лету. Игра можетъ быть прекращена исключительно по усмотрѣнію обладателей города въ данное время. *Горожане* ни мало не утомляются игрою и, такъ-сказать, почіютъ на лаврахъ, потому что изрѣдка только сдаютъ мячъ и перебѣгаютъ *поле*. *Полевщики* же, вынужденные поминутно гнаться за мячемъ вдоль и поперекъ по всему *полю*, до того, по бо́льшей части, изнемогаютъ, что еле дышутъ и ноги волочатъ.

закричалъ вражескій атаманъ Брогліо. Тѣмъ же порядкомъ, какъ Пушкинъ, но съ изяществомъ записнаго эквилибриста, перенесся онъ черезъ ошеломленнаго Кюхельбекера.

Примѣръ двухъ шалуновъ нашелъ усердныхъ подражателей. Съ крикомъ: »Ниже голову, Кюхля! ниже!«, всѣ враги-полевщики, одинъ за другимъ, болѣе или менѣе ловко, перепрыгнули черезъ бѣднягу.

Между тѣмъ, Пушкинъ замѣтилъ уже присутствіе отца.

— Ахъ, папа! радостно вскричалъ онъ, но вспомнивъ тотчасъ, какъ неодобрительно мать его отнеслась къ пылкимъ изліяніямъ сыновней любви, не рѣшился при другихъ обнять отца.

Но Сергѣй Львовичъ широко раскрылъ уже сыну объятія, подставилъ для поцѣлуя щеку и съ нѣкоторою, какъ бы театральною торжественностью, прижалъ его къ груди.

— Однако, ты все тотъ же сорви-голова, заговорилъ онъ, выпуская сына изъ объятій. — Лежачаго, ты знаешь, не бьютъ; de mortuis aut bene, aut nihil (о мертвыхъ говорятъ или хорошо, или ничего); а Кюхельбекеръ вашъ теперь тотъ же покойникъ.

— Совершенно вѣрно, папенька, весело отозвался Александръ:

»Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ:
Творилъ онъ тяжкіе грѣхи.
Пусть Богъ дѣла его забудетъ,
Какъ свѣтъ забылъ его стихи.«

— Эпиграмма эта твоего собственнаго сочиненія? недовѣрчиво спросилъ Сергѣй Львовичъ.

— Собственнаго. Илличевскій еще перещеголялъ меня по этой части. Поди-ка сюда, Илличевскій!

Тотъ не замедлилъ явиться на зовъ и почтительно поздоровался съ отцомъ пріятеля. На просьбу Сергѣя Львовича: сказать также одну изъ своихъ эпиграммъ, онъ не сталъ долго чиниться и не безъ самодовольства продекламировалъ:

— »Нѣтъ, полно, мудрецы, обманывать вамъ свѣтъ
И утверждать свое, что совершенства нѣтъ
На свѣтѣ въ твари тлѣнной.
Явися, Виленька, и докажи собой,
Что ты и тѣломъ, и душой
Уродъ пресовершенный.«

— На бѣднаго Макара всѣ шишки валятся, замѣтилъ Сергѣй Львовичъ.

— На то онъ и Макаръ, легкомысленно подхватилъ Александръ: — Пущинъ составилъ даже цѣлый сборникъ эпиграммъ на него: »Жертва Мому или Лицейская Антологія« *).

Наблюдавшій за играющими дежурный гувернеръ Чириковъ наклонился къ Пушкину и шепнулъ ему:

---

*) Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ этихъ эпиграммъ: *„Надпись на конную статую пушкаря В. фонъ-Рекеблихера“*, *„О Донъ-Кихотѣ“*, *„Жалкій человѣкъ“*, *„Виля Геркулесу“*, *„На случай, когда Виля на балѣ растерялъ свои башмаки.“*

— Пожалѣйте хоть несчастнаго! Вы видите: онъ внѣ себя.

И точно: Кюхельбекеръ былъ красенъ, какъ раззадоренный индѣйскій пѣтухъ. Размахивая своими длинными, какъ жерди, руками, захлебываясь и отдуваясь, онъ хриплымъ басомъ и съ замѣтнымъ нѣмецкимъ произношеніемъ слезно жаловался столпившейся около него кучкѣ молодежи на причиненную ему обиду:

— Развѣ этакъ можно?... Развѣ мы играемъ теперь въ чехарду?

— Военная, братъ, хитрость! смѣялся въ отвѣтъ Брогліо. — На войнѣ допускается всякій фортель.

— Нѣтъ, не всякій! всему есть мѣра, заступилась за обиженнаго матка его Комовскій.— Сергѣй Гаврилычъ — лицо незаинтересованное: пусть онъ рѣшитъ, допускается ли такой фортель?

— И прекрасно! Пусть Сергѣй Гаврилычъ рѣшитъ!

Вся толпа хлынула къ судьѣ-гувернеру. Но разбирательство сомнительнаго вопроса было тутъ же пріостановлено однимъ плотнымъ, широкоплечимъ лицеистомъ.

— Стойте, господа! крикнулъ онъ, поднимая руку. — Сергѣй Гаврилычъ, позвольте мнѣ два слова сказать?

— Не давайте ему говоритъ! Пускай онъ говоритъ! перебивали другъ друга обѣ враждебныя партіи.

— Говорите, Пущинъ, сказалъ Чириковъ.

— Прежде всего, господа, началъ Пущинъ, — обращу ваше вниманіе на то, что мы здѣсь не одни. Межъ насъ, лицеистовъ, долженъ происходить судъ — и что же? какой-то малокососъ-пансіонеръ преспокойно слушаетъ насъ, подсмѣивается надъ нами.

Всѣ взоры обратились на Левушку Пушкина. По смѣшливости своей, онъ, дѣйствительно, отъ души потѣшался также эпиграммами на Кюхельбекера; теперь же, сдѣлавшись предметомъ общаго вниманія, онъ радъ былъ сквозь землю провалиться. Прежде чѣмъ поднявшійся среди лицеистовъ ропотъ возросъ до угрожающаго протеста, пансіонерикъ благоразумно юркнулъ въ кусты и исчезъ.

— Можетъ быть, и я здѣсь лишній? спросилъ Сергѣй Львовичъ, дѣлая также шагъ назадъ.

— Нѣтъ, папенька, вы-то оставайтесь! поспѣшилъ остановить его старшій сынъ. — Пансіонеру нельзя было присутствовать при нашемъ самосудѣ. Но ваше присутствіе намъ даже лестно. Неправда ли, господа?

— Н-да, конечно... нерѣшительно подтвердило нѣсколько голосовъ.

— Это былъ первый пунктъ, продолжалъ Пущинъ. — Второй пунктъ слѣдующій: не вы ли сами, Сергѣй Гаврилычъ, всегда твердили намъ, что всякій споръ намъ лучше рѣшать промежъ себя, безъ всякаго чужаго посредничества?

— И повторяю опять тоже, сказалъ гувернеръ.

— Ну, вотъ. Стало быть, отчего же намъ и теперь не поладить однимъ, безъ васъ?

— Сдѣлайте одолженіе, господа. Я, пожалуй, на время совсѣмъ удалюсь...

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ! чѣмъ болѣе безпристрастныхъ свидѣтелей, тѣмъ судъ у насъ будетъ справедливѣе и строже. Наконецъ, третій пунктъ: чего же требуетъ отъ насъ противная сторона? Каковъ спросъ, таковъ и отвѣтъ.

Атаманъ противной стороны, Комовскій, выступилъ впередъ.

— Пускай Пушкинъ формальнымъ образомъ извинится передъ Кюхельбекеромъ.

— Извини, Виля... началъ Пушкинъ, подходя къ обиженному.

Миролюбивый по природѣ Кюхельбекеръ готовъ былъ уже принять протянутую руку, когда Пушкинъ докончилъ свою фразу:

— Въ другой разъ я не стану прыгать, а заставлю тебя самого прыгнуть — черезъ ножку.

— Вотъ онъ всегда такъ! воскликнулъ Кюхельбекеръ, отдергивая руку. — Развѣ съ нимъ можно мириться?

— Такъ вотъ что, господа, выступилъ съ новымъ предложеніемъ Комовскій: — пускай Пушкинъ станетъ также въ позицію, а мы всѣ перепрыгнемъ черезъ него. Долгъ платежомъ красёнъ.

— Вотъ это такъ! на это я согласенъ! обрадовался Кюхельбекеръ.

— А я нѣтъ, сказалъ Пушкинъ. — Я, Колумбъ, открылъ Америку, а ты, Америго Веспуччи, хочешь пожать мои лавры!

— Лавры не важные, вступился миротворцемъ Пущинъ; — да и не всякому же быть Колумбомъ. Я, господа, предлагаю среднюю мѣру. Теперь нашъ чередъ быть въ городѣ. Кого изъ насъ запятнаютъ, тотъ пусть и становится въ позицію. Отъ Кюхельбекера зависитъ попасть въ Пушкина.

Послѣ нѣкоторыхъ еще препирательствъ, предложеніе Пущина было принято большинствомъ голосовъ. Комовскій съ Кюхельбекеромъ и прочими полевщиками удалились въ поле, тогда какъ графъ Брогліо съ Пушкинымъ и остальными горожанами заняли городъ. Сергѣй Львовичъ подсѣлъ къ Чирикову на скамейку и завязалъ съ нимъ оживленную бесѣду. Съ первыхъ его словъ гувернеръ могъ убѣдиться, что передъ нимъ образцовый собесѣдникъ. Всѣ послѣднія новости дня, анекдоты, каламбуры — неудержимымъ потокомъ, безъ всякаго видимаго усилія, такъ и струились съ устъ Сергѣя Львовича, точно онъ разматывалъ безконечный клубокъ. Съ предмета на предметъ, онъ дошелъ и до послѣдней политической новости — взятія Парижа. Какъ во очію, передъ глазами его внимательнаго слушателя развернулась вдругъ живописная пано-

рама »современнаго Вавилона«, представшая предъ союзными войсками съ высотъ Бельвиля и Монмартра; какъ во очію, посыпался съ этихъ высотъ на городъ огненный дождь гранатъ и бомбъ, и завѣялъ бѣлый платокъ присланнаго къ графу Милорадовичу парламентера.

»— Ради Бога, прекратите убійственный огонь!

»— Стало быть, городъ сдается?

»— Сдается.

»— А армія?

»— Армія ретируется.

»— Ну, Богъ съ вами! ретируйтесь.

»На слѣдующій день, съ ранняго утра любопытные парижане высыпали уже тысячами на улицы, на балконы и крыши, съ одушевленіемъ продолжалъ разсказчикъ. — Никогда, вѣдь, еще не видѣли они этихъ варваровъ съ береговъ Ледовитаго океана, одѣтыхъ, какъ слышно, въ звѣриныя шкуры и лакомящихся сальными свѣчами. Но что за диво! Вмѣсто какихъ-то косолапыхъ получудовищъ, подъ тактъ благозвучнаго военнаго марша, чинно и стройно выступали по улицамъ здоровяки-богатыри, молодцы-гвардейцы, въ щегольскихъ мундирахъ европейскаго покроя; а командовавшіе ими офицеры на всякій вопросъ уличныхъ ротозѣевъ отвѣчали бойко и чисто по-французски.

»— Неужели это русскіе? повторяли парижане на всѣ лады. — А гдѣ же самъ императоръ Александръ?

»— Вотъ онъ, вотъ Александръ! кричали другіе: — на бѣломъ конѣ съ бѣлымъ султаномъ! Какъ онъ милостиво кланяется, какъ онъ прекрасенъ... Да слушайте же, слушайте: чтó онъ говоритъ такое?

»— Да здравствуетъ императоръ Александръ! въ восторгѣ гремѣлъ кругомъ народъ.

»— Да здравствуетъ миръ! отвѣчалъ государь: — я вступаю къ вамъ не врагомъ, а съ тѣмъ, чтобы возвратить вамъ спокойствіе и свободу торговли.

»— Мы давно уже ждали ваше величество! радушно крикнулъ одинъ изъ французовъ.

»— Я пришелъ бы и ранѣе, не менѣе вѣжливо отвѣчалъ государь, — но ваша собственная храбрость задержала меня.«

Такъ разглагольствовалъ Сергѣй Львовичъ, а стоявшій безъ дѣла, въ ожиданіи своей очереди бѣжать въ поле, старшій сынъ его подошелъ ближе и подсѣлъ, наконецъ, къ нему на скамейку. Прочіе горожане-лицеисты точно также невольно прислушивались къ занимательному разсказу, и вскорѣ всей толпой скучились около разсказчика.

— Какъ жаль, право, что всѣхъ этихъ подробностей мы здѣсь не знали раньше! вздохнулъ Илличевскій.

— А что? спросилъ Сергѣй Львовичъ.

— Да мы съ такою жадностью читали въ газетахъ о взятіи Парижа. А тутъ разъ профес-

соръ Кошанскій, войдя въ классъ, объявилъ намъ: »Европейская драма сыграна: Наполеонъ отказался отъ престола и удаленъ на островъ Эльбу; статуя его снята съ Вандомской колонны и Людовикъ XVIII объявленъ королемъ. Нашъ императоръ во всемъ блескѣ своего величія!« Отъ восторга мы всѣмъ классомъ крикнули: »ура!« Тогда Кошанскій предложилъ намъ, поэтамъ лицейскимъ, попытаться сочинить патріотическую оду: »На взятіе Парижа.«

— И вы сочинили?

— Да; двое изъ насъ: я да Дельвигъ.

— А ты, Александръ, отчего-жъ не написалъ?

— Да какъ-то не пишется...

— Но скоро вы про него кое-что услышите! вмѣшался въ разговоръ Пущинъ.

— Что же именно?

— Гм... изволите видѣть... замялся Пущинъ: — покуда объ этомъ еще рано распространяться.

— Я тебя не понимаю, Пущинъ, сказалъ Александръ. — О чемъ это ты говоришь?

Пущинъ только загадочно улыбнулся.

— И не для чего тебѣ знать!

— Ну, чтожъ это, господа? Какая это игра! крикнулъ горожанамъ изъ-за нейтральной полосы Комовскій. — Этакъ васъ, конечно, никогда не запятнаешь.

Горожане нехотя заняли опять свои мѣста. Очередь сдавать мячъ была за Пушкинымъ. Стоявшій рядомъ съ нимъ Вальховскій шепнулъ ему:

— Отдайся ужь имъ въ руки, Господь съ ними!

— Какъ бы не такъ! отвѣчалъ Пушкинъ. — Ты — Суворочка, такъ тебѣ самъ Богъ велитъ; а ужь я-то, извини, добровольно не отдамся!

— И то, Пушкинъ, отчего бы тебѣ не потѣшить Кюхельбекера? заговорилъ тутъ и другой сосѣдъ, Горчаковъ. — Смотри, какъ онъ нахохлился. Ну, что̀ тебѣ значитъ?

Пушкинъ ничего не отвѣтилъ; но сдавъ мячъ, онъ не сейчасъ перебѣжалъ поле, а выждалъ, пока мячъ достался въ руки Кюхельбекеру; тогда только, не очень спѣшно, онъ пустился въ путь. Неудивительно, что Кюхельбекеру удалось теперь запятнать его.

— Ага! наконецъ-то! загрохоталъ тотъ. — Ну, становись-ка въ позицію, становись!

Пушкинъ, казалось, ужь раскаивался въ своемъ великодушіи. Онъ, хмурясь, оглядѣлся; — но дѣлать нечего: безпрекословно наклонилъ спину. Кюхельбекеръ отошелъ на десять шаговъ, разбѣжался и совершилъ довольно ловкій, при своей грузности, прыжокъ.

Но тутъ... тутъ произошло что-то непостижимое. Въ слѣдующее же мгновеніе, прыгающій лежалъ уже распростертымъ на землѣ, а врагъ его съ легкостью козы перескочилъ черезъ него и, смѣясь, возвратился въ городъ.

Если онъ разсчитывалъ этотъ разъ на чье-либо одобреніе, то ошибся. Враги его громко за-

роптали, изъ друзей же только двое-трое расхохотались, но и тѣ ни однимъ словомъ не поддержали его.

— О чемъ вы смѣетесь, господа? обратился къ нимъ Суворочка-Вальховскій. — По моему, это ничуть не смѣшно, а очень даже печально.

Пушкина какъ варомъ обожгло.

— Почему печально? запальчиво вскинулся онъ, искоса посматривая на отца и гувернера — нѣмыхъ свидѣтелей всей сцены.

— Потому что подставлять ножку хоть бы и врагу — недостойно настоящаго лицеиста!

— Я и не думалъ подставлять ему ножку...

— Но давеча самъ же ты сказалъ, что подставишь?

— Мало ли что! Виноватъ ли я, что онъ тяжелъ, какъ набитый мѣшокъ, и не усидѣлъ на мнѣ?

Теперь въ споръ ихъ вмѣшался Пущинъ и отвелъ виноватаго въ сторону. Что̀ говорилъ онъ ему — нельзя было слышать; но видно было, что Пушкину куда какъ не хочется сдаться на его доводы.

— Не урезонитъ! сказалъ гувернеру Сергѣй Львовичъ. — Я его слишкомъ хорошо знаю. Еще такимъ вотъ мальчишкой (онъ указалъ на аршинъ отъ земли) это былъ самый отчаянный упрямецъ и задирала, готовъ былъ спорить до слезъ...

— И здѣсь бывали у него тоже слезы, горючія

слезы, подтвердилъ Чириковъ. — Но спасибо Пущину: онъ много подтянулся, умѣетъ побороть себя. Вотъ увидите, что въ концѣ концовъ, Пущинъ его переубѣдитъ.

И дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ, Пушкинъ, красный какъ ракъ, съ безпокойно-бѣгающими глазами, подошелъ къ Кюхельбекеру и самымъ чистосердечнымъ тономъ предложилъ ему повторить опытъ, обѣщаясь »честнымъ словомъ лицеиста«, не уронить его. Но для Кюхельбекера, видно, довольно было и одного опыта. Молча принявъ руку недавняго врага, онъ наотрѣзъ уклонился отъ предлагаемаго удовольствія.

— А теперь, господа, не прогуляться ли намъ къ большому пруду? сказалъ Чириковъ, приподнимаясь со скамейки. — Вы бы, Матюшкинъ, побѣжали впередъ приготовить лодку.

Матюшкинъ, страстный рыболовъ и искусный гребецъ, былъ главнымъ распорядителемъ водяныхъ прогулокъ лицеистовъ. Но не успѣлъ онъ еще удалиться, какъ дѣло уже разстроилось. Возвратившійся внезапно Левушка Пушкинъ принесъ отцу приказъ кучера Потапыча живѣе сбираться въ дорогу: лошади-де отдохнули.

Сергѣй Львовичъ взглянулъ на часы и засуетился.

— Въ самомъ дѣлѣ, давно пора, сказалъ онъ: — жена въ Питерѣ дожидается, да и хотѣлось бы нынче вечеромъ побывать съ нею у однихъ знакомыхъ, до переѣзда ихъ на дачу. До

свиданія, господа! Очень радъ, что познакомился.

Съ покровительственной миной пожавъ на прощаньи руку гувернеру и ближайшимъ лицеистамъ, онъ, въ сопровожденіи обоихъ сыновей, направился назадъ къ лицею.

— О чемъ я хотѣлъ попросить васъ, папенька... вкрадчиво заговорилъ по-французски Левушка и запнулся.

— Впередъ знаю, благосклонно улыбнулся отецъ и щипнулъ его ласково за ухо. — Всѣ денежки свои промоталъ. Такъ, вѣдь?

— О, нѣтъ, не промоталъ... Но надо, знаете, давать на чай сторожамъ, обзаводиться всякой всячиной...

— Наизусть знаю! перебилъ со вздохомъ Сергѣй Львовичъ и досталъ изъ кармана бумажникъ.— Вотъ тебѣ пять рублей. Будетъ съ тебя?

Леонъ порывисто поцѣловалъ отцовскую руку, подававшую ему кредитную бумажку.

— О, конечно!

— Ну, а вотъ тебѣ, такъ и быть, еще пять въ придачу: на орѣхи.

— Не знаю, какъ и благодарить васъ!.. А Александру, папенька? наивно добавилъ онъ.

Отецъ сдвинулъ брови и, нерѣшительно роясь въ бумажникѣ, черезъ плечо оглянулся на старшаго сына.

— Да тебѣ развѣ нужно?

— Нѣтъ! коротко отрѣзалъ тотъ и крѣпко

стиснулъ губы, точно боясь проронить лишнее слово.

— Очень радъ, потому что у меня и безъ того, по случаю переѣзда, пропасть расходовъ, съ довольнымъ видомъ сказалъ Сергѣй Львовичъ, опуская бумажникъ обратно въ карманъ.

Когда бричка, увозившая отца, скрылась изъ виду, Левушка обратился съ вопросомъ къ старшему брату:

— Да вѣдь, у тебя, Александръ, нѣтъ ни копейки? Ты недавно еще, я знаю, занялъ три рубля у Горчакова...

— А тебѣ что за дѣло!

— Да вотъ, возьми себѣ одну-то бумажку. Подѣлимся по-братски.

— Спасибо, братъ... У меня изъ няниныхъ денегъ остались еще старый червонецъ да Петровскій рубль... Но я не хотѣлъ ихъ трогать...

— Ну, понятное дѣло. Бери же, сдѣлай милость! Мнѣ пять ли, десять ли рублей — все одно: живо пристрою.

Оставя въ рукахъ брата одну изъ пятирублевокъ, Левушка убѣжалъ съ другою, чтобы »живо ее пристроить«.

Глава III.

Предатели-друзья.

> »Предатели-друзья
> Невинное творенье
> Украдкой въ городъ шлютъ
> И плодъ уединенья
> Тисненью предаютъ.«

(Посланіе къ Дельвигу).

Вѣстникъ Европы«, издававшійся до 1803 года Карамзинымъ, потомъ нѣкоторое время — Жуковскимъ, а въ 1814 году — Измайловымъ, былъ любимымъ журналомъ лицеистовъ. Поэтому, едва только приходилъ съ почтой новый нумеръ этого журнала, какъ лицеисты, просто, дрались изъ-за него. Тоже было и съ послѣднимъ майскимъ нумеромъ. На этотъ разъ онъ ранѣе другихъ очутился въ рукахъ Пушкина.

— Дай-ка мнѣ немножко взглянуть, Пушкинъ, сказалъ, наклоняясь надъ сидящимъ, Дельвигъ: — я тебѣ сейчасъ возвращу.

Онъ отвернулъ обложку, чтобы пробѣжать содержаніе книжки.

— Ну, что, ничего? послышался сзади другой, тихій голосъ — голосъ Пущина.

— Странное дѣло: ни того, ни другого! отвѣтилъ вполголоса же Дельвигъ.

— Я, вѣдь, такъ и предсказывалъ тебѣ! Но ты не хотѣлъ...

— Что вы тамъ шепчетесь? обратился теперь къ двумъ друзьямъ Пушкинъ.

Дельвигъ какъ-будто смутился. Пущинъ съ усмѣшкой заглянулъ въ глаза Пушкину.

— Мы справлялись, нѣтъ ли тутъ одного знакомаго стихотворенія, сказалъ онъ.

Дельвигъ дернулъ его за рукавъ; но было уже поздно.

— Какого стихотворенія? спросилъ Пушкинъ.

— Да твоего—»Къ Другу-Стихотворцу«.

— Клянусь вамъ, господа, я и не думалъ посылать его въ какой бы то ни было журналъ...

— А мы съ Дельвигомъ были увѣрены, что ты скромничаешь: что это былъ тебѣ запросъ отъ редактора въ восьмомъ нумерѣ »Вѣстника«.

— Запросъ?

— Ну, да; неужели ты не замѣтилъ?

Напрасно Дельвигъ, изъ-за спины Пушкина, поднесъ палецъ къ губамъ. Пущинъ, будто ничего не замѣчая, взялъ со стола восьмой нумеръ »Вѣстника Европы« и тотчасъ отыскалъ требуемую страницу.

— На̀, вотъ, читай самъ, сказалъ онъ.

Пушкинъ прочелъ слѣдующее:

»Отъ Издателя.«

»Просимъ сочинителя присланной въ »Вѣстникъ Европы« пьесы, подъ названіемъ »Къ Другу-Стихотворцу«, какъ всѣхъ другихъ сочинителей, объявить намъ свое имя, ибо мы поставили себѣ закономъ не печатать тѣхъ сочиненій, авторы которыхъ не сообщили намъ своего имени и адреса. Но смѣемъ увѣрить, что мы не употребимъ во зло право издателя и не откроемъ тайны имени, когда автору угодно скрыть его отъ публики.«

— Дѣйствительно, довольно странно, задумчиво произнесъ Пушкинъ, — что другой поэтъ выбралъ какъ-разъ тоже заглавіе, что и я. Но вы оба, я думаю, очень хорошо помните, что свое стихотвореніе, вмѣстѣ съ другими негодными, я бросилъ въ огонь.

— А если бы оно, паче чаянія, спаслось? спросилъ Пущинъ. — Вѣдь, оно, что̀ ни говори, было очень и очень годно.

— Иконниковъ-то расхвалилъ его.

— Ну, вотъ. Такъ отчего бы ему не украсить страницъ журнала?

Въ полминуты Пушкинъ измѣнился два раза въ лицѣ. Онъ вскочилъ со стула и, схвативъ подъ руку обоихъ друзей, потащилъ ихъ вонъ изъ читальни.

— Послушайте, господа, настоятельно приступилъ онъ къ нимъ, остановясь въ корридорѣ: — говорите ужь на чистоту: это ваши штуки?

— Знать ничего не знаемъ... началъ Дельвигъ.

— Вѣдать не вѣдаемъ, досказалъ Пущинъ. — Стихи — можетъ быть, твои, можетъ быть, и чужіе. Если твои, то читатели тебѣ только спасибо скажутъ; если же чужіе, то тебѣ отъ нихъ ни холодно, ни жарко.

— Но согласитесь, господа, что я не давалъ никому права публиковать мою фамилію...

— А ты какъ бы подписался?

— Да разумѣется, не полнымъ моимъ именемъ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, вмѣсто фамиліи: »Пушкинъ«, однѣ согласныя буквы наоборотъ: »Н. к. ш. п.«

— Но тогда авторомъ могли бы счесть, пожалуй, твоего дядю Василья Львовича.

— Ну, такъ впереди этихъ буквъ я выставилъ бы свое имя: »Александръ«.

— »Александръ Н. к. ш. п.«? Очень хорошо. Такъ и будемъ знать.

— Что? что?

— Ничего! отвѣчалъ Пущинъ.

Такъ Пушкинъ отъ заговорщиковъ ничего и не добился. Но каждую новую книжку »Вѣстника Европы« онъ ждалъ уже теперь съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Въ первомъ іюньскомъ нумерѣ опять-таки ничего не оказалось. Въ слѣдующемъ же хотя и не было посланія его »Къ Другу-Стихотворцу«, зато совершенно неожиданно появилась, за подписью: »Рус-

ской«, новѣйшая ода Дельвига: »На взятіе Парижа«.

— Слышали, слышали, господа? раздавалось по всѣмъ комнатамъ и переходамъ лицейскимъ: — Дельвигъ печатается въ »Вѣстникѣ Европы«! Каковъ тихоня! Не даромъ говорится, что въ тихомъ омутѣ черти водятся.

Одинъ Пушкинъ молча пожалъ руку своему другу и посмотрѣлъ ему вопросительно въ глаза. Но Дельвигъ отвѣтилъ только крѣпкимъ рукопожатіемъ и съ виноватой улыбкой потупился.

Профессоръ русской словесности Кошанскій, по праву, могъ бы также гордиться этимъ первымъ плодомъ выступившей передъ публикой лицейской музы; но его не было уже въ то время въ Царскомъ: онъ занемогъ (какъ сказано выше) тяжелою болѣзнію, которая на полтора года удалила его изъ лицея. Временной же замѣститель Кошанскаго, молодой адъюнктъ-профессоръ педагогическаго института въ Петербургѣ, Александръ Ивановичъ Галичъ, успѣвшій въ короткое время своимъ мягкимъ, открытымъ нравомъ расположить къ себѣ лицейскую молодежь, сердечно поздравилъ Дельвига съ первымъ печатнымъ опытомъ.

— Починъ дороже денегъ, говорилъ онъ: — вы, баронъ, открыли дверь и другимъ товарищамъ вашимъ въ родную литературу. Богъ помочь! А чтобы достойно отпраздновать этотъ починъ,

я прошу васъ и всѣхъ вашихъ друзей-поэтовъ въ мою хижину на хлѣбъ-соль.

— Ваше благородіе, позвольте узнать, допрашивалъ, немного спустя, Пушкина лицейскій оберъ-провіантмейстеръ и старшій дядька, Леонтій Кемерскій: — какое такое празднество нонече у Александра Иваныча?

— У Галича? А ты, Леонтій, почемъ знаешь?

— Да заказали они у меня къ вечеру всякаго десерту: яблоковъ, да мармеладу, да кондитерскаго печенья-съ...

— Нынче именины барона Дельвига, усмѣхнувшись, отвѣчалъ Пушкинъ.

— Ой-ли? Именины-то ихъ, помнится, приходятся на преподобнаго Антонія Римлянина, осенью, за три дня до большаго Спаса?

— Да, то именины церковныя, а нынче стихотворныя: день стихотворнаго его ангела.

— Такъ-съ.

Въ тотъ же день, въ 5 часовъ, вмѣсто вечерняго чая съ полубулкой, Леонтій Кемерскій собственноручно преподнесъ Дельвигу на маленькомъ подносѣ стаканъ шоколаду съ тарелочкой бисквитъ.

— Честь имѣемъ поздравить ваше благородіе съ днемъ стихотворнаго ангела-съ!

Надо ли прибавлять, что добровольное угощеніе это обошлось неожиданному имениннику вдвое дороже заказнаго?

Вечеръ у профессора Галича прошелъ для ли-

цейскихъ стихотворцевъ чрезвычайно оживленно. Первымъ дѣломъ, разумѣется, была прочитана знаменитая отнынѣ ода Дельвига, подавшая поводъ къ торжеству *). Послѣ того Илличевскій долженъ былъ также продекламировать свою оду на ту же тэму, и исполнилъ это съ такимъ умѣньемъ, что скроенная по точному образцу Ломоносова и Державина, напыщенная ода была прослушана всѣми съ видимымъ удовольствіемъ и вызвала дружные аплодисменты.

— Ну, а теперь твоя очередь, Кюхля, сказалъ Пушкинъ.

— Почему же моя? застѣнчиво краснѣя, пробасилъ Кюхельбекеръ, однако, сталъ разстегивать куртку, чтобы опустить руку въ боковой карманъ.

— То-то, взялъ, небось, съ собой. И я знаю даже — что̀.

— Ну, ужь нѣтъ!

— А хочешь, я тебѣ всю пьесу твою наизусть скажу?

---

*) Вотъ наиболѣе удачные стихи этой, вообще довольно слабой въ литературномъ отношеніи, пьесы:

»... Зевсъ вдругъ кинулъ перуны,
Горы въ песокъ превратились,
Рухнули съ трескомъ на землю
И — подавили гигантовъ...
Гдѣ же надменный Сизифъ?
Иль покоряетъ россіянъ?...
Нѣтъ, громъ оружія россовъ
Внемлетъ пространный Парижъ!
И побѣдитель Парижа,
Нѣжный отецъ россіянамъ,
Пепелъ Москвы забывая,
Съ кротостью галламъ прощаетъ —
И какъ дѣтей ихъ пріемлетъ.
Слава герою, который
Всѣ побѣждаетъ народы
Нѣжной любовью — не силой!...«

— Говори!

Пушкинъ приподнялъ плечи и сгорбился, чтобы придать себѣ сутуловатую фигуру Кюхельбекера; послѣ чего, подражая нѣмецкому произношенію послѣдняго, съ неестественнымъ паѳосомъ забасилъ:

»Страхъ при звонѣ мѣди заставляетъ народъ устрашенный
Толпами стремиться въ храмъ священный.
Зри, Боже! число великій унылыхъ тебя просящихъ
Сохранить имъ цѣль трудъ многимъ людямъ принадлежащій...« *)

Всѣ присутствующіе покатывались со смѣху; Кюхельбекеръ, чуть не плача, вскочилъ на ноги, нервно застегнулъ опять разстегнутую пуговицу куртки и завопилъ:

— Это ужь не по-товарищески!... Такой чепухи я никогда не писалъ... Да и теперешніе стихи мои совсѣмъ другіе...

Онъ такъ круто повернулся къ выходу, что наткнулся на стулъ и уронилъ его съ грохотомъ. Пушкинъ насильно усадилъ разобиженнаго на прежнее мѣсто.

— Экой ты, Вильгельмъ Карлычъ, недотрога, право! Настоящій Донъ-Кихотъ Ламанчскій: готовъ сражаться съ баранами да съ вѣтряными мельницами.

— А ты, Пушкинъ, что: баранъ или вѣтря-

*) Такъ буквально приводитъ А. С. Пушкинъ на память, въ письмѣ къ брату своему Льву Сергѣевичу изъ Кишинева, отъ 5-го сентября 1822 года, стихи Кюхельбекера: »*Гроза С—тъ Ламберта*«.

ная мельница? спросилъ съ кислосладкой улыбкой Кюхельбекеръ.

Пушкинъ, какъ и прочіе, засмѣялся.

— Каковъ? Острить тоже! Нѣтъ, не шутя, Кюхельбекеръ, послѣдніе опыты твои не въ примѣръ лучше прежнихъ — публично здѣсь заявляю; ты со дня на день совершенствуешься, и тѣ стишки, что̀ у тебя въ карманѣ, я увѣренъ, первый сортъ. Покажи-ка ихъ.

— Не охота доставать... продолжалъ дуться Кюхельбекеръ.

— Я тебѣ помогу, сказалъ Пушкинъ, живо разстегнулъ ему ту же пуговицу и полѣзъ ужь къ нему рукой за пазуху.

— Отстанешь ли ты?! окрысился опять Кюхельбекеръ и такъ сильно толкнулъ озорника локтемъ въ бокъ, что отбросилъ его на средину комнаты.

— Однако же, костлявъ ты! прямой Донъ-Кихотъ! проворчалъ Пушкинъ, морщась отъ боли и потирая бокъ.

— А у васъ самихъ, Пушкинъ, развѣ ничего не припасено? спросилъ Галичъ, чтобы отвлечь общее вниманіе отъ лицейскаго Донъ-Кихота.

— Нѣтъ... да и стиховъ, я полагаю, на сегодня довольно! Хорошаго понемножку.

Разговоръ перешелъ на другую тэму. Закончился »вечеръ« довольно поздно, и профессоръ-хозяинъ при прощаніи выразилъ увѣренность, что онъ видитъ молодыхъ гостей у себя не въ

послѣдній разъ. Онъ былъ съ ними такъ радушенъ и милъ, что всѣ разошлись по своимъ камерамъ вполнѣ довольными, за исключеніемъ развѣ одного — Кюхельбекера: никто и не вспомнилъ потомъ о хранившемся у него за пазухой стихотворномъ кладѣ! Зато, лежа уже подъ одѣяломъ, онъ, на сонъ грядущій, доставилъ себѣ то духовное наслажденіе, котораго лишилъ пріятелей: вполголоса перечелъ онъ про себя свое произведеніе, послѣ чего съ невольнымъ вздохомъ положилъ его себѣ подъ изголовье. Для чего? Быть можетъ, для того, чтобы перечесть его еще разъ поутру или же въ надеждѣ, что оно навѣетъ ему, непризнанному таланту, утѣшительный сонъ.

Пушкинъ, потушивъ свѣчу, также не сейчасъ заснулъ. Поворочавшись на кровати, онъ, наконецъ, постучался въ стѣну, отдѣлявшую его камеру отъ сосѣдней камеры Пущина. На отвѣтный стукъ друга (кровать котораго стояла около той же стѣны), онъ началъ-было:

— Я хотѣлъ спросить тебя, Пущинъ... Ты догадываешься, конечно, о чемъ?

— Очень можетъ быть, былъ отвѣтъ.

— Такъ скажи же мнѣ откровенно...

— Что?

— Ну, да то, что̀ мнѣ хочется знать.

— Отчего же ты прямо не спросишь?

— Оттого, что... Ты, стало быть, не хочешь сказать? Ну, и не нужно! оборвалъ разговоръ

Пушкинъ, задѣтый за-живое, что другъ его не былъ настолько великодушенъ, чтобы облегчить ему задачу.

— А я вотъ что̀ тебѣ скажу, голубчикъ, мягко и убѣдительно заговорилъ Пущинъ: — много еще въ тебѣ этихъ ребячьихъ капризовъ: подай тебѣ сейчасъ игрушку, а не подашь, такъ ты готовъ человѣка на смерть разобидѣть, въ клочья разорвать. Одно изъ двухъ: либо я знаю, что̀ тебѣ надо знать, либо не знаю. Ежели знаю да молчу, то, значитъ, у меня есть свои причины молчать. Если же не знаю, то на нѣтъ и суда нѣтъ.

— Ну, и знай про себя! и поперхнись этимъ! раздраженно крикнулъ Пушкинъ.

— Ты волнуешься совершенно напрасно, попрежнему миролюбиво продолжалъ Пущинъ. — Тебѣ хочется вывѣдать чужую тайну; но тайна эта не моя только, но и Дельвига; онъ готовитъ тебѣ сюрпризъ...

— Молчи же, молчи! перебилъ опять Пушкинъ. — Я заткнулъ уши и, все равно, ничего не услышу.

Собственно говоря, ему не было уже никакой надобности затыкать уши: слово »сюрпризъ« настолько разоблачило передъ нимъ скрываемую друзьями тайну, что сердце въ груди у него слышно заёкало. Но ему все еще какъ-то не вѣрилось, чтобы они на свой страхъ такъ распорядились его литературной будущностью.

Протекли еще двѣ томительныя недѣли. При-

шла новая книжка »Вѣстника Европы«. Хищнымъ коршуномъ накинулся опять первымъ на нее Пушкинъ. Дрожащими руками отвернулъ онъ обертку книжки, гдѣ на оборотѣ стояло оглавленіе.

Вдругъ кровь, какъ молоткомъ, ударила ему въ голову. Онъ исподлобья быстро оглядѣлся въ читальнѣ: не наблюдаетъ ли кто за нимъ?

Но три-четыре товарища, случившіеся тамъ, были погружены въ чтеніе новыхъ газетъ и журналовъ, а Дельвига и Пущина, на его счастье, не было на лицо. Глубоко переведя духъ и отвернувшись отъ ближайшаго сосѣда настолько, чтобы тотъ не могъ заглянуть къ нему въ книжку, онъ отыскалъ въ ней то, что̀ ему нужно было.

Да, вотъ оно, отъ слова до слова, его драгоцѣнное духовное дѣтище, посланіе »Къ Другу-Стихотворцу«, которое онъ считалъ на вѣки погибшимъ.

Онъ не читалъ — онъ пожиралъ глазами строку за строкой.

Сколько разъ, вѣдь, онъ перечеркивалъ, передѣлывалъ каждый стихъ! А теперь вотъ эти самые стихи нашли мѣсто въ большомъ журналѣ среди статей заправскихъ, всѣми признанныхъ писателей, точно, такъ и быть должно, и смотрятъ на него изъ книги настоящими печатными литерами: ни слова въ нихъ уже не убавишь, не прибавишь... И по всей-то матушкѣ-Руси, въ это самое время, тысячи читателей и читатель-

ницъ перечитываютъ, можетъ быть, эти риѳмованныя строки и, какъ знать? разсуждаютъ про себя: »Каковъ, однако, молодчина! Славно тоже риѳмуетъ! И интересно бы знать: кто этотъ новоявленный риѳмотворъ?«

Риѳмотворъ нашъ теперь только внимательнѣе вглядѣлся въ подпись. Такъ и есть, вѣдь! четкимъ, жирнымъ шрифтомъ напечатано внизу буквально такъ, какъ онъ сказалъ тогда Пущину:

»Александръ Н. к. ш. п.«

— Ахъ, злодѣи, злодѣи!.. пробормоталъ онъ про себя.

— А? что̀ ты говоришь? откликнулся сосѣдъ-лицеистъ, поднимая голову.

— Ничего... я такъ...

Захлопнувъ книгу, Пушкинъ побѣжалъ отыскивать двухъ »злодѣевъ«. Первымъ попался ему Пущинъ, который по насупленнымъ бровямъ и сіяющимъ глазамъ пріятеля тотчасъ смекнулъ, въ чемъ дѣло.

— Ну, что̀, узналъ нашу тайну? спросилъ онъ, самъ свѣтло улыбаясь.

— Узналъ, отвѣчалъ Пушкинъ, нѣсколько обезоруженный его привѣтливостью. — До сихъ поръ я считалъ васъ обоихъ за добрыхъ товарищей, а теперь вижу, что вы — Іуды-предатели...

— Потому что хлопочемъ о твоей славѣ? Впрочемъ, я тутъ почти ни при чемъ. Дельвигъ

спасъ тогда твои стихи отъ сожженія; мнѣ пришла только мысль послать ихъ, вмѣстѣ со стихами Дельвига, въ »Вѣстникъ Европы«.

Въ это время подошелъ къ нимъ и второй »предатель« — Дельвигъ.

— Отъ тебя-то, баронъ, я ужь никакъ не ожидалъ такого коварства, съ оттѣнкомъ упрека еще сказалъ ему Пушкинъ.

— Такъ, стало быть, напечатано? воскликнулъ Дельвигъ. — Ну, отъ души поздравляю тебя, мой милый! Я такъ радъ...

— А я, можетъ быть, вовсе не ра́дъ! Еслибы я только не былъ убѣжденъ въ томъ, что вы не желаете мнѣ зла, то навсегда перессорился бы съ вами. Теперь же, право, не знаю, что̀ дѣлать съ вами...

— А я знаю! съ дружелюбнымъ лукавствомъ отозвался Пущинъ.

— Что же?

— Да расцѣловать насъ обоихъ.

Какъ ни крѣпился Пушкинъ, чтобы не обнаружить своего скрытаго удовольствія, — теперь онъ мгновенно просвѣтлѣлъ, расхохотался и въ точности исполнилъ совѣтъ пріятеля: звонко чмокнулъ по три раза сперва одного, потомъ другаго.

— Но, пожалуйста, господа, дайте мнѣ слово не разсказывать другимъ, попросилъ онъ въ заключеніе.

Они дали слово. Но это ни къ чему не повело.

На другое же утро, вмѣсто стакана чаю, передъ каждымъ лицеистомъ очутилось по чашкѣ кофею и по »столбушкѣ« сухарей.

— Съ днемъ стихотворнаго ангела-съ, ваше благородіе! говорилъ опять Пушкину Леонтій Кемерскій.

— Ай-да, Пушкинъ! спасибо за угощеніе! наперерывъ кричали ему товарищи.

Пушкинъ съ укоромъ взглянулъ на двухъ предателей-друзей; но тѣ съ самымъ невиннымъ видомъ покачали головой: очевидно, ни тотъ, ни другой не знали, кто выдалъ стихотворнаго именинника.

Послѣ кофею Пушкинъ тотчасъ же отыскалъ оберъ-провіантмейстера въ его коморкѣ и потребовалъ у него отчета.

— Не велѣно сказывать вамъ, сударь, уклонился Леонтій и, какъ ни настаивалъ Пушкинъ, не назвалъ-таки новаго предателя.

— А что̀ я тебѣ долженъ за кофей? спросилъ Пушкинъ.

— Ничего-съ: все уже справлено.

— Заплачено? кѣмъ же?

— Не велѣно сказывать.

— Заладилъ свое! Подарковъ я, братецъ, ни отъ тебя и ни отъ кого не принимаю.

— Отчего-жъ, коли отъ добраго сердца? А у Вильгельма Карлыча сердце, можно сказать, золотое...

— А! такъ это Кюхельбекеръ!..

— Типунъ мнѣ на языкъ! спохватился старикъ-дядька. — Ужь сдѣлайте такую Божескую милость, ваше благородіе, не выдавайте меня, старика! Господинъ Кюхельбекеръ во вѣкъ мнѣ сего не проститъ: сердце у него хошь и добрѣющее, да ухъ! какое разгорчивое...

— Ладно, не бойся, успокоилъ его Пушкинъ. и, встрѣтивъ, затѣмъ, Кюхельбекера, пожалъ ему украдкою руку со словами: — спасибо, дружище! ты тоже поэтъ въ душѣ и понимаешь поэта.

Тотъ покраснѣлъ отъ счастія и пробормоталъ:

— Ты слишкомъ добръ, Пушкинъ... Мнѣ далеко до тебя... Но еслибы ты только позволилъ мнѣ иногда давать тебѣ на просмотръ мои стихи...

Пушкина покоробило, но нечего было дѣлать.

— Хорошо; сдѣлай одолженіе, сказалъ онъ.

Таковъ былъ печатный дебютъ великаго нашего поэта. Первая литературная неудача его (описанная въ первомъ нашемъ разсказѣ) была окончательно забыта и искуплена послѣднимъ успѣхомъ. Не только товарищи, но и профессора, въ особенности, профессоръ русской словесности Галичъ, относились къ нему съ этихъ поръ съ бо́льшею внимательностью, а маленькіе пансіонеры даже съ видимымъ уваженіемъ. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что младшій братъ поэта, пансіонеръ Левушка, прилагалъ всевозможныя старанія къ еще бо́льшему прославленію брата между своими сверстниками;

между лицеистами же болѣе всего трубилъ о немъ не Дельвигъ, не Пущинъ, а новый восторженный поклонникъ его Кюхельбекеръ. Самому Пушкину сдавалось, что онъ какъ-будто вдругъ на вершокъ выросъ, и смѣлѣе, веселѣе прежняго сталъ глядѣть теперь всѣмъ и каждому въ глаза.

Одна только мимолетная тучка затмила разъ надъ нимъ ясный небосклонъ. Въ слѣдующемъ письмѣ къ нему отъ отца изъ деревни была такая приписка:

»Братъ Василій Львовичъ неодобрительно пишетъ мнѣ изъ Москвы, что ты напечаталъ какую-то вещицу въ журналѣ Измайлова. Правда ли это? Рано пташка запѣла: какъ бы кошка не съѣла!«

Императрица Марія Өеодоровна.
1759—1828.

Дозв. ценз. Спб., 7 окт. 1887. Тип. Эд. Гоппе, Возн. пр., 53.

Глава IV.

Павловскій праздникъ.

»Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался.
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ
онъ...«

(Лицейская годовщина.)

»Въ царскомъ домѣ пиръ веселый...«

(Пиръ Петра Великаго.)

Одиннадцатаго іюля, надзиратель Чачковъ созвалъ лицеистовъ въ рекреаціонный залъ.

— Только-что, господа, въ здѣшній дворецъ прискакалъ курьеръ отъ нашего возлюбленнаго монарха, объявилъ онъ. — Побѣдоносная армія наша, совершивъ свое великое дѣло, возвращается изъ Парижа; самъ же государь завтра пожалуетъ къ намъ въ Царское и будетъ отдыхать здѣсь отъ перенесенныхъ трудовъ.

Легко представить себѣ, какъ заволновалась при такомъ радостномъ извѣстіи лицейская молодежь, которая, начиная съ войны 1812 года, съ живымъ участіемъ слѣдила по газетамъ за

каждымъ, такъ сказать, шагомъ нашей арміи и императора Александра.

— Одного только не забудьте, господа, продолжалъ надзиратель, замѣтивъ, какое сильное впечатлѣніе произвело его сообщеніе на молодыхъ людей: — государь хочетъ день-другой уединиться здѣсь, подышать на полной свободѣ. Поэтому обѣщаетесь ли вы поумѣрить вашу... какъ бы лучше выразиться? — вашу юношескую удаль и не нарушать его покоя?

— Мы ужь не малыя дѣти, Василій Васильичъ, отвѣчалъ серьёзно за себя и товарищей Суворочка-Вальховскій: — мы очень хорошо понимаемъ, что государю нуженъ также отдыхъ и что съ нашей стороны было бы крайне безтактно соваться къ нему на глаза, хотя всѣ мы и горимъ желаніемъ выказать ему нашу безпредѣльную преданность и любовь.

— Успѣете, господа. Государя встрѣчаютъ теперь вездѣ съ такимъ восторгомъ, съ такими затѣями, что у нашего брата, простаго смертнаго, голова бы кругомъ пошла. Вотъ и въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ нашемъ, въ Павловскѣ, августѣйшая мать его, Марія Ѳеодоровна, готовитъ, говорятъ, небывалый праздникъ.

На вопросъ любопытствующихъ: въ чемъ же именно будетъ заключаться этотъ праздникъ? Чачковъ отозвался незнаніемъ и, выразивъ еще разъ увѣренность, что господа лицеисты не забудутъ своего обѣщанія, удалился.

— Гдѣ же нашъ ходячій листокъ, Францъ Осипычъ? толковали межъ собой лицеисты. — Когда нужно, тогда и нѣтъ его.

Но обвиненіе почтеннаго лицейскаго врача было преждевременно. Не успѣли молодые люди разойтись, какъ на порогѣ показалась полная, сановитая фигура Пёшеля. Лицеисты мигомъ окружили его.

— Гдѣ вы это пропадаете, Францъ Осипычъ? накинулись они на него. — Въ Павловскѣ затѣвается что-то небывалое, а вы и въ усъ себѣ не дуете.

— Я-то въ усъ не дую? переспросилъ Францъ Осиповичъ и съ самодовольной усмѣшкой закрутилъ надъ тщательно-выбритой верхней губой воображаемый усъ.— Вы спросите-ка лучше: откуда я сейчасъ?

— Откуда?

— Оттуда же, изъ Павловска.

— А!

— Б! передразнилъ докторъ. — Въ Розовомъ павильонѣ тамъ устраивается, въ самомъ дѣлѣ, нѣчто грандіозное.

— Въ Розовомъ павильонѣ? Это что такое?

— А простенькій сельскій домикъ, который окрашенъ розовой краской и обсаженъ кругомъ розовыми кустами.

— Да и на панеляхъ, внутри его, нарисованы розы, вмѣшался хриплымъ басомъ Кюхельбекеръ, который дѣтство свое провелъ въ Павловскѣ, гдѣ

покойный отецъ его былъ комендантомъ. — Въ окнахъ же павильона, знаете, эоловы арфы, такъ что когда подходишь къ нему, то еще издали кажется, будто слышишь небесную музыку:

„Глаголъ временъ, металла звонъ...“

— Пошелъ! поѣхалъ! перебили его товарищи. — Ну, и что же, докторъ? Говорите, разсказывайте!

— А вотъ что, съ важностью докладчика началъ докторъ: — черезъ двѣ недѣли павильонъ будетъ неузнаваемъ. Полагается пристроить къ нему еще пару маленькихъ горницъ, наружную галлерею и, наконецъ, большой танцовальный залъ. Работа уже закипѣла. Но и это еще не все. Будетъ двое тріумфальныхъ воротъ, будетъ декорація на заднемъ планѣ, съ изображеніемъ настоящей русской деревни. Тутъ же будетъ разыгранъ въ лицахъ »пастораль«: крестьянъ и крестьянокъ будутъ изображать первые сюжеты императорской оперной и балетной труппы, а коровъ, овецъ да козъ...

— Вторые сюжеты? шутливо досказалъ Пушкинъ.

— Нѣтъ, любезнѣйшій, отвѣчалъ, улыбнувшись, Пешель: — тѣхъ на сей разъ возьмутъ съ царской фермы. Главный режиссеръ всего праздника, придворный балетмейстеръ Дидло, такъ и объявилъ государынѣ: »Дайте мнѣ, ваше величество, вашихъ коровъ, овецъ, козъ; сыръ отъ

этого не будетъ хуже. *) Дайте мнѣ мужиковъ, бабъ, дѣвушекъ, дѣтей, всю святую Русь! Пусть все пляшетъ, играетъ, поетъ и веселится. Ваши гости совсѣмъ сдѣлались парижанами: пусть же они снова почувствуютъ, что они русскіе!« Замѣсто простыхъ мужиковъ да бабъ, впрочемъ, предпочли взять поддѣльныхъ: оперныхъ и балетныхъ.

— Вотъ куда бы попасть! вздохнулъ Пушкинъ.

— Я-то попаду! похвастался графъ Брогліо.

— Это какимъ путемъ?

— Да ужь попаду!

До поздняго вечера у лицеистовъ только и было разговоровъ, что о государынѣ и предстоящемъ праздникѣ въ Розовомъ павильонѣ. Удалившись въ свою камеру и улегшись въ постель, Пушкинъ опять не утерпѣлъ, чтобы черезъ стѣнку не обмѣняться занимавшими его мыслями съ сосѣдомъ и другомъ своимъ Пущинымъ.

— Какъ ты думаешь, Пущинъ, спросилъ онъ: — какимъ образомъ Брогліо надѣется попасть въ Павловскъ?

— Вѣроятно, черезъ своего посланника: тотъ, можетъ быть, дѣйствительно, выхлопочетъ ему разрѣшеніе у министра, а нѣтъ, такъ Брогліо станетъ и на то, чтобы улизнуть туда тайкомъ.

— А отчего бы и намъ съ тобой не попробовать того же?

*) На императорской фермѣ приготовлялся въ то время швейцарскій сыръ, который отправляли даже на продажу въ Петербургъ.

— Ну, нѣтъ, другъ мой, возразилъ болѣе благоразумный Пущинъ: — удрать не большая мудрость, но вернуться назадъ незамѣченнымъ — куда мудрено. А замѣтятъ, такъ донесутъ министру, и тотъ по головкѣ не погладитъ.

— Но упустить такой единственный случай, согласись, ужасно обидно!

— Обидно — правда. Но мало ли чего кому хочется? По моему, коли ужь на то пошло, то лучше дѣйствовать честно и открыто: черезъ Чачкова просить самого министра.

— Хорошо, если выгоритъ.

— А не выгоритъ — такъ, значитъ, не судьба. Завтра же попытаемъ счастья.

Сказано — сдѣлано. На слѣдующее утро, подговоренные двумя друзьями, лицеисты гурьбой повалили къ надзирателю — просить заступничества передъ графомъ Разумовскимъ.

— Право, затрудняюсь, господа, съ обычною мягкостью началъ было отговариваться Чачковъ. — Вѣдь, это одно изъ тѣхъ рѣдкихъ торжествъ, гдѣ много званыхъ, да мало избранныхъ...

— Такъ мы удеремъ безъ спросу! вырвалось сгоряча у Пушкина.

— Что вы! что вы! перекреститесь! не на шутку переполошился надзиратель и замахалъ руками. — Да за такое ваше любопытство...

— Это не простое любопытство, Василій Васильичъ, съ горделивою скромностью прервалъ его тутъ князь Горчаковъ: — это патріотизмъ,

очень понятное желаніе каждаго сына отечества своими глазами видѣть торжество нашего спасителя — государя. Едва ли насъ за это казнятъ, не помилуютъ.

— Браво! браво, Горчаковъ! загалдѣлъ кругомъ хоръ товарищей. — Нѣтъ, Василій Васильичъ, лучше ужь напрямикъ доложите министру, что мы такіе, молъ, патріоты...

— Что удерете даже безъ начальства? Я сдѣлаю, господа, все, что отъ меня зависитъ...

— Ей-Богу?

— Да, да...

Что Чачковъ сдѣлалъ все возможное — лицеисты убѣдились вскорѣ: за нѣсколько дней до праздника, дѣйствительно, было получено изъ Петербурга официальное разрѣшеніе всѣмъ имъ присутствовать на торжествѣ.

Между тѣмъ, 12 іюля, въ Царское Село, какъ предупредилъ ихъ надзиратель, прибылъ уже изъ заграничнаго похода императоръ Александръ. По особо-выраженному имъ желанію, прибытіе его не сопровождалось никакимъ наружнымъ блескомъ: все осталось какъ бы въ будничной колеѣ, и только императорскій флагъ, развивавшійся надъ кровлей дворца, свидѣтельствовалъ о присутствіи Высокаго хозяина.

Лицеисты, вѣрные обѣщанію, которое взялъ съ нихъ Чачковъ, избѣгали попадаться на глаза государю. Но вовсе его не увидѣть — было для нихъ немыслимо. И вотъ, изъ-за густой чащи

деревъ они тихомолкомъ наблюдали за нимъ, когда онъ, въ глубокой задумчивости, прохаживался иногда по уединеннымъ аллеямъ парка. А Дельвигъ, въ поэтической своей разсѣянности, забрелъ однажды слишкомъ даже далеко и очутился лицомъ къ лицу съ императоромъ. Онъ до того оторопѣлъ, что остановился, какъ вкопанный, и тогда лишь догадался сорвать съ головы фуражку, когда Александръ Павловичъ обратился къ нему съ милостивымъ вопросомъ. Разсказывая потомъ товарищамъ объ этой встрѣчѣ, хладнокровный по природѣ Дельвигъ все еще не могъ успокоиться и не умѣлъ передать въ точности своего разговора съ государемъ.

— Знаю одно: что онъ былъ со мною такъ ласковъ, говорилъ онъ, — что, право, теперь я за него пойду хоть въ огонь и въ воду!

Графъ Брогліо, между тѣмъ, успѣлъ уже завязать знакомство съ молодымъ свитскимъ офицеромъ, прибывшимъ вмѣстѣ съ государемъ. Отъ него лицеисты узнали нѣсколько интересныхъ подробностей о пребываніи русскихъ въ Парижѣ. Особенное впечатлѣніе произвелъ на нихъ разсказъ о томъ, какъ праздновалось тамъ Свѣтлое Христово Воскресенье. Послѣ большаго парада, войска наши заняли площадь Людовика XVI или Согласія. На высокомъ амвонѣ было совершено здѣсь православнымъ духовенствомъ торжественное благодарственное молебствіе за низ-

ложеніе Наполеона и за воцареніе вновь Бурбоновъ. Французы, наравнѣ съ русскими, преклонили колѣна, плакали и молились за освободителя всей Европы — императора Александра. По русскому обычаю, государь, предъ лицомъ всего народа, похристосовался и съ французскими маршалами, при громѣ пушекъ, сдѣлавшихъ 101 выстрѣлъ. Запрудившая всю громадную площадь стотысячная толпа, какъ одинъ человѣкъ, восторженно кричала: »Да здравствуетъ Александръ I! Да здравствуетъ Людовикъ XVIII!«

Въ своемъ Царскомъ Селѣ Александръ Павловичъ на этотъ разъ пробылъ не долѣе сутокъ. Въ Петербургѣ, какъ слышали потомъ лицеисты, онъ точно также отмѣнилъ приготовленную для него торжественную встрѣчу. Когда же ему, отъ имени синода, сената и государственнаго совѣта, былъ поднесенъ вѣрноподданническій адресъ, то скромный въ своемъ величіи монархъ наотрѣзъ отказался принять предложенное ему наименованіе »Благословеннаго«. Зато, когда онъ, 14 іюля, подъѣхалъ къ Казанскому собору, чтобы присутствовать на молебнѣ, народъ бросился къ его коляскѣ и огласилъ воздухъ такими единодушными криками восторга, что ему нельзя было сомнѣваться въ безграничной благодарности народной.

Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали лицеисты 26-е іюля — день, назначенный для Павловскаго празднества — не трудно себѣ представить. На-

конецъ, забрезжило желанное утро. Но, Боже мой! чтожъ это такое? Словно теперь и силы небесныя сговорились противъ нихъ. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, а небо было застлано такой сплошной сѣрой пеленой, что на перемѣну погоды не было никакой надежды. Хотя къ полудню ливень поутихъ, но въ серединѣ обѣда зарядилъ снова, такъ что у лицеистовъ даже апетитъ отбило.

— Неужели же праздника не отмѣнятъ? жаловались они.

— Да, въ этакое ненастье, извините, я васъ никакъ не могу пустить, господа, объявилъ Чачковъ: — до ниточки промокнете.

Но докторъ Пешель явился опять добрымъ вѣстникомъ: что праздникъ, по распоряженію императрицы Маріи Ѳеодоровны, отложенъ до слѣдующаго дня.

— Слава Тебѣ, Господи! вздохнули съ облегченнымъ сердцемъ лицеисты. — Только бы завтра не было дождя.

Опасенія ихъ, однако, не оправдались. Хотя съ утра небо было еще туманно, но барометръ значительно поднялся, и съ половины дня погода совсѣмъ разгулялась. Барометръ душевнаго настроенія лицеистовъ показывалъ также самую ясную погоду. Ровно въ пять часовъ, напившись чаю съ полубулкой, они въ парадной формѣ: мундирахъ, треуголкахъ и ботфортахъ, перешучиваясь, пересмѣиваясь, выстроились въ ряды,

чтобы, подъ наблюденіемъ надзирателя Чачкова, гувернера Чирикова и старшаго дядьки Кемерскаго, тронуться въ путь. Но передъ самымъ выходомъ встрѣтилась задержка. Вбѣжавшій впопыхахъ сторожъ вполголоса отрапортовалъ надзирателю, что »супругѣ его высокоблагородія съ ягодой однѣмъ никакъ не управиться.«

Чачковъ заметался и схватился за голову.

— Ахъ, Матерь Пресвятая Богородица! Не разорваться же мнѣ... Скажи, что я не могу, что долгъ службы прежде всего...

— Не смѣю, ваше высокоблагородіе, отозвался сторожъ: — барыня и такъ ужъ больно гнѣваться изволятъ, такого мнѣ феферу зададутъ...

Надзиратель въ отчаяніи оглядѣлся кругомъ: не выручитъ ли его добрый ангелъ изъ бѣды? Такой нашелся въ лицѣ молодаго профессора Галича, очереднаго дежурнаго директора, который въ это время стоялъ тутъ же и бесѣдовалъ съ лицеистами.

— Не могу ли я чѣмъ-нибудь пособить вамъ, Василій Васильичъ? спросилъ онъ, подходя къ растерявшемуся надзирателю.

— И то, батюшка Александръ Иванычъ! будьте благодѣтелемъ! обрадовался Чачковъ и, взявъ подъ руку профессора, отвелъ его къ окошку. — У меня въ домѣ, знаете, нынче какъ-разъ варенье варится...

— Ну, ужь по этой части я круглый невѣжда, сказалъ съ усмѣшкой Галичъ.

— Да нѣтъ-съ, не въ томъ дѣло-съ. Супругѣ-то моей одной, безъ меня, никакъ не управиться: почистить, знаете, ягодку, ложкой помѣшать варево въ тазу потихонечку да полегонечку, знаете, чтобы не подгорѣло...

Графъ Брогліо, подслушавшій ихъ разговоръ, счелъ нужнымъ вставить свое острое слово:

— Мы бы вамъ, Василій Васильичъ, потихонечку да полегонечку, все очистили, и варить бы не надо было.

— Эхъ, графъ! вы все съ вашими шуточками! сказалъ Чачковъ. — Вотъ кабы вы, добрѣйшій Александръ Иванычъ, заступили меня при господахъ лицеистахъ...

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Галичъ и, наскоро переодѣвшись, сталъ съ Чириковымъ во главѣ препорученнаго ему отряда молодежи.

Впродолженіи всего пути въ Павловскъ, разговоръ лицеистовъ вращался исключительно около цѣли ихъ прогулки. Кюхельбекеръ, который побывалъ уже въ Розовомъ павильонѣ, долженъ былъ описать теперь внутренность павильона.

— Есть тамъ клавесинъ, разсказывалъ онъ, — есть небольшая библіотека. На столѣ разложены послѣдніе газеты и журналы, а на особомъ столикѣ, въ углу — альбомы, куда каждый гость можетъ вписать, что̀ ему угодно. Все тамъ такъ просто, но и такъ мило, такъ вкусно... т. е. я хотѣлъ сказать: во всемъ такой вкусъ...

— Что ты съѣлъ бы и клавесинъ, и альбомы?

подхватилъ насмѣшливо графъ Брогліо. — Нѣтъ, братъ Кюхля, тамъ есть, вѣроятно, еще и повкуснѣе вещи. Я слышалъ, по крайней мѣрѣ, продолжалъ онъ, облизывая свои пухлыя, красныя губы, — что у Маріи Ѳеодоровны весь ея штатъ придворный какъ сыръ въ маслѣ катается. Въ каждомъ павильончикѣ у нея, говорятъ, какъ въ каждомъ сельскомъ домикѣ, можно требовать себѣ свѣжихъ сливокъ, масла, сыру. Не проходитъ почти дня, чтобы не устраивались у нея увеселительныя прогулки на линейкахъ: то на ферму, то въ Славянку, и впередъ высылаются всегда цѣлыя фуры съ отборной провизіей. По воскреснымъ же днямъ, во дворцѣ обязательно званый обѣдъ, а послѣ обѣда, на площадкѣ передъ дворцомъ музыка, гулянье; ну, и, разумѣется, масса всякаго сброду, особенно, мужичья, бабья; всѣ они тутъ, какъ у себя дома, орутъ хоромъ пѣсни, бѣгаютъ въ горѣлки...

— Слушая васъ, любезный графъ, иной, пожалуй, заключилъ бы, что у государыни только и заботы, чтобы веселить народъ и своихъ придворныхъ, серьёзно замѣтилъ профессоръ Галичъ и разсказалъ, въ свою очередь, въ подробности, какъ именно распредѣленъ день у вдовствующей императрицы: какъ она, вставая акуратно въ 6 часовъ утра, садится сейчасъ за текущія дѣла, читаетъ просьбы, письма и донесенія отъ всѣхъ женскихъ институтовъ, отъ воспитательнаго дома и другихъ благотворительныхъ заведеній;

какъ потомъ, въ обществѣ великой княжны Анны Павловны, отправляется, смотря по погодѣ, пѣшкомъ или въ экипажѣ, гулять не гулять, а убѣдиться своими глазами, всѣ ли на своихъ мѣстахъ и у дѣла; какъ, возвратясь домой, тутъ же передъ дворцомъ принимаетъ просителей и для каждаго найдетъ слово утѣшенія, ободренія; какъ послѣ обѣда, передъ которымъ она снова занимается дѣломъ, у нея собирается избранный кружокъ, и какъ тотъ или другой искусный чтецъ-литераторъ: Дмитріевъ или Нелединскій-Мелецкій, прочитываютъ какого-нибудь классика, а въ это время сама Марія Өеодоровна, со своими камеръ-фрейлинами, слушая ихъ, щиплетъ корпію для русскихъ раненыхъ.

Въ такихъ разговорахъ наша молодежь незамѣтно достигла Павловскаго парка. Здѣсь было уже не до связной бесѣды; чѣмъ ближе подходили они къ Розовому павильону, тѣмъ чаще приходилось имъ обгонять группы горожанъ и крестьянъ, шумно и весело спѣшившихъ къ той же цѣли. Возбужденіе, въ которомъ находились всѣ эти празднично-разряженные люди, дѣйствовало заразительно и на лицеистовъ. Все ускоряя шагъ, они почти-что бѣжали.

— Вонъ, и тріумфальныя ворота! крикнулъ одинъ изъ передовыхъ.

Въ концѣ песчаной дорожки, извивавшейся между деревьями, высились увитыя зеленью во-

рота, съ какою-то замысловатою надписью изъ живыхъ цвѣтовъ.

— Кто первый прочтетъ? предложилъ Пушкинъ и, перегнавъ товарищей, пустился со всѣхъ ногъ къ воротамъ.

Нѣкоторые бросились вслѣдъ за нимъ. Но онъ уже подбѣжалъ на 10 шаговъ къ воротамъ и, оборотясь, крикнулъ:

»Тебя, грядущаго къ намъ съ бою,
Врата побѣды не вмѣстятъ.«

— Нельзя ли потише, молодой человѣкъ? раздался около него внушительный старческій голосъ.

Теперь только Пушкинъ замѣтилъ невысокаго, толстенькаго, исполненнаго чувства собственнаго достоинства старичка-сановника, въ треуголкѣ съ плюмажемъ, въ раззолоченномъ сенаторскомъ мундирѣ, съ двумя звѣздами на груди и съ голубой лентой черезъ плечо. То былъ, очевидно, одинъ изъ главныхъ распорядителей празднества. Около него, въ однообразныхъ долгополыхъ кафтанахъ, скучились пѣвчіе придворной капеллы. Приставленные къ воротамъ двое полицейскихъ старались, довольно, впрочемъ, безуспѣшно, оттѣснить на окружающій лугъ напиравшую отовсюду пеструю толпу зѣвакъ.

— Это — Нелединскій... шепнулъ Пушкину подоспѣвшій въ это время Галичъ, и, затѣмъ, съ легкимъ поклономъ обратился къ самому сановнику-поэту:

— Не взыщите съ нихъ, молодо — зелено. Позвольте узнать: кому принадлежатъ эти два стиха на воротахъ?

Нелединскій-Мелецкій, не поворачивая головы, чуть-чуть прищуренными глазами снисходительно покосился на вопрошающаго.

— Новѣйшей поэтессѣ нашей, г-жѣ Буниной, произнесъ онъ съ оттѣнкомъ пренебреженія, но неизвѣстно, къ кому именно: къ поэтессѣ или къ вопрошающему.

— А сами ваше высокопревосходительство, безъ сомнѣнія, тоже изволили сочинить кое-что для настоящаго торжества? почтительно спросилъ его тутъ, выступая впередъ, Чириковъ.

— Кое-что — да, болѣе привѣтливо отвѣчалъ польщенный вопросомъ Нелединскій: — кантату, что̀ будетъ пѣться при сихъ самыхъ вратахъ.

— И музыка вашей же композиціи? осмѣлюсь спросить.

— Нѣтъ, Бортнянскаго. Каждый истинный служитель Аполлона и Мельпомены потщился принести свою лепту на алтарь отчизны: текстъ— Державина, Батюшкова, князя Вяземскаго и вашего покорнаго слуги; музыка — Бортнянскаго, Кавоса, Антонолини.

— Ѣдутъ! ѣдутъ! раздались тутъ крики, и море людей кругомъ бурно заколыхалось. Лицеисты, какъ ни упирались, были смыты съ мѣста живой волной и отброшены на ближайшую полянку. Отсюда, изъ-за головъ сосѣдей, они

вытягивали шеи, чтобы хоть что-нибуть да увидѣть.

Сперва на линейкахъ и въ открытыхъ колaскахъ прибывали только разные придворные чины. Разноцвѣтные плюмажи и ленты такъ и пестрѣли; золотые и серебряные воротники, эполеты и аксельбанты такъ и сверкали въ косыхъ лучахъ вечерняго солнца.

Но вотъ изъ-за купы деревъ донеслось отдаленное „ура!“ — и восторженный крикъ громогласно перекатился по всей многотысячной толпѣ и былъ подхваченъ лицеистами: въ сопровожденіи великихъ князей, окруженный блестящей свитой, показался самъ императоръ Александръ Павловичъ. Раскланиваясь по сторонамъ, едва только онъ приблизился къ первымъ тріумфальнымъ воротамъ, какъ, по знаку Нелединскаго, хоръ пѣвчихъ грянулъ привѣтственную кантату.

Разнообразные фазисы празднества такъ непрерывно и быстро смѣнялись теперь одинъ другимъ, что лицеисты, такъ сказать, очувствоваться не могли.

У самаго Розоваго павильона стояли вторыя ворота, увѣшанныя лавровыми вѣнками. Здѣсь были пропѣты новые куплеты. По обѣ стороны павильона, на лужайкахъ, были возведены кулисы изъ живой зелени, а на заднемъ фонѣ виднѣлись: справа — высоты Монмартра съ вѣтряными мельницами, слѣва — барская усадьба и рядъ крестьянскихъ избъ.

Изъ-за сплошной толпы народа и придворныхъ, окружавшихъ царскую фамилію, лицеисты не имѣли возможности послѣдовательно наблюдать за ходомъ всего представленія, за пѣніемъ и танцами подъ открытымъ небомъ. Тѣмъ не менѣе, общее содержаніе пьесы отъ нихъ не ускользнуло. Спектакль состоялъ изъ 4-хъ картинъ. Въ первой дѣйствующими лицами были дѣти, во второй — юноши и дѣвушки, въ третьей — жены воиновъ, а въ четвертой — ихъ родители. Всѣ они, въ той или другой формѣ, выражали свою радость по случаю возвращенія близкихъ ихъ сердцу людей съ поля сраженія, возсылали молитвы къ Богу за благоденствіе спасителя родины и всей Европы и осыпали путь его цвѣтами. Въ заключеніе, первый теноръ петербургской оперы, знаменитый Самойловъ, пропѣлъ кантату, нарочно по этому случаю сочиненную Державинымъ:

»Ты возвратился, благодатный,
Нашъ кроткій ангелъ, лучъ сердецъ...«

Своимъ чуднымъ, бархатнымъ голосомъ онъ пѣлъ съ такою задушевностью, что и самъ государь, и свита, и весь народъ были видимо растроганы. Пушкинъ вынужденъ былъ даже достать изъ кармана платокъ и сталъ усиленно сморкаться.

— У тебя, Пушкинъ, насморкъ? не утерпѣлъ, чтобы не подразнить его стоявшій рядомъ съ нимъ Брогліо.

Пушкинъ окинулъ его молніеноснымъ взглядомъ.

— Ты, Брогліо, иностранецъ, и насъ, русскихъ, понять не можешь! съ гордостью произнесъ онъ и повернулся къ нему спиной.

Кстати упомянемъ здѣсь, что кантата Державина имѣла потомъ самый обширный успѣхъ, потому что долгое время еще пѣлась по всей Россіи. Воспѣваемый въ ней »кроткій ангелъ«, императоръ Александръ былъ тогда у всѣхъ и каждаго на душѣ и на устахъ: не было почти русскаго дома, гдѣ бы портретъ или бюстъ государя не былъ увитъ цвѣтами, гдѣ бы первая молитва, первый тостъ не посвящались ему.

Между тѣмъ, понемногу смерклось, и Розовый павильонъ, куда вошли государь и придворные, засвѣтился огнями. Лицеисты, благодаря покровительству Нелединскаго-Мелецкаго, успѣли протѣсниться сквозь толпу на вновь-возведенную вокругъ павильона галерею. Вечеръ былъ теплый, и окна въ танцовальномъ залѣ раскрыты настежъ, почему зрители могли прекрасно видѣть весь огромный залъ. По всему потолку его лучеобразно были развѣшаны гирлянды зелени и розъ. Пять большихъ деревянныхъ раззолоченныхъ люстръ были изящно увиты такими же гирляндами, а на самыхъ люстрахъ, по всему карнизу и надъ дверьми горѣли безсчетные огни. Въ углубленіи зала, за трельяжемъ съ зеленью, былъ скрытъ струнный оркестръ. При появленіи двора, онъ заигралъ полонезъ.

Государь, объ руку съ императрицей-матерью, открылъ балъ. Нѣсколько разъ проходили они мимо окна, у котораго стоялъ Пушкинъ, такъ что онъ могъ разглядѣть вблизи не только знакомыя уже ему черты ихъ, но и нарядъ обоихъ: императоръ былъ въ красномъ кавалергардскомъ мундирѣ; императрица была въ шелковомъ моаръ платьѣ, съ буфчиками, съ короткой тальей и открытыми плечами; у лѣваго плеча ея, на черномъ бантѣ былъ приколотъ бѣлый мальтійскій крестъ; на шеѣ сверкало алмазное ожерелье; на головѣ былъ надѣтъ токъ съ бѣлымъ страусовымъ перомъ; на рукахъ, до самыхъ локтей, палевыя лайковыя перчатки; въ одной рукѣ она держала кружевной платокъ и лорнетъ, въ другой — вѣеръ. Но стоило только Пушкину взглянуть ей въ лицо, какъ онъ забывалъ уже объ ея нарядѣ: такое безпредѣльное счастье, такая материнская гордость сіяли въ этихъ близорукихъ, но выразительныхъ глазахъ, въ каждой чертѣ этого не молодаго, но необычайно симпатичнаго, благороднаго лица!

За полонезомъ раздались плѣнительные звуки вальса — и пары закружились по залѣ, изящно свиваясь и развиваясь такими же цвѣтущими гирляндами, какія свѣсились на нихъ сверху, съ потолка и люстръ. Въ воздушныхъ бальныхъ платьяхъ, въ золотѣ и самоцвѣтныхъ каменьяхъ, разрумянившись отъ волненія и танцевъ, чуть ли не каждая изъ танцующихъ молодыхъ дамъ и

дѣвицъ казалась красавицей. Но одна между всѣми, одѣтая довольно скромно, особенно выдѣлялась своей классической красотой, своей неподражаемой граціей.

— Это Марья Антоновна Нарышкина, назвалъ ее одинъ изъ зрителей, и имя сказочной красавицы мигомъ облетѣло всю галерею.

Вдругъ около входныхъ дверей послышался жалобный дѣтскій пискъ.

— Что тутъ случилось? съ заботливостью матери спросила императрица Марія Ѳеодоровна, направляясь къ дверямъ. — Не придавили ли ребенка?

Чрезъ разступившуюся передъ нею толпу она ввела въ залъ нѣсколько дѣтей и поставила ихъ тутъ же въ первомъ ряду, а когда въ паузахъ между танцами ливрейные камер-лакеи стали разносить гостямъ фрукты и конфекты, государыня-хозяйка вспомнила о своихъ маленькихъ гостяхъ и изъ собственныхъ рукъ щедро одѣлила ихъ разными сластями; потомъ, взявъ съ угловаго столика хрустальную вазу съ конфектами, обошла еще зрителей у оконъ.

— Безъ церемоніи, мой милый! Берите хоть эту, любезно сказала она по-французски Пушкину, когда очередь дошла до него. Обворожительно-ласковая улыбка государыни отразилась и на вспыхнувшемъ лицѣ юноши. Онъ низко поклонился и поспѣшилъ взять указанную ему нарядную конфетку.

„Оставлю себѣ на память!“ обѣщалъ онъ самъ себѣ.

Императрица прошла далѣе. Тутъ позади Пушкина раздался плаксивый голосокъ:

— А мнѣ-то, мама, ничего не досталось!

Держа за руку бѣдно-одѣтую даму, стоялъ здѣсь пятилѣтній мальчуганъ и кулачкомъ растиралъ себѣ глаза.

Въ свѣтломъ настроеніи своемъ, Пушкинъ не могъ видѣть равнодушно этихъ дѣтскихъ слезъ.

— Не плачь, на̀! сказалъ онъ мальчику и сунулъ ему свою драгоцѣнную конфетку.

Когда на дворѣ совершенно стемнѣло, оглушительный, какъ бы пушечный выстрѣлъ заставилъ всѣхъ вздрогнуть. То былъ сигнальный буракъ, предвѣстникъ фейерверка. Танцы въ залѣ разомъ прекратились. Всѣ, сломя голову, повалили изъ павильона на галерею, а оттуда разсыпались по широкому лугу позади павильона — изъ яркаго свѣта въ полную тьму! Толкотня и давка, визгъ и смѣхъ!

Чрезъ минуту — новый громовой взрывъ. Къ темному ночному небу, съ змѣинымъ шипѣньемъ, стремительно взвивается огненный змѣй. Утративъ понемногу первоначальную скорость, онъ описываетъ въ вышинѣ крутую дугу и — тррахъ! гулко лопается, разсыпаясь надъ головами внизу стоящихъ пунцово-красными брызгами.

— А-а-а! будто эхомъ проносится по всему лугу.

За первой ракетой слѣдуетъ вторая, за второй — третья. Не разлетѣлись еще, не потухли послѣднія ихъ искры, какъ раздается сухой, рѣзкій трескъ, и, непосредственно передъ зрителями, въ тоже мгновеніе вспыхиваетъ громадное огненное колесо. Съ шумомъ водопада разбрасывая кругомъ дождь разноцвѣтныхъ огней, оно вращается около своей оси съ изумительной быстротой. Но вотъ оно истощило уже своей жаръ и также почти быстро угасаетъ. Однако, оно достигло своей цѣли: дружные рукоплесканія и возгласы выражаютъ всеобщее одобреніе.

Римскія свѣчи и индійскій дождь, жаворонки и швермеры смѣняются огненными солнцами, мельницами и вензелемъ государя въ »золотомъ храмѣ«. Но вотъ, видно, и конецъ: въ разныхъ мѣстахъ луга одновременно загораются бенгальскіе огни, красные, лиловые и зеленые, отъ которыхъ и окружающая зелень, и павильонъ озаряются какимъ-то, по истинѣ, волшебнымъ свѣтомъ.

— Какъ есть, арабская сказка, сказалъ профессоръ Галичъ, когда ему, при помощи гувернера и дядьки, удалось собрать разбредшееся по лугу лицейское стадо.—Вотъ бы вамъ, Пушкинъ, сочинить теперь нѣчто подходящее! Отъ полноты души уста глаголятъ.

— А отъ пустоты желудка безмолвствуютъ, отозвался Пушкинъ. — Одна конфеточка была, да и та сплыла!

Оказалось, что Пушкинъ былъ еще счастливѣе другихъ: большинство товарищей его убралось спозаранку съ галереи, чтобы не прозѣвать фейерверка — и прозѣвало угощенье.

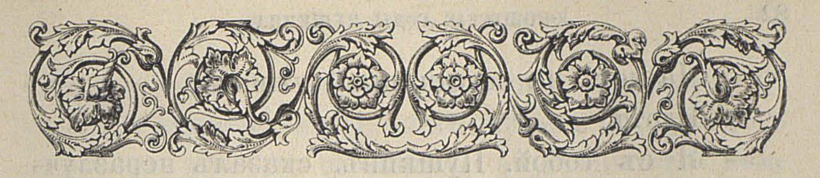
— Ну, да вѣдь, это же сказка, замѣтилъ Пушкинъ, — такъ чего мудренаго, что все по усамъ потекло, ничего въ ротъ не попало.

— Дома, впрочемъ, я сказалъ, на всякій случай, эконому, чтобы онъ оставилъ для васъ, господа, какое-нибудь блюдо, успокоилъ молодыхъ людей Чириковъ.

— А у меня, ваша милость, коли понадобится, найдется не второе, такъ третье! лукаво подмигивая, добавилъ оберъ-провіантмейстеръ Леонтій.

Такая перспектива настолько улыбнулась проголодавшимся лицеистамъ, что обратный путь въ Царское они, несмотря на усталость, совершили не менѣе быстро, какъ и въ Павловскъ.

Глава V.

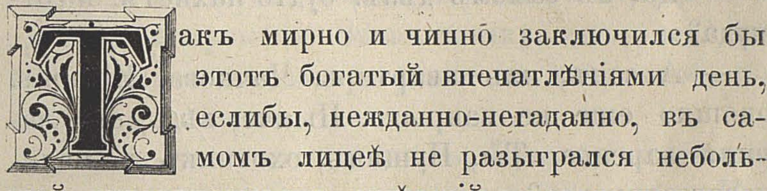
Дивертисементъ.

›Караулъ! Лови, лови,
Да дави его, дави...
Вотъ ужò! пожди немножко,
Погоди!...—А шмель въ окошко.«

(Сказка о царѣ Салтанѣ).

›Хлопецъ, видно, промахнулся:
Прямо въ лобъ ему попалъ.‹

(Воевода).

Такъ мирно и чинно заключился бы этотъ богатый впечатлѣніями день, еслибы, нежданно-негаданно, въ самомъ лицеѣ не разыгрался небольшой дивертисементъ, имѣвшій довольно крупныя послѣдствія.

При приближеніи къ лицею, у Пушкина завязался споръ съ графомъ Брогліо. Первый изъ нихъ утверждалъ, что попасть въ столовую можно одинаково скоро какъ съ параднаго крыльца, такъ и со двора. Второй отрицалъ эту возможность.

— Давай, побьемся объ закладъ! предложилъ онъ въ заключеніе.

— На что? спросилъ Пушкинъ.

— Да хоть на сегодняшній ужинъ.

— Идетъ!

— Я съ тобой, Пушкинъ, сказалъ неразлучный съ нимъ во всѣхъ такихъ затѣяхъ, другъ его Пущинъ.

Въ то самое время, когда Брогліо съ начальниками и прочими товарищами входили съ улицы въ парадную дверь, открытую имъ швейцаромъ, два друга наши шмыгнули въ калитку на дворъ лицейскій.

— О чемъ ты думаешь, Пушкинъ? спросилъ Пущинъ, когда пріятель его вдругъ остановился посреди двора и потянулъ носомъ воздухъ.

— Да ты развѣ не слышишь запаха малины?

— Да, въ самомъ дѣлѣ, будто пахнетъ; но откуда?

— А вонъ, изъ квартиры Чачкова. Видишь, окошко еще не закрыто. Нынче, вѣдь, они варили варенье. Ты, Пущинъ, охотникъ до малиноваго варенья?

— А какъ же.

— Такъ вотъ, подожди меня тутъ.

— Куда же ты? Вѣдь, проиграешь Брогліо ужинъ.

— Пускай ѣстъ себѣ на здоровье! Варенья ему, ужь вѣрно, не подадутъ.

Болѣе разсудительный Пущинъ хотѣлъ было задержать вѣтренаго друга; но тотъ былъ уже у завѣтнаго окна.

Квартира надзирателя помѣщалась въ нижнемъ

этажѣ, такъ что туда было легко заглянуть со двора; а недавно выплывшій изъ-за парка серпъ молодаго мѣсяца освѣщалъ внутренность комнаты съ открытымъ окномъ ровно настолько, что Пушкинъ однимъ взглядомъ убѣдился въ отсутствіи тамъ живой души. Гимнастическія игры на Розовомъ полѣ не пропали для него даромъ. Съ ловкостью гимнаста онъ однимъ прыжкомъ очутился на высокомъ подоконникѣ, а другимъ — уже въ комнатѣ.

Воздухъ тамъ былъ пропитанъ ароматомъ малиноваго и еще какого-то другаго варенья. На столѣ красовалась цѣлая батарея заманчивыхъ банокъ, и въ одну изъ нихъ, какъ нарочно, была опущена десертная ложка. Пушкинъ не устоялъ противъ искушенія. Взявъ ложку, онъ, не спѣша, сталъ смаковать варенье то изъ одной, то изъ другой банки.

— Что ты тамъ дѣлаешь, Пушкинъ? послышался изъ-за окошка нетерпѣливый голосъ Пущина.

— Да выборъ, братецъ, очень ужъ труденъ, отвѣчалъ онъ: — ты какое варенье предпочитаешь: малиновое, вишневое или изъ черной смородины?

— Все равно, братъ... Смотри, еще поймаютъ тебя съ поличнымъ.

— Не таковскій, не дамся! Намъ, какъ ты думаешь, одной банки довольно будетъ?

— Ну, да, конечно.

— Такъ на̀ вотъ вишневое: вкусъ, знаешь, тоньше. Какъ, однако, прилипается! прибавилъ онъ, обсасывая кончики пальцевъ.

Въ это время, за спиной его распахнулась дверь, и въ комнату проникъ легкій свѣтъ изъ коридора, что̀ былъ рядомъ. Въ тотъ же мигъ раздался отчаянный женскій вопль:

— Разбойники! воры!

Одного брошеннаго назадъ взгляда было достаточно Пушкину, чтобы успокоиться на счетъ собственной безопасности. Стоявшая на порогѣ, съ засучеными до локтей рукавами дородная барыня такъ четко выдѣлялась темнымъ силуэтомъ на свѣтломъ фонѣ освѣщеннаго коридора, что онъ тотчасъ призналъ въ ней домовитую хозяйку, госпожу Чачкову. Самого же его, Пушкина, она, за полумракомъ въ комнатѣ, едва ли могла распознать, тѣмъ болѣе, что за короткое время пребыванія своего съ мужемъ въ лицеѣ, она не успѣла узнать поименно всѣхъ лицеистовъ.

Не давъ ей очнуться, Пушкинъ шагнулъ черезъ подоконникъ — и былъ таковъ, а Пущинъ, съ банкой варенья въ рукахъ, подымался уже въ это время въ камеру, чтобы спрятать добычу.

Минуты три спустя, въ столовую къ лицеистамъ, недождавшимся еще своего ужина, влетѣлъ надзиратель Чачковъ. Онъ былъ, противъ обыкновенія, мраченъ и въ крайнемъ возбужденіи.

— Кого-то, господа, нѣтъ между вами? сказалъ онъ, пересчитавъ глазами присутствующихъ.

Отвѣтъ далъ ему своимъ появленіемъ въ дверяхъ самъ отсутствовавшій.

— А! господинъ Пущинъ! Признаться, не ожидалъ я отъ васъ такого... такой... какъ бы деликатнѣе выразиться...

— Позвольте спросить, Василій Васильичъ, учтиво и нѣсколько небрежно вмѣшался тутъ Пушкинъ, выходя изъ-за стола: — дѣло въ банкѣ съ вареньемъ?

— А вы что̀ про нее знаете?

— Да во всякомъ случаѣ, болѣе Пущина, потому что самъ былъ за нею у васъ на квартирѣ.

— Вотъ что! Да, отъ васъ этого можно ожидать. Но я считалъ васъ всегда вѣжливымъ молодымъ человѣкомъ, вы же не только взяли безъ спросу у супруги моей банку свареннаго ею варенья, но даже не дали себѣ труда поклониться ей! Это мнѣ, признаться, крайне прискорбно!.. Благородная дама...

— Да вѣдь, поклонись я, супруга ваша могла бы еще пуще обидѣться: »благодарю, дескать, сударыня, за угощенье!«

— А вотъ подите, потолкуйте съ нею! упавшимъ голосомъ прошепталъ бѣдный супругъ. — Какъ бы то ни было, голубчикъ, положа руку на сердце, скажите: провинились вы нынче или нѣтъ?

— Положа руку на сердце: провинился.

Чачковъ замѣтно просвѣтлѣлъ.

— Вотъ это я называю: по-рыцарски! честно

и прямо! воскликнулъ онъ. — Ну, и за провинность свою заслужили вы какую ни на есть кару?

— Полагаю.

— Великолѣпно-съ! Такъ вотъ-съ, дорогой мой, извольте же сами продиктовать намъ: чего вы заслужили, чтобы, понимаете, ни единое существо въ поднебесной не могло утверждать, будто я даю вамъ, лицеистамъ, поблажку.

Пушкинъ прекрасно понялъ, кого Чачковъ разумѣлъ подъ »единымъ существомъ въ поднебесной«; понялъ, что добровольно принятое имъ на себя наказаніе сослужитъ добряку-надзирателю великую службу.

— Да пошлите меня до утра въ карцеръ — и дѣло съ концомъ, сказалъ онъ.

Слегка озабоченныя еще черты Чачкова окончательно прояснились. Онъ схватилъ обѣими руками руки Пушкина и крѣпко потрясъ ихъ.

— Вы — славный молодой человѣкъ! Я лично провожу васъ. Эй, Прокофьевъ! посвѣти-ка намъ. А вотъ кстати и мой любезный коллега, прибавилъ онъ, столкнувшись на порогѣ съ экономомъ лицейскимъ (иначе: надзирателемъ по хозяйственной части) Золотаревымъ, за которымъ два служителя несли ужинъ лицеистамъ. — Сдѣлайте одолженіе, Матвѣй Александрычъ, доставьте вотъ этому молодому человѣку въ карцеръ его порцію.

— Не трудитесь, Матвѣй Александрычъ, предупредилъ тутъ Пушкинъ: — отдайте мою порцію Бргліо.

— Проиграли ему, знать, пари? спросилъ Пушкина на ходу Чачковъ, ласково трепля его по плечу.

— Проигралъ. Да варенье ваше меня отчасти вознаградило.

— Шалунъ! Ну, что, небось, мастерица варить супруга у меня, а?

— Мастерица, да; только посовѣтуйте ей вишни варить на сахарѣ; для такого нѣжнаго плода патока, увѣряю васъ, не годится.

На этомъ разговоръ ихъ прервался: догонявшіе ихъ быстрые шаги и гулкій голосъ Золотарева: »Василій Васильичъ! а, Василій Васильичъ!« заставили обоихъ оглянуться.

Какъ корабль съ распущенными парусами, летѣлъ къ нимъ экономъ съ развѣвающимися фалдами длиннополаго вицмундира. Выхоленное лунообразное лицо его приняло тотъ же лиловато-багровый цвѣтъ, которымъ, обыкновенно, отличался только мясистый носъ его; воловьи, на выкатѣ, глаза налились кровью и готовы были, кажется, выскочить изъ орбитъ; даже лучшее украшеніе его виднаго лица — густѣйшіе, въ видѣ котлетъ, бакенбарды, всегда такъ тщательно расчесаные, были въ непривычномъ безпорядкѣ: въ одномъ изъ нихъ запутались мелкіе кусочки чего-то съѣстнаго.

— Помилуйте, Василій Васильичъ! пыхтѣлъ экономъ, задыхаясь отъ волненья и дико вращая кругомъ кровавыми глазами. — Это какой-то бунтъ... Всѣхъ бы ихъ въ кутузку!..

— Въ чемъ дѣло-съ, дражайшій коллега? спросилъ съ участьемъ Чачковъ. — Виноватъ: у васъ въ бородѣ что-то засѣло. Если не ошибаюсь — начинка пирога?

— Чтобъ имъ ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ... фыркалъ Золотаревъ, отряхаясь, какъ мокрый пудель. — Воротились, вишь, ночью, когда добрые люди сладкимъ сномъ почиваютъ... Ничего бы имъ не подать... Нашла на меня еще дурь — подать имъ вчерашняго пирога съ печенкой. А барчуки наши, вишь, брезгаютъ, говорятъ: печенка протухла...

— Да можетъ, она и точно была не первой ужь свѣжести? деликатно замѣтилъ надзиратель. — Вѣдь, время-то нынче жаркое: живо придастъ ароматецъ.

— Какъ же безъ аромату? Сами посудите! Да мало ли на свѣтѣ такихъ еще любителей, которымъ и рябчикъ не въ рябчикъ, коли безъ изряднаго душка!

— Однако, печенка-то ваша была не отъ рябчиковъ?

— Чего захотѣли! Не по вкусу — ну, и не кушай: прислуга, либо собаки на дворѣ слопаютъ. А то нѣшто это резонъ въ рожу тебѣ швырять?

Чачковъ съ трудомъ сохранилъ серьёзный видъ; Пушкинъ закусилъ губу, чтобы не прыснуть со смѣху.

— Къ вамъ, Василій Васильичъ, какъ къ первому нашему начальнику нынѣ, обращаюсь

съ убѣдительной просьбой, ожесточенно продолжалъ Золотаревъ: — немедля составьте протоколъ о случившемся и отрапортуйте его сіятельству господину министру...

— Все потихонечку-полегонечку, почтеннѣйшій мой, старался угомонить его надзиратель. — Стоитъ ли безпокоить графа изъ-за такого пустяка?

— Изъ-за пустяка! Нѣтъ-съ, милостивый государь, пирогъ самъ по себѣ, можетъ, и пустякъ; но коли онъ обращенъ въ смертоносное орудіе...

Пушкинъ не могъ уже удержаться отъ давившаго его хохота.

— Вотъ, вотъ, изволите видѣть! еще пуще закипятился экономъ: — господинъ Пушкинъ тоже зубоскалитъ! Нѣтъ, я васъ всенижайше умоляю, сударь мой, формально отписать все, какъ есть...

Чачковъ взялъ расходившагося »коллегу« за округлую его талью.

— Написать не трудно-съ, мягко заговорилъ онъ: — но, донося одно, мы не въ правѣ умолчать и о другомъ: что при предшественникѣ вашемъ Леонтьѣ Карловичѣ Эйлерѣ, внукѣ знаменитаго нашего астронома, воспитанники не могли нахвалиться продовольствіемъ; въ короткое же время вашего управленія хозяйствомъ, это второй уже случай...

— Да ужь это по вашей канцелярской части росписать дѣло такъ, чтобы ни сучка, ни задоринки, возразилъ тономъ ниже Золотаревъ. —

Мнѣ главное: чтобы дали намъ, наконецъ, заправскаго главу, который забралъ бы этихъ сорванцовъ въ ежевыя рукавицы. А первыхъ зачинщиковъ, графа Брогліо да Пущина, я просилъ бы васъ нынѣ же заключить подъ замокъ.

— Бросьте ужь ихъ! сказалъ Чачковъ: — у обоихъ большія, знаете, связи... Пушкинъ вотъ кстати отсидитъ за всѣхъ. Отсидите, голубчикъ?

— Съ удовольствіемъ! былъ отвѣтъ.

— Слышите: »съ удовольствіемъ«. Примѣрнѣйшій другъ и товарищъ! Ну, а въ рапортѣ нашемъ его сіятельству Алексѣю Кирилловичу мы только глухо отпишемъ, что такъ, молъ, и такъ: безъ постояннаго директора, съ молодежью нашей, просто, сладу нѣтъ.

Такимъ образомъ, ни Брогліо, ни Пущинъ на этотъ разъ не раздѣлили одиночнаго заключенія Пушкина. Но заключеніе это пошло ему въ прокъ. Когда на слѣдующее утро надзиратель Чачковъ, съ дежурнымъ профессоромъ Галичемъ, сидѣли въ правленіи за сочиненіемъ рапорта министру, сторожъ Прокофьевъ вбѣжалъ къ нимъ съ докладомъ, что »въ карцерѣ неладно«. Тѣ было перетревожились; но успокоились, когда выяснилось, что заключенный тамъ поэтъ, отъ нечего дѣлать, измаралъ цѣлую стѣну карандашемъ.

— Что тутъ подѣлаешь съ ними! воскликнулъ Чачковъ. — Вы, Александръ Иванычъ, всегда горой стоите за господъ лицеистовъ. Я самъ

стараюсь съ ними ладить; но что прикажете дѣлать, если они и въ карцерѣ не унимаются: портятъ казенное добро?

— Да вѣрно, ему не на чемъ было писать, сообразилъ Галичъ.

— Они, дѣйствительно, просили у меня вечóръ принесть имъ чернилъ да бумаги, доложилъ Прокофьевъ.

— А ты, небось, отказался исполнить его просьбу?

— Не посмѣлъ, ваше высокоблагородіе...

— Ну, такъ. А поэту, Василій Васильичъ, безъ письменныхъ матеріаловъ, все равно, что нашему брату безъ воздуха — житья нѣтъ.

— Говорятъ-съ... Однако, писанье писанью тоже рознь. Какъ ни люблю я Пушкина, но готовъ голову прозакладовать, что намаралъ онъ опять какой-нибудь пасквиль.

— Это мы сейчасъ, если угодно, узнаемъ, да кстати, уяснимъ и казенный ущербъ.

Такъ Пушкинъ, совершенно неожиданно, удостоился въ карцерѣ визита двухъ начальниковъ.

— Образцовая стѣнная живопись! съ безобидной ироніей заговорилъ Чачковъ, любуясь стѣной, испещренной каракулями, во многихъ мѣстахъ, зачеркнутыми и перечеркнутыми.

— Дá, въ своемъ родѣ гіероглифы, подтвердилъ Галичъ и принялся по складамъ разбирать написанное:

»Страшись, о рать иноплеменныхъ!
Россіи двинулись сыны;
Возсталъ и старъ, и младъ, летятъ на дерзновенныхъ,
Сердца ихъ мщеньемъ возжены.
Вострепещи, тиранъ! Ужь близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря.
Ихъ цѣль: иль побѣдить, иль пасть въ пылу сраженья
За Вѣру, за Царя.«

Молодой профессоръ окинулъ надзирателя торжествующимъ взглядомъ; потомъ какимъ-то особенно-добрымъ, почти нѣжнымъ тономъ спросилъ Пушкина, переминавшагося тутъ же съ карандашемъ въ рукѣ:

— Это васъ, мой другъ, вчерашній праздникъ вдохновилъ?

— Да, отвѣчалъ Пушкинъ съ смущенной улыбкой.

— Посмотримъ, что дальше, сказалъ Галичъ и продолжалъ разбирать вслухъ:

»Въ Парижѣ Россъ! Гдѣ факелъ мщенья?
Поникни, Галлія, главой!
Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядетъ съ оливой золотой;
Еще военный громъ грохочетъ въ отдаленьи,
Москва въ уныніи, какъ степь въ полнощной мглѣ —
А онъ несетъ врагу не гибель; а спасенье
И благотворный миръ землѣ.
»Достойный внукъ Екатерины!..«

На этомъ стихи обрывались.

— Ну, что вы теперь скажете, Василій Васильичъ? спросилъ Галичъ. — На что это болѣе похоже: на жалкій пасквиль или на торжественную оду?

Василій Васильевичъ преклонилъ голову и развелъ руками.

— Честь и слава молодому таланту, согласился онъ. — Въ этихъ строфахъ вѣетъ, можно сказать, что-то державинское...

— И пушкинское! съ удареніемъ добавилъ Галичъ; потомъ, оборотясь къ молодому поэту, дружески положилъ ему руку на плечо и сказалъ: — Продолжайте такъ же — и новая ода ваша, вы увидите, станетъ краеугольнымъ камнемъ вашей будущей извѣстности. А чтобы вамъ не пачкать еще казенныхъ стѣнъ, — Василій Васильичъ, конечно, ужъ не откажетъ вамъ въ чернилахъ и бумагѣ. Или вы, Василій Васильичъ, можетъ быть, теперь же выпустите узника?

— Скатертью дорога! съ отмѣнною учтивостью указалъ надзиратель Пушкину на выходъ. — Не знаю вотъ только, Александръ Иванычъ, какъ быть мнѣ съ этой измаранной стѣной? прибавилъ онъ вполголоса.

— Взять да выбѣлить.

— Легко сказать-съ! Надо будетъ испросить у его сіятельства Алексѣя Кирилловича сверхсмѣтный кредитъ...

— А безъ этого нельзя?

— Невозможно-съ: экстренный расходъ.

Галичъ нетерпѣливо повелъ плечомъ.

— Такъ выбѣлите хоть на мой счетъ!

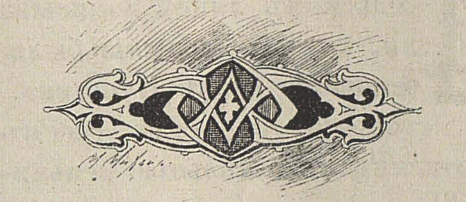
— Нѣтъ, ужъ я самъ заплачу, Василій Васильичъ, вмѣшался стоявшій въ дверяхъ Пушкинъ.

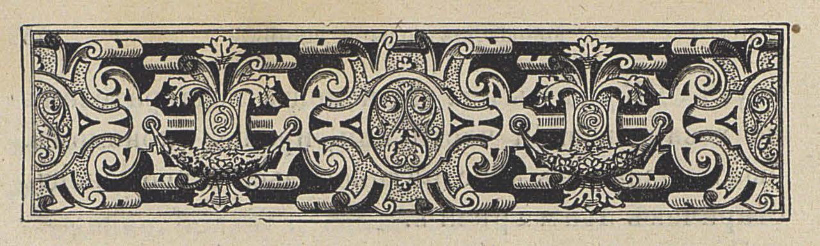
— Ахъ, вы еще здѣсь, дорогой мой? Вы сами заплатите? И пречудесно-съ: изъ-за грошоваго дѣла не стоило бы поднимать столбъ пыли.

Однако, пыль, и самая вредоносная, была уже поднята пирогами эконома Золотарева. Лицеистамъ существеннаго вреда она не причинила, зато самому Золотареву, да »коллегѣ« его Чачкову отъ нея, увы! не поздоровилось. Нѣкоторое время до графа Разумовскаго уже стали доходить изъ Царскаго слухи о распущенности лицейскаго быта и упадкѣ лицейскаго хозяйства, вслѣдствіе непрерывныхъ пререканій конференціи профессоровъ. Пироги золотаревскіе дали ближайшій поводъ къ ревизіи лицейскихъ порядковъ, а результатомъ этой ревизіи было увольненіе отъ службы обоихъ надзирателей: по учебной и по хозяйственной части. 13 сентября 1814 года, обязанности директора лицея, впредь до выбора постояннаго директора, были поручены директору лицейскаго благороднаго пансіона, профессору нѣмецкаго языка Гауеншильду. Надзирателемъ по учебной части, по предложенію военнаго министра Аракчеева, былъ опредѣленъ старый служака и рубака, отставной подполковникъ Фроловъ. Но такъ какъ послѣдній, пробывъ цѣлый вѣкъ въ строю, могъ съ успѣхомъ глядѣть только за наружной дисциплиной, то въ помощь ему, для наблюденія за »нравственнымъ« воспитаніемъ будущихъ »государственныхъ людей«, былъ данъ профессоръ »нравственныхъ

наукъ« Куницынъ. Наконецъ, надзирателемъ по хозяйственной части или, проще, экономомъ, былъ назначенъ константинопольскій уроженецъ, старичекъ Камарашъ.

Этимъ не ограничились послѣдствія памятнаго всѣмъ лицеистамъ дня 27 іюля. Двѣ строфы, сочиненныя Пушкинымъ въ карцерѣ, разрослись вскорѣ въ цѣлую оду: »Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ«, и одѣ этой, какъ вѣрно предугадалъ профессоръ Галичъ, суждено было сдѣлаться краеугольнымъ камнемъ литературной извѣстности начинающаго поэта.

Глава VI.

Два дня у Державина.

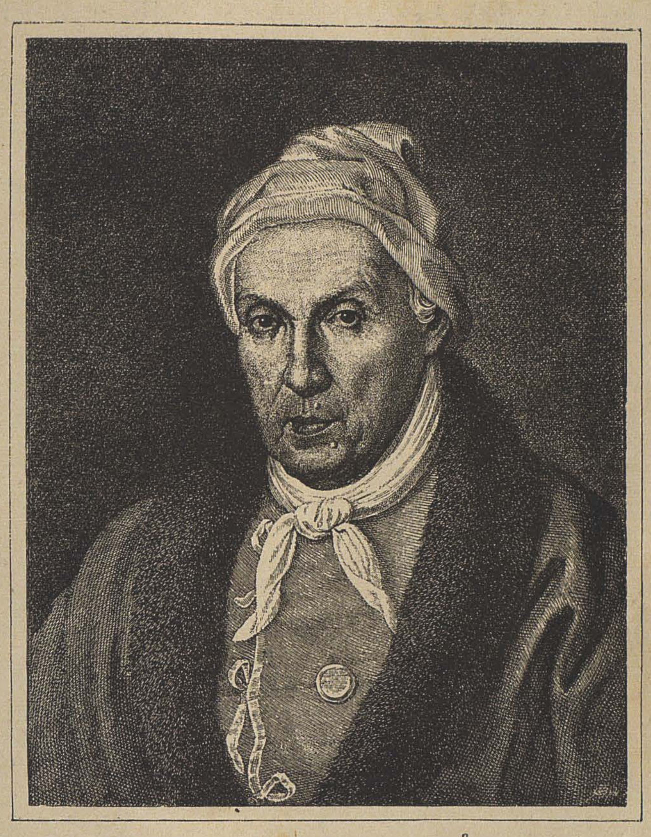
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

›Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной:
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный.«
(Цыганы).

Въ то самое время, когда въ царскосельскомъ лицеѣ дописывались стихи, которые должны были положить основаніе славѣ Пушкина, — въ новгородской губерніи, въ селѣ своемъ Званкѣ, мирно »дотаскивалъ остальные деньки« (по собственному его выраженію) патріархъ русскихъ поэтовъ Державинъ, неслыхавшій даже о существованіи начинающаго поэта и, конечно, неподозрѣвавшій, что самъ же онъ вскорѣ признаетъ его своимъ достойнымъ преемникомъ.

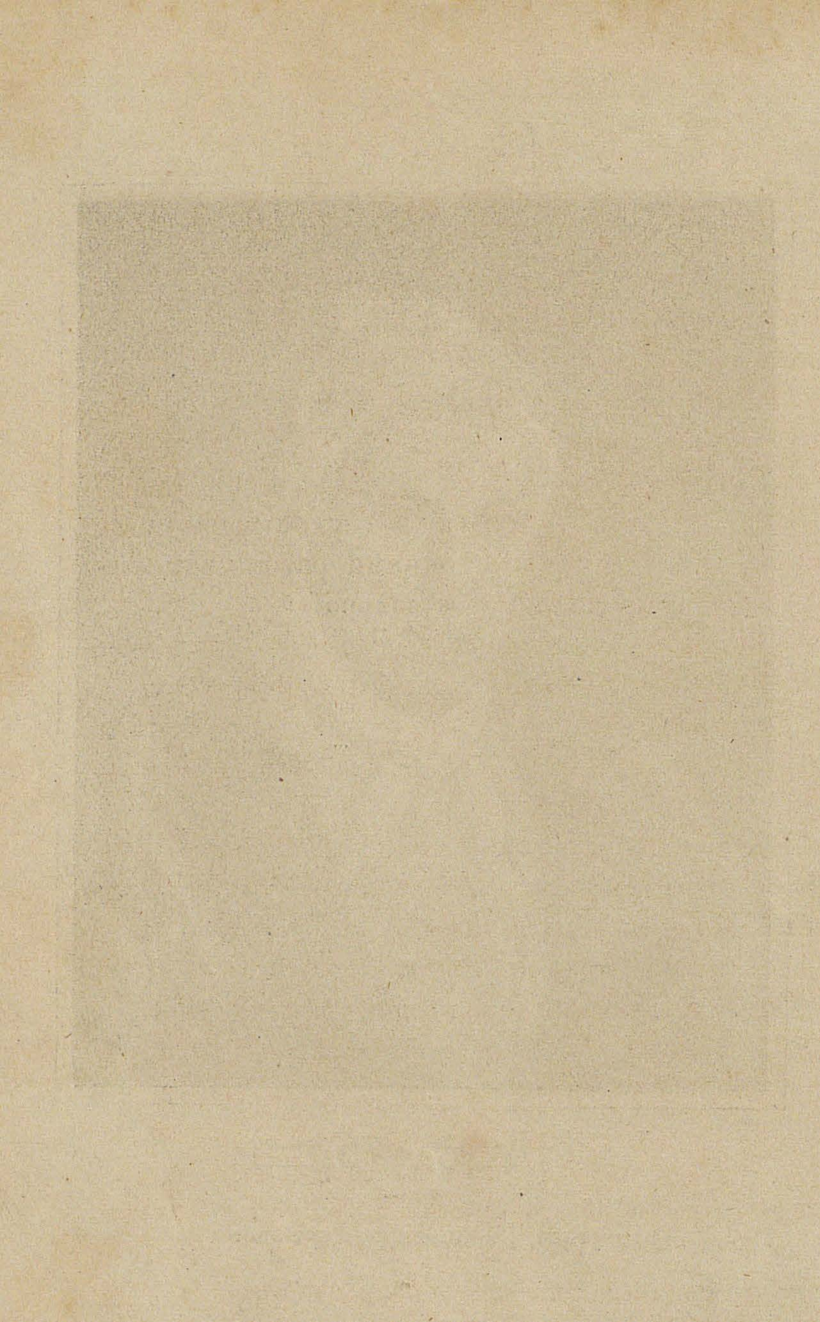
Въ началѣ августа, Державинъ со своими многочисленными домочадцами едва усѣлся за обѣденный столъ, какъ съ улицы донесся »малиновый» звонъ валдайскихъ колокольчиковъ. Моло-

Гавріилъ Романовичъ Державинъ.

1743—1816.

Дозв. ценз. Спб., 7 окт. 1887. Тип. Эд. Гоппе, Возн. пр., 53.

дежь бросилась изъ-за стола къ окнамъ. Къ колокольчикамъ явственно присоединился теперь стукъ колесъ и лошадиныхъ копытъ. Изъ-подъ скатерти стола юркнула хорошенькая, мохнатая, бѣлой шерсти собаченка и съ пронзительнымъ лаемъ закружилась по комнатѣ.

— Кого Богъ несетъ? повертывая голову, спросилъ хозяинъ.

— Иванъ Аѳанасьичъ! Дмитревскій! отвѣчалъ ему хоръ голосовъ, и глухой грохотъ перекладной подъ самыми окнами разомъ замолкъ: телѣжка остановилась у крыльца.

— Иванъ Аѳанасьичъ! радостно повторилъ Державинъ и, положивъ на столъ салфетку, съ непривычной для его 73 лѣтъ живостью приподнялся со стула. — Ждалъ, ждалъ и ждать пересталъ... Паша, голубушка! гдѣ ты?

Любимая племянница его, Прасковья Николаевна Львова, чрезвычайно миловидная брюнетка, поспѣшила подать ему руку.

— Ужели, Гаврила Романычъ, ты въ этомъ костюмѣ и примешь столичнаго гостя? спросила мужа хозяйка, Дарья Алексѣевна (вторая жена Державина), представительная, высокая и стройная дама.

— А чѣмъ же костюмъ не столичный? добродушно усмѣхнулся Гаврила Романовичъ, оглядывая себя: — и въ столицѣ по твоимъ званымъ четвергамъ неохотно разстаюсь съ нимъ.

Костюмъ же состоялъ изъ зеленаго шелковаго

халата, подпоясаннаго такимъ-же шнуркомъ съ кистями, изъ вязаннаго бѣлаго колпака и вышитыхъ бисеромъ туфель. Постороннему человѣку ни за что и въ голову бы не пришло, что передъ нимъ бывшій статсъ-секретарь Великой Екатерины, затѣмъ, сенаторъ, государственный казначей и, наконецъ, министръ юстиціи. Правда, онъ уже давно удалился отъ государственныхъ дѣлъ и, въ рѣдкія минуты вдохновенія, предавался главной задачѣ своей жизни — стихотворству.

Но и поэта было трудно признать въ этомъ гладко-выбритомъ, благодушно-улыбающемся старикѣ, котораго — не будь онъ такъ высокъ и широкоплечъ — въ его бабьемъ колпакѣ скорѣе можно было бы принять за почтенную старушку.

— Замолчишь ли ты?! прикрикнула и топнула ногой Дарья Алексѣевна на собачку, которая, какъ въ истерическомъ припадкѣ, вертѣлась около своего хвоста и заливалась самымъ высокимъ, раздирающимъ уши фальцетомъ.

— Оставь ее, милая! Надо же и ей душу отвести? вступился мужъ и, подъ руку съ племянницей, вышелъ въ переднюю, а оттуда на крыльцо. Свитой за ними высыпали туда всѣ прочіе, сидѣвшіе за столомъ.

Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій, знаменитый въ свое время актеръ императорскаго театра въ Петербургѣ, уже нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, по старческой дряхлости, покинулъ сцену. Тѣмъ

не менѣе, какъ актеры, такъ и литераторы, и даже столичная знать продолжали попрежнему дорожить его сценическою опытностью, и во всѣхъ спорныхъ случаяхъ по театральной части обращались къ его суду. Державину, которому, на старости лѣтъ, вздумалось также испытать свои силы въ драмѣ, такой совѣтчикъ, какъ Дмитревскій, былъ сущимъ кладомъ, и онъ не разъ зазывалъ его на лѣто къ себѣ въ Званку. Но только теперь Дмитревскій, наконецъ, пріѣхалъ.

Когда Державинъ выбрался на крыльцо, дорогой гость его сошелъ уже съ телѣжки и, поддерживаемый краснощокимъ, быстроглазымъ казачкомъ, съ усиліемъ сталъ подниматься по ступенямъ. Одинъ изъ племянниковъ хозяина, подпрапорщикъ Измайловскаго полка Семенъ Васильевичъ Капнистъ, живой и ловкій юноша, однимъ прыжкомъ соскочилъ внизъ и подхватилъ старика подъ другую руку.

— Спасибо, душа моя... прошамкалъ слабымъ голосомъ Дмитревскій, сюсюкая отъ недостатка зубовъ и произнося букву **ш** какъ **с**: »дуса моя«.

— Молодецъ онъ у меня! похвалилъ юношу съ крыльца дядя: — съ тѣхъ поръ, какъ секретарь мой Лиза *) замужъ пошла, онъ у меня и по письменной, и по всякой иной части. Здорово,

*) Старшая сестра вышеназванной Прасковьи Николаевны Львовой, *Елисавета Николаевна*, вышедшая незадолго передъ тѣмъ замужъ за родственника своего, Ѳедора Петровича Львова.

Иванъ Аѳанасьичъ! Наконецъ-то вспомнили стараго пріятеля!

Пріятель очутился въ его дружескихъ объятіяхъ. Толпившіеся около нихъ молодые люди тихо перешептывались:

— Старъ, ухъ, какъ старъ сталъ! Прямой Маѳусаилъ! Дядя передъ нимъ молодецъ-молодцомъ...

Гость-Маѳусаилъ, щурясь отъ свѣта, котораго не переносило его ослабѣвшее зрѣніе, со сгорбленной спиной, съ трясущейся головой, сталъ здороваться со всѣми окружающими, поочередно подходившими къ нему.

— Дарьѣ Алексѣевнѣ мое нижайшее! И вы тутъ, любезнѣйшій! и вы! говорилъ онъ, пожимая руки направо и налѣво. *)

Между тѣмъ, задорная собаченка, выскочившая также на крыльцо, не переставала ожесточенно тявкать на гостя.

— И ты тутъ, Таечка! Да, и ты! А я слона-то, вишь, и не примѣтилъ! привѣтствовалъ ее Дмитревскій и, съ трудомъ нагнувшись къ Тайкѣ (сокращеніе отъ Горностайка), хотѣлъ ее погладить. Но та, огрызаясь, увернулась и цап-

---

*) Кромѣ названныхъ уже трехъ лицъ: жены Державина и двухъ его любимцевъ, племянницы и племянника, въ домѣ его жили или безвыѣздно, или по недѣлямъ: *Вѣра Петровна Лазарева* (дочь прославившагося впослѣдствіи адмирала), *Александра Николаевна Дьякова* (урожд. Львова, вторая сестра Прасковьи Николаевны), *Любовь Аникитична Ярцова*, братья *Львовы* и *Дьяковы*, молодые *Миллеръ* и *Фокъ*.

нула его за панталоны. Молодой Капнистъ оттолкнулъ ее ногою.

— Вотъ злючка! не узнала развѣ?

— Дай-ка ее, сюда, Сеня! не обижай ее! сказалъ дядя, и, принявъ отъ него собачку, упряталъ ее за пазуху. Мѣсто это, какъ видно, было для нея насиженное, потому что она, высунувъ свою хорошенькую мохнатую головку изъ-за отворота халата, вполголоса еще немножко поворчала, похлопала глазками на гостя и, затѣмъ, уткнулась опять розовой мордочкой въ халатъ *).

— Ну, что у васъ тамъ, Иванъ Аѳанасьичъ, въ Питерѣ? что новаго?.. полюбопытствовалъ хозяинъ; но тутъ же спохватился: — Виноватъ: соловья баснями не кормятъ! Пойдемте-ка, откушаемъ вмѣстѣ: благо, мы сами еще за трапезой. А вы, чай, съ дороги какъ волкъ проголодались?

— Да Ивану Аѳанасьичу, можетъ, нужно еще напередъ почиститься, отмыться отъ пыли? замѣтила Дарья Алексѣевна.

---

*) Тайка пережила своего барина, который еще при жизни ея сочинилъ ей такую эпитафію:

»На могилу милой собачки.

»Здѣсь пёсикъ бѣленькій лежитъ,
Который Горностайкомъ звался.
Онъ былъ тѣмъ милъ и знаменитъ,
Что за хозяина вступался
И угождалъ не низкою какой,
А твердой — львиною душой;
Ворчалъ, визжалъ, но такъ забавно,
Что и сердяся пѣлъ сопрано.«

— Оно, точно, сударыня, не мѣшало бы... отозвался Иванъ Аѳанасьевичъ.

— Я васъ сейчасъ проведу къ себѣ, услужливо вызвался молодой Капнистъ, и, мигнувъ казачку, чтобы тотъ взялъ барина своего подъ другую руку, бережно повелъ почтеннаго старца къ себѣ.

Полчаса спустя, Дмитревскій, умытый, приглаженный, съ подвязанной подъ подбородкомъ салфеткой, сидѣлъ среди многочисленной хозяйской семьи за сытнымъ деревенскимъ обѣдомъ. Въ промежуткахъ онъ разсказывалъ о недавнемъ Павловскомъ праздникѣ и о томъ глубокомъ впечатлѣніи, какое произвела на всѣхъ сочиненная на этотъ случай Державинымъ кантата: »Ты возвратился, благодатный...«

— У меня не то еще было въ предметѣ, заговорилъ Державинъ.—Хотѣлось мнѣ сочинить подобающее похвальное слово государю-побѣдителю, и вотъ племянница цѣлое лѣто, вишь, должна была читать мнѣ тутъ похвальныя слова разнымъ великимъ мужамъ, дабы, знаете, настроить на надлежащій тонъ мою ржавую лиру. Похвала Марку Аврелію всего болѣй пришлась мнѣ по душѣ, потому что дѣйствіе въ оной перемѣшано съ повѣствованіемъ. Однакожъ, старость не радость: слушаешь, бывало, развѣсишь уши—глядь, и задремалъ! Такъ и не удосужился написать свою похвалу.

— Упустя лѣто, въ лѣсъ по малину не ходятъ, замѣтилъ Дмитревскій: — а мы съ вами, ваше

высокопревосходительство, что ни говори, маленько-таки состарѣлись.

— Такъ-то такъ, со вздохомъ согласился Державинъ. — Затѣмъ-то въ послѣдніе годы взялся за драму. Вотъ гдѣ мое истинное призваніе! Четыре трагедіи мои вамъ достаточно извѣстны *); равномѣрно и двѣ музыкальныя драмы **). Но все это были цвѣточки; теперь пойдутъ ягодки. Одна у меня уже въ дѣлѣ; вотъ это такъ опера: »Іоаннъ Грозный или Покореніе Казани«. Богатѣйшая, сударь, тэма и наисовременная; господа французы, что̀ пожаловали къ намъ въ 12-мъ году безъ спросу и убрались, не солоно хлѣбавши, не тѣже ли кровожадныя татарскія орды временъ Грознаго? Бонапартишко ихъ — не злой ли волшебникъ, мнившій обойти насъ обманными чарами?

Заговоривъ о своей новой оперѣ, старикъ-поэтъ замѣтно одушевился. Дмитревскій, не переставая жевать, исподлобья оглядѣлъ окружающихъ: тѣ украдкой обмѣнивались сострадательными взглядами и тихо шушукали между собой. Не могло быть сомнѣнія — они, подобно ему, относились къ новѣйшему драматическому опыту стараго лирика съ нѣкоторымъ недовѣріемъ; они хорошо знали также, что эти опыты, со словъ

*) »*Иродъ и Маріамна*« (единственная представленная на сценѣ), »*Евпраксія*«, »*Темный*« и »*Аталибо или Разрушеніе Перуанской имперіи*«.

**) »*Добрыня*« и »*Пожарскій*«.

Мерзлякова, назывались во всемъ петербургскомъ обществѣ: »развалинами Державина«.

— Опера, м-да... промычалъ Дмитревскій. — Ну, текстъ, положимъ, будетъ; но гдѣ же, скажите, найти для него у насъ, на Руси, музыканта-композитора? Опера — чисто италіянское произрастеніе...

— И вздоръ-съ! перебилъ Державинъ. — Италіянцы, просто-на-просто, пересадили ее къ себѣ изъ Греціи, ибо древняя греческая трагедія съ пѣвучими речитативами — не что иное, сударь мой, какъ теперешняя опера съ разнотонной музыкой въ первобытномъ ея видѣ-съ. Но въ италіянщинѣ сей — дивная смѣсь великаго съ малымъ, прекраснаго съ нелѣпымъ. По своей необузданной южной натурѣ, всякій соучастникъ италіянской оперы лѣзетъ изъ кожи, чтобы отличиться: авторъ — исполинскимъ воображеніемъ, актеръ — смѣшною надутостью и уродливымъ кривляніемъ, пѣвецъ — чрезмѣрной вытяжкой голоса, музыкантъ — непонятными прыжками перстовъ, дабы, при громкомъ рукоплесканіи, заставить выпучить глаза и протянуть уши того же вкуса людей, каковы они сами. Они уподобляются тѣмъ канатнымъ прыгунамъ, которые руки свои принуждаютъ ходить, а ноги — вкладывать въ ножны шпагу, думая, что это чрезвычайно хорошо! Отъ таковыхъ-то усилій и несообразностей съ прямымъ вкусомъ въ ихъ операхъ вся нелѣпица. Вмѣсто пріятнаго зрѣлища — игрище,

вмѣсто восхитительной гармоніи — козлоглашеніе.

— Такъ какъ-же вы сами, ваше высокопревосходительство, рѣшаетесь ставить оперы? спросилъ Дмитревскій.

— Какъ-съ? подхватилъ съ возрастающимъ огнемъ Державинъ. — Да что такое, позвольте узнать, опера? Это есть перечень, сокращеніе всего зримаго міра. Скажу болѣе: это есть живое царство поэзіи, образчикъ или тѣнь той небесной услады, которая ни оку не видится, ни уху не слышится... Ради своей чудесности, опера почерпаетъ свое содержаніе изъ языческой миѳологіи, изъ древней и средней исторіи. Лица ея — боги, герои, рыцари, богатыри, феи, волшебники и волшебницы. Въ ней снисходятъ на землю небеса, летаютъ геніи, являются привидѣнія, чудовища, ходятъ деревья, поютъ человѣчьимъ голосомъ птицы, раздается эхо. Словомъ, это — міръ, въ коемъ взоръ объемлется блескомъ, слухъ гармоніей, умъ непонятностью, и всю сію чудесность видишь искуствомъ сотворенною, притомъ въ краткомъ, какъ-бы сгущенномъ видѣ. Тутъ только познаешь все величіе и владычество человѣка надъ вселенной! Подлинно, послѣ великолѣпной оперы находишься въ нѣкоемъ сладостномъ упоеніи, какъ-бы послѣ волшебнаго сна... Это — первый шагъ къ блаженству... *).

*) Подлинныя слова Державина.

Никто уже не улыбался. Никто не отрывалъ глазъ отъ расходившагося маститаго поэта, который своей, постаринному напыщенной, но образной и искренней рѣчью возбудилъ во всѣхъ невольное желаніе испытать самимъ описываемое имъ »блаженство«. Одинъ Дмитревскій только, чтобы не отстать въ ѣдѣ отъ другихъ, продолжалъ двигать челюстями: при отсутствіи зубовъ, разжевываніе пищи представляло для него немаловажный трудъ. Теперь, благополучно покончивъ съ этимъ дѣломъ, онъ обтеръ губы салфеткой и обратился къ хозяину:

— А позвольте спросить, Гаврила Романычъ: гдѣ же вы видѣли у насъ такія оперы?

— Гдѣ-съ? Да... Аблесимова »Мельникъ«, разъ; ну... — Гаврила Романовичъ запнулся.

— Разъ — и обочлись?

— Да вѣдь, я говорю не о тѣхъ операхъ, что есть...

— А о тѣхъ, что будутъ?

— Ну, да... Вотъ погодите, любезнѣйшій, дайте мнѣ только справиться съ моимъ »Грознымъ«... — Эй, Михайлычъ!

Михайлычъ или, точнѣе, Евстафій Михайловичъ Абрамовъ, изъ крѣпостныхъ Гаврилы Романовича, былъ у него не то мажордомомъ, не то вторымъ секретаремъ, и допускался также къ барскому столу. За безграничную преданность и примѣрную расторопность Державинъ очень цѣнилъ его. Единственной крупной слабостью

Михайлыча были крѣпкіе напитки, и потому Дарья Алексѣевна очень неохотно сажала его за одинъ столъ съ гостями; но мужъ всегда отстаивалъ его:

— Ничего, душечка! Дѣлай, будто ничего не замѣчаешь.

Сегодня Абрамовъ успѣлъ уже не въ мѣру воспользоваться обиліемъ на столѣ разныхъ наливокъ и настоекъ, по случаю именитаго гостя. Когда онъ приподнялся, чтобы идти на зовъ хозяина, то покачнулся и долженъ былъ ухватиться руками за край стола. Дарьѣ Алексѣевнѣ это было крайне непріятно. Она даже покраснѣла и замахала рукой:

— Сиди ужь, сиди...

— Да я, другъ мой, хотѣлъ послать его только въ кабинетъ за рукописью... почелъ нужнымъ объяснить Гаврила Романовичъ.

— А онъ, ты думаешь, такъ и отыскалъ бы? возразила супруга. — Садись же! не слышишь? строго повторила она Михайлычу.

Тотъ покорно, съ виноватымъ видомъ, опустился на свое мѣсто.

— А помните ли, дяденька, какъ вы сочинили для меня и сестеръ, когда мы еще были маленькими, что-то въ родѣ оперы — шутку съ хорами: »Кутерьма отъ Кондратьевъ«? весело заговорила красавица-племянница, Прасковья Николаевна. — У насъ въ домѣ, Иванъ Аѳанасьичъ, надо вамъ знать, было въ то время ровно три

Кондратья, продолжала она, обращаясь къ гостю: — одинъ — лакей, другой — садовникъ, третій — музыкантъ. Оттого часто происходила преуморительная путаница...

— Какъ не знать, милая барышня, отвѣчалъ Дмитревскій, вдругъ оживляясь: — Самъ даже на домашней сценѣ орудовалъ въ этой пьесѣ; о сю пору, кажись, въ лицахъ представить могъ бы...

— Правда?

— Ахъ, Иванъ Аѳанасьичъ, представьте! раздались кругомъ голоса.

Доѣдали какъ-разъ послѣднее блюдо. Голодъ всѣхъ, въ томъ числѣ и старца-актера, былъ утоленъ; а рюмка-другая крѣпкой домашней наливки помолодила его на двадцать лѣтъ.

— Отвяжи-ка салфетку! приказалъ онъ казачку, стоявшему позади его стула, и когда тотъ исполнилъ приказаніе, онъ отодвинулся отъ стола, вмѣстѣ со стуломъ, всталъ, выпрямился во весь ростъ и заговорилъ.

Всѣ съ изумленіемъ, можно сказать — съ оцѣпенѣніемъ уставились на него. Ветеранъ императорскаго театра много лѣтъ уже не выходилъ передъ публикой; только однажды, 4 года тому назадъ, 30 августа 1812 года, въ достопамятный день, когда получено было въ Петербургѣ извѣстіе о славномъ Бородинскомъ боѣ, онъ выступилъ въ патріотической пьесѣ Висковатова: »Ополченіе«. И вдругъ сегодня, какъ тѣнь умершаго

изъ могилы, передъ присутствующими возсталъ опять прежній великій актеръ.

»— Хорошо, слушайте, заговорилъ онъ женскимъ голосомъ Миловидовой въ Державинской шуткѣ: — Ты, Варенька, скажи первому Кондратью, каммердинеру, который, за отсутствіемъ управителя, надзираетъ за кухнею, чтобы приготовилъ, между прочимъ, куръ съ шампиньонами: дяденька это блюдо очень любитъ. Ты, Вѣринька, второму Кондратью, садовнику, вели припасти вязъ съ повелицей. Дубу и лавру здѣсь нѣтъ; неравно намъ вздумается отставному служивому поднести, по древнимъ обычаямъ, свойственный ему вѣнокъ. А ты, Пашенька, скажи третьему Кондратью, музыканту, чтобъ онъ приготовилъ для огромности хоровъ рогъ съ барабаномъ. Смотрите же, не забудьте, а я пойду одѣваться.«

При этихъ словахъ Дмитревскій повернулся, будто уходитъ, обдернулъ себѣ съ жеманствомъ сюртукъ, будто поправляетъ женское платье, и тѣмъ-же голосомъ продолжалъ, будто обращаясь къ тремъ Кондратьямъ:

»— Приготовили-ль, друзья мои, что̀ вамъ приказывали дѣти?

»— Все готово, сударыня, все готово... отвѣчалъ онъ самъ себѣ разными голосами трехъ Кондратьевъ.

»— Гдѣ-жь?

»— Вотъ здѣсь, отвѣчалъ онъ отъ лица пер-

ваго Кондратья-каммердинера, подавая со стола салфетку.

»— Да что̀ это?

»— Туръ *) съ панталонами.

»— Какъ? Тебѣ приказывали куръ съ шампиньонами?

»— Мнѣ такъ послышалось.

»— Какой вздоръ! (Дмитревскій-Миловидовъ обернулся къ воображаемому Кондратью-садовнику.) У тебя что?

(Въ рукахъ его очутился салатникъ.)

»— Мохъ съ тюльпаномъ.

»— Какая чепуха! Тебѣ приказанъ рогъ съ барабаномъ.

»— Я не музыкантъ.

»— У тебя что? былъ, наконецъ, послѣдній вопросъ его къ невидимкѣ Кондратью-музыканту: — Вязъ съ повелицей?

»— Нѣтъ! Басъ со скрипицей, былъ отвѣтъ — и бутылка съ рюмкой изобразили требуемые музыкальные инструменты.

»— Ха-ха-ха-ха! Сумасшедшіе! Вотъ каково тамъ, гдѣ много Кондратьевъ! Смѣхъ отъ нихъ и горе! Тому прикажи, того спроси — и увидишь хоть Кондратья, да не Кондратья! Ѳедотъ да не тотъ...«

Войдя совершенно въ роль, бывалый актеръ даже не пришепетывалъ; и голосъ и мимика

*) Туръ — парикъ.

его принадлежали именно тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ изображалъ. Когда онъ кончилъ, комната огласилась единодушными восторженными криками, а Державинъ, сидѣвшій еще за столомъ, снялъ съ головы колпакъ и отдалъ другу-актеру такой глубокій поклонъ, что коснулся лбомъ стола.

Но, вслѣдъ затѣмъ, поднялась общая суматоха. За необычнымъ оживленіемъ у дряхлаго старца-актера послѣдовалъ внезапный же упадокъ силъ. Какъ мертвецъ поблѣднѣвъ, онъ закатилъ глаза, схватился за грудь и навѣрное грохнулся бы на полъ, еслибы подоспѣвшіе молодые люди не подхватили его подъ мышки, не усадили въ кресло. Всѣхъ болѣе, казалось, перепугалась виновница всего, Прасковья Николаевна. Она суетилась около гостя, какъ около роднаго, и, наливъ ему стаканъ воды, почти насильно заставляла его пить.

— Спасибо вамъ, дуса моя... лепеталъ онъ, отпивая глотокъ за глоткомъ: — разгорячили вы меня, стараго, и, боюсь, пролежу я теперь сутки въ постели...

Сначала хозяева думали уложить его сейчасъ же въ постель. Но когда онъ немного оправился, рѣшено было перебраться въ сосѣднюю гостиную.

— Туда намъ и кофе подадутъ, сказала хозяйка: — тамъ вы отдохнете въ креслѣ.

— Да и я кстати маленько вздремну съ вами,

добавилъ хозяинъ: — такое ужь у меня положеніе:

»Тутъ кофе два глотка, всхрапну минутъ пятокъ;
Тамъ въ шахматы, въ шары иль изъ лука стрѣлами,
Пернатый къ потолку лаптой мечу летокъ
И тѣшусь разными играми.«

Гость слабо улыбнулся:

— Ой-ли?

— То есть было времечко... Ну, а нынче, понятно, только бостонъ да пасьянсъ. На закатѣ дней, въ чемъ нашему брату упражняться, какъ не въ терпѣніи — въ пасьянсѣ?

Дмитревскій помнилъ впослѣдствіи, какъ-бы въ какомъ-то туманѣ, что его перенесли въ креслѣ въ гостиную, и что онъ тамъ, не дождавшись даже кофе, крѣпко заснулъ. Во снѣ долетали до его слуха звуки клавесина, и когда онъ, наконецъ, очнулся, звуки эти не прекратились. На дворѣ совершенно уже смерклось; а гостиная, гдѣ отдыхалъ онъ попрежнему въ креслѣ, освящалась мягкимъ полусвѣтомъ покрытой абажуромъ лампы. Въ отдаленіи, за клавесиномъ сидѣла Прасковья Николаевна и играла одну изъ задушевныхъ пьесъ Баха, любимаго композитора хозяина. Самъ же хозяинъ, съ своей Тайкой за пазухой, въ мягкихъ туфляхъ неслышно расхаживалъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, опустивъ голову, отвѣсивъ губу, и одной рукой поглаживалъ Тайку, а другой билъ по воздуху тактъ.

Не желая прерывать его размышленій, Иванъ Аѳанасьевичъ тихомолкомъ окинулъ взоромъ остальныхъ присутствующихъ. За столомъ, на которомъ горѣла лампа, сидѣла хозяйка, вязавшая какой-то шарфъ, вѣроятно, для мужа; а около нея — другая племянница, вышивавшая бисеромъ кушакъ, какъ оказалось послѣ, также для дяди. На столѣ были разложены въ извѣстномъ порядкѣ карты: Гаврила Романовичъ, очевидно, раскладывалъ пасьянсъ, когда искусная игра Прасковьи Николаевны согнала его съ мѣста. Прочіе домочадцы расположились небольшими группами тамъ и сямъ въ тѣни, слушая также музыку и изрѣдка перешептываясь.

Дмитревскій попрежнему не шевелился и предался тихимъ старческимъ мечтамъ. Но вотъ, нѣжные звуки клавесина стали крѣпнуть, расти, учащаться — и Гаврила Романовичъ сбился съ такта и ускорилъ шагъ; колпакъ его сдвинулся на бекрень, губы крѣпко сжались, тусклые глаза разгорѣлись; дойдя опять до выходной двери, онъ не повернулъ уже назадъ, а вдругъ исчезъ. Музыка разомъ смолкла; музыкантша, а за нею и всѣ молодые слушатели встрепенулись, заговорили:

— Ну, завтра къ утрешнему кофею дяденька навѣрно принесетъ новые стихи!

Они не совсѣмъ ошиблись: »дяденька«, дѣйствительно, занялся стихами, хотя не новыми, а старыми, требовавшими отдѣлки. Когда всѣ

сошлись опять къ ужину въ столовую, онъ также явился туда съ довольной улыбкой, держа въ рукахъ объемистую тетрадь.

— Екатеринина Муза заговорила? спросилъ его Дмитревскій.

— Нѣтъ; ко мнѣ теперь она ужь рѣдко заглядываетъ, отвѣчалъ старикъ-поэтъ:

»Холодна старость — духъ, у лиры — гласъ отъемлетъ,
Екатерины Муза дремлетъ...«

Положивъ тетрадь на столъ около своего прибора, онъ то и дѣло съ нѣжностью поглядывалъ на нее; когда же, съ боемъ 11-ти часовъ, всѣ разомъ поднялись и стали прощаться на ночь, онъ вручилъ тетрадь гостю со словами:

— Прочтите, любезнѣйшій, и занотуйте, что нужно...

Дѣло это для Дмитревскаго было не ново. Продремавъ давеча часа два въ своемъ креслѣ въ гостиной, онъ такъ освѣжился, что не нуждался уже въ ночномъ отдыхѣ. Лежа въ постели, онъ принялся со скучающимъ видомъ перелистывать Державинскаго »Грознаго«, причемъ гдѣ писалъ карандашомъ на поляхъ, гдѣ просто ставилъ вопросительный или восклицательный знакъ, пока не дошелъ до послѣдней страницы. Тутъ онъ отъ души зѣвнулъ и загасилъ свѣчу.

Глава VII.

Два дня у Державина.

ВТОРОЙ ДЕНЬ.

»Тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ...«

(Прологъ къ Руслану и Людмилѣ).

таростъ не знаетъ долгаго сна. Не было еще шести часовъ утра, какъ Дмитревскій уже проснулся. Или, быть можетъ, его разбудилъ смутный говоръ, долетавшій къ нему сквозь тонкую стѣнку изъ смежной горницы? Онъ прислушался и явственно различилъ голоса хозяина и его мажордома Михайлыча. Гаврила Романовичъ давалъ послѣднему какія-то наставленія по хозяйству.

— Да гуся-то фаршированнаго, смотри, не забудь, говорилъ онъ: — Иванъ Аѳанасьичъ у насъ, самъ знаешь, какой знатокъ по кухонной части.

— Какъ не знать-съ, отвѣчалъ Михайлычъ.— Анисовки нонече, сударь, отмѣнно уродились;

такъ съ свѣжей капустой такой фаршъ дадутъ... А на счетъ февереку-то какъ прикажете?

— Ну, это — по части молодаго барина, Семена Васильича; съ нимъ и столкуйся.

Далѣе Дмитревскій разговора ихъ не дослышалъ: въ дверь къ нему осторожно заглянулъ его казачокъ. Убѣдившись, что баринъ не спитъ, онъ вошелъ съ вычищенными сапогами и платьемъ.

— Будете одѣваться, сударь?

— Да, пора.

Оканчивая уже туалетъ, Иванъ Аѳанасьевичъ случайно увидѣлъ въ окошко живую группу: на ступенькахъ крыльца сидѣлъ Гаврила Романовичъ въ неизмѣнныхъ своихъ колпакѣ да халатѣ, а вокругъ него толпилось человѣкъ двадцать босоногихъ деревенскихъ ребятишекъ.

— Каждое утро, вишь, у нихъ здѣсь тоже, сказывали мнѣ, пояснилъ казачокъ: — молитвы учатъ, да ссоры ребячьи разбираютъ.

— Подай-ка шляпу да, вонъ, тетрадку, сказалъ баринъ и, опираясь на казачка, вышелъ также на крыльцо.

Державинъ сидѣлъ къ нему спиной и не замѣтилъ его прихода.

— Ну, вотъ такъ-то; на сегодня и будетъ съ васъ, други мои, говорилъ онъ и, взявъ въ руки стоявшую рядомъ на ступенькѣ корзиночку съ медовыми пряниками, сталъ раздавать ихъ дѣтямъ.

Тѣ наперерывъ выхватывали ихъ изъ его рукъ.

— А мнѣ-то! мнѣ, дяденька!

— Отчего же нынче, дяденька, не крендели, а пряники? Нешто нынче праздникъ? сыпались вопросы.

— И какой еще праздникъ-то! пріятеля закадычнаго изъ Питера чествую, отвѣчалъ »дяденька«.

— Вонъ, этого самаго?

Державинъ обернулся.

— А! Иванъ Аѳанасьичъ! вы здѣсь? Ну, какъ почивать изволили?

— Благодарю васъ, отвѣчалъ тотъ. — Да я вамъ, ваше высокопревосходительство, не мѣшаю ли?

— Нѣтъ, мы съ ребятами какъ-разъ покончили. Вотъ что, дѣтушки: ступайте по домамъ, да скажите парнямъ и дѣвчатамъ, отцамъ и матерямъ, что, молъ, всѣмъ имъ отъ меня тутъ угощеніе будетъ. Поняли?

— Какъ не понять! Не въ первый разъ...

— Ну, пошли. Съ Богомъ!

Весело горланя, дѣти въ разсыпную бросились прочь отъ крыльца. Тутъ, между тѣмъ, Гаврила Романовичъ увидалъ свою завѣтную тетрадь въ рукахъ друга-актера.

— Ага! прочли? спросилъ онъ, и въ глазахъ его забѣгалъ безпокойный огонекъ.

— Прочелъ-съ... Очень хоросо... невнятно про-

бормоталъ Дмитревскій и, не глядя на Державина, подалъ ему тетрадь.

Сидѣвшая за пазухой Гаврилы Романовича Тайка ошибочно поняла движеніе гостя и сердито на него заворчала.

— Ну, ну, ну! не тронетъ онъ меня, успокоилъ ее хозяинъ и дрожащими пальцами сталъ перебирать листы тетради. — Много, кажись, замѣчаній...

— Ваше высокопревосходительство, отвѣчалъ Дмитревскій: — будьте совершенно спокойны: эти замѣчанія дѣлаю я не для васъ; но, вы знаете, на театрѣ всегда бываютъ прощалыги, которые готовы за все придираться къ авторамъ. Отъ нихъ-то я и хочу уберечь васъ.

— Бываютъ, охъ, бываютъ! вздохнулъ Державинъ и указалъ себѣ на шею: — вонъ, гдѣ они сидятъ у меня!... Ну, да Господь теперь съ ними! Милости просимъ на балконъ: кофей, вѣрно, ужь ждетъ насъ. Вы, вѣдь, тамъ, кажись, еще не были?

— Нѣтъ-съ.

— Ну, вотъ, пойдемте, посмотрите, при утреннемъ освѣщеніи каковъ видъ-то!

Цѣлымъ рядомъ комнатъ прошли они на противоположную сторону дома и вышли на балконъ. Солнечное утро пахнуло имъ навстрѣчу; оба старика поздоровались съ суетившейся около дымящагося самовара Прасковьей Николаевной, такой же свѣжей и розовой, какъ солнечное утро.

— Она у меня, вѣдь, ранняя пташка, сказалъ Гаврила Романовичъ: — прочія нѣженки, изволите видѣть, еще сладко дрыхнутъ, а она ужь все для насъ приготовила.

— Можно, дяденька, налить вамъ и Ивану Аѳанасьичу? спросила племянница и взяла кофейникъ.

— Наливай, душенька, наливай; а мы вотъ съ нимъ покуда оглядимся.

— Что, васъ никакъ смущаютъ сіи смертоносныя орудія? съ усмѣшкой спросилъ онъ, видя, что гость въ недоумѣніи остановился передъ одной изъ небольшихъ чугунныхъ пушекъ, поставленныхъ на баллюстрадѣ балкона. — Вотъ нынче вечеромъ узнаете ихъ назначеніе, загадочно добавилъ онъ, — а покамѣсть полюбуйтесь-ка картиной природы. Ну, что, какъ находите, сударь мой?

Прислонившись къ одному изъ столбовъ, на которыхъ лежала крыша балкона, Дмитревскій засмотрѣлся на разстилавшуюся внизу панораму. Передъ каменной лѣстницей балкона, среди клумбъ цвѣтовъ, билъ фонтанъ, начиная отъ котораго, уступами шелъ довольно крутой спускъ къ Волхову. Голубая лента рѣки красиво извивалась между желтѣющими нивами, зеленѣющими лугами, а плывшія по ней барки и лодки пріятно оживляли этотъ мирный сельскій видъ. У берега, прямо противъ усадьбы, были привязаны къ плоту: большая крытая лодка и маленькій ботикъ.

— Это моя флотилія, самодовольно объяснилъ Гаврила Романовичъ: — на Гавріилѣ мы ѣздимъ всей семьей къ сосѣдямъ...

— На Гавріилѣ?

— Да, вонъ, на той лодкѣ; она окрещена такъ въ честь моего ангела-хранителя.

— А имя ботику, какъ вы полагаете, — какое? послышался со стороны стола звонкій голосокъ молодой хозяйки.

— Пашенька? спросилъ наугадъ гость, лукаво улыбнувшись.

— И не угадали! засмѣялась она въ отвѣтъ: — у дяди есть еще бо̀льшая любимица.

— Тайка?

— Ну, да!

— Такъ-съ.

Державинъ только погрозилъ пальцемъ племянницѣ, а потомъ показалъ Дмитревскому въ сторону, гдѣ за плетнемъ темнѣла кудрявая купа деревъ.

— А тамъ мой садъ фруктовый. Самъ сажаю, и не повѣрите, какая услада сбирать потомъ плоды рукъ своихъ!

— Но та бесѣдка, вонъ, что̀ на холмѣ, дядѣ еще милѣе, замѣтила Прасковья Николаевна, указывая, въ свою очередь, на виднѣвшуюся въ отдаленіи, на высотѣ, бесѣдку: — тамъ онъ по цѣлымъ часамъ бесѣдуетъ со своей Музой...

— И изъ-за нея забываетъ и жену, и весь

остальной міръ! внезапно раздался позади говорящихъ другой женскій голосъ.

Въ дверяхъ балкона стояла сама супруга старика-поэта, Дарья Алексѣевна. Послѣ обычныхъ взаимныхъ привѣтствій, она пригласила гостя за столъ и продолжала:

— Видите направо флигель? Это ткацкая, гдѣ ткутся у меня сукна да полотна. А спросите-ка Гаврилу Романыча, когда онъ въ послѣдній разъ былъ тамъ?

— И не дай Богъ мнѣ, душенька, безъ спросу вторгаться въ твою область! добродушно отозвался мужъ. — Вѣдь, и ты не тревожишь же моей Музы?

Понемногу на балконѣ собралось все остальное, заспавшееся общество. Веселый, неумолчный говоръ и смѣхъ огласили воздухъ.

— Только не по-заморскому болтайте, дѣтки! замѣтилъ Гаврила Романовичъ, когда послышалось нѣсколько французскихъ фразъ: — смотрите, чтобы съ вами не случилось того, что́ другъ мой Шишковъ, Александръ Семенычъ, продѣлалъ съ дѣвицей Турсуко́вой.

— Чтожъ онъ сдѣлалъ съ нею, дяденька?

— Что? А вотъ что. Былъ у этой дѣвицы роскошнѣйшій рисовальный альбомъ, вывезенный изъ Парижа; были въ немъ рисунки разныхъ свѣтилъ живописи; а подписи-то всѣ были французскія, даже русскихъ художниковъ.

»— Какой позоръ! сказалъ Александръ Семе-

ничъ:—русскій художникъ рисуетъ для русской дѣвицы—и стыдится подписаться русскими буквами; совсѣмъ исковеркалъ свое бѣдное имя!

»Какъ на грѣхъ подвернулся ему тутъ шутникъ-племянникъ (на манеръ вотъ моего Сени)!

»— Да не угодно ли, говоритъ, дядя, перо и чернилъ?

»— Давай! сказалъ Александръ Семенычъ; взялъ перо, обмакнулъ въ чернила да и переправилъ всѣ, какъ есть, подписи на русскій ладъ; а на первой, заглавной страницѣ настрочилъ собственный куплетецъ:

›Безъ бѣлилъ ты, дѣвка, бѣла,
Безъ румянъ ты, дѣвка, ала;
Ты честь, хвала отцу, матери,
Сухота сердцу молодецкому.«

»Внизу же, какъ подобаетъ, расчеркнулся:

»Александръ Шишковъ.«

Анекдотъ хозяина еще болѣе развеселилъ молодыхъ мужчинъ. Барышни, напротивъ, надули губки.

— А что же сказала дѣвица на такую непрошенную любезность? спросила одна изъ барышенъ: — поблагодарила?

— Отъ радости словъ не нашла: расплакалась, а альбомъ отправила опять въ Парижъ — вывесть помарки; но стихи Александра Семеныча не похерила-таки, сохранила!

— Теперь, однакожъ, и Александру Семенычу икается, вступился за обиженную дѣвицу Дмитревскій.

— Что такъ?

— Да такъ-съ... Задѣваютъ ужь больно его съ »Бесѣдой« молодые »карамзинисты«; сочинили стихотворный пасквиль...

Тутъ кстати будетъ сказать нѣсколько словъ по поводу упомянутой Дмитревскимъ »Бесѣды« —литературнаго общества, къ которому принадлежалъ и Державинъ.

Когда, въ концѣ прошлаго столѣтія, начинающій еще писатель Карамзинъ сталъ печатать свои »Письма русскаго путешественника«, чисто - разговорный языкъ этихъ писемъ (помимо ихъ любопытнаго содержанія) возбудилъ къ автору ихъ симпатіи большинства читателей, особенно молодаго поколѣнія. Зато приверженцы стариннаго слога ополчились противъ него, и глава ихъ, академикъ Шишковъ, выпустилъ свое знаменитое »Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ«. Ближайшій другъ Карамзина, извѣстный также въ свое время стихотворецъ Дмитріевъ, уговаривалъ его написать возраженіе. Карамзинъ, который, между тѣмъ, былъ сдѣланъ исторіографомъ (31-го октября 1803 г.) и порвалъ уже всякую связь съ текущей литературой, долго отнѣкивался. Наконецъ, вынужденный уступить, онъ написалъ обширную статью противъ Шишкова и прочелъ ее своему пріятелю.

— Одобряешь? спросилъ онъ его.

— И весьма! былъ отвѣтъ.

— Ну, вотъ, сказалъ Карамзинъ: — я исполнилъ твою волю. Теперь позволь мнѣ исполнить свою...

И, съ этими словами, онъ бросилъ тетрадь въ каминъ.

Но друзья его не угомонились. Молодой, талантливый писатель Дашковъ, въ брошюрѣ своей: »О легчайшемъ способѣ отвѣчать на критику«, разобралъ »Разсужденіе« Шишкова, какъ говорится, по косточкамъ и доказалъ незнаніе имъ основныхъ правилъ русскаго и славянскаго языковъ. Вслѣдъ за нимъ и прочіе молодые литераторы въ журналахъ и отдѣльныхъ брошюрахъ осыпали Шишкова градомъ насмѣшекъ. Тотъ бросился за совѣтомъ къ своему сотоварищу по старинному слогу, Державину: что̀ ему дѣлать?

— Да махнуть рукой, отвѣчалъ Гаврила Романовичъ совершенно въ томъ же примирительномъ духѣ, какъ отвѣчалъ Дмитріеву Карамзинъ: — мудрость въ срединѣ крайностей. »Дунь на искру — разгорится, сказалъ Іисусъ Сирахъ, — а плюнь, такъ погаснетъ.«

Шишковъ на видъ смирился, не сталъ препираться съ врагами печатно. Но, по его почину, шишковисты (какъ назывались тогда послѣдователи старинного слога) начали сбираться другъ у друга, для »противоборства нашествію иноплеменныхъ«. Большая часть »шишковистовъ« были литературныя посредственности, о которыхъ

въ наше время даже никто и не говоритъ. Но были между ними и выдающіеся таланты: Державинъ, Крыловъ, Гнѣдичъ, князь Шаховской (Гнѣдичъ, впрочемъ, впослѣдствіи вышелъ изъ ихъ кружка). Державинъ, у котораго былъ прекрасный барскій домъ въ Петербургѣ, съ колоннами по бокамъ и статуями четырехъ богинь надъ главнымъ фасадомъ, — отвелъ у себя для этихъ сборищъ большой залъ въ два свѣта, а на хоры поставилъ органъ *). Такъ образовалось литературное общество, сначала названное »Ликеемъ«, потомъ »Атенеемъ« и, наконецъ, »Бесѣдой или обществомъ любителей россійской словесности«. Уставъ новаго общества былъ представленъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Разумовскимъ, на Высочайшее утвержденіе, и первое публичное чтеніе »Бесѣды« состоялось 11-го марта 1811 года. Ожидали даже, что будетъ государь. Для привѣтствія его Державинъ сочинилъ гимнъ: »Срѣтеніе Орфеемъ Солнца«, который Бортнянскій положилъ на музыку. О новомъ обществѣ шло въ высшемъ кругу уже такъ много толковъ, что на первое засѣданіе стеклась вся столичная знать, числомъ не менѣе 200 человѣкъ. Но государь чѣмъ-то былъ задержанъ и не пріѣхалъ. Съ тѣхъ поръ собранія »Бесѣды« вошли

---

*) Бывшій домъ Державина, на Фонтанкѣ, у Измайловскаго моста, занятъ, въ настоящее время, римско-католической коллегіей.

въ моду, и весь цвѣтъ Петербурга — блестящіе мундиры и бальныя платья — разукрасили державинскій залъ. »Бесѣда« гремѣла и торжествовала, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Шишковъ, одинъ изъ четырехъ предсѣдателей ея (другими тремя были: Державинъ, А. С. Хвостовъ и Захаровъ), сдѣлался президентомъ Россійской Академіи, а попечителями четырехъ отдѣловъ »Бесѣды« были назначены четыре министра, въ томъ числѣ прежній недругъ Шишкова, Ив. Ив. Дмитріевъ, а Карамзинъ, родоначальникъ молодой партіи, былъ избранъ въ почетные члены »Бесѣды«.

И вдругъ теперь, когда онъ, Гаврила Романовичъ, правая рука Шишкова, удалился только на лѣто въ деревню, чтобы набраться къ осени свѣжихъ силъ, — близкій пріятель и гость его, Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій, самъ состоявшій почетнымъ членомъ »Бесѣды«, позволяетъ себѣ во всеуслышаніе, при его домашнихъ, говорить о какомъ-то пасквилѣ на Шишкова!

— Да авторъ-то пасквиля неизвѣстенъ? спросилъ Державинъ, нахмуривъ брови.

— Называютъ Дашкова.

— Опять этотъ Дашковъ!

— А вы, Иванъ Аѳанасьичъ, не помните тѣхъ стиховъ? неосторожно спросилъ одинъ изъ молодыхъ людей.

— Какъ не помнить. Не совсѣмъ еще память отшибло.

— Скажите ихъ намъ!

— Да вотъ, какъ дядюшка вашъ...

— Позвольте, дядя, сказать ихъ?

— Да вѣдь, они, вѣрно, злы и непристойны?

— Злы — да, несомнѣнно; непристойны — нѣтъ.

— Чтожъ, пожалуй, говорите, нехотя разрѣшилъ Гаврила Романовичъ.

Дмитревскій поднялъ глаза къ стропиламъ балкона и началъ какимъ-то замогильнымъ голосомъ, но съ обычнымъ своимъ искуствомъ:

»Мятется сонмъ — но вдругъ, трикратно
Прокашлявши, встаетъ Шишковъ;
Шишковъ, отъ чьихъ рѣчей зѣваютъ,
Кого читатели не знаютъ,
Но знаетъ бѣдный Глазуновъ... *)
Встаетъ — въ молчаніи глубокомъ,
Благоговѣютъ всѣ предъ нимъ.
Вращая всюду мрачнымъ окомъ,
Въ церковномъ слогѣ и высокомъ,
Гласитъ къ сочленамъ онъ своимъ:
»Воспряньте, други, отъ покоя!
Насталъ бо лютой распри часъ!
На то сію »Бесѣду« строя,
Въ едину купу собралъ васъ...«

Нѣсколько разъ хозяинъ порывался перебить декламатора; но тотъ упорно глядѣлъ въ потолокъ. Дойдя до послѣдняго стиха, онъ, будто съ просонья, захлопалъ глазами, недоумѣвая оглядѣлся.

— Что, не заснули еще, господа? А меня ужь,

---

*) Петербургскій книгопродавецъ.

признаться, совсѣмъ сонъ клонитъ... добавилъ онъ, зѣвая въ руку.

— Зѣвота ужасно заразительна! засмѣялась одна изъ барышенъ, также закрывая ротъ рукою.

— Особенно, когда рѣчь идетъ о »Бесѣдѣ«, подхватилъ Капнистъ, громко уже зѣвая.

Кругомъ раздались общіе зѣвки, общій смѣхъ.

— И вовсе не смѣшно, а неприлично! съ неудовольствіемъ замѣтилъ Державинъ.

— Но согласитесь, дяденька, сказалъ племянникъ, — что чтенія »Бесѣды« крайне сухи, и только басни Крылова нѣсколько разгоняютъ скуку.

— Чтенія наши, другъ мой, служатъ не ребячьей забавѣ, а родной словесности: они насквозь пропитаны русскимъ духомъ...

— Да Карамзинъ-то, который написалъ »Мароу Посадницу«, который пишетъ теперь »Исторію Государства Россійскаго«, — развѣ менѣе русскій, чѣмъ мы съ вами? И не сами ли вы, дядя, предложили его въ почетные члены »Бесѣды«?..

— Вотъ присталъ! отмахнулся дядя. — Ты меня, любезный, чего добраго, еще въ карамзинскую вѣру совратить хочешь?

— Да не мѣшало бы, дядя...

— Что?! Вотъ не было печали...

Дарья Алексѣевна, видя, что споръ ихъ начинаетъ принимать слишкомъ острый харак-

теръ, озаботилась дать разговору другое направленіе. Подойдя къ периламъ балкона, она крикнула внизъ, къ рѣкѣ:

— Дѣвчонка! а, дѣвчонка!

Дмитревскій машинально оглянулся. На плоту, у берега рѣки, стояла 70-тилѣтняя старушка съ подобраннымъ подоломъ, и удила рыбу; никакой другой »дѣвчонки« кругомъ не было видно. Но что окрикъ хозяйки относился именно къ ней, подтвердилось тѣмъ, что старуха, наскоро оправивъ подолъ и свернувъ лесу на удилищѣ, откликнулась въ отвѣтъ:

— Сейчасъ, сударыня!

— Почему вы ее называете дѣвчонкой? удивился Дмитревскій.

— Да такъ, знаете, по старой привычкѣ, отвѣчала Дарья Алексѣевна. — Анисью Сидоровну дали мнѣ еще въ приданое, и она у меня здѣсь, въ Званкѣ, теперь то же, что у Гаврилы Романыча его Михайлычъ.

Когда Анисья Сидоровна поднялась по косогору къ балкону, барыня приказала ей распорядиться достать изъ огорода арбузъ, »да поспѣлѣе«.

— Гаврила-то Романычъ у насъ, вѣдь, кромѣ арбузовъ, никакихъ фруктовъ не уважаетъ, пояснила она гостю.

До обѣда Иванъ Аѳанасьевичъ удалился въ отведенный ему покой, чтобы отдохнуть часокъ. Когда онъ вошелъ, затѣмъ, въ гостиную, то

засталъ уже тамъ нѣсколько сосѣдей-помѣщиковъ, за которыми было нарочно послано въ честь рѣдкаго столичнаго гостя. Ожидали изъ села Грузина, отстоящаго отъ Званки всего на 18 верстъ, еще всесильнаго тогда военнаго министра графа Аракчеева; но оказалось, что тотъ былъ вызванъ въ Павловскъ, по случаю описаннаго нами выше царскаго праздника, и въ имѣніе свое еще не возвратился.

— Зналъ бы, такъ не переодѣвался бы! сказалъ Державинъ, съ сожалѣніемъ оглядывая на себѣ коричневый фракъ, короткіе брюки и сапожки, которые замѣнили теперь столь милые ему халатъ и туфли, и поправляя на головѣ парикъ съ косичкой, заступившій мѣсто столь удобнаго колпака.

Несмотря, однако, на отсутствіе именитаго сосѣда, а можетъ быть, именно благодаря его отсутствію, обѣдъ прошелъ чрезвычайно оживленно. Предложенный хозяиномъ первый тостъ за императора Александра и августѣйшую мать его Марію Ѳеодоровну былъ единодушно подхваченъ всѣми.

На этотъ разъ Гаврила Романовичъ отказался, въ видѣ исключенія, даже отъ короткаго послѣобѣденнаго сна.

— Теперь, государи мои, покорнѣйше прошу слѣдовать за мною на вольный воздухъ, предложилъ онъ гостямъ и, весело посвистывая, вышелъ впереди всѣхъ.

Неразлучная съ нимъ Тайка съ пронзительнымъ лаемъ выбѣжала вслѣдъ за нимъ и, отъ радости, что можетъ погулять, запрыгала и закружилась у его ногъ.

Все общество длинной вереницей потянулось къ тому холму съ бесѣдкой, гдѣ старикъ-поэтъ (какъ разсказывала поутру Дмитревскому Прасковья Николаевна) всего чаще вдохновлялся. Послѣднимъ поплелся своей дрожащей походкой, поддерживаемый казачкомъ, старецъ-актеръ.

У подножія холма шумѣла уже толпа разряженныхъ крестьянскихъ парней и дѣвушекъ; въ сторонѣ чинно стояла кучка деревенскихъ хозяевъ-мужиковъ и бабъ. Когда все общество »господъ« расположилось въ бесѣдкѣ и по зеленому скату холма, приблизился мажордомъ Михайлычъ, въ сопровожденіи двухъ дворовыхъ, которые несли за спиной туго-набитые мѣшки. Гаврила Романовичъ поднялся на ноги, обнажилъ голову и, указывая на Дмитревскаго, сказалъ собравшемуся внизу народу такую рѣчь:

— Вотъ старый другъ и пріятель мой изъ Питера привезъ добрую вѣсточку, что нашъ царь-батюшка благополучно вернулся изъ чужихъ краевъ восвояси. Матушка-царица устроила ему пиръ горой, какого не было, говорятъ, и не будетъ. Возрадуемся же и мы, вѣрноподданные, насколько средствъ и умѣнья нашихъ хватитъ. Вали!

Послѣднее слово относилось къ двумъ дворо-

вымъ, которые не замедлили развязать принесенные ими мѣшки и высыпать подъ гору, что̀ тамъ было. По всему скату покатились, запрыгали краснощекія яблоки, сорванныя, какъ видно, только-что съ деревъ барскаго фруктоваго сада. То-то было веселье, то-то потѣха для мужской деревенской молодежи! Съ крикомъ и смѣхомъ, толкаясь и валясь другъ на дружку, парни брали каждое яблоко съ бою. Дѣвушки скромно отстранились. Между тѣмъ, Михайлычъ мигнулъ двумъ другимъ дворовымъ и тѣ поднесли сошедшему внизъ барину: одинъ — корзину съ разными лакомствами и принадлежностями сельскаго женскаго туалета; другой — бутыль полугара и серебряный стаканчикъ.

— Подойдите-ка сюда, красныя, да и вы, молодушки и старушки, кивнулъ Гаврила Романовичъ дѣвушкамъ и бабамъ.

Подталкивая другъ друга, хихикая и закрываясь рукавами, онѣ стояли на мѣстѣ, не рѣшаясь подойти.

— Чего закобянились? Аль не понимаете барской ласки? проворчалъ на нихъ Михайлычъ.

Тогда одна за другой, не безъ робости и жеманства, стали подходить онѣ къ барину. Отдавъ короткій поклонъ, каждая поскорѣе отходила опять отъ него, унося съ собой либо полный передникъ орѣховъ и пеструю ленту, либо пригоршню пряниковъ, леденцовъ и пестрый платочекъ.

Послѣ прекраснаго пола насталъ чередъ непрекрасному: каждый бородатый крестьянинъ получалъ изъ собственныхъ рукъ барина полный до краевъ стаканчикъ »зелена вина«. Зажмурясь отъ удовольствія и кряхнувъ, каждый обтиралъ рукой мокрые усы и со словами: »добраго тебѣ здоровья, баринъ,« — уступалъ мѣсто слѣдующему.

— И любятъ же они Гаврилу Романыча: по глазамъ видно! отнесся Дмитревскій къ стоявшему около него молодому Капнисту.

— Какъ имъ его не любить! отвѣчалъ тотъ: — они у него, какъ у Христа за пазухой: скотскій ли падежъ у нихъ, неурожай или пожаръ — онъ купитъ имъ и корову, и лошадь, дастъ хлѣба, выстроитъ новую избу.

Наибольшее удовольствіе, казалось, испытывалъ самъ Гаврила Романовичъ.

— Конецъ перваго дѣйствія и занавѣсъ опускается! весело объявилъ онъ гостямъ, окончивъ раздачу. — Теперь пойдутъ у нихъ хороводы и игрища. Кому любо — пусть посмотритъ, а мы, старички, примемся за бостонъ. Не такъ ли, Иванъ Аѳанасьичъ?

— Какъ прикажете, ваше высокопревосходительство!

— Оставьте-ка теперь въ покоѣ мой чинъ! А то не угодно ли, можетъ, въ шашки-шахматы, или, просто, стариной тряхнуть — т а р а б а р а п р о к о м а р а? Прошу, господа, за мной!

Подпѣвая, онъ бодро направился опять во главѣ гостей обратно къ дому. Здѣсь, въ кабинетѣ, были уже разставлены ломберные столы; за однимъ изъ нихъ помѣстился, вмѣстѣ съ хозяиномъ, Дмитревскій. Въ открытыя окна неслись къ нимъ нескончаемыя хороводныя пѣсни. Немного погодя, изъ гостиной раздались веселые звуки клавесина: молодые »господа« также затѣяли танцы. Наконецъ, и эти звуки были заглушены духовой музыкой подъ самыми окнами.

— Каково навострились-то? похвалился хозяинъ: — а вѣдь, изъ своихъ же крѣпостныхъ!

Но картежникамъ за музыкальнымъ шумомъ нельзя было уже разслышать собственныхъ словъ, и одинъ изъ нихъ всталъ, чтобъ притворить окна и дверь.

— Что, развѣ громко? будто удивился Гаврила Романовичъ:

— »Они немножечко дерутъ«,

какъ говоритъ другъ мой Иванъ Андреичъ (Крыловъ):

›Зато ужъ въ ротъ хмѣльнаго не берутъ,
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ.‹

Съ наступленіемъ сумерекъ, балконъ засвѣтился пестрыми фонарями, а съ лодки, выѣхавшей на средину Волхова, стали взлетать къ темному небу разноцвѣтныя ракеты, отражавшіяся въ подвижномъ зеркалѣ рѣки.

— Не то, понятно, что у васъ въ Павловскѣ, говорилъ хозяинъ Дмитревскому, стоявшему

вмѣстѣ съ нимъ у окна, — а все же, вѣдь, изрядно, а? И все-то дѣло рукъ молодца-племянника, Сени!

Подбѣжавшій къ барину Михайлычъ шепнулъ ему что-то на ухо.

— Пали! сказалъ тотъ и предупредилъ гостя: — вы только не очень пугайтесь.

Вслѣдъ затѣмъ, съ балкона грянуло шесть подъ рядъ оглушительныхъ пушечныхъ выстрѣловъ, и, въ тоже время, весь скатъ къ рѣкѣ, усадьба съ окружающими ее деревьями и группы пировавшихъ подъ ними крестьянъ были ярко залиты бенгальскими огнями. Нескончаемые крики пирующихъ послужили краснорѣчивымъ отвѣтомъ на этотъ финалъ праздника.

— Помните стихи мои? спросилъ Державинъ Дмитревскаго:

— »Изъ жерлъ чугунныхъ громъ по праздникамъ реветъ;
Подъ звѣздной молніей, подъ свѣтлыми древами
Толпа крестьянъ, ихъ женъ вино и пиво пьетъ,
Поетъ и пляшетъ подъ гудками...«

Воспоминаніе о первыхъ двухъ дняхъ пребыванія въ Званкѣ такъ глубоко врѣзалось въ памяти старика-актера, что, возвратясь въ Петербургъ, онъ, по старческой болтливости, не разъ передавалъ до мельчайшихъ подробностей все испытанное имъ внуку своему, бывшему гувернеру лицейскому, Иконникову, а отъ послѣдняго, какъ мы скоро увидимъ, узнали тоже и наши лицеисты въ Царскомъ Селѣ, куда мы теперь и попросимъ читателей.

Глава VIII.

Убѣжище лицеистовъ.

»Вотъ онъ, пріютъ гостепріимный..
Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
Гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ
Садилось милое равенство.«

(Посланіе къ Толстому.)

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ, и живымъ,
Не помня зла, за благо воздадимъ.«

(19 октября.)

Второй день уже Пушкинъ лежалъ въ лазаретѣ. Былъ ли онъ тогда, дѣйствительно, боленъ? Объ этомъ не сохранилось достовѣрныхъ свѣдѣній. Несомнѣнно одно: что добрѣйшій докторъ Пешель, начинавшій также цѣнить назрѣвавшій талантъ молодаго лицеиста, по первому его требованію, охотно отводилъ ему больничную койку, на которой Пушкинъ имѣлъ полный досугъ предаваться своей стихотворной страсти. Здѣсь-то возникли многія изъ лучшихъ строфъ его лицейскихъ стихотвореній.

— Что-то опять стряпаетъ Пушкинъ? говорилъ шепотомъ горячій поклонникъ его, Кюхельбекеръ, сидѣвшему въ классѣ рядомъ съ нимъ

Дельвигу. — Еслибъ только подглядѣть въ его поэтическую кухню...

— И испортить ему всю стряпню, хладнокровно досказалъ Дельвигъ. — Ты очень хорошо знаешь, Кюхля, что Пушкинъ терпѣть не можетъ, когда ему мѣшаютъ.

— Знаю, дружище, знаю, и потому самъ ужь къ нему безъ спросу ни ногой. Но что̀ бы тебѣ, Тося, спуститься къ нему въ лазаретъ и осторожно выпытать, не прочтетъ ли онъ намъ хоть того, что у него готово? На тебя-то, закадычнаго друга, онъ не разсердится.

Дельвигъ пожалъ плечами.

— Пожалуй, узнаемъ.

Результатъ визита Дельвига къ своему »закадычному« другу былъ неожиданно благопріятный: всѣ записные лицейскіе поэты, въ томъ числѣ и Кюхельбекеръ, получили негласное приглашеніе въ лазаретъ. Новый надзиратель, подполковникъ Фроловъ, который съ перваго же дня вступленія въ должность, своимъ солдатски-рѣзкимъ обращеніемъ съ воспитанниками, успѣлъ поставить между собой и ими неприступную стѣну формализма, — отнюдь не долженъ былъ знать объ этомъ сборищѣ въ »непоказанномъ« для того мѣстѣ. Поэтому одинъ только дежурный гувернеръ Чириковъ, вѣрный и испытанный покровитель лицейской Музы, былъ посвященъ въ тайну. Подъ его-то прикрытіемъ, собравшись послѣ 5-ти часоваго вечерняго чая на обычную

прогулку, приглашенные отдѣлились отъ остальныхъ товарищей и завернули въ лазаретъ.

— Извините, господа, что я васъ принимаю въ такомъ, не совсѣмъ салонномъ, облаченіи, развязно встрѣтилъ ихъ хозяинъ-Пушкинъ, запахивая на груди свой больничный халатъ. — Прошу садиться.

Гости, пошучивая также, расположились кругомъ, на чемъ попало: на кровати, на столѣ, на табуретахъ.

Всѣмъ было очень любопытно прослушать новѣйшее произведеніе первенствующаго собрата. Но ни у кого нетерпѣніе не выражалось такъ явственно, какъ у Кюхельбекера. Присѣвъ-было на край кровати, онъ тотчасъ вскочилъ опять на ноги, потому что и самъ Пушкинъ, со своими стихами въ рукахъ, остался стоять посреди комнаты.

— Позволь мнѣ, Пушкинъ, стать около тебя, проговорилъ онъ заискивающимъ голосомъ. — Ты, вѣдь, знаешь, я немножко тугъ на ухо отъ золотухи...

— Хорошо! сказалъ Пушкинъ. — Только ты все же не стекляный. Отойди-ка отъ свѣта.

— Ахъ, прости, пожалуйста!

— Такъ и быть, прощаю. Пьеса моя, господа,носитъ названіе: »Пирующіе студенты«. По заглавію вы уже, конечно, догадываетесь, что студенты эти — мы.

— Эге! вотъ оно что! обрадовался Кюхель-

бекеръ и сталъ потирать руки. — Но когда же мы, однако, пировали?

— А ты, видно, прозѣвалъ? Поздравляю! Пирушки наши, Сергѣй Гаврилычъ, какъ вы знаете, происходятъ у профессора Галича и, въ дѣйствительности, самыя трезвыя, продолжалъ Пушкинъ, обращаясь къ гувернеру: — чай да булочное печенье; но въ стихахъ позволителенъ нѣкоторый полетъ фантазіи, licentia poëtica (поэтическая вольность).

— Ну, ладно! читай! нетерпѣливо перебили его товарищи.

— »Друзья! досужный часъ насталъ,
Все тихо, все въ покоѣ...«

началъ поэтъ. Все кругомъ притаилось; можно было, кажется, разслышать полетъ мухи — если бы въ то время года водились мухи. Но вотъ авторъ предлагаетъ избрать президента »пирующихъ«. Кого-то онъ назоветъ?

»Апостолъ нѣги и прохладъ,
Мой добрый *Галичъ*, vale!..
Главу вѣнками убери —
Будь нашимъ президентомъ...«

— Браво! браво! раздались вокругъ одобрительные голоса.

— Дайте же ему читать, господа! умоляющимъ тономъ промолвилъ Кюхельбекеръ.

Пушкинъ продолжалъ:

»Дай руку, Дельвигъ! Что ты спишь?
Проснись, лѣнивецъ сонный!

Ты не подъ каѳедрой сидишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни! тутъ кругъ твоихъ друзей...«

При первомъ же обращеніи Пушкина къ своему другу-поэту взоры всѣхъ присутствующихъ устремились на Дельвига, на блѣдныхъ щекахъ котораго вспыхнула даже легкая краска. Но вскорѣ оказалось, что авторъ никого изъ пріятелей-поэтовъ не обошелъ, и когда онъ называлъ того или другаго, остальные, кивая, подмигивая или, просто, улыбаясь, оборачивались къ называемому. Сейчасъ за Дельвигомъ упоминался извѣстный мастеръ на экспромты и эпиграммы, Илличевскій:

»Острякъ любезный! По рукамъ!
Полнѣй бокалъ досуга
И вылей сотню эпиграммъ
На недруга и друга!«

За Илличевскимъ слѣдовалъ князь Горчаковъ, »красавецъ молодой, сіятельный повѣса«, а за Горчаковымъ — Пущинъ.

Когда Пушкинъ началъ только:

— »Товарищъ милый! другъ прямой!
Тряхнемъ рукою руку...«

и машинально протянулъ къ нему руку, — Пущинъ, въ порывѣ дружбы, схватилъ ее да такъ тряхнулъ, что у Пушкина суставы хрустнули, и онъ невольно вскрикнулъ.

— Да развѣ въ самомъ дѣлѣ больно? всполошился Пущинъ и принялся растирать пальцы друга.

— Эй, фельдшеръ! свинцовой примочки! крикнулъ шутникъ Илличевскій.

— Шпанскую мушку! подхватилъ кто-то другой.

Среди общей веселости Пушкинъ закончилъ куплетъ, посвященный Пущину:

»Нерѣдко и бранимся —
И тотчасъ помиримся.«

— Да какъ съ тобой не помиришься, голубчикъ? вполголоса замѣтилъ Пущинъ.

Едва замолкшій смѣхъ опять возобновился, когда очередь дошла до Яковлева:

»О, ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ
Однимъ весельемъ дышешь!
Забавный, право, ты поэтъ,
Хоть плохо басни пишешь.. «

— Да я никогда и не разсчитывалъ, господа, угоняться за вами, скромно отнесся Яковлевъ къ тремъ свѣтиламъ лицейскимъ: Пушкину, Дельвигу и Илличевскому.

— Ну, чтожъ это, право! Совсѣмъ слушать не даютъ! заворчалъ опять Кюхельбекеръ, который, какъ видно, уже смутно чуялъ, что и на его пай перепадетъ стишокъ.

Но ему пришлось нѣсколько потерпѣть: ранѣе его были упомянуты еще двое: Малиновскій:

»...повѣса изъ повѣсъ,
На шалости рожденный,
Удалый хватъ, головорѣзъ,
Пріятель неизмѣнный,« —

и Корсаковъ, »пѣвецъ, любимый Аполлономъ«, воспѣвающій »властителя сердецъ« »гитары тихимъ звономъ«.

»Неужели онъ меня одного забылъ?« мелькнуло въ головѣ Кюхельбекера, когда по интонаціи голоса чтеца можно было уже заключить, что чтеніе подходитъ къ концу. »За чтожъ такая немилость?«

— »Гдѣ вы, товарищи, гдѣ я?
Скажите Вакха ради,«

началъ Пушкинъ послѣдній куплетъ:

»Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради.
Писатель! за свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе:
Вильгельмъ! прочти свои стихи —
Чтобъ мнѣ уснуть скорѣе.«

Эфектъ отъ заключительной эпиграммы вышелъ полный. Кюхельбекеръ, почти помирившійся уже съ мыслью, что онъ забытъ, былъ ошеломленъ, какъ ударомъ кулака въ лобъ; остальные же слушатели, забывъ уже про автора, какъ по уговору, всей гурьбой кинулись къ »Вильгельму« и, наперерывъ прижимая его къ груди, приговаривали:

— »Вильгельмъ! прочти свои стихи —
Чтобъ намъ уснуть скорѣе!«

Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, Вильгельмъ рычалъ, какъ медвѣдь, неуклюже отбиваясь. Когда же, благодаря заступничеству Пушкина, онъ высвободился, наконецъ, отъ непрошенныхъ объятій,

то Пушкинъ долженъ былъ, по настоятельной его просьбѣ, вторично прочесть стихи сначала; причемъ Кюхельбекеръ, по своему природному добродушію, самъ уже съ другими смѣялся надъ усыпительностью своихъ стиховъ.

— Съ Дельвига ты началъ, мною кончилъ, стало быть, онъ — альфа, а я — омега лицейскихъ »снотворцевъ«, самодовольно сострилъ онъ.

— Съ тою только существенною разницею, пояснилъ острословъ Илличевскій, — что ты »снотворствуешь« въ дѣйствительномъ залогѣ, а Дельвигъ въ страдательномъ: ты усыпляешь, а онъ засыпаетъ.

По поводу приведеннаго выше стихотворенія: »Пирующіе студенты«, кстати будетъ здѣсь подтвердить еще разъ то, что говорилъ Пушкинъ Чирикову о собраніяхъ у профессора Галича: какъ свидѣтельствуютъ участники этихъ собраній, »пирушки«, описываемыя во многихъ лицейскихъ стихахъ Пушкина, происходили исключительно въ пылкомъ воображеніи молодаго поэта, подобно тому, какъ онъ свою »монастырскую келью« въ лицеѣ, »для красоты слога«, очерчиваетъ въ »Посланіи къ сестрѣ« такъ:

»Стулъ ветхій, необитый.
И шаткая постель,
Сосудъ водой налитый,
Соломенна свирѣль...«

Отъ солдатской »муштровки« надзирателя Фролова лицеистамъ необходимо было какое-нибудь

убѣжище, гдѣ бы можно было имъ поразмять члены, перевести духъ; и вотъ такимъ-то убѣжищемъ служила имъ уютная комнатка гостепріимнаго Галича. За стаканомъ чая да трубкой, дѣйствительно, запрещеннаго табаку, они могли тутъ по душѣ наговориться — о чемъ? Да прежде всего, разумѣется, о своихъ литературныхъ дѣлахъ. Въ одномъ изъ своихъ посланій къ Галичу Пушкинъ пишетъ:

»Смотри, тебѣ въ награду
Нашъ Дельвигъ, нашъ поэтъ,
Несетъ свою балладу
И стансы винограду...
И всѣ къ тебѣ нагрянемъ,
И снова каждый день
Стихами, прозой станемъ
Мы гнать печали тѣнь.«

Но чтеніемъ другъ другу собственныхъ своихъ юношескихъ опытовъ далеко не исчерпывались эти бесѣды лицеистовъ. Зачитываясь вновь выходящими журналами, всевозможными историческими и даже философскими книгами изъ лицейской библіотеки, они, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прочитаннаго, имѣли неодолимую потребность обмѣниваться возбужденными въ нихъ новыми мыслями, изощряться въ »празднословіи« и »праздномысліи« (собственныя выраженія Пушкина).

»Межъ ними все рождало споры
И къ размышленію влекло:
Племенъ минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,

И предразсудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя...«

(Евг. Онѣгинъ.)

Одно, впрочемъ, изъ такихъ сборищъ у Галича, особенно бурное, имѣло, преимущественно, учебный характеръ. Дѣло въ томъ, что общій шестилѣтній курсъ лицейскій раздѣлялся на два трехгодичные: младшаго и старшаго возраста. Между тѣмъ, 19 октября 1814 года истекло уже первое трехлѣтіе пребыванія Пушкина и его товарищей въ лицеѣ, и для перехода въ старшій курсъ имъ предстояло теперь сдать по всѣмъ предметамъ полный экзаменъ, который, въ довершеніе всего, долженъ былъ происходить еще публично. Хотя, для облегченія лицеистовъ, экзаменъ этотъ былъ отложенъ до января 1815 года, тѣмъ не менѣе, они трепетали не на шутку.

— Помилуйте, Александръ Иванычъ! на васъ вся надежда! пристали они къ Галичу, какъ только собрались опять у него.

— То-то! взялись за умъ, да поздно? подтрунилъ надъ ними молодой профессоръ. — О чемъ же вы, господа, раньше-то думали?

— Громъ не грянетъ — мужикъ не перекрестится, замѣтилъ Горчаковъ. — А впрочемъ, на Бога надѣйся, да самъ не плошай, говоритъ другая пословица.

— Ну, да! тебѣ-то, Горчаковъ, хорошо толковать, возразилъ Пушкинъ. — Тебя, да Вальховскаго, да, пожалуй, зубрилу Кюхельбекера хоть

сейчасъ проэкзаменуй — не срѣжетесь. Зато мы, прочіе, провалимся... до центра земли!

— А кто же виноватъ въ этомъ, другъ мой? спросилъ Галичъ.

— Да ужь, разумѣется, не мы.

— Не вы? Такъ ужь не мы ли, ваши наставники?

— А то кто же? Зачѣмъ насъ порядкомъ не приструнили?

— Такъ, такъ. Съ больной головы да на здоровую...

— Нѣтъ, господа, вмѣшался Пущинъ: — виновато во всемъ наше безпутное междуцарствіе: нѣтъ твердой руки надъ нами — и все врозь расползлось.

— А новый надзиратель вашъ, Фроловъ? спросилъ Галичъ: — кажется, человѣкъ твердый?

— Да, какъ камень! Но мы все-таки, какъ бы то ни было, не совсѣмъ ужъ дѣти или пѣшки; а онъ какъ нами помыкаетъ:

»— Руки по швамъ! Цыцъ! молчать!

»— Позвольте объяснить вамъ, Степанъ Степанычъ... начнешь, бывало, только.

»— Что-о-о-съ? Вы еще объясняться? Молокососы!

»— Извините, Степанъ Степанычъ, молокососами насъ даже профессора не называютъ.

»— Молчать! говорятъ вамъ. Маршъ въ карцеръ! Еще разсуждать вздумали?..

»Разсуждать, конечно, перестанешь; но — и слушаться тоже.«

— Вотъ это напрасно, сказалъ Галичъ: — онъ, такъ ли, сякъ ли, вашъ первый начальникъ, потому что Гауеншильдъ хотя и числится за директора, но такъ занятъ своимъ пансіономъ, что ему не до васъ. А что Степанъ Степанычъ ввелъ у насъ нѣкоторый порядокъ — этого, я думаю, и вы не станете отрицать. Новый экономъ, Камарашъ, кормитъ васъ, вѣдь, лучше Золотарева?

— Лучше. Но, вѣдь, это новая метла, Александръ Иванычъ...

— Все равно; на продовольствіе вамъ пока, стало быть, жаловаться нельзя. Затѣмъ, по предложенію же Фролова, у васъ введено теперь фехтованіе, введены танцы. То и другое, какъ упражненіе въ тѣлесной ловкости, вовсе не лишнее. Далѣе, онъ хлопочетъ уже о томъ, чтобы сдѣлать для васъ обязательнымъ и верховую ѣзду, т. е. то самое, что до сихъ поръ было только привилегіей графа Брогліо. Словомъ, онъ не знаетъ покоя, стараясь сдѣлать изъ лицея образцовое, по его понятіямъ, заведеніе.

— По его понятіямъ, да! подхватилъ Пушкинъ. — Онъ, можетъ быть, и сдѣлалъ для насъ то, другое, но все это не выкупаетъ тѣхъ стѣсненій, которыя мы отъ него выносимъ. Воспитанникъ закрытаго учебнаго заведенія, согласитесь, долженъ чувствовать тамъ себя, болѣе или менѣе,

какъ дома; лицей и былъ для насъ до сихъ поръ какъ бы роднымъ домомъ; но, по милости Фролова, онъ скоро, кажется, совсѣмъ намъ опостылитъ.

— Эхъ, господа! сказалъ Галичъ. — Немножечко обкарнали вамъ крылышки, чтобы далеко не залетали, такъ вы ужь и судьбу свою клянете. Чтобы вѣрно судить о предметѣ, надо сравнивать его всегда съ другими однородными. Слышали вы про іезуитскій коллегіумъ въ Петербургѣ?

— Какъ не слыхать! отвѣчалъ Пушкинъ. — Меня самого даже родители предполагали сперва пристроить туда; но тутъ какъ-разъ открылся лицей, и меня отдали сюда.

— Благодарите же Бога, что не попали къ іезуитамъ!

— А что же? Вѣдь, коллегіумъ ихъ считается въ Петербургѣ чуть ли не самымъ аристократическимъ заведеніемъ?

— Многіе аристократы, точно, отдаютъ туда своихъ дѣтей. Но почему? потому, что коллегіумъ въ модѣ, а въ модѣ потому, что всѣ предметы, даже русская словесность, преподаются тамъ по-французски; французскій же языкъ нынче для насъ дороже своего отечественнаго! Наконецъ, древніе языки, а также и математика, какъ слышно, идутъ тамъ довольно успѣшно. Зато родная рѣчь и православный законъ Божій въ полномъ загонѣ.

— Потому, вѣрно, что начальство училища — католическіе патеры?

— Да. На устахъ, вѣдь, у этихъ господъ христіанское милосердіе, а на дѣлѣ — неумолимая строгость.

— На языкѣ медъ, а подъ языкомъ ледъ?

— Буквально. За малѣйшій проступокъ воспитанники лишаются свободы и пищи, подвергаются тѣлесному наказанію. Но это еще не все. Они шагу ступить не могутъ, чтобы обо всемъ не узнало сейчасъ ихъ начальство.

— Какими же путями?

— А вопервыхъ, въ дверяхъ дортуаровъ у нихъ, конечно, продѣланы такія же рѣшетки, какъ и у васъ здѣсь, въ лицеѣ. Но, по природному благодушію русскаго человѣка, гувернеры ваши ни мало не стѣсняютъ васъ своимъ надзоромъ. Питомцы же іезуитовъ ни на минуту не могутъ быть увѣрены, что изъ-за рѣшетки не слѣдитъ за ними зоркій глазъ, чуткое ухо дежурнаго патера. Они не могутъ быть даже увѣрены въ собственныхъ своихъ товарищахъ: выбранные начальствомъ изъ ихъ же среды аудиторы переспрашиваютъ у нихъ уроки и непокорныхъ выдаютъ головою. А нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, безъ вѣдома остальныхъ, играютъ роль шпіоновъ и доносчиковъ, по іезуитскому правилу: цѣль оправдываетъ средства...

— Но это Богъ знаетъ что такое! это не жизнь, а адъ! ужасались лицеисты.

— И я чуть-было не угодилъ туда... проговорилъ, съ дрожью въ тѣлѣ, Пушкинъ.

— Зато стали бы тихимъ, аки агнецъ, и мудрымъ, аки змій! съ горькой усмѣшкой замѣтилъ Галичъ.

— И какъ это еще терпятъ у насъ подобное заведеніе!

— Пока терпѣли; но дни господъ іезуитовъ, я слышалъ, уже сочтены. *) Такъ вотъ, друзья мои, и извольте-ка сравнить положеніе тѣхъ воспитанниковъ съ вашимъ. Тѣлесныхъ наказаній у васъ не допускается уже по самому уставу лицея. Свобода ваша ничѣмъ почти не стѣснена. Вы видаетесь съ вашими родными, когда угодно; гуляете по парку и между публикой у музыки, безъ опасенія, что кто-нибудь васъ подслушаетъ; вы бываете даже въ городѣ на домашнихъ спектакляхъ у графа Толстого; собираетесь вотъ у меня для литературныхъ бесѣдъ; наконецъ, можете посвящать страсти вашей къ поэзіи все ваше досужное время...

— И даже недосужное! подхватилъ весельчакъ Илличевскій. — Недавно, знаете, на урокѣ алгебры у профессора Карцова, вышелъ презабавный анекдотъ. Пушкинъ, какъ обыкновенно, усѣлся на задней скамейкѣ, чтобы удобнѣе, знаете, было писать стихи. Вдругъ Яковъ Ива-

*) Петербургскій іезуитскій коллегіумъ, по распоряженію правительства, закрытъ въ 1815 году; а пять лѣтъ спустя, въ 1820 г., изгнаны изъ предѣловъ Россіи и всѣ іезуиты.

нычъ вызываетъ его къ доскѣ. Онъ очнулся, какъ со сна, идетъ къ доскѣ, беретъ мѣлокъ въ руки, да и стоитъ съ разинутымъ ртомъ.

»— Чего вы ждете? пишите же! говоритъ ему Яковъ Иванычъ.

»Сталъ онъ писать формулы, пишетъ себѣ да пишетъ, исписалъ всю доску. Профессоръ смотритъ и молчитъ, только тихо, про себя, посмѣивается.

»— Что-же у васъ вышло? спрашиваетъ онъ, наконецъ: — чему равняется иксъ?

»Пушкинъ самъ тоже смѣется.

»— Нулю! говоритъ онъ.

»— Хорошо! говоритъ Яковъ Иванычъ: — у васъ, Пушкинъ, въ моемъ классѣ все кончается нулемъ. Садитесь на свое мѣсто и пишите стихи.«

Анекдотъ Илличевскаго имѣлъ полный успѣхъ: всѣ весело хохотали, начиная съ Галича и кончая Пушкинымъ.

— Да вѣдь, математика — Ахиллесова пята моя, заговорилъ Пушкинъ. — Другое дѣло, напримѣръ, не менѣе серьёзный предметъ — логика. Потому ли, что Куницынъ читаетъ ее такъ занимательно, потому ли, что онъ лично такъ расположенъ ко мнѣ, или же естественная логика дается мнѣ легче искуственной — математической, — только къ логикѣ я готовлюсь всегда очень охотно.

— Хотя и не имѣешь собственныхъ записокъ! смѣясь, добавилъ Илличевскій.

— На что мнѣ онѣ, коли я могу взять ихъ всегда у любаго изъ васъ? былъ легкомысленный отвѣтъ.

(Надо замѣтить, что въ то время въ лицеѣ не было еще печатныхъ руководствъ, и лицеисты переписывали для себя тетради профессоровъ).

— На меня, Пушкинъ, вамъ тоже, я думаю, нельзя жаловаться, чтобы я черезчуръ прижималъ васъ? спросилъ Галичъ.

— О, нѣтъ! вы-то, Александръ Иванычъ, очень снисходительны...

— Такъ кто же черезчуръ взыскателенъ? Кайдановъ?

— Нѣтъ, исторію я тоже люблю и, обыкновенно, знаю урокъ.

— Такъ не Де-Будри же? Вѣдь, не даромъ товарищи васъ прозвали даже »французомъ«.

— Нѣтъ, съ Давидомъ Иванычемъ мы большіе пріятели, отвѣчалъ Пушкинъ. — Но зато съ нѣмцемъ Гауеншильдемъ воюемъ не на жизнь, а на смерть.

— Только-то, значитъ? Нравомъ онъ, пожалуй, дѣйствительно, тяжелъ, но у него есть и свои достоинства: онъ хорошо знаетъ свой предметъ, очень начитанъ. И изъ-за него-то одного вы, Пушкинъ, готовы разлюбить нашъ дорогой лицей?

— Вы забываете, Александръ Иванычъ, новаго нашего надзирателя Фролова.

— Гм... да, хотя и онъ, какъ сказано, слу-

житъ по мѣрѣ силъ и умѣнья. Ну, чтожъ, и въ солнцѣ есть пятна, такъ какъ же земному учрежденію, лицею, быть безъ нихъ? По примѣру древней Руси, земля наша велика и обильна, но порядку въ ней нѣтъ. Однако, вамъ-то, господа-поэты, это только на руку: на невоздѣланной тучной нивѣ вашей, рядомъ съ сорными травами, расцвѣтаютъ и пышные розаны — цвѣты истинной поэзіи.

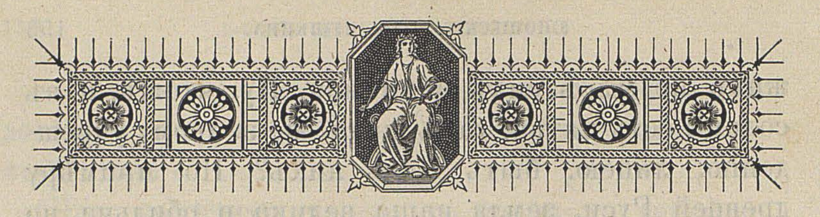
— Все это совершенно справедливо, Александръ Иванычъ, согласился дѣловымъ тономъ Пущинъ: — но въ данную минуту, намъ нужны не цвѣты, а плоды, или, вѣрнѣе, горькіе корни науки; по милости безначалія, ученіе у насъ, надо сознаться, шло это время довольно-таки плохо, и если вы, профессора, насъ не выручите на экзаменѣ, то мы васъ поневолѣ уже не выручимъ.

— Да, видно, придется васъ на сей разъ хоть за виски вытянуть изъ воды! сказалъ Галичъ.

— Хоть за виски! сдѣлайте божескую милость! взмолились хоромъ лицеисты.

— Постараюсь.

Молодой профессоръ сдержалъ свое обѣщаніе, и лицеисты, отъ перваго до послѣдняго, вышли сухи изъ воды.

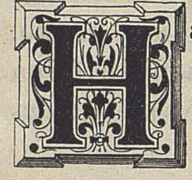

Глава IX.

Державинъ въ лицеѣ.

»И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный,
Крылатымъ Геніемъ и Граціей вѣнчанный,
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.«

(Посланіе къ Жуковскому).

аступило Рождество; но вмѣсто двухнедѣльнаго отдыха отъ классныхъ занятій, лицеистовъ ждала теперь усиленная »долбня«: во время самыхъ праздниковъ, 4-го января, предстоялъ имъ уже первый экзаменъ; а четыре дня спустя — второй. Правда, благодаря въ особенности содѣйствію Галича, задача имъ была значительно облегчена: секретно каждому изъ нихъ было объявлено, какой билетъ, изъ чего и кого спросятъ. Но такъ-какъ испытаніе должно было происходить публично, и присутствующей публикѣ предоставлялось право также предлагать воспитанникамъ вопросы, то имъ надо было быть готовыми на всякія случайности. Съ утра до вечера шла »долбня« въ перегонку, и даже въ свободные

часы, въ рекреацію и за столомъ, только и было рѣчи, что о научныхъ премудростяхъ.

Но вотъ, отъ правленія лицея разослали приглашенія присутствовать на экзаменѣ родителямъ воспитанниковъ и разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Державинъ. Понятно, что для лицейскихъ стихотворцевъ ожидаемая встрѣча съ »маститымъ бардомъ россійскимъ« отодвинула на задній планъ даже ближайшую злобу дня — экзаменъ. Поэты новаго поколѣнія: Батюшковъ и Жуковскій, звучностью и плавностью стиховъ превосходившіе напыщеннаго старика-Державина, были имъ, правда, доступнѣе его и милѣе; но Державинъ стоялъ тогда на самой высотѣ своей авторской славы, и передъ этимъ колоссомъ отечественной поэзіи, вмѣстѣ со всей образованной Россіей, безотчетно благоговѣли и юноши-лицеисты.

— Братцы! видѣлъ ли кто-нибудь изъ васъ Державина? переспрашивали они другъ друга.

Оказалось, что никто изъ нихъ не только въ глаза его не видалъ, но не имѣлъ и яснаго понятія объ немъ, какъ о человѣкѣ. Любопытство ихъ въ этомъ отношеніи вполнѣ удовлетворилъ бывшій гувернеръ лицейскій Иконниковъ, который хотя и жилъ теперь въ Петербургѣ, но сохранилъ къ своимъ прежнимъ питомцамъ неизмѣнную привязанность, и на рождественскихъ праздникахъ, по обыкновенію, »по образу пѣшаго хожденія«, т. е. пѣшкомъ, опять навѣстилъ

ихъ въ Царскомъ Селѣ. Все, что̀ разсказалъ ему дѣдъ его, актеръ Дмитревскій, о пребываніи своемъ въ Званкѣ у Державина, онъ передалъ теперь дословно лицеистамъ. Тѣ, понятно, не проронили ни одного слова.

— Такъ Державинъ, стало быть, человѣкъ какъ человѣкъ! съ облегченіемъ замѣтилъ Илличевскій. — А мы, Александръ Николаичъ, признаться, таки-побаивались: онъ представлялся намъ какимъ-то полубогомъ. Начальство же выдаетъ ему насъ головою.

— Какъ такъ? спросилъ Иконниковъ.

— Да такъ-съ: всѣмъ намъ задали сочинить разсужденіе на одну изъ двухъ тэмъ: »О причинахъ, охлаждающихъ любовь къ отечеству« и »О цѣли человѣческой жизни«. Настрочили мы, какъ умѣли, и отправили наши писанія въ Питеръ, къ министру, чтобы онъ самъ выбралъ лучшее для прочтенія на экзаменѣ. На наше счастье, впрочемъ, взяли у каждаго изъ насъ также и лучшее, что̀ написано нами безъ заказу. Я охотнѣе всего, конечно, далъ бы свою новую комическую оперу...

— Комическую оперу? Вотъ куда у васъ ужь пошло!

— Да-съ... вольный переводъ, знаете, изъ Сегюра... Но потому-то именно, что не совсѣмъ свое, пришлось послать оригинальную мелочь: »Осенній вечеръ«. Надѣюсь, что и этой мелочью лицомъ въ грязь не шлёпнусь.

Такъ лицейскіе поэты, еще за двѣ недѣли до экзамена, были празднично настроены ожидаемой встрѣчей съ Державинымъ. Тутъ возвратились и рукописи ихъ отъ графа Разумовскаго. Увы! Илличевскаго надежда обманула; по собственному его выраженію, онъ »шлепнулся лицомъ въ грязь«: оба произведенія его — и заказное, и оригинальное — были забракованы. Изъ прозаическихъ сочиненій на заданную тэму графъ отдалъ предпочтеніе разсужденію Яковлева: »О причинахъ, охлаждающихъ любовь къ отечеству«; изъ стихотворныхъ же выборъ его палъ на пушкинскія »Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ«.

Молодой авторъ, въ тайнѣ ликуя, передъ товарищами, разумѣется, старался не показать и виду. Но сердце въ немъ все же невольно замирало. До сихъ поръ онъ самъ, вѣдь, былъ такъ доволенъ своими стихами; а теперь, при мысли о Державинѣ, который долженъ былъ произнесть надъ нимъ послѣдній приговоръ, какъ неблагозвучны, какъ безсодержательны представлялись ему даже цѣлыя строфы! Ну, да чему быть, того не миновать; отъ своей судьбы не уйдешь!

Наконецъ, насталъ и первый роковой день — 4-е января 1815 года... Но мы не станемъ утомлять читателей подробностями экзамена. Предоставленная профессорами лицеистамъ льгота — отвѣчать на впередъ заданные имъ вопросы — привела къ желанному результату, судя уже по

той хвалебной замѣткѣ, которая, затѣмъ, появилась въ журналѣ »Сынъ Отечества«:

»Испытаніе сіе, удовлетворивъ ожиданіямъ публики, свидѣтельствуетъ, съ какимъ отеческимъ стараніемъ начальство печется о образованіи ввѣреннаго ему юношества.«

Прибавимъ только отъ себя, что первыми оба раза были вызываемы князь Горчаковъ и Вальховскій, которые, несмотря на то, что самъ министръ спрашивалъ ихъ въ разбивку по всему курсу, отвѣчали бойко, какъ по книжкѣ, безъ запинки. Послѣ такого блестящаго начала, ни одинъ уже изъ постороннихъ посѣтителей не воспользовался предоставленнымъ имъ правомъ предлагать вопросы и прочимъ лицеистамъ, которые, такимъ образомъ, понятно, »удовлетворили ожиданіямъ публики«. Если и были нѣкоторыя проручи, то ихъ совсѣмъ скрасилъ финалъ того и другаго дня. Первый день испытанія увѣнчался небольшою, но многосодержательною и цвѣтистою рѣчью профессора »нравственныхъ наукъ« Куницына и »нравоучительнымъ« разсужденіемъ лицеиста Яковлева, прочтеннымъ самимъ авторомъ.

Второй день заключился еще болѣе эфектно... Но мы забѣгаемъ впередъ.

Съ утра уже этого втораго дня, лицейскіе стихотворцы были въ сильномъ возбужденіи: Державинъ, по старческой дряхлости отсутствовавшій 4-го января, обѣщалъ непремѣнно быть сегодня,

8-го числа, чтобы высказаться на счетъ ихъ литературныхъ дарованій. Съ отцомъ своимъ, Сергѣемъ Львовичемъ, прибывшимъ также еще до начала экзамена, Пушкинъ мимоходомъ только поздоровался: всѣ его мысли были устремлены на одного Державина.

— Я чувствую себя, точно молодой рекрутъ передъ первымъ боемъ, признался онъ Дельвигу. — А тебѣ, баронъ, не жутко?

— Довольно съ тебя, отвѣчалъ тотъ, — что я проснулся нынче даже ранѣе звонка, что далъ себѣ слово... ну, да, далъ себѣ слово поцѣловать руку, написавшую »Водопадъ«!

— Вотъ какъ! А онъ ее тебѣ, ты воображаешь, такъ и подставитъ?

— Нѣтъ, я выжду его нарочно на лѣстницѣ, возьму да и поцѣлую.

— Посмотримъ!

Дельвигъ не шутилъ. Чтобы не пропустить случая, онъ еще до съѣзда бо̀льшей части гостей вышелъ на парадную лѣстницу и сталъ дожидаться тамъ на нижнемъ поворотѣ. Пушкинъ остался на верхней площадкѣ. Ждать имъ пришлось довольно долго. Наконецъ, стеклянная дверь внизу снова стукнула, и швейцаръ сталъ торопливо снимать медвѣжью шубу съ высокаго, сгорбленнаго старца. Перевѣсившись черезъ перила, Пушкинъ видѣлъ сверху, какъ Дельвигъ живо соскользнулъ по periламъ до нижней площадки. Въ тоже время донесся оттуда дребезжащій го-

лосъ Державина, спрашивавшаго что-то у швейцара.

Но что это съ барономъ? Онъ, въ двухъ шагахъ отъ великаго старца, поворотилъ вдругъ налѣво-кругомъ и безъ оглядки взлетѣлъ опять вверхъ по ступенямъ.

— Отчего-жъ ты не поцѣловалъ у него руки? спросилъ Пушкинъ.

Дельвигъ только отмахнулся.

— Да говори же: въ чемъ дѣло?

— Ты, Пушкинъ, развѣ не слышалъ, что̀ онъ спросилъ у швейцара?

— Нѣтъ.

— Ну, и не спрашивай лучше. Меня, какъ водой окатило. Онъ поэтъ въ душѣ, но прозаикъ на дѣлѣ.

Испытаніе изъ разныхъ предметовъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ »россійской словесности«, длилось нѣсколько часовъ и не могло не утомить Державина. Сидя за экзаменаціоннымъ столомъ рядомъ съ графомъ Разумовскимъ, онъ подперъ голову рукой и, совершенно безучастный ко всему окружающему, какъ бы дремалъ съ полузакрытыми вѣками. Но взоры Пушкина невольно какъ-то все тянуло въ его сторону. Гаврила Романовичъ былъ на этотъ разъ, разумѣется, въ »полномъ парадѣ«: въ парикѣ съ косичкой и въ позолоченномъ мундирѣ, украшенномъ двумя звѣздами. Но вглядываясь въ его могучую, словно согнувшуюся подъ собственной

тяжестью фигуру, Пушкинъ живо представлялъ его себѣ въ излюбленномъ имъ домашнемъ костюмѣ: колпакѣ и халатѣ, съ Тайкой за пазухой.

»Это — старый спящій левъ,« думалось ему: — »все-то онъ на свѣтѣ перевидѣлъ, ничѣмъ его не удивишь. Но почуетъ онъ только сквозь сонъ запахъ свѣжины — родной поэзіи — и встряхнетъ гривой, воспрянетъ отъ сна.«

И точно: уже съ первыхъ вопросовъ по русскому языку, которымъ завершался экзаменъ, »старый левъ« пріосанился и сбросилъ съ себя тяготѣвшую на немъ лѣнь *). Да впрочемъ, и не диво: что̀ бы ни разбирали, какія бы тэмы ни задавались — вездѣ и во всемъ выдвигали впередъ его же, Державина. Оду его »Богъ« разобрали, можно сказать, по ниточкамъ и, въ заключеніе, пришли къ выводу, что по полету фантазіи, по образности выраженій и по глубинѣ религіознаго чувства — ничего подобнаго нѣтъ ни въ русской и ни въ одной изъ иностранныхъ литературъ.

— М-да, осѣнилъ меня Господь, заговорилъ польщенный »бардъ россійскій«, и въ тусклыхъ глазахъ его, какъ изъ-подъ пепла, затлился былой огонь: — стоялъ я (какъ теперь помню) у заутрени на Свѣтлый праздникъ... Заронилась

*) Экзаменъ изъ русскаго языка былъ раздѣленъ на четыре отдѣла:
1) Разные роды слоговъ и украшеніе рѣчи.
2) Краткая литература краснорѣчія въ Россіи.
3) Славянская грамматика.
и 4) Чтеніе собственныхъ сочиненій.

въ душу искра Божія... Разгорѣлось сердце... Брызнули градомъ слезы отъ восторга... И вотъ, пришедъ домой, съ чувствомъ, исполненнымъ несказанной благодарности, написалъ я то, что мнѣ сердце подсказало — начальныя строфы моей лучшей оды.

— Да вѣдь, всѣ онѣ у васъ, Гаврила Романычъ, одинаково превосходны, любезно замѣтилъ ему сосѣдъ-министръ.

— Недурны-съ, ваше сіятельство; могу сказать безъ излишней скромности: доселѣ лучшихъ нѣту. Но онѣ тоже — прахъ, забудутся однажды, какъ многое иное. Трагедіи же мои, наперекоръ моимъ зоиламъ, пререкаю вамъ, будутъ вѣчно жить!

На лбу »стараго льва« вырѣзалась грозная складка, и онъ окинулъ окружающихъ царственнымъ взглядомъ. На тонкихъ губахъ Разумовскаго зазмѣилась снисходительная усмѣшка.

— Потомство васъ, ваше высокопревосходительство, конечно, лучше современниковъ оцѣнитъ... сказалъ онъ.

— Потомство? Развѣ что потомство!

»Бѣдный!« подумалъ Пушкинъ, вспомнившій разсказъ Иконникова о неудачныхъ драматическихъ опытахъ великаго лирика: — »ну, зачѣмъ ты выдаешь себя головою, зачѣмъ показываешь себя на распашку передъ людьми, которые недостойны подвязать тебѣ подвязки?«

Графу Разумовскому, повидимому, также стало жаль старика.

— Не перейти ли намъ теперь, Гаврила Романычъ, къ оцѣнкѣ перваго лепета лицейской Музы? сказалъ онъ. — Дабы не докучать вамъ многословіемъ, мы остановили выборъ на единой, по нашему мнѣнію, наиболѣе зрѣлой вещицѣ, скомпанованной по образцу и плану безсмертныхъ твореній россійскаго Орфея — пѣвца Фелицы.

При этихъ словахъ, министръ почтительно преклонилъ голову передъ »пѣвцомъ Фелицы«. Слегка омраченныя черты послѣдняго опять прояснились.

— Посмакуемъ, произнесъ онъ, пожевывая губами, точно впередъ смакуя уже предлагаемый ему на пробу литературный плодъ.

— Пожалуйте-ка сюда, Пушкинъ! вызвалъ молодаго автора профессоръ словесности Галичъ.

Эту рѣшительную въ жизни его минуту Пушкинъ предвидѣлъ уже съ самаго утра, и нервы его были напряжены до послѣдней крайности. Въ волненіи, словно увлекаемый неодолимой силой, — рванулся онъ къ зеленому столу, съ пергаментнымъ листомъ стиховъ въ рукахъ.

— Старые знакомые! благосклонно встрѣтилъ его графъ Разумовскій. — Станьте тутъ, поближе къ Гаврилѣ Романычу.

Пушкинъ послушался и взглянулъ прямо въ лицо Державину, который сидѣлъ не далѣе,

какъ на аршинъ отъ него. Волненіе, охватившее юношу, не скрылось, видно, и отъ старика-поэта, потому что, какъ-бы для ободренія его, тотъ задалъ ему вопросъ:

— Что̀ у васъ тутъ приготовлено: переводное или свое?

— Свое... отвѣчалъ Пушкинъ и самъ не узналъ своего голоса: вмѣсто звучнаго баритона, изъ устъ его вылетѣла какая-то звонкая фистула.

— Хвалю, сказалъ Державинъ: — въ юности переводить не безопасно: легко заразиться подражательностью. На старости лѣтъ, какъ выдохнетесь, поспѣете заняться этимъ. Теперь же пишите, что̀ на умъ взбредетъ, но только свое! Пишите — но не печатайте! Что̀ прибыли отдавать себя на судъ площадныхъ критикановъ? Не количество, дружокъ мой, а качество стиховъ вѣнчаетъ поэта. Не даромъ и мнѣ, бывалому стихотвору, говаривали пріятели:

»Писанія свои прилежно вычищай:
Вѣдь, изъ чистилища лишь идутъ въ рай.«

— Я прилежно тоже очищаю... пролепеталъ Пушкинъ.

— А вотъ увидимъ. Какой у васъ сюжетецъ?

— »Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ«, прочелъ съ листа своего Пушкинъ.

— Возвращеніе государя императора изъ побѣдоноснаго странствія, пояснилъ, съ своей стороны, Галичъ.

— Сюжетъ высокій и достойный воспѣванія, одобрилъ Державинъ и тихо вздохнулъ. — Во времена оны и мы, грѣшные, пѣли Фелицу, пѣли отрока царевича Хлора *). Теперь мы одряхлѣли, а съ нами и Муза россійская вѣкъ свой доживаетъ: изъ новыхъ патриціевъ парнасскихъ некому, кажись, замѣнить насъ: дѣланности — сколько хочешь, искренности — ни слѣда!...

Послѣднюю фразу онъ пробормоталъ едва внятно, какъ-бы про себя. На минуту онъ словно забылъ даже, гдѣ онъ; потомъ, очнувшись вдругъ отъ грустнаго раздумья, онъ поднялъ потускнѣвшій взоръ на безмолвно-стоявшаго передъ нимъ лицеиста.

— Ну, чтожъ? Читайте.

Пушкинъ вздрогнулъ и сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы сосредоточить все вниманіе на своей рукописи. Первое слово: »нощи«, попавшееся ему тутъ на глаза, вовсе ужь некстати напомнило ему слышанное имъ какъ-то отъ Пущина критическое замѣчаніе:

— Нельзя ли, братъ, безъ этой славянщины? Кто, напримѣръ, въ наше время говоритъ: »Доброй нощи!«

— Да вѣдь, это не проза, пойми, а стихи! обидчиво оправдывался онъ тогда. Но теперь онъ

*) Екатерина II — державинская Фелица, написала свою сказку »*Царевичъ Хлоръ*« для своего маленькаго внука Александра Павловича. По восшествіи послѣдняго на престолъ, Державинъ, въ 1802 году, написалъ ему также посланіе: »*Къ царевичу Хлору*«.

понялъ всю мѣткость замѣчанія друга и, Богъ знаетъ, что̀ далъ бы, еслибы тогда послушался добраго совѣта.

»Ну, да дѣлать нечего! Державинъ самъ славянофилъ, не осудитъ!«

Все это промелькнуло у него въ головѣ мгновенно, и онъ, переведя духъ, сталъ читать:

»Нависъ покровъ угрюмой нощи
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ почили долъ и рощи,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышетъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ.«

Идиллически-мирное содержаніе начальныхъ строфъ, ихъ несомнѣнная благозвучность, возвратили молодому автору необходимое присутствіе духа. Чтеніе его стало смѣлѣе и выразительнѣе, особенно, когда онъ коснулся въ стихахъ Екатерины Великой:

»Здѣсь каждый шагъ въ душѣ рождаетъ
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ;
Воззрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ Россъ вѣщаетъ.
»Исчезло все, Великой нѣтъ!«

Не отрывая взора отъ рукописи, онъ, по внезапному движенію Державина въ креслахъ, понялъ, что память о »Фелицѣ« затронула пѣвца ея за-живое. Но вотъ, послѣ картиннаго описанія Кагульскаго памятника, онъ, рядомъ съ именами Орлова, Румянцева и Суворова, упоминаетъ и ихъ пѣвцовъ:

»Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.«

Онъ зналъ, онъ инстинктивно чувствовалъ, что Державинъ въ упоръ смотритъ на него, и подъ магнетическимъ дѣйствіемъ этого взгляда имъ овладѣлъ какой-то небывалый экстазъ. Онъ ощущалъ неиспытанное до сихъ поръ, невыразимое наслажденіе читать истинному поэту эти, вылившіеся у него самаго отъ полноты патріотическаго чувства стихи, между которыми два куплета, написанные имъ еще лѣтомъ на стѣнахъ карцера, занимали, конечно, не послѣднее мѣсто.

Но впечатлѣніе отъ его стиховъ на его слушателя было едва ли менѣе сильное. Еслибъ онъ взглянулъ теперь на Гаврилу Романовича, то не узналъ бы его. Все неподвижно-усталое тѣло старца-поэта задвигалось въ креслѣ; отдыхавшія на столѣ руки его задергало; отяжелѣвшая голова его судорожно затряслась; мутные, словно заспанные глаза разгорѣлись и метали молніи. Угасающій геній почуялъ живительное дыханіе вновь нарождающагося генія.

И графъ Разумовскій, и профессора, и лицеисты не могли отвести глазъ отъ двухъ поэтовъ: юноши и старца, восторженно читающаго и восторженно слушающаго. При послѣднемъ обращеніи Пушкина къ »пѣвцу во станѣ русскихъ воиновъ«, Жуковскому, всѣмъ невольно представилось, будто онъ обращается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и къ Державину, и къ самому себѣ:

»— О, Скальдъ Россіи вдохновенный,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!
Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной,
Взгреми на арфѣ золотой;
Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплютъ огнь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца.«

»Я не въ силахъ описать состоянія души моей«, разсказываетъ Пушкинъ въ своихъ »Запискахъ«: — »когда я дошелъ до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли...«

Такъ и не слышалъ онъ знаменательныхъ словъ растроганнаго Державина: »Нѣтъ, я не умеръ!« Такъ и не видѣлъ, что тотъ взялъ съ собой на память оригиналъ прочитанныхъ стиховъ, найденный впослѣдствіи, послѣ его смерти, между его бумагами.

Зато вечеромъ, прощаясь съ отцомъ, Пушкинъ узналъ отъ него, что на обѣдѣ у графа Разумовскаго, гдѣ, въ числѣ прочихъ, были также Сергѣй Львовичъ и Державинъ, толки о молодомъ талантѣ долго не прекращались.

— Я бы желалъ, однакожъ, образовать сына вашего въ прозѣ, замѣтилъ, между прочимъ, Разумовскій Сергѣю Львовичу.

— Ваше сіятельство! съ жаромъ вступился Державинъ; — оставьте его поэтомъ.

— Такъ вотъ мы какъ нынче, сыночекъ мой! шутливо закончилъ Сергѣй Львовичъ и потрепалъ сына по плечу. — Каюсь откровенно, что до сегоднишняго дня мало вѣрилъ я въ твое поэтическое призваніе, да и ты, дружокъ, не очень-то домогался заслужить родительскую ласку и любовь...

Та непритворная нѣжность, которая звучала сквозь легкій упрекъ отца, была такъ непривычна неизбалованному на этотъ счетъ юношѣ, что онъ, подъ живымъ еще впечатлѣніемъ одержаннаго успѣха, какъ говорится, растаялъ.

— Я понимаю, папенька, что я виноватъ передъ вами, передъ маменькой... порывисто заговорилъ онъ, избѣгая глядѣть на отца. — Но вы знаете тоже мою горячую натуру... Я дурилъ, потому что то было въ моей африканской крови... А вы и маменька не хотѣли этого знать; сперва наказывали меня, потомъ совсѣмъ отъ меня отступились... Ну, я и замкнулся въ себѣ, ожесточился... Спасибо вамъ теперь за ваше доброе слово: я его никогда не забуду!

Онъ припалъ губами къ рукѣ отца. Тотъ съ чувствомъ обнялъ его.

— Миръ полный и ненарушимый на вѣки вѣковъ, аминь! торжественно заявилъ Сергѣй Львовичъ. — А теперь, милый мой, скажи-ка: въ какомъ положеніи твои финансы?

— Ахъ, папенька! не говорите теперь объ этой прозѣ...

— Ну, не будемъ говорить, а будемъ дѣйствовать, — впадая опять въ свой шутливый тонъ, отозвался отецъ, и бывшую уже у него, какъ оказалось, наготовѣ въ сжатой рукѣ небольшую пачку ассигнацій сунулъ въ задній карманъ сына. — Не вырони только!

За примиреніемъ съ отцемъ слѣдовало и примиреніе съ матерью: черезъ нѣсколько дней, Надежда Осиповна, вмѣстѣ съ дочерью, прикатила въ Царское и, послѣ долгихъ лѣтъ, такъ искренно обласкала старшаго сына, что тотъ досталъ платокъ и подъ видомъ, что сморкается, украдкой отеръ себѣ глаза.

— А кстати, Александръ, весело замѣтила мать, чтобы скрыть свое собственное умиленіе: — ты, кажется, уже не теряешь платковъ?

— А прежде я развѣ терялъ ихъ, маменька? спросилъ онъ въ отвѣтъ.

— Ужели ты забылъ? Когда ты былъ маленькимъ и ходилъ еще въ курточкѣ, я, просто, не могла напастись на тебя платковъ! Что оставалось мнѣ дѣлать? Я пришила тебѣ платокъ на грудь, вмѣсто аксельбанта, и объявила, что жалую тебя моимъ безсмѣннымъ адъютантомъ...

— И честь эта меня живо вылѣчила! смѣясь, подхватилъ Александръ.

— Но теперь, маменька, вы, я думаю, и безъ всякаго аксельбанта охотно примете его къ себѣ

въ адъютанты? вмѣшалась сестра его, влажными глазами глядя на обоихъ.

Вмѣсто отвѣта, Надежда Осиповна снова притянула къ себѣ сына и крѣпко его поцѣловала. Съ этого времени она въ обращеніи съ нимъ стала выказывать почти такое же уваженіе, какъ и дочь ея, которая, разговаривая, съ какимъ-то робкимъ благоговѣніемъ заглядывалась всегда на брата-поэта. О своихъ собственныхъ поэтическихъ опытахъ Ольга Сергѣевна тѣмъ менѣе уже смѣла теперь передъ нимъ заикнуться.

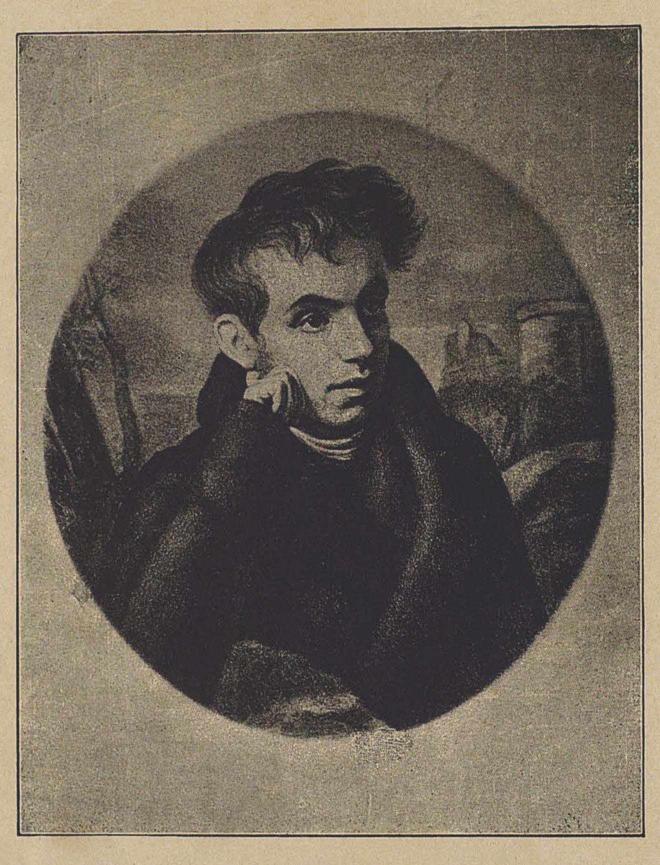
Лицеистъ Корсаковъ, бывшій и поэтомъ, и музыкантомъ, положилъ вскорѣ на музыку двѣ пѣсни Пушкина, которыя потомъ часто пѣлись хоромъ всѣми лицеистами. Не только товарищи, но и лицейское начальство не сомнѣвалось уже въ истинномъ талантѣ Пушкина съ тѣхъ поръ, что Державинъ публично призналъ его своимъ преемникомъ. А что Гаврила Романовичъ высказался такъ рѣшительно не подъ минутнымъ лишь впечатлѣніемъ — видно уже изъ отзыва, который слышалъ отъ него о Пушкинѣ, почти годъ спустя, начинающій въ то время писатель Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ. Зимой 1816 года, Аксаковъ не разъ навѣщалъ въ Петербургѣ Державина и зачиталъ его, т. е. обладая особеннымъ даромъ прочитывать стихи, онъ довелъ старика-поэта до такого экзальтированно-нервнаго состоянія, что тотъ даже слегъ въ постель. И вотъ, однажды, на вопросъ Акса-

кова: »не помѣшалъ ли онъ?«, Державинъ, писавшій что-то грифелемъ на аспидной доскѣ, отвѣтилъ:

— О, нѣтъ! я всегда что-нибудь мараю, перебираю старое, чищу и глажу, а новаго не пишу ничего. Мое время прошло. Теперь ваше время. Теперь многіе пишутъ славные стихи, такіе гладкіе, что относительно версификаціи ужь ничего не остается желать. Скоро явится свѣту второй Державинъ: это Пушкинъ, который ужь въ лицеѣ перещеголялъ всѣхъ писателей.

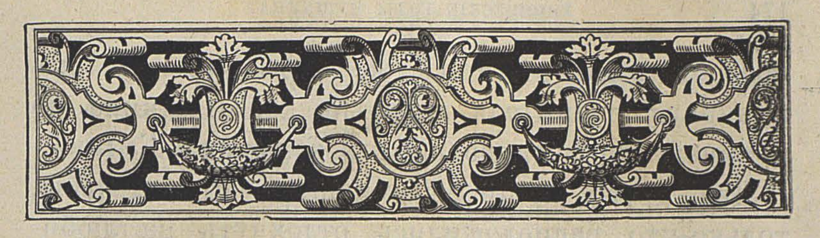
Такъ судилъ тогда про Пушкина самъ Державинъ. Когда же не стало ни того, ни другаго, первый критикъ нашъ Бѣлинскій такъ опредѣлилъ значеніе ихъ обоихъ:

„Державинская поэзія, въ сравненіи съ Пушкинскою, это — заря предразсвѣтная, когда бываетъ ни ночь, ни день, ни полночь, ни утро, но едва начинается борьба тьмы со свѣтомъ: брежжетъ невѣрный сумракъ, обманчивый полусвѣтъ; вдали на небѣ какъ-будто бѣлѣетъ полоса свѣта, и, въ тоже время, догараютъ, готовыя погаснутъ, ночныя звѣзды, а всѣ предметы являются въ неестественной величинѣ и ложномъ видѣ. Пушкинская поэзія, въ сравненіи съ Державинскою, это — роскошный, полный сіянія и блеска полдень лѣтняго дня: всѣ предметы земли озарены свѣтомъ неба и являются въ своемъ собственномъ, ясномъ видѣ, и самая даль только дѣлаетъ ихъ болѣе поэтическими и прекрасными, а не ложными и безобразными... Словомъ, поэзія Державина есть безвременно явившаяся, а потому и неудачная поэзія Пушкинская, а поэзія Пушкинская есть во-время явившаяся и вполнѣ достигшая своей опредѣленности, роскошно и благоуханно развившаяся поэзія Державинская...“

Василій Андреевичъ Жуковскій.
1783—1852.

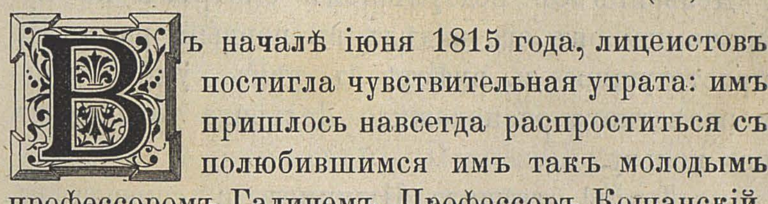
Дозв. ценз. Спб., 7 окт. 1887. Тип. Эд. Гоппе, Возн. пр., 53.

Глава X.

Жуковскій.

»...Мирный, благосклонный
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями: онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь...«
(М.*)

Въ началѣ іюня 1815 года, лицеистовъ постигла чувствительная утрата: имъ пришлось навсегда распроститься съ полюбившимся имъ такъ молодымъ профессоромъ Галичемъ. Профессоръ Кошанскій, котораго временно замѣщалъ Галичъ, оправился отъ своей продолжительной болѣзни, и послѣдній по неволѣ долженъ былъ опять уступить ему его каѳедру. Утрату эту особенно близко приняли къ сердцу поэты лицейскіе, и двое изъ нихъ, Пушкинъ и Дельвигъ, гуляя вмѣстѣ по часамъ въ тѣнистыхъ аллеяхъ дворцоваго парка, не разъ съ грустью вспоминали о товарищескихъ литературныхъ вечерахъ въ уютной комнаткѣ Галича. На одной изъ такихъ прогулокъ судьба

послала имъ, въ томъ же іюнѣ мѣсяцѣ, нежданнаго утѣшителя, который, для Пушкина, по крайней мѣрѣ, скоро вполнѣ замѣнилъ Галича.

Два друга наши, утомившись отъ ходьбы, только-что расположились отдохнуть на любимомъ своемъ мѣстѣ — полуостровѣ большаго пруда, какъ со стороны дворца къ нимъ приблизился молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, въ легкомъ дорожномъ плащѣ и пуховой шляпѣ. Мягкая трава заглушала звукъ его шаговъ, и лицеисты тогда лишь замѣтили, что они не одни, когда онъ, подойдя сзади къ Пушкину, внезапно закрылъ ему руками глаза.

— Другъ или врагъ?

Дельвигъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на незнакомца: онъ его видѣлъ въ первый разъ. Но простодушное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умное лицо неизвѣстнаго расположило Дельвига тотчасъ въ его пользу.

— Другъ! отвѣчалъ Пушкинъ и сорвалъ съ глазъ загадочныя руки. — Ахъ, это вы, Василій Андреичъ?

— Какъ видишь, не ошибся: другъ. Позволишь обнять себя?

Послѣ дружескаго объятія, Пушкинъ счелъ нужнымъ отрекомендовать другъ другу еще незнакомыхъ между собой двухъ пріятелей своихъ:

— Лирикъ лицейскій — баронъ Дельвигъ! »Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ« — Жуковскій!

Послѣ рекомендаціи и обмѣна нѣсколькихъ

любезностей, всѣ трое усѣлись подъ деревомъ на скамьѣ.

— Скажи-ка мнѣ, Александръ... началъ Жуковскій. — Но я, право, не знаю, смѣю ли еще говорить тебѣ: ты?

— Помилуйте, Василій Андреичъ!

— Да вѣдь, ты ужь не мальчикъ; ты, въ нѣкоторомъ родѣ, отважный мореплаватель: пустился въ бурное море журнальное на всѣхъ парусахъ.

— Но откуда вы знаете? Я, кажется, не выставляю своей фамиліи...

— Слухомъ земля полнится.

Жуковскій не преувеличивалъ: уже въ 1815 году, Пушкинъ участвовалъ въ трехъ журналахъ: въ »Сынѣ Отечества«, »Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности« и »Россійскомъ Музеумѣ или Журналѣ Европейскихъ Новостей«. Послѣдній, съ 1815 г. издавался прежнимъ издателемъ »Вѣстника Европы«, Измайловымъ, который завербовалъ къ себѣ, въ числѣ другихъ постоянныхъ сотрудниковъ-лицеистовъ, и Пушкина. Въ одномъ 1815 году, въ Измайловскомъ »Музеумѣ« появилось 17 стихотвореній Пушкина. Изъ нихъ, впрочемъ, только подъ однимъ онъ поставилъ свое полное имя: Александръ Пушкинъ, именно, подъ выдержавшими цензуру Державина »Воспоминаніями въ Царскомъ Селѣ«. Подъ остальными же онъ подписывался сокращенно, какъ въ пер-

вый разъ, Александръ И. к. ш. п., или Александръ Н.—П., или просто, цифрами, соотвѣтствовавшими буквамъ въ алфавитѣ: 1... 14—16 (что̀ значило: А... н—п.), 1... 16—14 (т. е. А... п—н.), 1... 17—14 (т. е. А... р—н.).

— Еще бы не слышать о тебѣ, Пушкинъ! сказалъ Дельвигъ.—Послѣ того, что Державинъ посвятилъ тебя въ рыцари пера, кто, кто только не перебывалъ здѣсь у тебя съ поклономъ! всѣ »генералы отъ литературы«: Дмитріевъ, Батюшковъ, Дашковъ, графъ Хвостовъ... *).

Жуковскій только усмѣхнулся.

— Нѣтъ, ужь Хвостова, пожалуйста, не ставьте съ прочими »генералами« на одну доску. На видъ онъ, дѣйствительно, роскошный павлинъ, но голосомъ... тотъ же павлинъ! Про себя, видно, онъ и сложилъ свой прелестный стихъ:

»Павлинымъ гласомъ пѣть толико не способно,
Какъ розами клопу запахнуть неудобно.«

Оба лицеиста расхохотались.

— Надо бы записать, Пушкинъ, сказалъ Дельвигъ: — для »Смѣси« нашего »Лицейскаго Мудреца« это будетъ находка. Но говорятъ, вѣдь, Василій Андреичъ, будто великій нашъ Державинъ дружитъ съ этимъ Хвостовымъ?

— Дружитъ больше по старой памяти; но тому отъ него тоже порядкомъ-таки достается.

— Въ самомъ дѣлѣ?

*) Графъ *Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ*, сенаторъ и поэтъ, род. въ 1757 г., ум. въ 1835 г.

— Вы, значитъ, не слышали, какъ Державинъ недавно въ засѣданіи »Бесѣды« отдѣлалъ его? Нѣтъ? Вотъ послушайте. Желая подольститься къ нему, предсѣдателю своему, Хвостовъ при всемъ собраніи окликнулъ его сзади: »Пиндаръ Романовичъ!«, намекая на послѣдніе переводы его изъ Пиндара. Державинъ показалъ видъ, что не слышитъ. Тогда Хвостовъ повторилъ еще громче: »Пиндаръ Романовичъ!« — Державинъ и на этотъ разъ не оглянулся, но отвѣчалъ нараспѣвъ извѣстнымъ экспромтомъ:

»Хвосты есть у лисицъ, хвосты есть у волковъ,
Хвосты есть у кнутовъ — такъ берегись, Хвостовъ! *)

Анекдотъ, понятно, разсмѣшилъ опять друзей-лицеистовъ. Но Пушкинъ счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ заступиться за бѣднаго графа Хвостова.

— Извините меня, Василій Андреичъ, сказалъ онъ, — но я глубоко благодаренъ Хвостову уже за то, что онъ изо всѣхъ нашихъ отечественныхъ поэтовъ первый сдѣлалъ мнѣ честь поздравить меня съ успѣхомъ.

— А ты, небось, и не догадался, что

»умыселъ другой тутъ былъ:
Хозяинъ музыку любилъ?«

Поздравить-то онъ тебя поздравилъ, но, вѣрно, при этомъ случаѣ поймалъ за руки, приперъ въ уголъ и давай душить своими одами: нелюбо — не слушай, а пѣть павлиномъ — не мѣшай?

*) Экспромтъ этотъ приписываютъ С. Л. Львову.

— Вѣрно! засмѣялся Пушкинъ. — Какъ вы сейчасъ догадались?

— Какъ не догадаться, коли самъ на себѣ испыталъ: онъ никому, вѣдь, проходу не даетъ. Впрочемъ, надо отдать ему справедливость: у него есть такіе перлы, которые хоть мертваго въ гробу разсмѣшатъ. Такъ, у него сума надувается отъ вздоховъ; оселъ лѣзетъ на рябину и лапами хватаетъ за дерево...

— Премило! Но онъ говорилъ мнѣ, однако, что стихи его бойко раскупаются...

— Еще бы, когда онъ самъ разсылаетъ для этого въ книжныя лавки своихъ лакеевъ.

— Такъ это не выдумка?

— Нѣтъ, сущая правда. Во весь вѣкъ ему удался, кажется, единственный стихъ:

»Потомства не страшись: его ты не увидишь!«

Но мой новый родственникъ и старый пріятель Воейковъ *) и этого стиха ему не подарилъ: »Графъ, очевидно, обмолвился, говоритъ онъ: — онъ хотѣлъ сказать, конечно: »Потомства не страшись: оно тебя не увидитъ.« Кстати о Воейковѣ. Въ своей новѣйшей сатирѣ: »Домъ сумасшедшихъ« онъ такъ обрисовалъ Хвостова:

»— Ты-ль *Хвостовъ*? къ нему вошедши,
Вскрикнулъ я: — тебѣ-ль здѣсь быть?

---

*) *Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ* (1779—1839 г.), извѣстный въ свое время сатирикъ и профессоръ Дерптскаго университета, въ 1815 году женился на племянницѣ Жуковскаго, Александрѣ Андреевнѣ Протасовой.

Ты — дуракъ, не сумасшедшій,
Не съ чего тебѣ сходить! —
— Въ Буало я смыслъ убавилъ,
Лафонтена я убилъ
И Расина обезславилъ! —
Быстро онъ проговорилъ...«

— Зло! сказалъ Пушкинъ. — И многихъ Воейковъ засадилъ этакъ въ желтый домъ?

— Да всю нашу пишущую братію: Карамзина, Батюшкова, Кутузова, Шаликова — и, разумѣется, меня, грѣшнаго, тоже:

»Вотъ *Жуковскій*: въ саванъ длинный
Скутанъ, лапочки крестомъ,
Ноги вытянувши чинно,
Чорта дразнитъ языкомъ;
Видѣть вѣдьмъ воображаетъ.
То глазкомъ имъ подмигнетъ,
То кадитъ и отпѣваетъ,
И трезвонитъ, и реветъ.«

Цитируя этотъ куплетъ про самого себя съ соотвѣтствующими интонаціей и тѣлодвиженіями, Жуковскій потѣшался ѣдкимъ остроуміемъ сатирика съ тѣмъ же простодушіемъ, какъ и его два юные собесѣдника.

— Поддѣлъ онъ меня очень ловко, прибавилъ онъ: — замогильныя страсти и заоблачныя выси — моя родная сфера.

— Но, вѣдь, чѣмъ ближе къ небу, Василій Андреичъ, тѣмъ холоднѣе, замѣтилъ Дельвигъ.

— Такъ; но и воздухъ тамъ неизмѣримо чище: ни копоти отъ этихъ коптителей неба, ни смраду отъ ихъ будничныхъ дрязгъ.

— Однако, прожить-то между ними все же и вамъ, и намъ придется.

По свѣтлому лбу поэта-романтика промелькнула мимолетная тѣнь.

— Придется, милый мой, охъ, придется! промолвилъ онъ. — Вѣдь, вотъ мнѣ 33-й годъ пошелъ, а все еще съ небесъ на землю толкомъ не спустился: не имѣю твердой почвы подъ собой. Тургеневъ Александръ Иванычъ, общій нашъ другъ и заступникъ, напрягъ всѣ пружины, чтобы пристроить меня при дворѣ Маріи Ѳеодоровны. Ѣду теперь на зовъ. Но что̀ изъ этого еще выйдетъ — одному Богу извѣстно!

— Александръ Иванычъ самъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ читалъ Маріи Ѳеодоровнѣ ваше патріотическое посланіе къ государю, подхватилъ Пушкинъ. — Всѣ слушавшіе чтеніе: и императрица, и великіе князья — были тронуты до слезъ и повторяли: »Прекрасно! превосходно!« Государю въ Вѣну послали сейчасъ списокъ вашихъ стиховъ, а вамъ, вѣдь, кажется, государыня пожаловала перстень?

— Вотъ этотъ самый, сказалъ Жуковскій, показывая на указательномъ пальцѣ правой руки драгоцѣнный перстень. — Я съ нимъ никогда не разстаюсь... Государыня была слишкомъ снисходительна ко мнѣ. Граверъ Уткинъ, что̀ прославился и въ Парижѣ, долженъ былъ, по ея желанію, сдѣлать виньетку для моихъ стиховъ, и 1200 экземпляровъ ихъ на веленевой бу-

магѣ также отданы въ мою пользу. Тѣмъ не менѣе...

Жуковскій замолкъ и въ грустной задумчивости заглядѣлся вдаль, на ту сторону пруда, гдѣ, отражаясь въ зеркалѣ водъ, тихо и величаво плавала семья бѣлыхъ лебедей.

— Тѣмъ не менѣе? переспросилъ Пушкинъ.

— Мнѣ страшно отъ чего-то...

— Но если Тургеневъ открылъ вамъ настежъ всѣ двери...

— То-то, что я не выношу сквознаго вѣтра, отшутился Жуковскій и круто перемѣнилъ разговоръ. — А что, Александръ, скажи-ка, не пишешь ли ты теперь чего новаго?

— О! еслибы вы знали, Василій Андреичъ, какіе у него теперь планы въ головѣ... съ непривычною живостью отвѣчалъ за друга своего Дельвигъ.

— Перестань! ну, стоитъ ли толковать... остановилъ его, смутясь, Пушкинъ.

— Какіе планы? полюбопытствовалъ Жуковскій. — Меня это очень интересуетъ.

— Ну, не ломайся, Пушкинъ, разскажи! продолжалъ Дельвигъ.

— Да что же я разскажу?..

— Хоть про »Фатаму« свою, что ли.

— И то, разскажи-ка, Александръ, поддержалъ Жуковскій.

»Поломавшись« еще немного для вида, Пушкинъ началъ:

— »Фатама или разумъ человѣческій« — восточная сказка-поэма. Вкратцѣ идея такая:

»Жили два старика: мужъ съ женой; жили счастливо, какъ лучше быть нельзя. Одного только не послалъ имъ Аллахъ для полнаго счастія: дѣтей. И вотъ, является имъ добрая фея. Они молятъ ее умилосердить Всевышняго — дать имъ сына.

»— Желаніе ваше исполнится, говоритъ фея.

»— Но умника-разумника, какого въ мірѣ еще не бывало! добавляютъ старики.

»— Будь по вашему, говоритъ фея: — въ самый день рожденія онъ будетъ уже возмужалымъ...

»Старики словъ не находятъ, какъ благодарить фею.

»— Не хвалите утра ранѣе вечера, говоритъ имъ она. — Природа не терпитъ нарушенія ея законовъ; что̀ она теряетъ на одномъ, то̀ беретъ себѣ на другомъ. Сынъ вашъ, родясь возмужалымъ, съ году на годъ будетъ слабѣть умомъ и тѣломъ, пока не пройдетъ обратно всѣхъ возрастовъ жизни, отъ возмужалости до младенчества.

»И точно: Аллахъ далъ старикамъ сына, который былъ такъ ученъ, что только выглянулъ на свѣтъ Божій, какъ первымъ дѣломъ спросилъ по-латыни:

»— Ubi sum? (Гдѣ я?)

»Но съ году на годъ, со дня на день, ученость его испарялась какъ дымъ, пока, наконецъ, на

рукахъ родителей не очутился безпомощный, безсмысленный младенецъ.

»Мораль сказки: насильственное нарушеніе естественнаго порядка вещей не ведетъ къ добру.«

Жуковскій внимательно выслушалъ сказку.

— Оригинально, похвалилъ онъ; — изъ этого матеріала можно многое сдѣлать.

— Что̀ въ моихъ силахъ — я постараюсь сдѣлать. Еслибы вы знали, Василій Андреичъ, сколько я для этого однѣхъ книгъ перечиталъ!

— Да, читать нашему брату, писателю, надо много, раздумчиво заговорилъ Жуковскій. — Но читать надо съ толкомъ. Одинъ нѣмецкій ученый, Миллеръ, очень вѣрно замѣтилъ: »Lesen ist nichts; lesen und denken — etwas; lesen und fühlen — die Vollkommenheit.« (Чтеніе — ничто; чтеніе осмысленное — кое-что; чтеніе же осмысленное и перечувствованное — совершенство.) Я, другъ мой, говорю это тебѣ не въ укоръ, поспѣшилъ добавить Жуковскій, видя, что щеки начинающаго поэта покрылись краской. — Я самъ только съ лѣтами научился читать, какъ слѣдуетъ.

— А сами вы, что̀ теперь пишете, Василій Андреичъ? Можно полюбопытствовать? спросилъ Дельвигъ.

— Въ эту минуту меня особенно занимаетъ одна древняя новгородская легенда. По странной случайности, она имѣетъ нѣкоторое сходство съ

Вальтеръ-Скотовой »Дѣвой Озера«, которая вамъ, вѣроятно, извѣстна.

— Какъ же.

— Если желаете, я передамъ вамъ содержаніе моей легенды?

— Сдѣлайте милость!

Жуковскій былъ прекрасный разсказчикъ, и переданная имъ, хотя только въ общихъ чертахъ, древне-новгородская легенда произвела на обоихъ слушателей сильное впечатлѣніе.

— Вотъ это такъ поэма! воскликнулъ Пушкинъ. — »Фатама« моя послѣ нея какая-то ребяческая выдумка.

Жуковскій обнялъ его и заглянулъ ему дружелюбно въ глаза.

— Хочешь, помѣняемся?

— Чтò вы, Василій Андреичъ! какъ это можно... пробормоталъ Пушкинъ.

— Такъ ты, можетъ быть, написалъ ужь много?

— Не то, что много... нѣсколько строфъ...

— Въ такомъ случаѣ, я добровольно отказываюсь отъ твоей »Фатамы«: съ Богомъ доканчивай ее. Мою же легенду я дарю тебѣ: дѣлай съ нею, чтò хочешь.

— Нѣтъ, это слишкомъ великодушно... Можетъ быть, я съ нею не слажу; можетъ быть, при другихъ тэмахъ и вовсе не примусь за нее...

— Ну, такъ вотъ чтò: я даю тебѣ пять лѣтъ

сроку. Не воспользуешься этимъ временемъ, я возвращу себѣ мое авторское право! *)

Солнце уже спряталось за верхушки парка, когда Жуковскій сталъ прощаться съ лицейскими поэтами.

— Но въ столицѣ, въ большомъ свѣтѣ, вы насъ, бѣдныхъ заключенниковъ, пожалуй, совсѣмъ забудете? сказалъ Пушкинъ, и въ голосѣ его прозвучала такая чувствительная нота, что Жуковскій крѣпко его обнялъ и поцѣловалъ.

— Друзей не забываютъ, сказалъ онъ; — а ты мнѣ другъ по Аполлону.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ онъ, дѣйствительно, опять навѣстилъ въ Царскомъ своего молодаго друга.

— Видишь: не забылъ, сказалъ онъ; — а вотъ тебѣ и залогъ моей вѣрной дружбы.

Онъ подалъ ему книжку своихъ стихотвореній. Въ посланіи своемъ къ Жуковскому, 1½ года спустя, Пушкинъ вспоминаетъ то глубокое впечатлѣніе, какое произвелъ на него этотъ неожиданный подарокъ:

»И ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты-ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
Могу-ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?«

---

*) За обиліемъ собственныхъ тэмъ, Пушкинъ, дѣйствительно, только въ 1821 году принялся за предоставленный ему Жуковскимъ сюжетъ и началъ-было новгородскую поэму: »*Вадимъ*«, но такъ ее и не окончилъ.

Когда же Жуковскій, вскорѣ затѣмъ, пріѣхалъ въ третій разъ, то Пушкинъ съ увлеченіемъ продекламировалъ ему наизусть нѣсколько стихотвореній изъ подареннаго ему сборника. Каждое новое свое стихотвореніе, до отдачи въ печать, Жуковскій съ этого времени обязательно читалъ ему. У Пушкина была такая счастливая память, что прослушавъ внимательно совершенно незнакомые ему стихи, онъ могъ повторить ихъ почти безъ запинки. Если случалось, что онъ забывалъ ту или другую строфу, прочитанную ему наканунѣ, то Жуковскій почиталъ уже такую строфу настолько слабою, что передѣлывалъ ее заново. Такое значеніе придавалъ этотъ искушенный опытомъ поэтъ изящному вкусу 16-тилѣтняго юноши! Онъ обращался съ нимъ совершенно какъ съ равнымъ и вскорѣ настоялъ на томъ, чтобы Пушкинъ также говорилъ ему ты.

Пушкинъ, въ свою очередь, усердно зачитывался поэзіей Жуковскаго и, упиваясь ея музыкальностью, поучался по ней таинству гармоніи человѣческой рѣчи. Какъ высоко цѣнилъ онъ это качество стиховъ своего учителя — краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуетъ пятистишіе его: »К ъ п о р т р е т у Ж у к о в с к а г о«, которое, по чарующему благозвучію, не уступитъ лучшимъ строфамъ самого Жуковскаго:

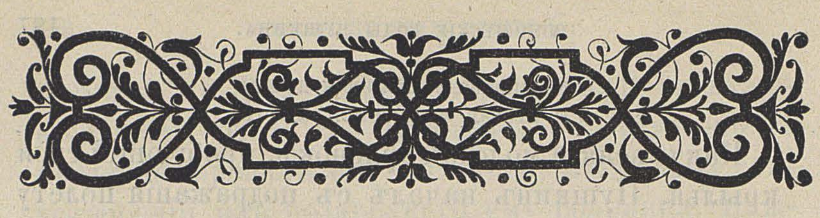
»Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,

Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.«

Какъ всякій молодой орленокъ, пробующій свои крылья, Пушкинъ началъ съ подражанія полету большихъ орловъ. Сперва онъ подражалъ Державину, Батюшкову и французскимъ лирикамъ; теперь онъ подчинился вліянію Жуковскаго, а впослѣдствіи, по выходѣ изъ лицея, поддался Байрону. Но повредила ли сколько-нибудь такая подражательность въ первый періодъ жизни самобытности его генія?

Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить опять слѣдующее картинное сравненіе Бѣлинскаго:

»Кто можетъ разложить химически воду Волги, чтобъ узнать въ ней вòды Оки и Камы? Принявъ въ себя столько рѣкъ, и большихъ, и малыхъ, Волга пышно катитъ свои собственныя волны, и всѣ, зная о ея безчисленныхъ похищеніяхъ, не могутъ указать ни на одно изъ нихъ, плывя по ея широкому раздолью. Муза Пушкина была вскормлена и воспитана твореніями предшествовавшихъ поэтовъ. Скажемъ болѣе: она приняла ихъ въ себя, какъ свое законное достояніе, — и возвратила ихъ міру въ новомъ, преображенномъ видѣ.«

Глава XI.

»Бесѣдчики« и »арзамасцы«.

»Вы, рыцари Парнасскихъ горъ,
Старайтесь не смѣшить народа
Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ;
Бранитесь — только осторожно.«

(Русланъ и Людмила).

Въ началѣ октября Жуковскій снова навѣдался къ молодому другу своему въ Царское Село. Съ первыхъ же словъ, по убитому виду, по минорному тону дорогаго гостя, Пушкинъ понялъ, что ему не по себѣ.

— Ты, вѣрно, нездоровъ, Василій Андреичъ? участливо спросилъ онъ.

Жуковскій грустно улыбнулся.

— Хандрю. Бываютъ, дружокъ, такія минуты въ жизни. Жестокая сухость залѣзетъ тебѣ въ душу, давитъ тебя изнутри — и не годенъ ты ни на что: ни на дѣло, ни на бездѣлье.

— А неизмѣнная утѣшительница твоя — поэзія?

— И та отъ меня отворотилась! Не знаю,

когда она опять на меня взглянетъ. Я думалъ, не бродитъ ли она теперь по аллеямъ здѣшняго парка, и нарочно за этимъ прибылъ сюда.

Тяжелое настроеніе старшаго друга подѣйствовало подавляющимъ образомъ и на Пушкина. На шутку его онъ отвѣчалъ только слабой улыбкой.

— Нѣтъ, и у насъ здѣсь теперь не разгуляешься. Птицы и дачники улетѣли, зелень увяла; холодно, сыро, пусто кругомъ...

— Совсѣмъ, какъ у меня на душѣ... Слышалъ ты, Александръ, про представленіе новой пьесы Шаховскаго: »Липецкія воды«? заговорилъ вдругъ Жуковскій измѣнившимся голосомъ и нервно взялъ Пушкина за руку.

— Ахъ, вотъ что̀! догадался Пушкинъ. — Въ газетахъ былъ, дѣйствительно, намекъ на то, что будто Шаховской позволилъ себѣ вывесть тебя въ своей пьесѣ...

— Да, подъ видомъ »балладника« Фіялкина. Я, какъ ты знаешь, не обидчиваго десятка. Не я первый, не я послѣдній: и Карамзинъ, столбъ нашей молодой литературы, былъ однажды осмѣянъ тѣмъ же Шаховскимъ въ его »Новомъ Стернѣ«. Я нарочно даже взялъ съ друзьями ложу на первое представленіе »Липецкихъ водъ«, чтобы отъ души посмѣяться. Остротѣ мѣткой и даже рѣзкой отчего не посмѣяться? Но если острота бьетъ только на дурной вкусъ толпы, если она и плоска и дерзка, тогда какъ-то совѣстно за самого автора и не до смѣха. Если же

послѣ того, въ торжественномъ засѣданіи »Бесѣды«, Шишковъ (президентъ академіи и мужъ ученый), вмѣстѣ съ Буниной, вѣнчаютъ автора лавровымъ вѣнкомъ, величаютъ его современнымъ Аристофаномъ, и избранная публика имъ рукоплещетъ, — тогда не глядѣлъ бы на свѣтъ Божій, просто, краснѣешь за своихъ ближнихъ, за весь родъ людской...

— Неужели это правда, неужели они увѣнчали его еще лаврами? негодуя, воскликнулъ Пушкинъ и вскочилъ даже съ мѣста. — И ты это такъ спустишь Шаховскому, не бросишь ему въ лицо перчатки въ формѣ эпиграммы, что ли?

— Карамзинъ въ свое время смолчалъ — и я смолчу. И безъ меня на Парнасѣ довольно шуму: друзья вступились за меня. Дашковъ напечаталъ »къ новому Аристофану« жестокое письмо; Блудовъ написалъ презабавную сатиру, а Вяземскій разразился фейерверкомъ эпиграммъ. Около меня дерутся за меня; а я молчу. — Да лучше бы, когда бы и всѣ молчали... Я благодаренъ этому глупому случаю: онъ болѣе познакомилъ меня съ самимъ собой. Я знаю теперь, что люблю поэзію для нея самой, а не для почестей, и что комары парнасскіе меня не укусятъ никогда слишкомъ больно.

Приведенный разговоръ происходилъ въ лицейской пріемной.

— Экой ты, право, чудакъ, Кюхля! чего ты опять пятишься? послышался съ площадки

лѣстницы голосъ Дельвига, и вслѣдъ затѣмъ, въ пріемную, спотыкаясь, влетѣлъ Кюхельбекеръ, котораго Дельвигъ насильно втолкнулъ туда передъ собой.

— А, здравствуйте, господа! привѣтствовалъ обоихъ Жуковскій, успѣвшій за лѣто перезнакомиться со всѣми лицейскими стихотворцами. — Въ чемъ дѣло, любезный баронъ?

— Да вотъ нашъ Вильгельмъ Карлычъ на колѣняхъ умолялъ меня сейчасъ...

— Вовсе не на колѣняхъ... перебилъ неоправившійся еще отъ замѣшательства Кюхельбекеръ. — Но никто здѣсь, кромѣ Гауеншильда, не знаетъ хорошенько нѣмецкаго языка, а къ нему-то за совѣтомъ я ужь ни за что не обращусь...

Въ рукахъ у него оказался бумажный свертокъ, который онъ, въ душевномъ волненіи, мялъ немилосердно.

— У васъ, вѣроятно, приготовлены нѣмецкіе стихи, догадался Жуковскій, — и вы хотите знать мое мнѣніе. Правда?

— Правда-съ... прошепталъ, все еще заминаясь, Кюхельбекеръ. — Но вы, Василій Андреичъ, ради самаго Бога, не будьте слишкомъ строги, не смѣйтесь надо мной... Я переводилъ, какъ умѣлъ...

— Такъ это у васъ переводъ съ русскаго?

— Да-съ, Кирши Данилова древнерусская былина: »Сорокъ каликъ съ каликою«. Я ду-

малъ, что жаль, если такое сокровище народной поэзіи пропадетъ для другихъ націй...

— Очень жаль, подтвердилъ Жуковскій, протягивая руку за стихами, которые авторъ все еще не рѣшался вручить ему.

— Нѣтъ, нѣтъ! прежде обѣщайтесь не читать здѣсь, при этихъ зубоскалахъ! вскричалъ Кюхельбекеръ и спряталъ свертокъ за спину.

Но это ему ни къ чему не послужило. Подкравшійся къ нему, въ это самое время, сзади Илличевскій выдернулъ у него листокъ изъ рукъ и почтительно преподнесъ Жуковскому:

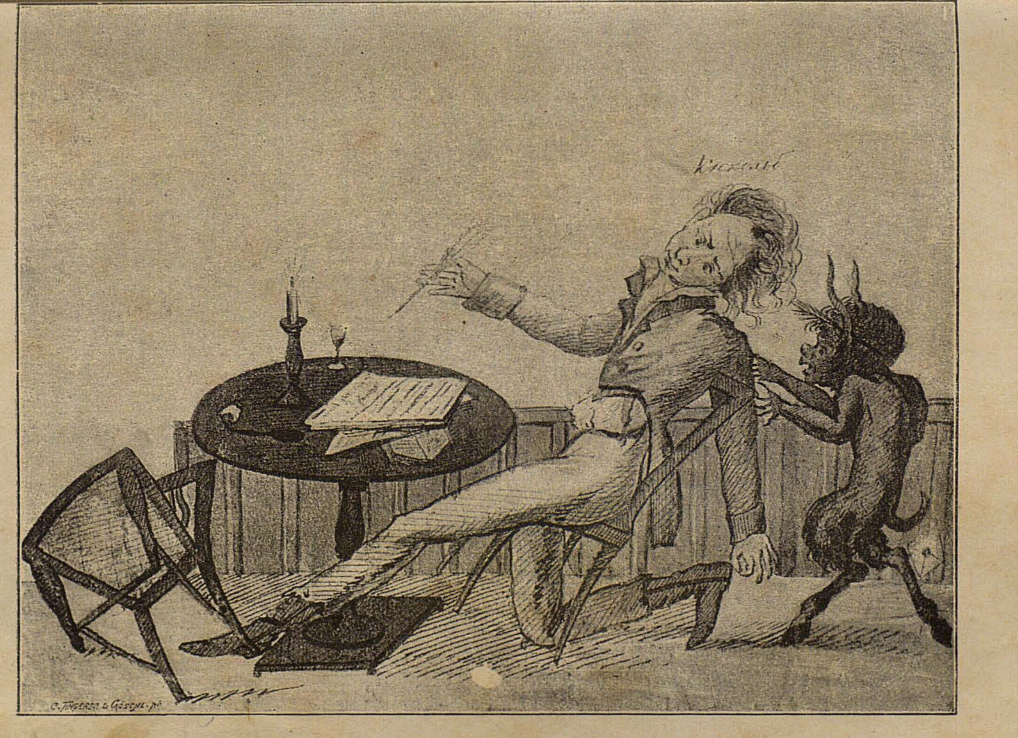
— Имѣю честь представить и представиться!

— Это что же такое? среди общей веселости, съ недоумѣніемъ спросилъ Жуковскій: въ рукахъ у него, кромѣ стиховъ, очутилась вдругъ еще какая-та картинка, которую лицейскій карикатуристъ Илличевскій, очевидно, еще раньше приготовилъ и очень ловко подсунулъ ему теперь, вмѣстѣ со стихами.

— А портреты автора и его вдохновителя, какъ иллюстрація къ тексту, серьёзно отвѣчалъ Илличевскій.

(Вмѣсто описанія самой иллюстраціи, прилагаемъ здѣсь, для наглядности, точный снимокъ съ нея).

Даже Жуковскій, взглянувъ на удачную карикатуру, не могъ удержаться отъ улыбки; Пушкинъ же и Дельвигъ, просто, покатывались со смѣху.

Кюхельбекеръ за сочиненіемъ стиховъ.

Снимокъ съ каррикатуры изъ журнала »Лицейскій Мудрецъ«.

Дозв. ценз. Спб., 7 окт. 1887. Тип. Эд. Гоппе, Возн. пр., 53

— Это — совершенство! это — прелесть что такое!

Кюхельбекеръ готовъ былъ разобидѣться; но Жуковскій возвратилъ уже рисунокъ живописцу, а стихи упряталъ въ свой боковой карманъ со словами:

— Мы съ вами, Вильгельмъ Карлычъ, терпимъ одинаковую участь: обоимъ намъ за стихи наши отъ завистниковъ достается; но не будемъ отчаяваться. Въ слѣдующій же пріѣздъ сообщу вамъ мое откровенное мнѣніе о настоящемъ вашемъ опытѣ.

— А когда вы будете къ намъ опять, Василій Андреичъ? спросилъ Илличевскій. — Я надѣюсь, что въ воскресенье, 24 числа, вы во всякомъ случаѣ, насъ не забудете?

— А что̀ у васъ здѣсь тогда?

— Да 19-го — годовщина открытія нашего лицея, въ ближайшее же воскресенье послѣ того у насъ всегда спектакль...

— А Илличевскій у насъ — первый лицедѣй, пояснилъ Пушкинъ.

— Поневолѣ станешь хоть лицедѣемъ, когда ты съ Кюхельбекеромъ выбили у меня изъ рукъ мое парнасское оружіе — гусиное перо. Лучше быть первымъ въ селѣ, чѣмъ послѣднимъ въ городѣ.

— О! если вы такой первостатейный актеръ, то я непремѣнно буду, любезно сказалъ Жуковскій и совсѣмъ повеселѣвшимъ взоромъ оглядѣлъ

столпившуюся около него молодежь. — Пріятно на васъ глядѣть, друзья мои! Пріѣхалъ я сюда съ слабой надеждой отдохнуть у васъ душою — и не ошибся въ разсчетѣ: всю навѣянную на меня »бесѣдчиками« пыль съ души, какъ вѣтромъ, сдуло.

— А кстати, Василій Андреичъ, какую это сатиру, говорилъ ты давеча, сочинилъ другъ твой Блудовъ на »бесѣдчиковъ«? спросилъ Пушкинъ.

— Полное названіе ея: »Видѣніе въ нѣкоторой оградѣ, изданное обществомъ ученыхъ людей«. »Ограда«, понятно, означаетъ »Бесѣду«. Одинъ списокъ съ сатиры нарочно посланъ къ герою ея — князю Шаховскому, при письмѣ, будто-бы, отъ имени нѣсколькихъ арзамасскихъ литераторовъ.

— Арзамасскихъ?

— Да. Блудовъ — помѣщикъ арзамасскаго уѣзда, недавно побывалъ на родинѣ и для разсказа своего воспользовался однимъ анекдотомъ, который случился на мѣстѣ. Только героемъ онъ сдѣлалъ Шаховскаго и скромный нумеръ арзамасскаго трактира обратилъ въ великолѣпный залъ »Бесѣды«.

— Но въ чемъ же соль сатиры? Разскажите, Василій Андреичъ! пристали къ Жуковскому лицеисты.

— Въ письмѣ, къ которому была приложена эта сатира, объяснено, что нѣсколько арзамас-

скихъ литераторовъ собрались разъ въ мѣстномъ трактирѣ, началъ Жуковскій. — Вдругъ вошедшій половой докладываетъ имъ, что рядомъ въ нумерѣ остановился какой-то проѣзжій — должно полагать, ясновидящій: бредитъ съ открытыми глазами. Заинтригованные литераторы подкрались къ дверямъ таинственнаго сосѣда и заглянули въ щелку. Что же они увидѣли тамъ? По нумеру взадъ и впередъ шагалъ, размахивая руками, безобразный толстякъ и нараспѣвъ декламировалъ какія-то безсмысленныя, напыщенныя фразы...

— А вѣдь, Шаховской, говорятъ, очень толстъ? прервалъ разсказчика Илличевскій.

— Настолько же толстъ, насколько Шишковъ тощъ: оба дополняютъ другъ друга. Итакъ, продолжалъ Жуковскій, — онъ декламировалъ безъ передышки, а окончивъ свою рѣчь, начиналъ ея опять съизнова. Такимъ образомъ, подслушивавшіе арзамасцы имѣли возможность записать все »видѣніе« отъ слова до слова. Именъ своихъ они, однако, по скромности, не выставили, ибо скромность — отличительная черта арзамасцевъ.

— А содержаніе »видѣнія«? спросилъ одинъ изъ слушателей.

— Дословно, къ сожалѣнію, я не съумѣю передать вамъ его. Вкратцѣ же оно такое: въ магнетическомъ снѣ своемъ Шаховской повѣствуетъ, какъ онъ однажды, послѣ засѣданія »Бесѣды« въ Державинскомъ залѣ, по разсѣянности забылъ

выйти съ другими. Свѣчи задули, дверь замкнули на два замка, и очутился онъ вдругъ одинъ одинешенекъ въ опустѣвшемъ и темномъ залѣ. Вѣтеръ за окнами заунывно вылъ, и думы, одна другой мрачнѣе, нахлынули на злополучнаго драматурга. Прислонясь къ оконницѣ буйной головой, онъ сталъ громко каяться въ собственныхъ своихъ прегрѣшеніяхъ... Жаль, право, что я не захватилъ съ собой этой образцовой исповѣди! Когда-нибудь доставлю ее вамъ.

— Да вотъ 24-го числа, когда будетъ у насъ спектакль, сказалъ Илличевскій.

— Непремѣнно — если не забуду.

Описывать самое празднество лицейской годовщины въ 1815 году — мы не станемъ. Приведемъ только краткій, но характеристичный отчетъ объ немъ, сохранившійся въ письмѣ Илличевскаго къ Фуссу, другу его по гимназіи, гдѣ онъ обучался до лицея:

»26 октября 1815 г. (Царское Село — вѣчное Царское Село).

»Я получилъ письмо твое въ такое время, когда я не имѣлъ ни на часъ свободнаго времени, ибо оно было посвящено цѣлому обществу; скажу яснѣе, въ такое время, когда мы приготовлялись праздновать день открытія лицея (правильнѣе бы было: день закрытія насъ въ лицеѣ), что дѣлается, обыкновенно, всякій годъ въ первое воскресенье послѣ 19 октября, и нынѣшній годъ также октября 24 числа. Этотъ

праздникъ описать тебѣ не долго: начался театромъ; мы играли »Стряпчаго« Патолена и »Ссору двухъ сосѣдей«. Обѣ пьесы — комедіи. Въ первой представлялъ я Вильгельма, купца, торгующаго сукнами, котораго плутъ стряпчій подрядился во всю пьесу обманывать; во второй — Вспышкина, записнаго псаря, охотника и одного изъ ссорящихся сосѣдовъ. Не хочу хвастать передъ другомъ, но скажу, что мною зрители остались довольны. За театромъ послѣдовалъ маленькій балъ и подчиваніе гостей всякими лакомствами, что̀ называется въ свѣтѣ угощеніемъ.«

Что касается Пушкина, то онъ исполнялъ только незначительную роль въ первой пьесѣ.

»Отзвонилъ и съ колокольни долой«: сорвалъ съ себя парикъ, смылъ съ лица слѣды пудры и угля, придававшіе ему требуемый пьесою старческій видъ, переодѣлся въ лицейскій мундиръ, и какъ-разъ къ началу антракта поспѣлъ въ »партеръ«, гдѣ со сцены еще замѣтилъ Жуковскаго.

Тотъ сидѣлъ въ сторонѣ, прислонясь къ колоннѣ, но былъ уже не одинъ: предъ нимъ торчалъ великанъ Кюхельбекеръ. Наклонясь къ сидящему съ своей вышины и приложивъ раковиной руку къ одному уху (потому что, какъ уже сказано, онъ былъ нѣсколько глухъ), Кюхельбекеръ благоговѣйно прислушивался къ тому, что̀ говорилъ ему Жуковскій. Чело послѣдняго было ясно,

взоръ свѣтелъ; отъ прежняго меланхолическаго настроенія, очевидно, не осталось и тѣни.

— Барометръ парнасскій, кажется, не показываетъ уже на »дождь«? было первое привѣтствіе Пушкина.

— На дождь-то — нѣтъ, но на »грозу и бурю«, былъ веселый отвѣтъ.

— Вотъ какъ!

— Да, на Парнасѣ у насъ теперь жаркій бой: клочья перьевъ такъ и летятъ, чернила такъ и брызжутъ.

— Между вами, Карамзинистами, и стариками Шишковистами?

— Да, или, точнѣе, между »арзамасцами« и »бесѣдчиками«. Вѣдь, намедни ты слышалъ ужь отъ меня о шуткѣ Блудова? Ну, такъ изъ тѣхъ, что участвовали въ шуткѣ, сложился теперь плотный кружокъ: »Арзамасъ« — и горе »Бесѣдѣ«!

— Эхъ, Пушкинъ! ну, зачѣмъ ты помѣшалъ намъ? попрекнулъ Кюхельбекеръ. — Василій Андреичъ только-что началъ объяснять мнѣ...

— Что нѣмецкія вирши твои безподобны? насмѣшливо досказалъ Пушкинъ.

— Онѣ, въ самомъ дѣлѣ, очень сносны, серьезно отозвался Жуковскій, — и я уже обѣщалъ Вильгельму Карлычу пристроить ихъ въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ журналѣ.

Кюхельбекеръ весь раскраснѣлся и скромно потупился.

— Василій Андреичъ, конечно, черезчуръ добръ... пробормоталъ онъ. — Но мнѣніе его меня очень ободрило... Мнѣ хотѣлось бы теперь написать нѣмецкую же статью о русской литературѣ, и я просилъ Василья Андреича дать мнѣ нѣкоторыя указанія...

— И представь себѣ, подхватилъ съ улыбкой Жуковскій: — Вильгельмъ Карлычъ оказывается тайнымъ приверженцемъ »стараго« слога...

— Ну, какъ тебѣ не стыдно, Кюхля! воскликнулъ Пушкинъ.

— Нѣтъ, у него есть свои резоны, примирительно вступился Жуковскій. — Глава старой партіи, Шишковъ, не номинально только президентъ Россійской академіи: онъ и мужъ глубокоученый, государственный, да и не заурядный писатель. Но, какъ у всякаго смертнаго, у него есть свой конекъ, свой предметъ помѣшательства. Это — славянщина. Цѣлые годы изучая всевозможные языки, онъ, въ концѣ концовъ, пришелъ къ какому выводу? Что древнѣйшій въ мірѣ языкъ — славянскій, и что всѣ прочіе языки — только нарѣчія славянскаго. Разъ ставъ на эту точку, онъ готовъ всякое иностранное слово хоть за волосы притянуть къ славянскому.

— Напримѣръ? спросилъ, съ нѣкоторымъ ужь задоромъ, Кюхельбекеръ.

— Напримѣръ... Хоть слово ястребъ. Шишковъ производитъ его отъ: яству теребить.

— И преостроумно!

— Не спорю. Но едва ли вѣрно, потому что латинское Astur развѣ не тотъ же ястребъ, только позаимствованный нами у древнихъ римлянъ?

— Ну, это еще вопросъ!

— Даже вопроса не можетъ быть, усмѣхнулся Пушкинъ: — очевидно, римляне исковеркали наше славянское слово!

— Нѣтъ, и славяне, и римляне, можетъ быть, взяли его изъ древняго санскритскаго...

— Вотъ это, пожалуй, всего вѣрнѣе, согласился Жуковскій. — Но тутъ вы, Вильгельмъ Карлычъ, ужь отступили нѣсколько отъ Шишкова. А мало ли у насъ совсѣмъ иностранныхъ словъ? Не имѣя никакой возможности пріурочить ихъ къ славянщинѣ, Шишковисты изгоняютъ ихъ вовсе изъ родной рѣчи и замѣняютъ словами собственнаго изобрѣтенія. Такъ: проза у нихъ — говоръ, номеръ — число, швейцаръ — вѣстникъ, калоши — мокроступы, билліардъ — шарокатъ, кій — шаропихъ...

— Да чѣмъ же эти новыя слова хуже иностранныхъ? возразилъ Кюхельбекеръ.

— Особенно шаропихъ! разсмѣялся Пушкинъ. — Прелестно!

— Да и между »бесѣдчиками« начинается уже расколъ, продолжалъ Жуковскій. — Державинъ не соглашается на предложеніе Шишкова — соединить »Бесѣду« съ Академіей; Крыловъ прямо осмѣялъ своихъ друзей »бесѣдчиковъ« въ баснѣ »Квартетъ«:

»А вы, друзья, какъ ни садитесь —
Все въ музыканты не годитесь.«

Но мы, »арзамасцы«, рѣшились теперь окончательно доконать ихъ. Въ позапрошлый четвергъ, 14 октября, по приглашенію Уварова, мы собрались у него на первый »арзамасскій вечеръ«. Въ прошлый четвергъ — на второй у Блудова *). Предсѣдателемъ нашимъ всего ближе было бы выбрать самого создателя новаго слога, Карамзина. Но онъ живетъ въ Москвѣ и могъ бы участвовать въ собраніяхъ нашихъ только наѣздомъ (а мы думаемъ собираться каждый четвергъ). Главное же, что онъ — олимпіецъ и не въ его характерѣ вздорить съ кѣмъ бы то ни было. Но мы, его ученики, не добравшіеся еще до вершинъ Олимпа, постоимъ и за него, и за себя. Новорожденный »Арзамасъ« — пародія дряхлой »Бесѣды«, и насколько засѣданія »Бесѣды« напыщенно-важны и непроходимо-скучны, настолько же засѣданія »Арзамаса« задушевно-веселы и непринужденно-шутливы. Арзамасская критика должна ѣхать верхомъ на галиматьѣ. Это — нашъ девизъ. Отрѣшась на время засѣданій »Арзамаса« отъ своего свѣтскаго званія, каждый изъ насъ принялъ условную кличку изъ моихъ балладъ, которыя такъ не пришлись по вкусу »бесѣдчикамъ«. Блудовъ у насъ — »Кассандра«; Уваровъ — »Старушка«; Батюшковъ — »Ахиллъ«, впрочемъ, и »Попенька« за его

*) Оба впослѣдствіи графы и министры.

птичій носъ; Дашковъ — »Чу!«, »Чурка« или просто »Дашенька«; Тургеневъ — »Эолова арфа«...

— Это за что же? спросилъ Пушкинъ.

— За вѣчное бурчанье его ненасытнаго брюха.

— Не въ бровь, а прямо въ глазъ! А тебя самого какъ прозвали, Василій Андреичъ?

— »Свѣтланой«. Похожъ, видно, на красную дѣвицу!

— А кто же у васъ предсѣдатель? спросилъ Кюхельбекеръ. — Не вы ли?

— Нѣтъ, предсѣдатель у насъ очередной; я же взялъ на себя болѣе скромную, но не менѣе отвѣтственную роль — секретаря. Достодолжно оформить протоколъ нашихъ засѣданій — задача, я вамъ скажу! То-то рѣчи, то-то перлы высшаго сумасбродства! Но зато и польза велія: нѣтъ на свѣтѣ средства пользительнѣе смѣха; онъ удивительно какъ способствуетъ сваренію желудка.

— Но о чемъ же у васъ рѣчи?

— Да вотъ, прежде всего, по образцу французской академіи наукъ, каждый вновь-принятый членъ у насъ долженъ сказать надгробное похвальное слово своему предшественнику. Но такъ какъ мы, первые учредители, не имѣли предшественниковъ, то мы для нашихъ надгробныхъ рѣчей беремъ заимообразно и напрокатъ живыхъ покойниковъ »Бесѣды«. Мнѣ выпала счастливая доля отпѣвать современнаго Тредьяковскаго — Хлыстова.

— Графа Хвостова?

— Да. И признаюсь, рѣдко я бывалъ такъ въ ударѣ! Да и не диво: настольной книгой въ засѣданіи, неисчерпаемымъ кладеземъ вдохновенія служатъ мнѣ его собственныя притчи.

»Нашъ графъ, сказать ему мы можемъ не въ укоръ,
Танцуетъ какъ Вольтеръ и пишетъ какъ Дюпоръ« *).

— Вотъ бы подслушать васъ! сказалъ Пушкинъ.

— А что-жъ? рано или поздно, попадешь тоже, вѣроятно, къ намъ.

— Кто? я? спросилъ Пушкинъ, и отъ радостнаго волненія весь такъ и вспыхнулъ.

— Ну, понятно! кому-жъ изъ насъ, какъ не тебѣ, быть тамъ, убѣжденно сказалъ Кюхельбекеръ. — Отъ души, братъ, впередъ тебя поздравляю!

Пробасилъ онъ это такъ громко, что кругомъ по зрительной залѣ пронеслось дружное шиканье: »ш-ш-ш!«, потому что антрактъ сейчасъ кончился, ширмы на сценѣ, замѣнявшія занавѣсъ, раздвинулись и представленіе возобновилось.

Зато по окончаніи послѣдней пьесы, когда сцена была убрана вонъ и заиграла музыка для танцевъ, около Жуковскаго столпились всѣ лицейскіе стихотворцы. Онъ долженъ былъ повторить имъ все то, что̀ разсказалъ передъ тѣмъ Пушкину и Кюхельбекеру объ »Арзамасѣ«; но

*) *Дюпоръ* — знаменитый въ то время балетный танцовщикъ.

наибольшій фуроръ произвелъ двумя притчами »арзамасскими«, сочиненными по образцу притчъ графа Хвостова. Начало одной изъ нихъ, »Обжорство«, было такое:

»Одинъ французъ
Жевалъ арбузъ...«

Другая, »Дождь«, начиналась такъ:

»Однажды
Шелъ дождикъ дважды...«

— Это чудо что такое! потѣшались лицеисты.

— Но заслуга вся за Хвостовымъ, сказалъ Жуковскій: — онъ вдохновляетъ насъ, и мы, въ благодарность ему, сочинили слѣдующую благозвучную надпись къ его портрету:

»Се — Росска Флакка зракъ! *) Се тотъ, кто, какъ и онъ.
Выспрь быстро, какъ птицъ царь, порхъ верхъ на Геликонъ;
Се ликъ одъ, притчъ творца, музъ чтителя Хлыстова,
Кой поле испестрилъ россійска красна слова.«

— Помилуйте, господа! дамы сидятъ безъ кавалеровъ, а вы тутъ болтаете, какъ ни въ чемъ не бывало! завопилъ, подбѣгая къ товарищамъ-поэтамъ, графъ Брогліо, распорядитель танцевъ.

Дѣлать было нечего — пришлось, волей-неволей, принять участіе въ танцахъ. Но, и танцуя, рѣдкій изъ кавалеровъ-стихотворцевъ не занималъ свою даму бесѣдой объ »Арзамасѣ«; точно также многіе еще дни послѣ того главной тэмой разговоровъ лицеистовъ между собой былъ тотъ-

*) Т. е. изображеніе русскаго Горація Флакка.

же »Арзамасъ«. Большинство лицеистовъ, надо сказать правду, видѣло въ новомъ литературномъ обществѣ одну потѣшную сторону и интересовалось только арзамасскими »шалостями«, т. е. баснями и притчами, сочиненными въ подражаніе графу Хвостову. Наибольшимъ успѣхомъ пользовалась у нихъ басня: »Кончина коровы«. которую мы и приводимъ здѣсь цѣликомъ:

»У мужика корова,
Когда была здорова,
И ѣстъ и пьетъ,
И долгъ природѣ свой день каждый отдаетъ,
Иль говоря по-русски:
Давать и творогу, и сливокъ на закуски
Ничуть не устаетъ.
Корова не заморска птица,
Но дѣлать молоко ужасна мастерица.
Въ коровушкѣ своей души не зналъ мужикъ,
То-есть до молока охотникъ онъ великъ;
Вѣдь, у людей всѣ внутреннія части
Корыстолюбія во власти.
Но вдругъ
Коровушку мою сразилъ недугъ:
Ей не взлюбился лугъ,
Сталъ лобъ нахмуренъ;
Она худа, блѣдна,
И цвѣтъ въ лицѣ сталъ дуренъ,
И голова дурна.
Бывало, свѣтлый глазъ: днесь безъ свѣтильни плошка;
Корова-здоровякъ — ни дать ни взять
Ободранная кошка!
Мужикъ реветъ не часъ, не два, не пять,
Реветъ онъ цѣлы сутки;
Для мужика
Безъ молока
Приходитъ не до шутки.
Но, какъ ни плачъ, но какъ скотинушки ни жаль —
Ее отправь хоть въ гошпиталь.

На вопль хозяина сбѣжались изъ деревни
Матроны древни;
Весь бабій факультетъ
Къ больной приходитъ на совѣтъ.
Та говоритъ: »въ коровѣ сперлись спазмы,
Ее-бы въ ванну посадить;«
Другая: »можетъ быть, въ коровушкѣ міазмы;
Не худо прилѣпить
Ей шпанску муху
Къ уху;«
А третія: »повѣрьте мнѣ, легко
Въ коровѣ разлилось, быть можетъ, молоко;«
Четвертая: »чтобы больной помочь здоровью,
Привейте оспу ей коровью.«
Тутъ мысль былъ класть всякъ лихъ
И лѣзетъ въ Эскулапы.
Корова между тѣмъ, крестомъ сложивши лапы,
Вздохнула разъ, другой, и нѣтъ ея въ живыхъ.

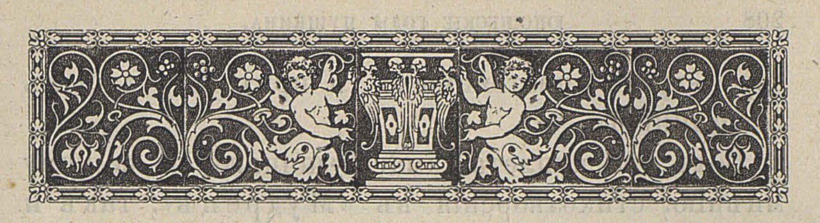
—

Такія-жъ и у насъ бываютъ штуки,
И каждый, щедрый на совѣтъ,
Доитъ корову въ обѣ руки,
А все коровѣ пользы нѣтъ.«

Неудивительно, что и стрѣлы лицейскихъ эпиграммъ съ этого времени часто обращались противъ бѣднаго Хвостова.

Такъ-то новое вѣяніе въ »большой литературѣ« отозвалось и въ тѣсныхъ стѣнахъ царскосельскаго лицея.

Глава XII.

Лицейскій Донъ-Кихотъ.

»Враги его, друзья его
(Что, можетъ быть, одно и тоже)
Его честили такъ и сякъ.
Враговъ имѣетъ въ мірѣ всякъ,
Но отъ друзей спаси насъ, Боже!«

(Евгеній Онѣгинъ.)

» — Гдѣ-жь мертвецъ?« — »Вонъ,
тятя, э — вотъ!«

(Утопленникъ.)

Въ томъ, что Пушкинъ, можетъ быть, даже очень скоро, удостоится чести пріема въ »Арзамасъ«, — никто изъ его товарищей-литераторовъ уже не сомнѣвался. Завѣтною мечтою каждаго изъ нихъ было попасть туда же, и всѣ они еще усерднѣе прежняго принялись царапать перомъ. Но такъ какъ избраннымъ изъ нихъ открылся уже доступъ въ »большую печать«, то единственный въ 1815 году, собственный ихъ рукописный журналъ: »Лицейскій Мудрецъ« имѣлъ не болѣе

двухъ-трехъ постоянныхъ и притомъ слабыхъ сотрудниковъ *).

Вотъ два куплета самаго удачнаго, по нашему мнѣнію, стихотворенія въ »Мудрецѣ«, такъ и озаглавленнаго: »Мудрецъ«. Оно названо »подражаніемъ Жуковскому«, но составляетъ, вѣр-

---

*) Школьный товарищъ Пушкина, адмиралъ Матюшкинъ, передъ своей смертью передалъ сохранившійся у него подлинникъ »*Мудреца*« за 1815 годъ академику Я. К. Гроту. Благодаря любезности послѣдняго, пишущій настоящія строки имѣлъ случай просмотрѣть этотъ подлинникъ. Почти весь журналъ переписанъ однимъ и тѣмъ же красивымъ почеркомъ Данзаса, что удостовѣряется какъ покойнымъ Матюшкинымъ, такъ и помѣткой въ концѣ перваго № »*Мудреца*«: »*Въ типографіи Данзаса*«. По словамъ того-же Матюшкина, статьи принадлежали почти исключительно Данзасу и Корсакову. Дельвигъ, какъ »извѣстный« уже литераторъ, только просматривалъ ихъ до переписки; почему подъ подписью Данзаса выставлено: »*Печатать позволяется. Цензоръ Баронъ Дельвигъ.*« Наконецъ, Илличевскій участвовалъ въ журналѣ собственно какъ иллюстраторъ: недурныя раскрашенныя карикатуры украшаютъ каждый нумеръ и подъ одной изъ нихъ можно прочесть подпись: »*Il. pinx.*«, т. е. »*Illitschewsky pinxit*« (Рисовалъ Илличевскій).

Кстати выпишемъ здѣсь оглавленіе 1-го № »*Мудреца*« за 1815 г.: *Изящная словесность*: 1) *Проза*: a) Къ читателямъ. b) Оселъ-философъ. 2) *Стихотворенія*: a) Къ заключенному другу-поэту. b) Къ Мудрецу. c) Эпиграмма. d) Эпитафія. e) Нѣтъ, нѣгъ! 3) *Критика*: a) Письмо къ издателю. b) Объявленіе. 4) *Смѣсь*: a) Письмо изъ Индостана. b) Анекдотъ.

Въ концѣ № приложены двѣ карикатуры. Въ одной изъ нихъ дѣйствующими лицами представлены Мясоѣдовъ, Кюхельбекеръ и гувернеръ; въ другой — Мясоѣдовъ, Илличевскій и гувернеръ. Въ той и другой Мясоѣдовъ, по обыкновенію, изображенъ съ ослиной головой, а Кюхельбекеръ и Илличевскій совсѣмъ взрослыми мужчинами, Илличевскій даже съ бакенбардами, въ современныхъ штатскихъ платьяхъ.

Въ 3-мъ нумерѣ »*Мудреца*« къ указаннымъ 4-мъ отдѣламъ прибавились еще два новыхъ: »*Моды*« и »*Политика*«.

нѣе, пародію на извѣстный романсъ Жуковскаго »Пѣвецъ«:

›На каѳедрѣ, надъ красными столами,
Вы кипу книгъ не видите-ль, друзья?
Печально чуть скрыпитъ огромная доска,
И карты грустно вѣютъ *) надъ стѣнами.
На печкѣ дудка и вѣнецъ.
Восплачемте, друзья: могила
Прахъ мудреца на вѣкъ сокрыла.
Бѣдный мудрецъ!
»Нѣтъ мудреца! И дудка перестала
Пріятный гласъ повсюду разносить.
И въ классахъ скорбно все — и все молчитъ,
И, кажется, доска чернѣе стала!
Изъ печки дымъ коптитъ вѣнецъ,
Его колебля надъ могилой,
И дудка вторитъ имъ уныло:
Бѣдный мудрецъ!‹ **)

Надгробные куплеты эти на »Лицейскаго Мудреца« какъ-бы предвѣщали его скорую кон-

*) Въ подлинникѣ, по очевидной опискѣ, сказано: *воютъ*.

**) Для сравненія приводимъ и соотвѣтствующіе куплеты Жуковскаго:

›Въ тѣни деревъ, надъ чистыми водами,
Дерновый холмъ вы видите-ль, друзья?
Чуть слышно тамъ плескаетъ въ брегъ струя,
Чуть вѣтерокъ тамъ дышетъ межъ листами;
На вѣтвяхъ лира и вѣнецъ...
Увы! друзья, сей холмъ—могила;
Здѣсь прахъ пѣвца земля сокрыла;
Бѣдный пѣвецъ!
»И нѣтъ пѣвца! Его не слышно лиры...
Его слѣды исчезли въ сихъ мѣстахъ;
И скорбно все въ долинѣ, на холмахъ;
И все молчитъ... Лишь тихіе зефиры,
Колебля вянущій вѣнецъ,
Порою вѣютъ надъ могилой,
И лира вторитъ имъ уныле:
Бѣдный пѣвецъ!‹

чину. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, трудно было »Мудрецу« завербовать себѣ сотрудниковъ — нагляднѣе всего свидѣтельствуютъ безплодныя воззванія издателя »Къ читателямъ« въ №№ 2 и 3.

»Право, любезные читатели, я чрезвычайно разсерженъ на васъ (говорится въ № 2). Какъ! ни одного пособія не дать мнѣ; заставить меня одного издавать журналъ! Это стыдно! весьма стыдно! Послѣ такого озорническаго поступка я съ вами и говорить не хочу!..

»Чтò, читатели? вы меня кличете? Такъ и быть; чтó вы только можете сказать въ свое оправданіе?

»— Дѣла много!...

»Неправда; на этой недѣлѣ и уроковъ не было. Нѣмецкая безсмыслица не трудна...

»— Предметовъ не было...

»Вздоръ! пустое! На этой недѣлѣ былъ царскій день... Такъ! вижу, васъ лѣнь одолѣла, мошенница... Только слушайте, любезные читатели, я васъ на этотъ разъ прощу; только хорошенько посмѣйтесь надъ тѣмъ, что только услышите въ нашемъ журналѣ; но если же (страшитесь моего мщенія!), если же, для будущаго нумера, вы мнѣ ничего не пришлете стихотворнаго или прозаическаго, если же ваши Карамзины не развернутся и не дадутъ мнѣ какихъ-нибудь смѣшныхъ разговоровъ, то я сдѣлаю вамъ такую штуку, отъ которой вы не скоро отдѣлаетесь. Подумайте...

»— Онъ не станетъ издавать журнала...

»Хуже!

»— Онъ натретъ ядомъ листочки »Лицейскаго Мудреца«...

»Вы почти угадали: я подарю васъ усыпительною балладою Г-на Гезеля!!!«

Гезель же былъ не кто иной, какъ злосчастный Кюхельбекеръ, которому вездѣ и отъ всѣхъ доставалось.

Но первое воззваніе, видно, ни къ чему не повело. № 3 »Мудреца« начинается еще болѣе сильными вздохами:

»Охъ! охти мнѣ! — Рифматизмъ!... Горло болитъ; чуть-чуть дышу... Право, любезные читатели, я чрезвычайно боленъ, а вы заставляете меня говорить. Я думалъ, что болѣзнь моя избавитъ меня отъ того, чтобъ издавать журналъ; но не тутъ-то было. Вызвали меня изъ убѣжища, приставили ножъ къ горлу и кричатъ: »издавай!...«

Въ этомъ же 3-мъ № статья »Апологія« (защитительная рѣчь) заканчивается знаменательными словами: »...Еще скажу вамъ, что я чрезвычайно люблю спать; потому что, когда буду великимъ Канцлеромъ Россіи, тогда спать будетъ некогда, а теперь хочу наспаться на всю жизнь. Вы ожидаете отъ меня длинной Апологіи; но я вамъ ничего не скажу, не потому, чтобы не было доказательствъ, но потому, что мнѣ чрезвычайно спать хочется... Что-то зѣвается... Охъ!.... ахъ!.. ухъ!...«

Противъ послѣдняго слова сдѣлана внизу страницы такая выноска: »Просимъ любезныхъ читателей извинить Г-на Писаку; ему хотѣлось спать, и онъ набредилъ цѣлый листъ.«

Изъ приведенныхъ нами выписокъ очевидно, какъ понемногу, вмѣстѣ со своими сотрудниками, засыпалъ »Лицейскій Мудрецъ«, пока, въ 1816 году, онъ не заснулъ на вѣки.

Временному оживленію »Мудреца« въ концѣ 1815 г. способствовалъ (совершенно, впрочемъ, помимо своей воли), Донъ-Кихотъ лицейскій, Кюхельбекеръ. Поощряемый Жуковскимъ, онъ хотя и упражнялся теперь преимущественно въ переводахъ съ русскаго на свой родной, нѣмецкій языкъ, но не могъ, однако, отказаться и отъ русскаго стихотворства. Даже на лекціяхъ нерѣдко обуревало его вдохновеніе. Разъ, вызванный къ доскѣ профессоромъ Карцовымъ, онъ второпяхъ обронилъ на полъ какой-то листокъ. Пушкинъ, къ ногамъ котораго упалъ листокъ, не замедлилъ поднять его и припрятать. Возвратясь отъ доски на свое мѣсто, Кюхельбекеръ началъ рыться у себя въ столѣ, сунулся въ столъ къ сосѣду, заглянулъ и подъ лавку — все, конечно, напрасно.

— Donnerwetter... ворчалъ онъ про себя.

— Да что̀ ты потерялъ, Кюхля? спрашивали его сосѣди.

— Ничего! коротко отрѣзалъ онъ и уткнулся въ книгу.

Онъ былъ увѣренъ, что, по обычной своей разсѣянности, заложилъ стихи куда-нибудь въ тетрадь или книгу, и что они послѣ сами собой найдутся. Они, точно, нашлись, но — не сами собой и не тамъ, гдѣ онъ думалъ.

Едва лицеисты собрались къ обѣду въ столовой и принялись за супъ, какъ Пушкинъ зазвенѣлъ о стаканъ ложкой и провозгласилъ:

— Вниманія, господа! Въ математическомъ классѣ у насъ объявился нынче стихотворный найденышъ. Кто его къ намъ подбросилъ — одному Аллаху извѣстно. Но яблоко, говорятъ, падаетъ недалеко отъ дерева, и потому по яблоку мы, можетъ быть, доберемся и до дерева. Развѣсьте уши и утѣшьте души:

»Взликуйте, русскіе народы,
Камчатки и Карпатскихъ горъ.
Дуная, Веслы воды,
Мы днесь составимъ цѣльный хоръ.

»Всѣ племени славенска, члены
Во сердцѣ съ правдою своемъ.
Собравшись подъ свои знамены,
Однимъ языкомъ воспоемъ.

»Страшилища Европы пали,
Кичливый свержен мира врагъ,
Какъ тѣ, что Бога воевали,
Злодѣямъ-извергамъ на страхъ.«

Гомерическій хохотъ былъ отвѣтомъ на нескладныя, безграмотныя вирши. Кто былъ авторомъ ихъ — ни для кого не оставалось уже тайной, потому что Кюхельбекеръ, хотя и скорчилъ самую невинную рожу, но съ каждымъ стихомъ

все болѣе багровѣлъ въ лицѣ и, наконецъ, нервически расплескалъ ложкой супъ на скатерть.

— Молодецъ, Виленька! вотъ такъ отличился! хохотали вокругъ товарищи.

— Чего вы пристали!... это вовсе не я... неумѣло протестовалъ Виленька.

— Видѣнъ соколъ по полету, Донъ-Кихотъ по поступи. Второй куплетъ особенно великолѣпенъ. Прочти-ка его еще разъ, Пушкинъ!

— »Всѣ племени славенска, члены
Во сердцѣ съ правдою своемъ...«

— Говорятъ же вамъ, что это не я... со слезами уже въ голосѣ перебилъ Кюхельбекеръ.

— Ну, полноте, господа! заговорилъ Вальховскій. — Спрячь стихи, Пушкинъ, или, лучше, дай ихъ сюда.

— Нѣтъ, братъ, не отдавай: онъ ихъ разорветъ! крикнулъ Данзасъ. — Дай-ка лучше мнѣ: это такой кладъ для »Мудреца«...

Пушкинъ перебросилъ ему листокъ черезъ столъ. Кюхельбекеръ сорвался со стула, чтобы налету поймать листокъ; но, по неловкости, онъ опрокинулъ только графинъ съ водой, которая разлилась по всему столу. Листокъ же, между тѣмъ, безслѣдно исчезъ.

Дежурный гувернеръ, который нѣсколько разъ безуспѣшно старался унять шумящихъ, серьезно внушилъ имъ теперь »перестать« и кушать, если они не желаютъ, чтобы онъ послалъ сейчасъ за Степаномъ Степановичемъ, т. е. за грознымъ

новымъ надзирателемъ Фроловымъ. Всѣ взялись опять за ложки, за исключеніемъ одного Кюхельбекера: онъ, видно, окончательно лишился апетита и съ сердцемъ отодвинулъ отъ себя тарелку.

— Что же вы не кушаете, сеньоръ Ламанчскій? спросилъ его ближайшій сосѣдъ, графъ Брогліо.

— Не хочу... былъ глухой отвѣтъ.

— Однако, приказаніе начальства! Не слышалъ развѣ?

— Отвяжись, говорятъ тебѣ!

— Ну, ужь нѣтъ, какъ хочешь: противъ воли начальства никакъ невозможно.

Съ этими словами, неугомонный снова пододвинулъ къ Кюхельбекеру его тарелку и ласковымъ голосомъ дядьки, увѣщевающаго строптиваго мальчугана, продолжалъ:

— »Сосѣдушка мой свѣтъ, пожалуйста, покушай!«

— Оставь меня, Брогліо, прошу тебя... умоляющимъ уже тономъ проговорилъ Кюхельбекеръ.

Тотъ, однако, все не унимался:

— Ты сытъ по горло?

— Да, да...

— »И полно, что за счеты
Лишь стало бы охоты...«

— Да у него нѣтъ, кажется, хлѣба? замѣтилъ съ другаго конца стола Пушкинъ. — На̀ вотъ, Кюхля, получай!

Онъ швырнулъ кусокъ хлѣба черезъ столъ, да такъ ловко, что хлѣбъ шлепнулся прямо въ тарелку рыцаря Ламанчскаго и супъ брызнулъ ему въ лицо. Терпѣніе бѣдняги лопнуло. Бормоча что-то безсвязное, онъ рванулся вонъ изъ-за стола. Но Брогліо поймалъ его сзади за локти, насильно усадилъ опять на мѣсто и обратился къ Дельвигу, который сидѣлъ по другую его руку:

— Покорми же его, баронъ! Не видишь развѣ, что у мальчика языкъ заплетается?

И кроткаго въ другое время Дельвига обуялъ бѣсъ дурачества. Онъ зачерпнулъ ложкой супу и поднесъ ее къ губамъ Кюхельбекера.

— На̀, милочка, ѣшь на здоровье!

А что же гувернеръ?

Гувернера въ столовой уже не было: убѣдясь, что одному ему съ шалунами не управиться, онъ бросился за надзирателемъ.

Между тѣмъ, Кюхельбекеръ, поводя кругомъ налитыми кровью глазами, какъ дикій звѣрь въ сѣтяхъ, въ изступленіи барахтался и брыкался въ сдерживавшихъ его рукахъ силача Брогліо; губы же его изрыгали отрывисто такія неприличныя рѣчи, какихъ отъ него никто еще до сихъ поръ не слыхалъ.

— Донъ-Кихотъ нашъ съ ума сошелъ! Донъ-Кихотъ взбѣсился! раздавалось вокругъ стола. — Облейте его водой!

Но воды подъ рукой у Дельвига не оказалось: опрокинутый Кюхельбекеромъ графинъ не былъ

еще налитъ. Въ порывѣ мальчишества, не отдавая себѣ отчета въ своемъ поступкѣ, Дельвигъ схватилъ недоѣденную имъ тарелку супа и опорожнилъ ее на голову бѣснующагося.

Товарищи ахнули; самъ Дельвигъ, видимо, смутился, а Кюхельбекеръ, сдѣлавъ сверхъестественное усиліе, вывернулся изъ обхватывавшихъ его рукъ и опрометью кинулся къ выходу.

— Куда вы, Вильгельмъ Карлычъ? спросилъ его одинъ дядька, загораживая ему у дверей дорогу.

Рослый Донъ-Кихотъ лицейскій отодвинулъ его, какъ ребенка, въ сторону.

— Помолись за мою грѣшную душу...

— Батюшки-свѣты! да онъ и то, вѣдь, рехнулся, руку на себя наложитъ!.. вскричалъ дядька и пустился въ погоню за нимъ.

Надо ли говорить, что и товарищи обезумѣвшаго не безучастно отнеслись къ этому и не остались сидѣть за столомъ?

Стояла глубокая осень; съ вѣтвистыхъ вѣковыхъ деревъ дворцоваго парка осеннимъ вѣтромъ срывало послѣдніе листья, и гуляющихъ почти нельзя уже было встрѣтить. Единственное исключеніе составлялъ докторъ Пешель. Имѣя наклонность къ тучности, онъ, навѣстивъ своихъ больныхъ въ Софіи (предмѣстьи Царскаго Села), каждый разъ, ради моціона, направлялся въ лицей не прямымъ путемъ по шоссе, а окольными аллеями черезъ паркъ, мимо большаго

пруда. Каково же было теперь его удивленіе, когда именно въ обѣденный часъ лицеистовъ, онъ наткнулся тутъ на весь старшій курсъ. Мало того, это была не обычная, чинная ихъ прогулка, а какая-то бѣшеная скачка или травля! Впереди всѣхъ, какъ преслѣдуемый звѣрь, мчался исполинскими шагами, въ одной курткѣ, съ непокрытой, растрепанной головой, долговязый Кюхельбекеръ. За нимъ, шагахъ въ тридцати, также налегкѣ, безъ фуражекъ, гнались гурьбой его товарищи, а въ арьергардѣ ковыляли, пыхтя и спотыкаясь, двое дядекъ-инвалидовъ. Докторъ едва успѣлъ посторониться отъ налетѣвшаго на него людскаго вихря.

— Что̀ это съ Кюхельбекеромъ, Ѳома? крикнулъ онъ въ догонку послѣднему дядькѣ.

— Рехнулся... отвѣтилъ тотъ на бѣгу, не умѣряя шага.

— Рехнулся? повторилъ про себя Пёшель и взглянулъ на часы, точно справляясь, пора ли было Кюхельбекеру рехнуться.— Гмъ... фантастъ! и то, пожалуй, удеретъ штуку. Надо вернуться.

Когда онъ сталъ подходить къ большому пруду, донесшіеся до него оттуда смѣшанные крики ясно доказали, что »фантастъ удралъ уже штуку«.

— Вонъ, вонъ! вынырнулъ, пузыри пускаетъ! кричалъ одинъ.

— Да вѣдь, онъ плавать не умѣетъ! голосилъ другой.

Задыхаясь отъ одышки, толстякъ-докторъ уже

бѣгомъ добрался до пруда. Большинство лицеистовъ, вмѣстѣ съ дядьками, безпомощно бродили по берегу, не зная, что̀ предпринять. Хотя снѣгъ еще не выпалъ, но въ тихихъ бухточкахъ поверхность воды кой-гдѣ уже затянуло тонкой ледяной корой. Въ нѣсколькихъ же шагахъ отъ берега, фыркая и захлебываясь, барахтался въ водѣ Кюхельбекеръ.

— Да нельзя ли хоть сбѣгать за лодкой? замѣтилъ Пёшель.

— Ужь побѣжали, отвѣчалъ одинъ изъ лицеистовъ: — Матюшкинъ да Дельвигъ, да еще кто-то.

— Помогите! донесся съ пруда отчаянный вопль.

— То-то вотъ: »помогите!« философствовалъ докторъ: — а кто въ воду толкалъ? не самъ развѣ полѣзъ?.. Вы что̀ это дѣлаете, Вальховскій? обратился онъ къ Суворочкѣ-Вальховскому, который живо скинулъ съ плечъ куртку.

— Да вы развѣ не слышите, Францъ Осипычъ, что онъ зоветъ на помощь? отозвался тотъ, начиная снимать и сапоги.

— Вы, батенька, кажется, тоже съ ума спятили? напустился на него Пёшель. — Сейчасъ извольте-ка опять одѣться.

— Да поймите, докторъ, что онъ плавать не умѣетъ! А я, слава Богу, плаваю, какъ утка. Пустите меня...

— Нѣтъ, ужь извините, не пущу! рѣшительно

заявилъ докторъ, не выпуская его изъ рукъ. — При вашей слабой комплекціи, вы отъ такой ванны схватите горячку...

— А потомъ, небось, мы и отвѣчай за васъ? раздался возлѣ рѣзкій посторонній голосъ.

Спорящіе увидѣли передъ собой надзирателя, подполковника Фролова, а вмѣстѣ съ нимъ, временнаго директора Гауеншильда и дежурнаго гувернера.

Всѣхъ болѣе, казалось, растерялся Гауеншильдъ. То и дѣло хватаясь за голову, онъ причитывалъ ломанымъ русскимъ языкомъ:

— Я сказалъ, что не можно быть такъ безъ директора, — и не можно! Коли не придетъ новый директоръ, я отставку подамъ... Завтра-жъ отправлюсь съ мадамъ и kleiner Сашей...

»Мадамъ« была его супруга — Madame Hauenschild; kleiner Саша — сынокъ ихъ.

— Да вонъ, ваше высокоблагородіе, и лодка! успокоилъ его подвернувшійся дядька. — Ишь, вѣдь, какъ лихо гребутъ! Мигомъ выудятъ.

И точно, не прошло пяти минутъ, какъ утопленникъ былъ благополучно выловленъ изъ воды и уложенъ на днѣ лодки, а спустя еще полчаса, онъ потѣлъ подъ двумя одѣялами въ лицейскомъ лазаретѣ. Баронъ Дельвигъ, въ качествѣ сидѣлки, усердно поилъ его потогоннымъ чаемъ, который предписалъ простуженному докторъ. Даже крѣпкая натура Кюхельбекера не выдержала купанія въ ледяной водѣ, и ночью у него от-

крылся жаръ и бредъ. Дельвигъ, изнемогая отъ усталости, все-таки дежурилъ безсмѣнно у его изголовья. Докторъ Пёшель, на всѣ дѣлаемые ему вопросы, мычалъ только что-то подъ носъ себѣ; но озабоченный видъ его показывалъ, что положеніе больнаго не шуточное. Скрыть отъ министра настоящій прискорбный случай не представлялось возможности. Послѣ всесторонняго обсужденія вопроса въ лицейской конференціи, въ Петербургъ былъ отправленъ рапортъ о томъ, что Кюхельбекеръ, въ припадкѣ горячки, выскочилъ, дескать, изъ лазарета и бросился въ прудъ; въ правленіи же лицея, какъ слѣдуетъ, было заведено особое дѣло: »Объ умопомѣшательствѣ Кюхельбекера«.

На третій день, впрочемъ, Кюхельбекеръ пришелъ въ себя, и первое, что̀ услышали отъ него докторъ и Дельвигъ, были стихи, которые онъ прочелъ замогильнымъ голосомъ, не раскрывая глазъ:

— »Сажень земли — мое стяжанье,
Мнѣ отведенъ смиренный домъ:
Здѣсь спятъ надежда и желанье,
Окованъ страхъ желѣзнымъ сномъ;
Безмолвно все въ подземной кельѣ...«

— Слава Богу, опять стихи сочиняетъ! вздохнулъ изъ глубины души Дельвигъ. — Онъ, кажется, очувствовался, Францъ Осипычъ?

— Кажется, что такъ, отвѣчалъ Францъ Осиповичъ и взялъ больнаго за пульсъ. — Ну, что, любезный паціентъ, выспались?

— Ахъ, докторъ, зачѣмъ вы меня сбили! проворчалъ паціентъ, щурясь отъ свѣта:

— »Безмолвно все въ подземной кельѣ...«

Дальше вотъ и забылъ!...

— Послѣ вспомнишь, душа моя, вмѣшался Дельвигъ, наклоняясь надъ товарищемъ. — Не сердись, Кюхельбекеръ! Я виноватъ, кругомъ виноватъ, но, право, я никакъ не могъ представить себѣ...

— Ничего, мой другъ... Господь съ тобой... Когда меня похоронятъ, вели только сдѣлать на камнѣ эту надпись...

— Рано вздумали помирать! перебилъ Пёшель. — Вы еще насъ всѣхъ переживете.

— Ну, конечно! подхватилъ Дельвигъ. — А эти стихи твои, право, очень даже складны.

Больной застѣнчиво улыбнулся.

— Ты находишь? Ну, спасибо тебѣ, баронъ, за доброе слово! Если хочешь, я тебѣ ихъ даже...

— На могильный камень пожертвуешь? весело добавилъ Дельвигъ. — За честь почту; очень обяжешь.

Такъ переполохъ съ Кюхельбекеромъ, угрожавшій трагической развязкой, окончился ко всеобщему удовольствію вполнѣ мирно и имѣлъ еще свою комическую сторону. Слѣдующій же № »Лицейскаго Мудреца«, не менѣе какъ въ трехъ статьяхъ и въ одной карикатурѣ, увѣковѣчилъ этотъ любопытный въ исторіи лицея эпизодъ.

Во-первыхъ, »національная пѣсня« лицеистовъ обогатилась новымъ куплетомъ:

»Коль не придетъ директоръ,
Отставку я подамъ,
И завтра жъ съ kleiner Сашей
Отпрафлюсь и съ мадамъ.«

Далѣе, въ отдѣлѣ »Критика«, появилась статья: »Найденышъ«, гдѣ были выписаны приведенные выше патріотическіе стихи Кюхельбекера, и раскритикованы какъ говорится, въ пухъ и въ прахъ; причемъ такъ и пояснено, что эта »высокая одическая безсмыслица пиндарическаго порядка« есть найденышъ: »ее отыскали въ обширныхъ степяхъ математическаго класса, и потому она немного холодна«.

Наконецъ, въ отдѣлѣ: »Политика« было помѣщено пространное письмо къ издателю »отъ морскаго корреспондента, живущаго въ Харибдѣ«. Въ письмѣ этомъ, послѣ описанія большаго торжества у жителей моря, по случаю праздника царя ихъ Нептуна, разсказывалось такъ:

»Въ то время, какъ все предавалось шумной радости, вдругъ возмутилась стклянная поверхность водъ. Смотримъ и видимъ блѣдную, толстую, съ большимъ красным носомъ фигуру *). Все было на немъ въ безпорядкѣ. Одной рукой хлопалъ онъ себя по ногѣ, въ другую хрюкалъ.

---

*) Въ подлинникѣ сдѣлана выноска: »Фигура Синтезисъ« — острота, вызванная, вѣроятно, классным урокомъ, гдѣ говорилось о синтезисѣ (мысленное соединеніе частей въ цѣлое) въ противоположность анализу (разложеніе цѣлаго на части).

Онъ снизшелъ и тотчасъ, навалившись на спину Нептуна, началъ ему басомъ говорить слѣдующіе стихи:

»Сядемъ, любезный Нептунъ, подъ тѣнью зеленыя рощи...« *)

»Нептунъ танцовалъ тогда мазурку и потому чрезвычайно вспотѣлъ, а этотъ неучъ навалился на него и скоро получилъ бы сильнѣйшій кулакъ... какъ вдругъ какой-то багоръ схватилъ его за галстукъ и потащилъ вверхъ...«

Иллюстраціей къ письму »морскаго корреспондента« служила карикатура Илличевскаго, точную копію съ которой (только безъ красокъ) мы имѣемъ возможность представить читателямъ.

»Помѣшательство« Кюхельбекера было явленіемъ не случайнымъ, единичнымъ: оно было одною изъ многихъ неурядицъ двухлѣтняго періода лицейскаго безначалія; оно было началомъ конца — конца »междуцарствія«.

*) Пародія на извѣстную оду Дельвига:

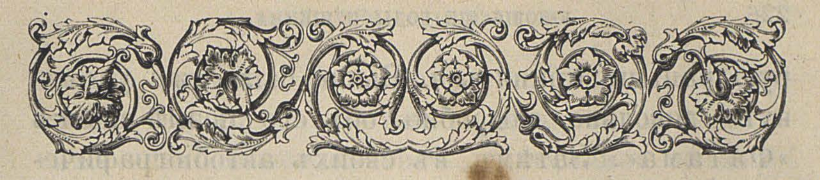
»Сядемъ, любезный Діонъ...«

Вторая каррикатура на Кюхельбекера.

Снимокъ съ каррикатуры изъ журнала »Лицейскій Мудрецъ«.

Дозв. ценз. Спб., 7 окт. 1887. Тип. Эд. Гоппе, Возн. пр., 53.

Глава XIII.

Мракобѣсіе лицеистовъ.

›Тогда я демоновъ увидѣлъ черный рой,
Подобный издали ватагѣ муравьиной,
И бѣсы тѣшились проклятою игрой...«

(Подражаніе Данту.)

Какъ добрый товарищъ, Пушкинъ никогда не уклонялся отъ участія въ какихъ бы то ни было ребяческихъ продѣлкахъ лицеистовъ; но въ тоже время онъ неустанно трудился, чтобы достигнуть высокой цѣли — принести посильную дань родной литературѣ. Именно трудился, потому что хотя науками на школьной скамьѣ онъ занимался попрежнему не очень прилежно, такъ что впослѣдствіи долженъ былъ стараться пополнить пробѣлы своего школьнаго образованія; но своей необязательной работѣ — собственнымъ стихамъ и собственной прозѣ — онъ посвящалъ цѣлые часы, исправляя, отдѣлывая каждую фразу до тѣхъ поръ, пока не оставался ею вполнѣ доволенъ. Поэтическихъ же тэмъ въ головѣ у него роилось такъ много, что онъ не зналъ, за кото-

рую раньше приняться. Выше было уже упомянуто довольно подробно объ его поэмѣ-сказкѣ »Фатама«. Затѣмъ, въ своихъ автобіографическихъ запискахъ конца 1815 г., онъ еще говоритъ:

»Началъ я комедію — не знаю, кончу ли ее. Третьяго дня хотѣлъ я написать прозаическую поэму: »Игорь и Ольга«.

»Лѣтомъ напишу я »Картину Царскаго Села«:

1. Картина сада.
2. Дворецъ. День въ Царскомъ Селѣ.
3. Утреннее гулянье.
4. Полуденное гулянье.
5. Вечернее гулянье.
6. Жители Царскаго Села.«

Какую именно комедію свою разумѣлъ онъ здѣсь, видно изъ письма Илличевскаго къ другу его Фуссу (отъ 16-го января 1816 г.):

»Кстати о Пушкинѣ: онъ пишетъ теперь комедію въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, подъ названіемъ: »Философъ«. Планъ довольно удаченъ, и начало, т. е. первое дѣйствіе, до сихъ поръ только написанное, обѣщаетъ нѣчто хорошее; стихи — и говорить нечего, а острыхъ словъ — сколько хочешь!... Дай Богъ ему успѣха — лучи славы его будутъ отсвѣчиваться и на его товарищахъ.«

(Пророческія слова!)

Ни »Фатама«, ни »Философъ« не дошли,

однако, до насъ, а »Игорь и Ольга«, »Картины Царскаго Села« и, конечно, масса другихъ еще замысловъ такъ и остались въ зародышѣ, безъ исполненія. Что »Фатама«, впрочемъ, подобно »Философу«, была начата и, во всякомъ случаѣ, доведена уже до третьей главы, видно изъ тѣхъ же записокъ (отъ 10-го декабря 1815 г.), гдѣ значится:

»Вчера написалъ я третью главу: »Фатама, или разумъ человѣческій«, читалъ ее С. С. и вечеромъ съ товарищами тушилъ свѣчки и лампы въ залѣ. Прекрасное занятіе для философа! Поутру читалъ жизнь Вольтера...«

Такъ, кажется, и видишь нашего школьника-философа, какъ онъ, пожимая плечами, съ усмѣшкой говоритъ:

— Ну, что-жъ! порѣзвился, поразмялъ члены, а тамъ опять за работу.

С. С., которому онъ читалъ свою поэму, былъ никто иной, какъ Степанъ Степановичъ Фроловъ, надзиратель лицейскій. Отставной подполковникъ, солдатъ аракчеевскаго закала съ головы до пятокъ, Фроловъ въ дѣлѣ воспитанія выше всего ставилъ строгую дисциплину. Если ему, въ теченіи короткой бытности его въ лицеѣ, не удалось еще »приструнить«, »вымуштровать« распущенныхъ »мальчишекъ«, то единственно потому (какъ увѣрялъ онъ, по крайней мѣрѣ, самъ), что »руки у него были коротки«: что надъ нимъ стояли и временной директоръ, и конференція.

Слава Пушкина, какъ перваго лицейскаго стихотворца, дошла, конечно, и до ушей Фролова. Но онъ не придавалъ ей никакого значенія, до тѣхъ поръ, пока новое патріотическое стихотвореніе нашего поэта не затронуло въ груди браваго воина сочувственной струны. 1-го декабря 1815 г., императоръ Александръ Павловичъ вторично вернулся изъ Парижа, и Пушкинъ по этому поводу написалъ свои извѣстные стихи: »На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году«. Вспоминая, вѣроятно, свое собственное участіе въ знаменитомъ Кульмскомъ бою, Фроловъ однажды, совершенно неожиданно, при встрѣчѣ съ Пушкинымъ, выпалилъ въ него его же стихами:

— »Сыны Бородина, о Кульмскіе герои!
Я видѣлъ какъ на брань летѣли ваши строи...«

— Молодецъ-мужчина! отвелъ душу...

Въ рѣдкихъ порывахъ благосклонности къ воспитанникамъ надзиратель удостоивалъ ихъ отческимъ »ты«.

— Да у меня есть еще и лучше стихи, не утерпѣлъ похвалиться Пушкинъ.

— Ну?

— Увѣряю васъ, Степанъ Степанычъ.

— Тащи!

Ослушаться надзирателя — при его вспыльчивости — было немыслимо. Да, съ другой стороны, молодому автору было и лестно, что суро-

вый »сынъ Марса«, ничего писаннаго, кромѣ рапортовъ, непризнававшій, заинтересовался его юношескими опытами.

— Слушаю-съ, сказалъ онъ и побѣжалъ за двумя окончательно имъ пересмотрѣнными и перебѣленными главами »Фатамы«.

На другое утро Фроловъ, выстраивая лицеистовъ въ ряды, чтобы вести ихъ въ классъ, и только-что прикрикнувъ на нихъ: »смирно!«, вдругъ обернулся въ полъоборота къ Пушкину и какъ-бы невзначай проронилъ:

— А дальше-то?

Пушкинъ понялъ сейчасъ, что рѣчь идетъ объ его поэмѣ.

— Дальше еще не готово, Степанъ Степанычъ...

— А-съ?

— Не дописалъ.

— Вотъ на̀! Зачѣмъ же по губамъ помазали?

— Да некогда: лекціи.

— Гмъ!... А когда поспѣетъ?

— Третья-то глава у меня вчернѣ тоже, пожалуй, написана...

— Ну, и прислать!

— Вы ничего не поймете.

— Что-о-о-съ?! Да вы, молодой человѣкъ, забываетесь... Руки по швамъ!

— Каракуль моихъ не разберете.

— А! Не ваше дѣло.

Надзиратель обратился опять къ остальнымъ

лицеистамъ, въ рядахъ которыхъ слышалось перешептыванье.

— Но-съ! Это еще что? Равняйся! Съ лѣвой ноги начинай... Кюхельбекеръ! вы что? воро̀нъ считаете? Гдѣ у васъ лѣвая нога?

Кюхельбекеръ отдернулъ выставленную правую ногу.

— Носки внизъ! Вольнымъ шагомъ маршъ! Разъ, два! разъ, два!

Не даромъ Пушкинъ предупреждалъ Фролова, что тому не разобрать его каракуль. Въ рекреацію послѣ ужина, онъ былъ вызванъ лично на квартиру надзирателя.

— У васъ тутъ самъ чортъ ногу сломитъ! было первое привѣтствіе, съ которымъ встрѣтилъ его хозяинъ.

— Да я же говорилъ вамъ, Степанъ Степанычъ, отвѣчалъ Пушкинъ, съ трудомъ удерживаясь отъ улыбки.

— А-сь? Вотъ стулъ. Вотъ ваше чертово писанье. Извольте читать.

Пушкинъ усѣлся на указанный стулъ, раскрылъ тетрадь и началъ:

— »Глава третья...«

— Стой! крикнулъ вдругъ Степанъ Степановичъ такъ оглушительно-громко, что Пушкинъ даже вздрогнулъ. — Человѣкъ! трубку!

Стоявшій на часахъ за дверьми »человѣкъ«, т. е. сторожъ-инвалидъ, бросился со всѣхъ ногъ въ комнату исполнить приказаніе. Набивъ на-

чальнику свѣжую трубку, онъ повернулся-было налѣво кругомъ, но былъ остановленъ окрикомъ:

— Куда?! Ни съ мѣста!

Онъ замеръ, какъ статуя. Степанъ Степановичъ, пуская къ потолку клубы дыма, болѣе милостиво отнесся къ молодому гостю съ обычнымъ лаконизмомъ:

— А сахарной воды?

— Нѣтъ, благодарю, отвѣчалъ Пушкинъ такъже лаконично.

— Чего сталъ? Но! буркнулъ надзиратель на человѣка-статую, и тотъ, какъ явился, такъ и исчезъ мгновенно.

Чтеніе началось. Пушкинъ вообще читалъ хорошо, а на этотъ разъ еще особенно постарался. Дѣйствіе его чтенія на единственнаго слушателя тотчасъ сказалось. Сначала Фроловъ только »хмыкалъ«, потомъ сталъ издавать одобрительные возгласы: »Эхе!«, »Ишь-ты! поди-ка, нà!« »Экъ его нелегкая!«; наконецъ толкнулъ костлявой рукой колѣно молодаго чтеца и прервалъ его:

— Постой, минутку! Такъ, стало, это молодчикъ-то твой изъ взрослаго человѣка да мальчикъ съ пальчикъ сталъ?

Пушкинъ поднялъ глаза съ рукописи, чтобы отвѣтить. Но отвѣтить ему не пришлось. Сидя лицомъ къ входной двери, онъ, за спиной начальника, увидѣлъ вдругъ на порогѣ Пущина, который дѣлалъ ему какіе-то телеграфные знаки.

— Виноватъ, Степанъ Степанычъ... сказалъ онъ и живо приподнялся.

— Куда? Нездоровится, что ли?

— М-да...

— Такъ капли?

— Благодарю васъ... Я сейчасъ...

И, не слыша уже, что̀ кричалъ ему еще вслѣдъ хозяинъ, забывъ на столѣ и тетрадь, онъ выскочилъ вонъ.

Покачавъ головой, Степанъ Степанычъ взялъ опять въ руки замысловатую сказку и сталъ ее перечитывать сначала. Лобъ его то и дѣло морщился, губы скашивались на сторону и бормотали что-то далеко нелестное для почерка автора.

Прошло пять минутъ, прошло десять, а автора все не было.

— Человѣкъ! крикнулъ надзиратель.

Тотъ, однако, тоже куда-то отлучился: ничего рядомъ не шелохнулось. Фроловъ раздраженно ударилъ кулакомъ по столу.

— Человѣкъ!

Хлопнула отдаленная дверь, послышались поспѣшные шаги и въ комнату, вмѣсто »человѣка«, влетѣлъ вихремъ младшій дядька Сазоновъ.

— Бѣда, ваше высокоблагородіе! Пожалуйте на секурсъ!

Старый служака разомъ встрепенулся и былъ на ногахъ.

— Что̀ тамъ?

— Да въ рекреаціонномъ-то залѣ тьма кромѣшная...

— Ну?

— Всѣ лампы потушены, и такой содомъ... свѣтопредставленіе, одно слово.

Глаза надзирателя зловѣще засверкали.

— И Пушкинъ тамъ-же?

— Кажись, что вмѣстѣ съ другомъ своимъ Пущинымъ-съ прошмыгнули.

— Га!.. Ну, голубчики-сударики!..

Еще на лѣстницѣ, за два перехода отъ рекреаціоннаго зала, до него донесся такой гвалтъ, что онъ счелъ нужнымъ походный шагъ свой обратить въ бѣглый.

— Слава Богу! Мы васъ ждемъ не дождемся, полковникъ... крикнулъ ему навстрѣчу дежурный гувернеръ, Калиничъ, который съ толпой дядекъ и сторожей-инвалидовъ стоялъ въ нерѣшительности около дверей въ залъ. Двери были притворены; но, тѣмъ не менѣе, отъ долетавшаго изъ-за нихъ шума едва можно было разобрать свою собственную рѣчь.

— Стыдно, Фотій Петровичъ, стыдно-съ! укорилъ подчиненнаго »полковникъ«.

— Да я только вышелъ на минутку; какъ вдругъ-съ...

— Стыдно-съ! Отчего не войдете?

— Да я вотъ посылалъ Леонтья, какъ старшаго дядьку, зажечь тамъ лампы...

— Ну?

— Отказывается...

— Что-о-о?!

Впередъ выступилъ теперь самъ старикъ-обер-провіантмейстеръ и старшій дядька Леонтій Кемерскій.

— Не то, чтобъ отказывался, ваше высокоблагородіе, съ достоинствомъ заговорилъ онъ; — а думалъ, не вышло бы оказіи... Ежели же оставить ихъ такъ, — пошумятъ, пошумятъ, да и уймутся.

— Трусъ!

— Георгіевскій кавалеръ, сударь, не можетъ быть трусомъ! оскорбленно и гордо отозвался старикъ-дядька, указывая на бѣлый крестикъ, украшавшій его грудь въ ряду другихъ крестовъ и медалей. — Не разъ за царя и отечество кровь проливалъ. Но тутъ не врагъ какой, а большія дѣтки, да и дѣтки-то не простыя, а дворянскія: ихъ пальцемъ не моги тронуть, а тебя они сгоряча да съ ребячьей дури на свою же бѣду пристукнутъ...

— Ну, и трусъ, значитъ! нахально перебилъ его младшій дядька Сазоновъ. — Ваше высокоблагородіе! дозвольте мнѣ вести туда всю команду?

Благодаря своей необыкновенной шустрости и пронырливости, Сазоновъ въ короткое время успѣлъ расположить въ свою пользу черезчуръ довѣрчиваго и простаго Фролова. Выказанное имъ въ настоящемъ случаѣ мужество особенно подняло его въ глазахъ отставнаго воина.

— Мнѣ сдается, Леонтій, сухо замѣтилъ надзиратель, — что тебѣ пора совсѣмъ на покой; а на твое мѣсто найдется кто помоложе.

Сазоновъ окинулъ Леонтья торжествующимъ взглядомъ.

— Такъ прикажете идти, что ли, ваше высокоблагородіе?

— Виноватъ, Степанъ Степанычъ, счелъ нужнымъ вмѣшаться тутъ гувернеръ. — Вѣдь, съ молодёжью этой инвалидамъ нашимъ не легко будетъ управиться. А выйдетъ что̀, такъ отвѣтственность на комъ, прежде всего, ляжетъ-съ? Мы съ вами все-же не первыя спицы въ колесницѣ...

Степанъ Степановичъ мрачно насупился, но отказался уже, повидимому, отъ насильственныхъ мѣръ.

— Такъ вы полагаете капитулировать? нехотя процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Осторожнѣе-съ...

— Гмъ...

Онъ испустилъ глубокій вздохъ; потомъ разомъ раскрылъ настежь дверь въ рекреаціонный залъ и по-военному зычно крикнулъ:

— Смир-но!

Когда же стоявшій въ непроглядномъ мракѣ зала гомонъ мгновенно затихъ, онъ спросилъ:

— Пушкинъ! вы тамъ?

— Здѣсь, откликнулся изъ темноты голосъ Пушкина.

— Пожалуйте-ка сюда!

— Не ходи! закричало нѣсколько голосовъ. — Не пускайте его, господа!

— Я за тебя пойду, Пушкинъ! вызвался басъ съ нѣмецкимъ акцентомъ, и на порогѣ появилась высокая, неуклюжая фигура Кюхельбекера.

— Что̀ вамъ угодно, Степанъ Степанычъ?

Не успѣлъ Степанъ Степанычъ еще отвѣтить, какъ нѣсколько таинственныхъ рукъ съ крикомъ: »Ты куда?« протянулось изъ темноты за непрошеннымъ посредникомъ, поймало его за шиворотъ, за что̀ попало; въ воздухѣ мелькнули его ноги и руки — только его и видѣли! Изъ темнаго зала грянулъ раскатистый хохотъ. Инвалиды и гувернеръ также не могли удержаться отъ смѣха. Даже на строгихъ губахъ надзирателя на минутку заиграла улыбка.

— Такъ что же, Пушкинъ? громко повторилъ онъ.

— Позвольте, братцы! это ужъ мое дѣло! заговорилъ Пушкинъ и вслѣдъ затѣмъ, протѣснился впередъ къ начальнику.

— Такъ вотъ зачѣмъ вы ушли отъ меня? укорилъ его тотъ: — чтобы баламутить другихъ?

— Не за этимъ, просто отвѣчалъ Пушкинъ: — меня позвали...

— Кто?

— Извините, если умолчу. Позвали — я не зналъ, для чего. Но разъ я здѣсь, такъ не выдавать же товарищей: на міру и смерть красна.

Между тѣмъ, въ залѣ снова поднялся шумный говоръ, но уже говоръ спорящихъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! мы не согласны! горланило нѣсколько человѣкъ.

— Да вѣдь, это, господа, наконецъ, глупо! можно было разслышать голосъ Суворочки-Вальховскаго. — Пошумѣли — и будетъ. Зачѣмъ же еще доводить до непріятностей?

— Но теперь, насъ все равно накажутъ...

— Я объяснюсь.

Опять поднялось нѣсколько протестовъ, но также безполезно; около Пушкина изъ темноты вынырнула фигура Вальховскаго.

— Дозвольте намъ, Степанъ Степанычъ, разойтись по дортуарамъ, началъ онъ.

— Га! произнесъ Степанъ Степановичъ. — А тамъ вы, небось, опять набѣдокурите...

— Нѣтъ, увѣряю васъ, съ насъ довольно.

— Ой-ли? А кто мнѣ за то отвѣтитъ?

— Я вамъ отвѣчаю и за себя, и за товарищей словомъ лицеиста.

— Такъ... Ну, слово лицеиста, должно быть, вамъ не менѣе свято, какъ нашему брату слово офицера: Богъ вамъ на сей разъ судья — расходитесь!

Самъ Вальховскій былъ нѣсколько озадаченъ такой сговорчивостью непреклоннаго всегда надзирателя. Но задумываться надъ этимъ ему не пришлось: товарищи изъ рекреаціоннаго зала внимательно слѣдили за его переговорами и те-

перь такъ дружно напёрли на вторую половинку двери, что та распахнулась съ трескомъ. И начальство, и подначальная инвалидная команда поспѣшили дать дорогу молодежи, которая хлынула оттуда бурной волной.

— Вѣдь, я же докладывалъ вашему высокоблагородію... замѣтилъ Леонтій Кемерскій.

— Что-о-о? ты еще разговаривать? вскинулся на него Фроловъ. — Не быть тебѣ старшимъ дядькой, сказано тебѣ, — и не будешь!

То была не пустая угроза: черезъ нѣсколько дней она оправдалась на дѣлѣ.

Глава XIV.

Конецъ междуцарствія.

»И что-жъ? попались молодцы;
Недолго братья пировали:
Поймали насъ — и кузнецы
Насъ другъ ко другу приковали.«
(Братья-разбойники.)

Классныя занятія лицеистовъ передъ рождественскими праздниками 1815 года были прекращены дня за два до сочельника. Но пока товарищи Пушкина на радостяхъ задумывали новыя проказы, самъ онъ уединился въ своей камерѣ, чтобы набросать на бумагу то, что назрѣло у него въ головѣ во время послѣдней лекціи. То не была, однако, на этотъ разъ какая-нибудь обширная поэма. Восьмилѣтняя сестрица друга его Дельвига, Мими или Машенька, съ которой онъ видѣлся только однажды — въ день своего пріемнаго экзамена, просила его письменно черезъ брата написать ей что-нибудь въ альбомъ. Значитъ, и до нея даже, маленькой крошки, туда, въ Москву, дошла вѣсть объ его талантѣ! Онъ только-что дописывалъ послѣднія строки, какъ

въ комнату къ нему ворвались два пріятеля: Пущинъ и Малиновскій.

— Такъ, вѣдь, и есть! сказалъ Малиновскій: — опять скрипитъ перомъ! Идемъ-ка сейчасъ съ нами.

— Минутку... попросилъ Пушкинъ: — только пару словъ...

— Ни полслова.

Рѣшительный и живой Малиновскій вырвалъ у него изъ-подъ рукъ бумагу и, кажется, смялъ бы ее въ комокъ, еслибы Пущинъ не удержалъ его за руку.

— Постой, Казакъ! (Казакъ было лицейское прозвище Малиновскаго.)

— Да вѣдь, надо же его хоть разъ наказать...

— И другихъ вмѣстѣ съ нимъ! Ты для кого это пишешь, Пушкинъ?

— Для сестры Дельвига, Мими.

— Вотъ видишь ли, Малиновскій: наказалъ бы и дѣвочку, и нашего милаго барона.

— Такъ бы сейчасъ и сказалъ, отозвался Казакъ-Малиновскій и возвратилъ стихи автору, который, приподнявъ крышку конторки, спряталъ ихъ туда.

— Что вы тамъ опять затѣваете, господа? спросилъ онъ.

— А вотъ что... началъ Малиновскій.

— Погоди! остановилъ его Пущинъ и, подойдя къ двери, оглядѣлъ коридоръ. — Нѣтъ, ни

души. А то, вишь, могли бы подслушать. Говори, только потише.

— Вотъ что, продолжалъ, понизивъ голосъ, Малиновскій: — мы завариваемъ гоголь-моголь.

— Доброе дѣло! сказалъ Пушкинъ и даже облизался. — Но матеріалы?

— Матеріалы всѣ на лицо: два десятка яицъ, сахаръ, ромъ...

— И ромъ? Какъ же это Леонтій рѣшился дать вамъ? Вѣдь, онъ Степаномъ Степанычемъ такъ запуганъ, что едва ситника съ патокой отъ него раздобудешь.

— Мы и то еле выклянчили у него яйца да сахаръ. За ромомъ пришлось откомандировать Ѳому.

— Да онъ-то какъ не побоялся?

— И онъ тоже долго ломался; но когда мы его увѣрили, что всю отвѣтственность беремъ на себя и посулили ему сребренникъ, то онъ не устоялъ.

— Развѣ что сребренникъ! А гдѣ же мѣсто дѣйствія?

— Угадай.

— У одного изъ васъ?

— Нѣтъ.

— У Ѳомы?

— О, нѣтъ! Коморка его слишкомъ тѣсна да и душна.

— Такъ гдѣ же?

— Въ карцерѣ!

Пушкинъ звонко расхохотался.

— Вотъ это геніально! И идти-то потомъ недалеко, коли засадятъ. Ну, такъ руки по швамъ, налѣво кругомъ и маршъ!

— Тссс!.. сказалъ вдругъ, поднимая палецъ, Пущинъ: — кто-то, кажется, крадется къ намъ по коридору.

Онъ на цыпочкахъ приблизился опять къ двери, за которой шорохъ уже затихъ. Лампы въ полутемномъ коридорѣ были зажжены, и потому сквозь рѣшетчатое окошечко Пущинъ ясно могъ разглядѣть прикорнувшую на полу фигуру въ солдатской формѣ.

— Ты что тамъ дѣлаешь? крикнулъ онъ въ окошечко.

Фигура мигомъ шарахнулась въ сторону и, согнувшись въ три погибели, бросилась вонъ.

— Кто это былъ тамъ? въ одинъ голосъ спросили Пушкинъ и Малиновскій.

— А все дрянь эта, Сазоновъ! отвѣчалъ Пущинъ. — Вообразилъ, вишь, что его не узнаютъ.

— Плутъ этотъ и давеча прошмыгнулъ мимо, когда я у Леонтья заказывалъ яицъ да сахару, замѣтилъ Малиновскій.

— Ну, вотъ! Того и гляди, что выдастъ. На всякій случай, господа, не уйти ли намъ по одиночкѣ отсюда? Вы ступайте прямо на мѣсто; а я заверну еще къ Ѳомѣ — узнать, поставленъ ли у него самоваръ.

— А не позвать-ли еще барона? предложилъ Пушкинъ.

— Что-жъ? Зови, пожалуй, веселѣе будетъ.

Когда Пушкинъ съ барономъ Дельвигомъ спустились въ уединенный карцеръ, то застали уже тамъ всѣхъ за работой: Пущинъ толокъ сахаръ, Малиновскій билъ яица, а дядька Ѳома возился около дымящагося самовара.

— Ну, а теперь, братецъ, убирайся! сказалъ послѣднему Малиновскій. — Да чуръ, никому ни гугу. Слышишь?

— Слушаю-съ.

— А пуще всего Сазонову.

— Да ужъ съ этимъ аспидомъ я и слова не промолвлю.

— И прекрасно. Проваливай!

Гоголь-моголь удался на славу. Никто не потревожилъ четырехъ друзей, пока они не напились всласть. Но гоголь-моголь, какъ извѣстно, очень сытенъ; такъ что изъ двухъ десятковъ заготовленныхъ яицъ остались еще нетронуты штукъ шесть-семь, и очень кстати пожаловали тутъ двое непрошенныхъ гостей: графъ Брогліо и Тырковъ.

— Эге-ге! дѣло въ полномъ ходу! сказалъ, заглядывая въ щелку, Брогліо и свистнулъ. — Можно войти?

— Милости просимъ! отвѣчалъ Малиновскій.— Но какъ вы, братцы, пронюхали?

— Верхнимъ чутьемъ.

— Нѣтъ, нижнимъ: черезъ Сазонова! перебилъ Тырковъ и, чрезвычайно довольный своей дешевой остротой, во все горло загрохоталъ.

Пущинъ переглянулся съ тремя пріятелями.

— Ну, что я давеча говорилъ? Сазоновъ — ужасный пройдоха! Однимъ ужь выдалъ.

— А тебѣ жалко, небось, подѣлиться съ нами? спросилъ Брогліо.

— Нѣтъ, сдѣлай милость...

— Да у васъ тутъ, пожалуй, ничего путнаго и не осталось?

— А вотъ, видишь, сколько еще яицъ и сахару; рому же мы почти вовсе не тронули: подливали только для аромату.

— Эхъ вы, горе-лицеисты! Что, братъ Тырковіусъ, покажемъ имъ, какъ надо варить гоголь-моголь? отнесся онъ къ своему спутнику и хлопнулъ послѣдняго по плечу съ такой силой, что тотъ даже присѣлъ.

— Покажемъ! молодцовато отозвался простоватый Тырковъ. — Заваривай!

....Прозвонилъ вечерній 9-ти часовой звонокъ, сзывавшій лицеистовъ къ ужину. Но въ столовой не было еще ни души. Дежурный гувернеръ Калиничъ направился въ рекреаціонный залъ, откуда доносились гамъ и хохотъ.

Центромъ веселья оказался Тырковъ, котораго, посреди зала, широкимъ кругомъ обступили товарищи.

— Ай, да Тырковіусъ! Ну-ка еще! раздавались кругомъ одобрительные крики.

При входѣ гувернера произошло общее смятеніе, и всѣ со смѣхомъ повалили въ столовую, оставивъ посреди зала одного »Тырковіуса«. Тотъ, лихо подбоченясь и разставивъ ноги, посоловѣлыми глазами уставился на Калинича и щелкнулъ языкомъ.

— Да вы здоровы ли, Тырковъ? спросилъ гувернеръ, подозрительно всматриваясь въ него.

— Покорнѣйше васъ благодарю! отвѣчалъ Тырковъ, во весь ротъ осклабляясь и отвѣшивая необычайно развязный поклонъ. — А ваше здоровье какъ, Фотій Петровичъ?

— Вы, въ самомъ дѣлѣ, кажется, не совсѣмъ въ нормальномъ состояніи, еще болѣе настоятельно замѣтилъ Фотій Петровичъ. — Я совѣтовалъ бы вамъ теперь же идти къ себѣ въ камеру и прилечь.

— Безъ ужина? За что же-съ это?

— Вы и такъ, кажется, лишнее перехватили...

— Ахъ, нѣтъ-съ, совсѣмъ даже не лишнее: чуточку только гоголю-моголю...

— То-то вотъ чуточку! Ступайте-ка, право, наверхъ къ себѣ и не показывайтесь больше.

— Фотій Петровичъ, голубчикъ! слезно уже взмолился Тырковъ. — Мнѣ до тошноты ѣсть хочется! Дозвольте поужинать съ другими въ столовой!

— Но обѣщаетесь ли вы вести себя скромно?

— Ужь такъ скромно, Фотій Петровичъ! Сами знаете, какъ я скроменъ...

— Ну, Богъ съ вами! Только смотрите у меня!

Но, несмотря на свое обѣщаніе, Тырковъ, подзадориваемый за столомъ товарищами, продолжалъ выказывать такое »ненормальное« настроеніе, что Фотій Петровичъ счелъ, наконецъ, нужнымъ послать за надзирателемъ Фроловымъ. Тотъ не замедлилъ явиться, и начался формальный допросъ.

Отъ лицеистовъ надзиратель ничего не добился; точно также и прислуга сначала отъ всего отнѣкивалась. Но подвернувшійся тутъ Сазоновъ будто проговорился, что слышалъ кое-что отъ Леонтья. Потомъ, будто припертый къ стѣнѣ начальникомъ, съ тѣмъ же наивнымъ видомъ повѣдалъ далѣе, что Леонтій отпустилъ, дескать, при немъ на гоголь-моголь яицъ да сахару, а его, Сазонова, хотѣлъ послать въ лавочку за ромомъ, но онъ отговорился недосугомъ.

— Бога въ тебѣ нѣтъ, Константинъ!... напустился на него Леонтій. — Яицъ и сахару я, точно, каюсь, отпустилъ...

— Цыцъ! молчать! оборвалъ его надзиратель. — Васъ обоихъ мы еще разберемъ; во всякомъ случаѣ, тебѣ, Леонтій, не быть уже старшимъ дядькой, да и не продавать тебѣ съ нынѣшняго дня воспитанникамъ ни единаго сухаря; слышишь? — А кто былъ заказчикомъ у него, Константинъ? обратился онъ опять къ Сазонову.

Угрожающій ропотъ между лицеистами заставилъ Сазонова опять съежиться и отпереться.

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе, пробормоталъ онъ: — ей-ей, запамятовалъ.

Фроловъ круто обернулся къ лицеистамъ и заговорилъ такъ:

— Товарищество — дѣло святое, господа. Тѣхъ изъ васъ, что̀ не выдаютъ зачинщиковъ, я не очень виню; но тѣхъ двухъ-трехъ, которые всему виною и которые, оберегая свою шкуру, прячутся за другихъ — ка̀къ прикажете назвать? Они—трусы, хуже того—измѣнники... Что-о-о-съ? Дайте договорить. Да-съ, измѣнники, потому что въ свою бѣду втягиваютъ весь классъ, ни душой, ни тѣломъ не повинный. Вѣрно я говорю, Пушкинъ, а-сь? отнесся надзиратель къ Пушкину, вѣроятно, случайно, потому только, что тотъ стоялъ впереди другихъ и что физіономія его еще прежде ему примелькалась. Но онъ попалъ какъ-разъ въ цѣль. Пушкинъ выступилъ изъ ряда и признался:

— Вѣрно, Степанъ Степанычъ, и позвольте повиниться: я зачинщикъ.

— И я! и я! и я! откликнулись за нимъ еще трое: Пущинъ, Малиновскій и Дельвигъ.

— Нѣтъ, Степанъ Степанычъ, Дельвига я позвалъ, вступился Пушкинъ: — вы его, пожалуйста, увольте.

— Гмъ... такъ и быть, ступайте, рѣшилъ

Степанъ Степановичъ. — Всѣхъ васъ, значитъ, сколько же: трое?

— Трое.

Въ это время протѣснился впередъ графъ Брогліо.

— Правду сказать, Степанъ Степанычъ, и я въ этой пьескѣ игралъ небольшую роль...

— Небольшую?

— Да, такъ-сказать выходную, и не съ первой сцены, потому что нѣсколько запоздалъ...

— Стало быть, вы, графъ, не были первымъ зачинщикомъ?

— Не первымъ, но...

— Ну, и благодарите Бога. А вы трое извольте-ка идти подъ арестъ и ждать рѣшенія. Ты, Константинъ, отвѣчаешь мнѣ за нихъ!

На слѣдующее утро, въ Петербургъ поскакалъ нарочный съ донесеніемъ отъ Гауеншильда; а на третій день въ Царское прибылъ самъ министръ, графъ Разумовскій. Тремъ »зачинщикамъ« былъ сдѣланъ строгій выговоръ, а проступокъ ихъ былъ переданъ на рѣшеніе конференціи профессоровъ. Рѣшеніе состоялось такое:

1) Двѣ недѣли провинившимся стоять на колѣняхъ во время утренней и вечерней молитвы.

2) Пересадить ихъ за столомъ на послѣднія мѣста.

и 3) Занести ихъ фамиліи въ черную книгу.

Всѣ три пункта были исполнены въ точности. Двѣ недѣли подъ-рядъ, изо-дня въ день, наши

три пріятеля выстаивали молитву на колѣняхъ. За ѣдой имъ были отведены самыя невыгодныя мѣста въ концѣ стола, гдѣ кушанье подавалось послѣ всѣхъ; но такъ-какъ, вообще, воспитанники разсаживались по поведенію, то вскорѣ оштрафованные имѣли возможность подвинуться вверхъ. Относительно черной книги, которая должна была имѣть значеніе при выпускѣ изъ лицея, мы скажемъ подробнѣе въ свое время, въ одной изъ послѣдующихъ главъ.

Но болѣе, чѣмъ зачинщики, болѣе даже, чѣмъ бравый старикъ-покровитель ихъ, оберъ-провіантмейстеръ Леонтій Кемерскій, пострадалъ его подчиненный, младшій дядька Ѳома. Отъ погребщика, у котораго была добыта имъ злосчастная бутылка рому, пронырливый Сазоновъ развѣдалъ, кому она была отпущена. Въ тотъ же день и часъ Ѳома долженъ былъ навсегда убраться изъ Царскаго. Однако, еще до его ухода, лицеисты старшаго курса, прослышавъ о постигшей его бѣдѣ, сдѣлали посильную складчину, чтобы хоть чѣмъ-нибудь вознаградить бѣднягу за потерю мѣста.

Въ среднихъ числахъ января 1816 г., Гауеншильдъ, по собственной его усиленной просьбѣ, былъ также уволенъ отъ обязанностей директора, и временное »директорство« было возложено на Фролова, который успѣлъ уже зарекомендовать себя энергіей и распорядительностію.

»Директорство« Фролова длилось не долѣе

двухъ недѣль, но оно надолго осталось памятнымъ лицеистамъ. Первымъ дѣломъ его было назначеніе Сазонова старшимъ дядькой и оберъ-провіантмейстеромъ.

Отозвалось это назначеніе на лицеистахъ особенно чувствительно потому, что они сговорились никакихъ лакомствъ у этого »фискала« не покупать, и, такимъ образомъ, добровольно приговорили себя къ голодовкѣ на неопредѣленное время.

Далѣе, Фроловъ призналъ нужнымъ подвергнуть ихъ вездѣ и во всемъ самому строгому надзору. Такъ, гулять ихъ водили не иначе, какъ подъ двойнымъ конвоемъ; отлучаться въ свои дортуары они могли только по особымъ билетамъ; даже газеты и журналы попадали къ нимъ въ руки не ранѣе, какъ послѣ самой тщательной цензуры со стороны гувернеровъ, которые должны были вырѣзывать все »нецензурное«. За столомъ воспитанниковъ разсаживали, какъ уже сказано, по поведенію, вслѣдствіе чего у нихъ сложилась даже поговорка:

»Блаженъ мужъ, иже
Сидитъ къ кашѣ ближе.«

Карцеръ ни одного дня почти не пустовалъ, а лицеисты младшаго курса за всякую провинность, смѣхъ или громкое слово, простаивали по часамъ на колѣняхъ.

Порядокъ, казалось, былъ окончательно возстановленъ. И вдругъ... вдругъ по лицею пронеслась

почти невѣроятная, ужасная вѣсть, которая перевернула все верхъ дномъ. Недалеко отъ лицея было совершено звѣрское убійство: старикъ-разнощикъ и находившійся при немъ мальчикъ были найдены плавающими въ крови, а за ближней оградой былъ отыскан окровавленный топоръ. По топору напали на слѣдъ убійцы. И кто же оказался имъ?

Не кто иной, какъ вновь возведенный въ старшіе дядьки, Сазоновъ, который, какъ вскорѣ потомъ было дознано, и прежде этого уже имѣлъ на своей совѣсти не одну человѣческую душу. Само собой разумѣется, что преступникъ былъ отданъ въ руки правосудія.

Но случай этотъ далъ послѣдній толчекъ »междуцарствію«. Прибывшій тотчасъ же въ Царское-Село министръ былъ, прежде всего, непріятно пораженъ представившейся ему въ рекреаціонномъ залѣ картиной: чуть ли не весь младшій курсъ въ двѣ шеренги стоялъ тамъ на колѣняхъ.

— Это что за комедія? нахмурясь, спросилъ министръ.

— Проштрафились, ваше сіятельство, отвѣчалъ почтительно Фроловъ. — Смѣю доложить...

Графъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— У васъ здѣсь, видно, повальное непослушаніе?

— Точно такъ-съ: повальная болѣзнь. Одно средство: военная муштровка. Ежелибы ваше

сіятельство соизволили разрѣшить ввести поротное обученіе воинскимъ артикуламъ, маршировку въ три пріема...

Министръ такъ выразительно отмахнулся, что надзиратель замолкъ на полуфразѣ.

— Встаньте, господа! обратился графъ Разумовскій къ мальчикамъ. — Я возлагалъ всегда большія надежды на лицей, я любилъ лицеистовъ какъ собственныхъ дѣтей; а теперь, господа, — теперь я, видите, краснѣю за своихъ дѣтей! Надѣюсь, что никого изъ васъ я ужь никогда больше не увижу въ этомъ униженномъ положеніи.

Добрыя слова министра оказали на мальчугановъ бо́льшее вліяніе, чѣмъ вынесенное ими наказаніе. По крайней мѣрѣ, рѣдкій изъ нихъ послѣ того стоялъ еще на колѣняхъ. А скоро и надобность въ томъ миновала: 27-го января 1816 г., въ лицей былъ назначенъ, наконецъ, постоянный, »настоящій« директоръ въ лицѣ Энгельгардта, директора петербургскаго педагогическаго института.

Фроловъ номинально хотя и продолжалъ числиться еще надзирателемъ, но совсѣмъ стушевался, а въ началѣ слѣдующаго, 1817 года и вовсе оставилъ службу. Но нѣкоторыя черты его двухнедѣльнаго управленія сохранились въ новой »національной пѣснѣ«, которую воспитанники часто потомъ распѣвали хоромъ. Вотъ нѣсколько куплетовъ этой нехитрой пѣсни:

»Дѣтей ты ставишь на колѣни,
Отъ графа слушаешь ты пени...

По поведенью мы хлебаемъ,
А все молитву просыпаемъ...

На верхъ пускалъ насъ по билетамъ,
Цензуру учредилъ газетамъ...

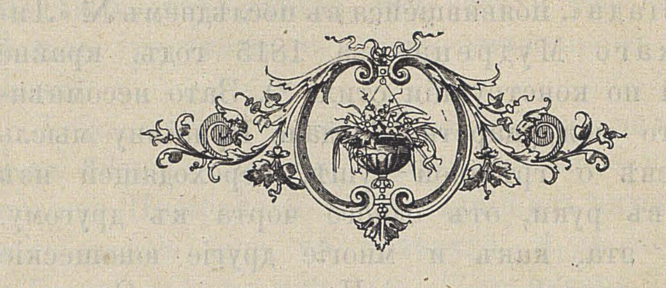
Очистилъ мѣсто Константину,
Леонтья чуть не выгналъ въ спину...«

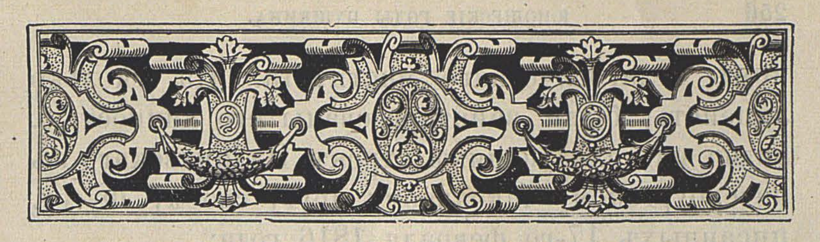
Очень можетъ быть, что и Пушкину принадлежитъ тотъ или другой куплетъ. Гораздо менѣе вѣроятно участіе его въ небольшой поэмѣ »Сазоновіада«, появившейся въ послѣднемъ № »Лицейскаго Мудреца« за 1815 годъ, крайне слабой по конструкціи стиха *). Зато несомнѣнно, что междуцарствіе подало Пушкину мысль къ баснѣ о грѣшной душѣ, переходящей изъ рукъ въ руки, отъ одного чорта къ другому. Басня эта, какъ и многіе другіе юношескіе опыты его, затерялась. Наконецъ, на Сазонова онъ написалъ еще эпиграмму, въ которой кстати задѣлъ и добрѣйшаго доктора Пёшеля:

*) Для образчика приводимъ здѣсь наиболѣе еще удачные стихи 2-й пѣсни »*Сазоновіады*«:

»Тихо все въ срединѣ града
И покой лишь обитаетъ,
Изъ лицея, какъ изъ ада,
Вдругъ Сазоновъ выступаетъ.
Съ смертоноснымъ топоромъ
На разнощика летитъ...
...И вдругъ въ одно мгновенье
Ему всю голову расшибъ,
А мальчикъ въ сопровожденьи (sic!),
Его рукою же погибъ...«

»Заутра съ свѣчкой грошевою
Явлюсь предъ образомъ святымъ.
Мой другъ! остался я живымъ,
Но былъ ужь смерти подъ косою:
Сазоновъ былъ моимъ слугою,
А Пёшель лекаремъ моимъ!«

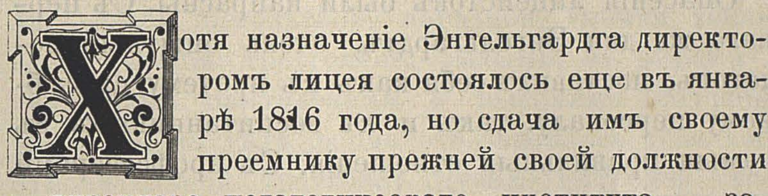

Глава XV.

Директоръ Энгельгардтъ.

»Лишь только Анджело вступилъ во управленье —
И все тотчасъ другимъ порядкомъ потекло,
Пружины ржавыя опять пришли въ движенье,
Законы поднялись, хватая въ когти зло.«

(Анджело.)

Хотя назначеніе Энгельгардта директоромъ лицея состоялось еще въ январѣ 1816 года, но сдача имъ своему преемнику прежней своей должности — директора педагогическаго института — задержала его въ Петербургѣ до первыхъ чиселъ марта. Изъ присланнаго, между тѣмъ, въ правленіе лицея формулярнаго списка новаго директора лицеисты уже знали, что онъ родился въ Ригѣ въ 1775 году (стало быть, ему было съ небольшимъ 40 лѣтъ), что онъ воспитывался въ дерптскомъ университетѣ, и что еще молодымъ человѣкомъ 26 лѣтъ онъ былъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, а послѣдніе четыре года былъ начальни-

комъ педагогическаго института. На сколько лицеисты были заинтересованы его личностью, видно изъ слѣдующихъ строкъ Илличевскаго къ петербургскому школьному другу своему Фуссу, писанныхъ 17-го февраля 1816 года:

»Благодарю тебя, что ты насъ поздравляешь съ новымъ директоромъ; онъ уже былъ у насъ. Если можно судить по наружности, то Энгельгардтъ человѣкъ не худой. Vous sentez la pointe? (Понимаешь соль?) Не полѣнись написать мнѣ о немъ подробнѣе; это для насъ не будетъ лишнимъ. Мы всѣ желаемъ, чтобъ онъ былъ человѣкъ прямой, чтобъ не былъ къ однимъ Engel (ангелъ), а къ другимъ hart (строгъ).«

Опасенія лицеистовъ были напрасны. Съ перваго же дня Энгельгардтъ, очень опытный педагогъ, поставилъ себя какъ къ прочему служебному персоналу, такъ и къ воспитанникамъ въ самыя правильныя отношенія. Съ профессорами онъ сошелся какъ съ старыми знакомыми, потому что присутствовалъ еще въ 1811 году на актѣ открытія лицея, и, выпросивъ себѣ тогда у Куницына копію съ произнесенной послѣднимъ блестящей вступительной рѣчи, въ тотъ же вечеръ перевелъ ее на нѣмецкій языкъ и затѣмъ, вмѣстѣ съ объяснительною къ ней статьею, напечаталъ въ »Дерптскомъ журналѣ«. Но такъ какъ онъ, съ чисто-нѣмецкою аккуратностью, все время свое, съ утра до ночи, посвящалъ ввѣренному ему заведенію, то и профессора,

на лекціи которыхъ онъ часто заглядывалъ, поневолѣ должны были сами »подтянуться«, да и »подтянуть« учениковъ. Но, странно, лицеисты почти не чувствовали наложенной на нихъ узды; не чувствовали потому, что узда эта служила Энгельгардту не столько для сдерживанія, сколько для направленія пылкой молодежи.

— Школа должна быть для ученика роднымъ домомъ, говаривалъ онъ: — чѣмъ болѣе разумной свободы, тѣмъ болѣе и самостоятельности, сознанія собственнаго достоинства.

Эту-то »разумную свободу« онъ старался предоставить имъ во всемъ. Такъ, при самомъ поступленіи своемъ въ лицей, они не мало гордились своей щегольской, парадной, »почти военной« формой: треуголкой, бѣлыми, въ обтяжку, суконными панталонами и высокими ботфортами. Но на дѣлѣ форма эта оказалась довольно стѣснительной: треуголку сдувало вѣтромъ; тѣсныя и свѣтлыя панталоны легко рвались и пачкались, а въ ботфортахъ было неудобно бѣгать. И вотъ, Энгельгардтъ выхлопоталъ имъ вмѣсто треуголокъ — фуражки съ чернымъ бархатнымъ околышемъ и красными кантами, вмѣсто узкихъ, бѣлыхъ панталонъ — просторныя синія, а вмѣсто ботфортовъ — сапоги. Въ отличіе же старшаго курса отъ младшаго, первымъ дали на мундирахъ золотыя петлицы, а вторымъ — серебряныя, — что́ льстило также, конечно, самолюбію старшихъ.

Во время »директорства« подполковника Фролова, воспитанники были пріучены по-военному застегиваться наглухо на всѣ пуговицы. То же дѣлали они вначалѣ и при Энгельгардтѣ. Но разъ онъ засталъ ихъ врасплохъ въ рекреаціонномъ залѣ, когда они, набѣгавшись до третьяго пота, разстегнули куртки, чтобы остыть. Оторопѣвъ, ближайшіе къ нему пробормотали что-то въ извиненіе и стали поспѣшно застегиваться.

— Да вѣдь вамъ жарко, друзья мои? сказалъ Энгельгардтъ. — Подъ курткой же у васъ жилеты; стало быть, костюмъ вашъ и такъ совершенно приличенъ.

Нечего говорить, что послѣ этого лицеисты застегивались на всѣ пуговицы только отъ холода.

Видя, съ какою жадностью они накидываются на новые журналы, Энгельгардтъ озаботился доставить имъ больше полезнаго чтенія. По его ходатайству, лицею была уступлена библіотека царскосельскаго Александровскаго дворца и стали присылаться въ лицей избранныя книги изъ числа поступавшихъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія, такъ что, благодаря ему, лицейская библіотека вскорѣ возросла до 7.000 томовъ.

Чтобы, однако, пріохотить воспитанниковъ и къ чтенію классическихъ сочиненій, Энгельгардтъ завелъ въ конференцъ-залѣ литературные вечера. Обладая особеннымъ даромъ читать на разные голоса, онъ читалъ по большей части самъ, и лицеистамъ очень полюбились эти чтенія.

По заведенному порядку, нѣсколько разъ въ году въ лицеѣ бывали спектакли и танцы, а именно: въ первое воскресенье послѣ 19-го октября (день открытія лицея), на Рождествѣ и иногда на Масляницѣ. Энгельгардтъ не только сохранилъ эти празднества, но еще упорядочилъ ихъ, придалъ имъ образовательное значеніе и самъ редактировалъ и даже сочинялъ представляемыя пьесы. Въ то же время онъ обратилъ особенное вниманіе на пѣніе и музыку, которыя поручилъ хорошему капельмейстеру, барону Т е п п е р ъ - д е - Ф е р г ю с о н у, такъ что лицейскіе концерты пріобрѣли нѣкотораго рода извѣстность и за стѣнами лицея. Расходы на всѣ эти собранія лицеисты по-прежнему покрывали складчиной, въ которую богатые по собственному уже побужденію, вносили, конечно, больше менѣе состоятельныхъ.

Для тѣлесныхъ упражненій воспитанниковъ Энгельгардтъ завелъ гимнастику; а въ паркѣ зимой устраивалъ для нихъ ледяныя горы и катокъ.

Разъ до него дошелъ слухъ, что въ Павловскѣ у императрицы Маріи Ѳеодоровны какой-то заѣзжій итальянецъ давалъ представленія съ маленькой дрессированной лошадкой. Онъ не замедлилъ послать за этимъ искусникомъ, и на лицейскомъ дворѣ, въ присутствіи всѣхъ обитателей лицея: начальства, воспитанниковъ и прислуги, франтъ-итальянецъ во фракѣ, тре-

угольной шляпѣ, чулкахъ и башмакахъ, вывелъ свою ученую лошадку, которая премило кланялась публикѣ, сгибая переднія ноги, и ударомъ копыта отвѣчала на задаваемые вопросы о времени, о числѣ собранныхъ тутъ лицеистовъ и т. п. Для финала самъ »синьоре профессоре« (какъ величалъ себя фокусникъ) просвисталъ нѣсколько итальянскихъ арій соловьемъ. Графу Брогліо послѣднее такъ понравилось, что онъ, за приличное вознагражденіе, упросилъ искусника дать ему нѣсколько приватныхъ уроковъ, и, дѣйствительно, научился у него щёлкать и рокотать почти по-соловьиному.

Всѣмъ описаннымъ не ограничивались заботы Энгельгардта о лицеистахъ. Зимою въ праздники онъ возилъ ихъ на тройкахъ за городъ, а лѣтомъ, захвативъ съ собой провизіи, совершалъ съ ними пѣшкомъ отдаленныя »географическія« экскурсіи, продолжавшіяся день и два.

Наконецъ, находя, что домашнее воспитаніе должно служить фундаментомъ для воспитанія школьнаго и общественнаго, что вращеніе въ семейномъ кругу и особенно въ женскомъ обществѣ »шлифуетъ« угловатыя манеры, смягчаетъ нравы необузданной молодежи, — онъ выхлопоталъ у министра лицеистамъ старшаго курса право отлучаться послѣ уроковъ въ городъ, т. е. въ Царское Село и Софію, въ знакомые имъ семейные дома, и точно такъ же открылъ имъ двери и въ собственный свой домъ.

Семья его состояла изъ жены и пятерыхъ дѣтей *). Кромѣ того, въ домѣ у него проживала молодая родственница-вдова Марія Смитъ, урожденная Шаронъ Ларозъ, впослѣдствіи вышедшая опять замужъ за Паскаля, очень милая и остроумная дама. Ежедневно нѣсколько человѣкъ лицеистовъ приглашались на квартиру директора и проводили здѣсь вечеръ въ непринужденной бесѣдѣ, въ чтеніи по ролямъ театральныхъ пьесъ, въ общественныхъ играхъ.

Здѣсь же, у Энгельгардтовъ, они увидѣли впервые запросто, какъ обыкновеннаго смертнаго, императора Александра Павловича. Государь, давно знавшій и оцѣнившій Энгельгардта, при встрѣчѣ съ нимъ въ паркѣ, охотно съ нимъ заговаривалъ, а иногда заглядывалъ къ нему и въ домъ. Такъ зашелъ онъ разъ подъ вечеръ, когда у директора собралась уже компанія лицеистовъ, въ томъ числѣ и Пушкинъ.

— Вижу и радуюсь, что директоръ и его воспитанники составляютъ одну нераздѣльную семью, сказалъ онъ; затѣмъ, обернувшись къ хозяину, добавилъ: — твои воспитанники, стало быть, для тебя не мертвый педагогическій матеріалъ, а живые люди?

— Ваше величество, отвѣчалъ Энгельгардтъ, — позвольте мнѣ повторить то, что̀ сами вы при

*) Старшему изъ трехъ сыновей Энгельгардта было 14, второму 12 и младшему 8 лѣтъ; двумъ дочерямъ его было 11 и 10 лѣтъ.

мнѣ приказывали вашему придворному садовнику, когда я имѣлъ разъ счастіе сопровождать васъ на прогулкѣ. »Гдѣ увидишь протоптанную тропинку, сказали вы ему, — тамъ смѣло прокладывай дорожку: это — указаніе, что есть потребность въ ней.«

— А у молодыхъ людей, замѣтилъ ты вѣроятно, не меньшая потребность въ обществѣ взрослыхъ и семейныхъ людей?

— Да, ваше величество, въ особенности же это важно для юношей восторженныхъ и талантливыхъ, которые подаютъ большія надежды, но, по выходѣ изъ заведенія, среди безпокойной толпы очутились бы какъ на бурномъ морѣ.

— Такъ есть между твоими воспитанниками и такіе? спросилъ государь и, прищурясь своими близорукими глазами, съ любопытствомъ оглядѣлъ вытянувшихся въ рядъ лицеистовъ.

— Одного я имѣю возможность сейчасъ представить вашему величеству, сказалъ Энгельгардтъ и, подойдя къ Пушкину, подвелъ его за руку къ государю: — это — Александръ Пушкинъ, будущая надежда и краса родной литературы.

— Я читалъ твои »Воспоминанія о Царскомъ« и стихи на мое »возвращеніе«, ласково произнесъ Александръ Павловичъ. — Старайся — и я тебя не забуду.

Поэтъ-лицеистъ отъ неожиданности былъ до того смущенъ, что ничего не нашелся отвѣтить.

Императоръ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ его замѣшательства, обратился опять къ Энгельгардту.

— Ты, я полагаю, теперь уже не раскаиваешься, что принялъ отъ меня должность начальника лицея?

— Нѣтъ, государь, не только не раскаиваюсь, но полагаю, что всякій подданный вашъ можетъ мнѣ позавидовать, — не потому, чтобы обязанности мои были такъ легки, а потому, что нѣтъ дѣятельности полезнѣе для общества, какъ дѣятельность добросовѣстнаго педагога.

— Ты полагаешь?

— Я убѣжденъ въ этомъ. Всякая другая дѣятельность, какъ бы она ни была усердна, остается единичною; педагогъ же воспитываетъ, даетъ отечеству десятки примѣрныхъ гражданъ и тѣмъ удесятеряетъ свою дѣятельность на пользу общества.

— Ты правъ, сказалъ государь: — воспитаніе юношества — самое благородное занятіе, но, я думаю, и самое трудное! Мнѣ остается только гордиться тѣмъ, что я выбралъ тебя, что я — твой хозяинъ, какъ ты — хозяинъ твоего вѣрнаго Султана. Кстати, что его не видать?

— Отслужилъ уже свою службу, ваше величество, со вздохомъ отвѣчалъ Энгельгардтъ, — и прошлой зимой приказалъ долго жить.

— А жаль: славный песъ былъ!

Сказавъ еще нѣсколько милостивыхъ словъ

хозяйкѣ и молодымъ людямъ, императоръ удалился. Лицеистовъ заинтересовало, почему вдругъ Александръ Павловичъ вспомнилъ о собакѣ директора?

— Султанъ мой былъ огромный водолазъ и вѣрнѣйшій песъ, объяснилъ Энгельгардтъ. — И лѣтомъ, и зимой онъ сторожилъ здѣсь въ Царскомъ нашу дачу. Чужихъ онъ, вообще, очень неохотно пропускалъ въ домъ; военныхъ же особенно недолюбливалъ. И вотъ, однажды, когда я сидѣлъ въ кабинетѣ за письменной работой, за окошкомъ раздался шумъ подъѣзжающаго экипажа и страшный собачій лай. Я выглянулъ — да такъ и обмеръ: у калитки остановилась царская коляска; въ саду же никого не было, кромѣ Султана, который, съ бѣшенымъ лаемъ, огромными скачками бѣжалъ на встрѣчу государю! Не помню ужь, какъ я самъ выскочилъ на балконъ. И что же я вижу? Государь стоитъ совершенно спокойно тамъ же, у калитки, и ласкаетъ моего Султана, а Султанъ лижетъ ему ласкающую руку.

»— Что ты такъ блѣденъ, Энгельгардтъ? спросилъ меня государь. — Ты нездоровъ?

»— Отъ испуга, ваше величество, отвѣчалъ я: — я услышалъ лай собаки и увидѣлъ вашу коляску...

»— Чего же тебѣ было пугаться? Вѣдь она тебя, я думаю, слушается?

»— Слушается, государь; но вѣдь я — ея хозяинъ...

»— А я — твой хозяинъ, сказалъ съ улыбкой государь; — ты видишь, собака это хорошо понимаетъ: она мнѣ руку лижетъ.«

Большинство лицеистовъ въ скоромъ времени оцѣнило новаго директора и съ каждымъ днемъ все болѣе привязывалось къ нему. Даже своевольный графъ Брогліо, попытавшійся-было сначала выйдти изъ-подъ его власти, самъ собой смирился. Дѣло было такъ.

Все лицейское начальство до сихъ поръ говорило лицеистамъ: »вы«. Исключеніе дѣлалъ иногда только (какъ уже упомянуто нами) надзиратель Фроловъ, когда былъ въ духѣ.

— Что съ него взыскивать, говорили межъ собой лицеисты: — онъ — старый служака, военная косточка!

И вдругъ теперь Энгельгардтъ, человѣкъ уже вовсе не военный, придававшій особенное значеніе приличному, деликатному обращенію, съ перваго же дня сталъ говорить безъ разбору всѣмъ воспитанникамъ: »ты«.

— Какое право онъ имѣетъ такъ фамильярничать съ нами? зароптал громче всѣхъ надменный Брогліо. — Мы, кажется, уже не такіе малюточки! Я его когда-нибудь хорошенько проучу!

— Ну, не рѣшишься, усомнились товарищи.

— Я-то не рѣшусь? А вотъ погодите: обрѣю лучше бритвы!

Онъ воспользовался для того первымъ слу-

чаемъ, когда директоръ проходилъ черезъ рекреаціонный залъ. Ласково заговаривая по пути то съ однимъ, то съ другимъ, Энгельгардтъ подошелъ только-что къ дверямъ въ столовую, когда Брогліо, протиснувшись мимо него, задѣлъ его локтемъ и, пробормотавъ вскользь: »виноватъ!«, посвистывая, прошелъ далѣе.

— Послушай-ка, Брогліо! раздался позади его голосъ директора.

Брогліо на ходу озирался по сторонамъ съ такимъ видомъ, будто недоумѣваетъ, къ кому могутъ относиться эти слова.

— Графъ Брогліо! вторично окликнулъ его Энгельгардтъ.

Тотъ съ самою утонченною вѣжливостью подошелъ къ начальнику и шаркнулъ ногой.

— Вы меня звали, Егоръ Антонычъ?

— Звалъ. У тебя, мой другъ, дурная привычка — свистать.

Брогліо опять обернулся черезъ плечо, какъбы желая удостовѣриться, нѣтъ-ли кого у него за спиной.

— Вы съ кѣмъ это говорите, Егоръ Антонычъ?

— Съ вами, ваше сіятельство!

— Ахъ, со мною! А то я подумалъ, что тутъ стоитъ какой-нибудь сторожъ, потому что насъ, лицеистовъ, слава Богу, никто изъ начальства еще до сихъ поръ не »тыкалъ«.

Ходившіе по залу и громко разговаривавшіе

между собой товарищи молодаго графа теперь остановились, примолкли и съ затаеннымъ любопытствомъ слѣдили за возникшимъ между нимъ и директоромъ препирательствомъ.

— Виноватъ, ваше сіятельство! произнесъ съ явной ироніей Энгельгардтъ, ни мало при этомъ не возвышая голоса. — Говорилъ я вамъ »ты« не потому, чтобы считалъ васъ сторожемъ (хотя манера ваша — толкаться и свистать — скорѣе прилична сторожу, чѣмъ лицеисту), но потому, что въ воспитанникахъ вижу какъ-бы моихъ родныхъ дѣтей и обращаюсь съ ними, какъ съ собственными дѣтьми. Но вы, графъ, можете быть отнынѣ совершенно покойны: насильно я не буду вамъ отцомъ, и вы для меня будете только казеннымъ воспитанникомъ.

Съ легкимъ поклономъ директоръ вышелъ. Брогліо, мѣняясь въ лицѣ, кусая губы, глядѣлъ ему вслѣдъ; потомъ вдругъ расхохотался. Но хохотъ его какъ-то не удался и на полутонѣ оборвался.

— Что, братъ, поперхнулся? донеслось къ нему изъ ближайшей кучки товарищей.

— Бородобрѣй! обрилъ лучше бритвы! послышалось изъ другой группы.

— Дурачьё! буркнулъ Брогліо и, круто повернувшись, вышелъ также вонъ.

Прошелъ день, прошло два, а прежнія пріятельскія отношенія Брогліо къ другимъ лицеистамъ еще не возобновились. Энгельгардтъ, ни-

чуть не измѣнивъ своего обхожденія съ остальными, подходилъ, какъ бывало, то къ одному, то къ другому, продолжалъ называть ихъ »ты«, и никто этимъ не думалъ обижаться. Самолюбиваго же графа онъ рѣшительно не замѣчалъ, глядѣлъ на него какъ въ пустое пространство. Такое невниманіе къ нему любимаго директора не осталось безъ вліянія и на прочихъ воспитанниковъ: точно по уговору, они, видимо, избѣгали уже опальнаго товарища. Самъ Брогліо, чувствуя это, гордо сторонился отъ нихъ, и, противъ обыкновенія, забивался куда-нибудь въ отдаленный уголъ съ книжкой.

На третьи уже сутки, Энгельгардтъ совершено неожиданно подошелъ къ отверженному.

— Чего ты сидишь все одинъ? сказалъ онъ съ обычной своей добротой. — Ступай сейчасъ играть съ друзьями.

Наболѣвшее сердце молодаго графа не выдержало: онъ отвернулся, чтобы не показать, что у него на глазахъ слезы.

— Комовскій! Тырковъ! позвалъ Энгельгардтъ проходившихъ мимо двухъ лицеистовъ. — Не видите: на друга вашего хандра напала? Возьмите его съ собой.

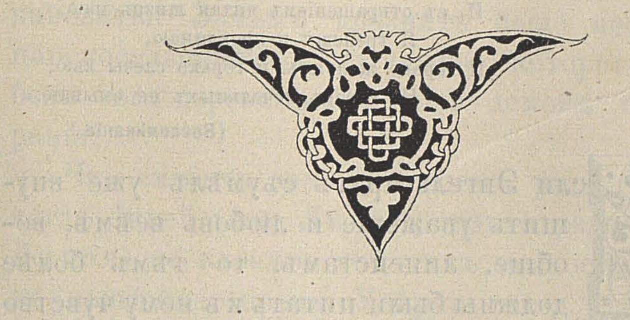
— Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, Брогліо? пойдемъ съ нами, сказалъ Комовскій.

— Ступай съ ними, другъ мой, повторилъ директоръ: — они давно соскучились по тебѣ.

Клеймо, наложенное на опальнаго, было снято,

и товарищи тѣмъ охотнѣе приняли его вновь въ свою среду, что за послѣдніе два дня лишились въ немъ главнаго руководителя игръ.

Съ этихъ поръ у лицеистовъ считалось уже большимъ наказаніемъ, когда Егоръ Антоновичъ не удостоивалъ говорить имъ: »ты«. Стоило ему мимоходомъ спросить кого-нибудь: »Хорошо-ли вы, N. N., провели время тамъ-то?« — и всѣ уже знали, что N. N. провинился, и невольно чуждались его, пока не слышали опять обращенное къ нему директоромъ отеческое »ты«.

Глава XVI.

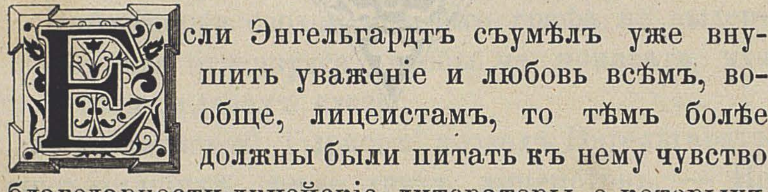
Пушкинъ и Энгельгардтъ.

»Придетъ-ли часъ моей свободы?
Пора, пора! взываю къ ней.«

(Евг. Онѣгинъ.)

»Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.«

(Воспоминаніе.)

Если Энгельгардтъ съумѣлъ уже внушить уваженіе и любовь всѣмъ, вообще, лицеистамъ, то тѣмъ болѣе должны были питать къ нему чувство благодарности лицейскіе литераторы, о которыхъ онъ спеціально позаботился увеличеніемъ библіотеки и устройствомъ чтеній. Восторженный Кюхельбекеръ, а за нимъ невозмутимый Дельвигъ, дѣйствительно, сдѣлались самыми усердными участниками литературныхъ вечеровъ на квартирѣ директора. Одинъ только Пушкинъ не могъ побороть своего врожденнаго отвращенія къ нѣ-

мецкому языку, на которомъ не только зачастую происходили чтенія (потому что читались въ оригиналѣ и нѣмецкіе классики), но велись также разговоры въ семьѣ директора. Недавнее посѣщеніе »арзамасцевъ« тянуло его совершенно въ другую сторону—къ родной литературѣ. Душевное настроеніе его въ это время лучше всего рисуетъ слѣдующее письмо его къ князю Вяземскому отъ 27 марта 1816 года:

»Признаюсь, что одна только надежда, получить изъ Москвы русскіе стихи Шапеля и Буало, могла побѣдить благословенную мою лѣнь. Такъ и быть, ужь не пеняйте, если письмо мое заставитъ зѣвать ваше пiитическое сiятельство: сами виноваты! Зачѣмъ дразнить было несчастнаго царскосельскаго пустынника, котораго ужь и безъ того дергаетъ бѣшеный демонъ бумагомаранія?..

»Что̀ сказать вамъ о нашемъ уединеніи? Никогда Лицей (или Ликей, только ради Бога, не Лицея) не казался мнѣ такъ несноснымъ, какъ въ нынѣшнее время. Увѣряю васъ, что уединеніе въ самомъ дѣлѣ вещь очень глупая, на зло всѣмъ философамъ и поэтамъ, которые притворяются, будто-бы живали въ деревняхъ и влюблены въ безмолвіе и тишину.

»Блаженъ, кто въ шумѣ городскомъ
Мечтаетъ объ уединеньи,
Кто видитъ только въ отдаленьи
Пустыню, садикъ, сельскій домъ,
Холмы съ безмолвными лѣсами,

Долину съ рѣзвымъ ручейкомъ
И даже... стадо съ пастухомъ!
Блаженъ, кто съ добрыми друзьями
Сидитъ до ночи за столомъ
И надъ славенскими глупцами
Смѣется русскими стихами.

»Правда, время нашего выпуска приближается; остался годъ еще. Но цѣлый годъ еще плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго!.. Это ужасно! Право, съ радостью согласился бы я двѣнадцать разъ перечитать всѣ 12 пѣсенъ пресловутой »Россіады«, даже съ присовокупленіемъ къ тому и премудрой критики Мерзлякова, съ тѣмъ только, чтобы графъ Разумовскій сократилъ время моего заточенья. Безбожно молодаго человѣка держать взаперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную »Академію« и »Бесѣду губителей Россійскаго слова«...

Но вотъ, очень скоро послѣ этого письма, Пушкинъ зачастилъ въ домъ Энгельгардта, сдѣлался тамъ почти ежедневнымъ гостемъ. И вдругъ, точно также внезапно, онъ прекратилъ опять свои посѣщенія. Что было причиной того и другаго?

У Энгельгардта собралось къ чаю, по обыкновенію, нѣсколько человѣкъ лицеистовъ; былъ тутъ и Пушкинъ. Весь вечеръ онъ былъ въ какомъ-то ненормальномъ настроеніи духа. Сперва онъ былъ до ребячества веселъ, до колкости остроуменъ; потомъ вдругъ сталъ до безпамят-

ства разсѣянъ, до угрюмости молчаливъ. Такая перемѣна въ немъ совпала какъ разъ съ исчезновеніемъ изъ-за чайнаго стола молодой родственницы хозяина, Маріи Смитъ.

— Да гдѣ же Мери? хватилась ея хозяйка и отправилась отыскивать отсутствующую.

Вскорѣ затѣмъ возвратившись, она наклонилась къ уху мужа и шепнула ему что-то. При этомъ взоръ ея на одно мгновеніе вперился въ лицо Пушкина. Но взоръ этотъ былъ такъ пытливъ и проницателенъ, что Пушкинъ зашевелился на стулѣ и опустилъ глаза. Между тѣмъ, Энгельгардтъ всталъ и ушелъ въ свой кабинетъ.

— Что̀ съ мадамъ Смитъ? спросилъ кто-то за столомъ.

— Ничего... мигрень... отрывисто отозвалась г-жа Энгельгардтъ.

Немного погодя, Егоръ Антоновичъ вышелъ опять изъ кабинета.

Онъ не взглянулъ ни на кого, не промолвилъ ни слова; но пасмурное, почти суровое выраженіе его лица, всегда столь открытаго и привѣтливаго, не предвѣщало ничего добраго.

Когда пробило 1/2 10-го, и лицеисты стали расходиться, Энгельгардтъ задержалъ Пушкина:

— Останьтесь на минутку.

Потомъ, выждавъ, когда всѣ прочіе удалились, онъ позвалъ его за собой въ кабинетъ.

— Что̀ это значитъ, Пушкинъ? съ сдержаннымъ негодованіемъ заговорилъ онъ тутъ. —

Сколько я знаю, вы — хорошаго семейства: въ лицей воспитанниковъ принимаютъ съ строгимъ разборомъ; у васъ самихъ есть, кажется, и старшая сестра?

— Есть... отвѣчалъ Пушкинъ, не смѣя поднять на директора глазъ.

— Какъ-же вы, скажите, позволили себѣ такую выходку съ Мери?

— Что же я такое сдѣлалъ, Егоръ Антонычъ? Я написалъ ей только стихи...

— Стихи, да; но какіе!

Они стояли около письменнаго стола, освѣщеннаго лампой. Егоръ Антоновичъ поднялъ на столѣ прессъ-папье, подъ которымъ лежала пачка бумагъ. Сверху оказался розовый почтовый листокъ, очень хорошо знакомый Пушкину. Энгельгардтъ взялъ его въ руки.

— Вы не знаете еще никакого различія между людьми! продолжалъ онъ, и въ голосѣ его невольно уже прорывалось его душевное раздраженіе. — Не говоря уже о совершенной неумѣстности, вообще, обращаться со стихами къ молодой дамѣ, когда она съ своей стороны не подала къ тому ни малѣйшаго повода, — у васъ есть тутъ, напр., такіе стихи:

»О, безцѣнная подруга!
Вѣчно-ль слезы проливать?
Вѣчно-ль мертваго супруга
Изъ могилы вызывать?«

Что̀ это такое, Бога ради, объясните мнѣ?! Молодую вдову, которая едва схоронила только и

оплакиваетъ своего любимаго мужа, безъ спросу утѣшаетъ первый попавшійся школьникъ и, для рифмы, еще осмѣливается называть ее »безцѣнной подругой«! Скажите: что вы — въ умѣ своемъ были, или нѣтъ?

Пушкинъ молчалъ, сгорая отъ стыда и досады. Энгельгардтъ пристально смотрѣлъ на него, какъ-бы стараясь проникнуть въ глубину его души.

— Вы не думайте, что я слишкомъ короткое время знаю васъ, заговорилъ онъ опять. — Хоть я, правда, здѣсь въ лицеѣ всего нѣсколько недѣль, но я старался внимательно изучить всѣхъ васъ и составилъ лично для себя даже письменно характеристику каждаго изъ васъ. Я буду съ вами, Пушкинъ, вполнѣ откровененъ: я прочту вамъ то, чего никому не читалъ, никому не прочту.

Вынувъ изъ стола толстую тетрадь, Энгельгардтъ сталъ перелистывать ее *).

— Я пишу для себя по-нѣмецки, объяснилъ онъ. — Вы хотя и слабы въ этомъ языкѣ, но, надѣюсь, сколько нужно — поймете. Если-же чего не поймете, то спросите, — я вамъ переведу. Слушайте, что̀ у меня сказано про васъ:

»Его высшая и конечная цѣль — блестѣть, и именно поэзіею; но едва ли найдетъ она у него

*) Рукопись Энгельгардта озаглавлена: »*Etwas über die Zöglinge der höheren Abtheilung des Lyceums*« (т. е. »*Кое-что о воспитанникахъ старшаго курса лицея*«).

прочное основаніе, потому что онъ боится всякаго серьезнаго ученія, и его умъ, не имѣя ни проницательности, ни глубины, совершенно поверхностный, французскій умъ.«

— Вѣрно это или нѣтъ? спросилъ Егоръ Антоновичъ, переставая читать.

— Можетъ быть, и вѣрно... съ глухимъ ожесточеніемъ отвѣчалъ Пушкинъ. — Но если природа отказала мнѣ въ настоящемъ умѣ, такъ развѣ въ томъ моя вина?

— Это было у меня написано до сегодняшняго дня, сказалъ Энгельгардтъ. — Но вотъ, часъ тому назадъ, когда г-жа Смитъ передала мнѣ ваши стихи, я приписалъ слѣдующее:

»Это еще самое лучшее, что̀ можно сказать о Пушкинѣ. Его сердце холодно и пусто; въ немъ нѣтъ ни любви, ни религіи; можетъ быть, оно такъ пусто, какъ никогда еще не было юношеское сердце. Нѣжныя и юношескія чувствованія унижены въ немъ воображеніемъ...« *)

---

*) Если Энгельгардтъ нѣсколько и ошибался въ Пушкинѣ, котораго своеобразная, пылкая натура не подходила подъ общій масштабъ, то товарищей его этотъ опытный педагогъ оцѣнилъ чрезвычайно мѣтко. Такъ про *Кюхельбекера* въ рукописи его сказано:

»Читалъ все и обо всемъ; имѣетъ большія способности, прилежаніе, добрую волю, много сердца и добродушія; но въ немъ совершенно нѣтъ вкуса, такта, граціи, мѣры и опредѣленной цѣли. Чувство чести и добродѣтели проявляется въ немъ иногда какимъ-то донкихотствомъ. Онъ часто впадаетъ въ задумчивость и меланхолію, подвергается мученіямъ совѣсти и подозрительности, и только увлеченный какимъ-нибудь обширнымъ планомъ, выходитъ изъ этого болѣзненнаго состоянія...«

— Нѣтъ, Егоръ Антонычъ! Это уже неправда! горячо перебилъ тутъ Пушкинъ. — О религіи лучше не будемъ говорить, потому что вы — лютеранинъ, я — православный; но сердце во мнѣ есть, теплое русское сердце... когда-нибудь вы это узнаете...

Въ голосѣ поэта-лицеиста, сквозь слезы, звучала нота глубоко-уязвленнаго самолюбія.

— Дай то̀ Богъ! вздохнулъ Энгельгардтъ. — Но если такъ, то чѣмъ же прикажете объяснить вашъ поступокъ? Безпредѣльнымъ легкомысліемъ, что ли? Скажите: вы любите вашу сестру?

— Какъ вы еще спрашиваете!

— Очень любите?

— Очень.

— Такъ вотъ, представьте же себѣ, что она вышла бы замужъ, что она вскорѣ бы овдовѣла, и тутъ какой-нибудь молодчикъ, безъ всякаго повода съ ея стороны, написалъ бы ей такое же точно милое утѣшеніе. Сочли ли бы вы это за дерзость?

— Еще бы!...

— Какъ же вы поступили бы съ нимъ?

Отвѣта не было.

— Что̀ сдѣлали бы вы съ нимъ? повторилъ Егоръ Антоновичъ.

Относительно *Илличевскаго* тамъ-же сказано, что раннія похвалы повредили этому юношѣ, и что въ умственномъ развитіи и наукахъ онъ остановился на той же степени, на которой находился при поступленіи въ лицей.

— Я убилъ бы его на мѣстѣ!... глухо прошепталъ Пушкинъ.

— Надѣюсь, что до этого не дошло бы, сказалъ Энгельгардтъ. — Но совѣсть и, кажется, сердце у васъ все-же есть. Очень радъ и буду еще болѣе доволенъ, если все окажется съ вашей стороны только юношескимъ увлеченіемъ. Во всякомъ случаѣ, вы поймете, Пушкинъ, что мадамъ Смитъ не можетъ не чувствовать оскорбленія, что ей тяжело быть въ одномъ обществѣ съ своимъ оскорбителемъ, пока хоть нѣсколько не уляжется ея непріязнь противъ него.

— Хорошо! я не буду вовсе ходить къ вамъ... отрывисто проговорилъ Пушкинъ.

— Недѣлю, другую пропустите; а тамъ опять милости просимъ. Тѣмъ временемъ, вы успѣете на досугѣ вдуматься въ вашъ поступокъ. Вообще, всякому изъ насъ нелишне, время отъ времени, перебирать свое прошлое, чтобы избѣгать ошибокъ. И вамъ совѣтую дѣлать то же. Доброй ночи!

Въ послѣднихъ словахъ звучало уже снова то отеческое благоволеніе, которое выказывалъ директоръ ко всѣмъ лицеистамъ.

Давно обитатели лицея отъ мала до велика покоились мирнымъ сномъ. Одинъ только Пушкинъ ворочался подъ своимъ одѣяломъ и ни въ какомъ положеніи не находилъ себѣ покоя. О! какъ охотно открылъ бы онъ теперь наболѣвшую душу передъ первымъ своимъ другомъ, Пущи-

нымъ... Стоило вѣдь только стукнуть въ раздѣлявшую ихъ стѣнку. Но рука у него не подымалась: признаться другу въ такомъ поступкѣ — о, нѣтъ, нѣтъ!... Тотъ отъ него, пожалуй, тоже отшатнется...

»Вдумайтесь на досугѣ въ вашъ поступокъ; переберите ваше прошлое,« вспомнились ему тутъ слова директора. И съ какимъ-то горькимъ самоуслажденіемъ кающагося дервиша, истязающаго самого себя, онъ сталъ перебирать въ памяти свое прошлое, свое непослушаніе и своеволіе, какъ въ родительскомъ домѣ, такъ и въ лицеѣ, разныя мелкія столкновенія съ товарищами, съ начальствомъ... Ночью, когда воображеніе наше работаетъ сильнѣе, всѣ предметы, какъ извѣстно, являются намъ въ значительно преувеличенномъ видѣ. Нагромождая противъ себя обвиненіе на обвиненіе, Пушкинъ представлялся самъ себѣ наконецъ какимъ-то безпримѣрнымъ, чудовищнымъ грѣшникомъ. Слезы душили его, но онъ пересиливалъ себя, и только глубокіе вздохи невольно вырывались изъ его груди.

— Что же ты, Пушкинъ, не ходишь уже къ Егору Антонычу? спросилъ его какъ-то нѣсколько дней спустя Пущинъ.

— Какъ не хожу? Вчера еще былъ... отговорился онъ.

— Вчера? Нѣтъ, вчера какъ разъ я былъ тамъ, и тебя навѣрное не было.

— Ну, такъ третьяго дня.

— И третьяго дня тебя тамъ не могло быть: мы вмѣстѣ же съ тобой сидѣли еще здѣсь за ужиномъ; помнишь?

— Ахъ, отстань, пожалуйста!

Покачавъ головой, Пущинъ отсталъ.

Но вотъ, двѣ и три недѣли прошли уже со времени разговора съ директоромъ, а Пушкинъ по-прежнему чуждался его. Самъ Егоръ Антоновичъ наконецъ зашелъ къ нему въ камеру, гдѣ засталъ его за конторкой съ перомъ въ рукахъ. Обернувшись и увидѣвъ директора, Пушкинъ какъ-будто оторопѣлъ и спряталъ свое писаніе въ конторку.

— Пиши, пиши: я не хочу мѣшать тебѣ, съ прежней уже ласковостью заговорилъ Энгельгардтъ. — Я хотѣлъ только спросить тебя, Пушкинъ: за что ты еще дуешься на меня?

— Я не дуюсь, Егоръ Антонычъ... не поборовъ еще смущенія, отвѣчалъ Пушкинъ.

— Но ты не бываешь у меня?

— Вы очень хорошо знаете, Егоръ Антонычъ, почему...

— О! если ты про то́, то все уже давно забыто и прощено. О тебѣ уже спрашивали...

— Благодарю васъ; но... извините меня...

— Такъ ты меня, видно, вовсе не любишь? Но за что, скажи?

— Вы сами же, Егоръ Антонычъ, меня тоже терпѣть не можете! съ внезапною горечью вы-

рвалось у Пушкина: — вы считаете меня совсѣмъ безсердечнымъ...

— Я, можетъ быть, нѣсколько перемѣнилъ уже мое мнѣніе о тебѣ; отъ тебя же зависитъ совершенно переубѣдить меня.

Обнявъ рукой юношу, Энгельгардтъ продолжалъ:

— То, что̀ я слышалъ съ тѣхъ поръ про тебя отъ твоихъ наставниковъ, отъ твоихъ товарищей, заставило меня глубже вдуматься въ тебя. Изъ тебя выйдетъ вѣроятно не совсѣмъ заурядный человѣкъ. У тебя нѣтъ необходимой выдержки, усидчивости, правда; но зато природа одарила тебя богаче многихъ другихъ. Ты нахваталъ урывками массу свѣдѣній, которыхъ не найти ни въ какихъ учебныхъ книгахъ. Между тѣмъ, обмѣнъ мыслей съ другими людьми еще болѣе упражняетъ и обогащаетъ умъ. Поэтому тебѣ просто грѣхъ избѣгать общества, котораго ты могъ бы быть украшеніемъ.

Пушкинъ слушалъ молча, насупивъ брови и отворотившись отъ директора.

— Напротивъ, Егоръ Антонычъ, отрывисто наконецъ произнесъ онъ: — я вовсе не гожусь для общества. Въ обществѣ требуется такъ-называемый тактъ, т. е. лицемѣріе, ложь, а я лгать не умѣю: что̀ на душѣ, то̀ и на языкѣ.

— Лгать, мой другъ, или не всегда говорить правду — разница огромная. Можно быть благороднѣйшимъ, правдивѣйшимъ человѣкомъ — и

высказывать истину только тамъ, гдѣ отъ того можетъ быть польза, умалчивать же объ ней тамъ, гдѣ нѣтъ отъ того пользы, или гдѣ можно нанести только незаслуженный вредъ или оскорбленіе. Не безразсудно ли, напримѣръ, не жестоко ли доказывать слѣпому счастіе зрячихъ — видѣть окружающій міръ и несчастіе его самого — не имѣть зрѣнія? Не безумно ли описывать лопарю прелести итальянской природы и убѣждать его, что судьба обидѣла его суровымъ климатомъ, безплодной землей?

— Ну, конечно... долженъ былъ согласиться Пушкинъ.

— А не случалось ли, подумай, и тебѣ колоть глаза твоимъ ближнимъ такими ихъ недостатками, которыхъ они, при всемъ желаніи, не могутъ исправить?

— Случалось... Но если кто черезчуръ уже смѣшенъ, какъ напримѣръ Кюхельбекеръ, то какъ же надъ нимъ не посмѣяться?

— Посмѣяться, да, про себя, въ душѣ; но не поднимать его публично на смѣхъ, не глумиться надъ нимъ передъ всѣми, не оскорблять въ немъ человѣка. Затѣмъ, однако, ты вообще также слишкомъ опрометчиво выражаешь свои чувства, свои мнѣнія (часто справедливыя, но чаще еще преувеличенныя) тамъ, гдѣ слѣдовало бы промолчать, — и приговоръ о тебѣ, по большей части слишкомъ строгій, уже составленъ. И я, признаюсь, поторопился нѣсколько своимъ за-

ключеніемъ о тебѣ. Но теперь между нами, надѣюсь, нѣтъ уже недоразумѣній?

Пушкинъ все еще не оборачивался къ говорящему; но ярко-раскраснѣвшіяся уши явно выдавали его глубокое душевное волненіе.

— Я тоже до сихъ поръ не понималъ васъ, Егоръ Антонычъ... прошепталъ онъ прерывающимся голосомъ.

— Не будемъ болѣе говорить объ этомъ, съ чувствомъ прервалъ его Энгельгардтъ. — Обѣщаешься ли ты мнѣ, Пушкинъ, что не станешь болѣе бѣгать моего дома?

— Обѣщаюсь...

И вдругъ, обернувшись, онъ со слезами повисъ на шеѣ директора.

— Я очень виноватъ передъ вами: простите меня...

— Полно, полно... старался успокоить его Энгельгардтъ, а у самого слезы катились по щекамъ. — И такъ, мы — прежніе друзья, и я жду тебя къ себѣ...

Всѣ недоразумѣнія, казалось, были улажены, всѣ препятствія устранены. Но не прошло и десяти минутъ, какъ явилось новое, непреодолимое уже препятствіе.

Едва только директоръ скрылся за дверью, какъ поэтъ нашъ вынулъ изъ конторки спрятанный листокъ. То былъ рисунокъ перомъ съ четверостишіемъ подъ нимъ. Первымъ побужденіемъ его было — разорвать рисунокъ. Но когда онъ

перечелъ внизу куплетъ, собственная острота показалась ему на столько удачной, что ему жаль ея стало. Онъ обмакнулъ перо и сталъ опять старательно растушёвывать картинку.

Онъ былъ такъ погруженъ въ свое занятіе, что не замѣтилъ, какъ растворилась дверь камеры, какъ къ нему подошелъ Энгельгардтъ, и только тогда очнулся и вздрогнулъ, когда тотъ заговорилъ:

— Я забылъ сказать тебѣ...

Пушкинъ съ такимъ испугомъ прикрылъ листокъ рукавомъ, что Егоръ Антоновичъ снисходительно улыбнулся.

— Что̀ это у тебя? Вѣрно, стишки?

— Н-да...

— Покажи-ка, если не секретъ? Отъ друга нечего таиться...

На поэта словно столбнякъ нашелъ, и роковой листокъ очутился въ рукахъ начальника. Что̀ же Егоръ Антоновичъ увидѣлъ тамъ? Карикатуру на самого себя, а подъ карикатурой злую эпиграмму.

— Теперь я понимаю, почему вы не желаете бывать у меня въ домѣ, съ глубоко-огорченнымъ уже видомъ произнесъ онъ. — Не знаю только, чѣмъ я заслужилъ такое ваше нерасположеніе?

И, возвративъ Пушкину его произведеніе, онъ тотчасъ оставилъ его одного.

— Гдѣ же Пушкинъ? спросилъ за вечернимъ чаемъ дежурный гувернеръ.

— Имъ нездоровится что-то, доложилъ Леонтій Кемерскій.

Слышавшій этотъ разговоръ Пущинъ, наскоро допивъ стаканъ, вышелъ изъ-за стола и отправился къ пріятелю. Когда онъ входилъ къ нему въ комнату, по всему полу тамъ были разсыпаны мелкіе лепестки разорванной бумаги, а самъ Пушкинъ лежалъ навзничь на кровати, и спина его приподымалась отъ нервныхъ всхлипываній.

— Ты, вѣрно, получилъ какое-нибудь печальное извѣстіе, Пушкинъ? заботливо освѣдомился Пущинъ.

— Нѣтъ...

— Такъ кто-нибудь тебя опять разобидѣлъ?

Изъ груди Пушкина вырвался глухой стонъ, и онъ зарыдалъ сильнѣе.

— Стало быть, правда? Но кто? Неужели Энгельгардтъ?

— Да... Уйди только, пожалуйста... былъ весь отвѣтъ безутѣшнаго.

— Но Энгельгардтъ — благороднѣйшая душа... убѣжденно продолжалъ Пущинъ.

Пушкинъ разомъ приподнялся на кровати и почти съ ненавистью впился красными отъ слезъ глазами въ лицо друга.

— Уйдешь ли ты?!

Онъ топнулъ при этомъ ногой и слезы градомъ вдругъ брызнули изъ глазъ его.

Пущинъ участливо посмотрѣлъ на него, вздох-

нулъ и, не сказавъ уже ни слова, послушно удалился.

Что̀ было между нимъ и Энгельгардтомъ — Пушкинъ ни теперь, ни послѣ не открылъ даже своему ближайшему другу. Тотъ видѣлъ только, что между обоими установились какія-то ненатурально-холодныя, натянутыя отношенія, почти неизмѣнившіяся до самаго выпуска Пушкина изъ лицея. Но, не бывая уже почти вовсе въ семейномъ кружкѣ Энгельгардта, Пушкинъ искалъ и нашелъ утѣшеніе въ нѣсколькихъ другихъ кружкахъ.

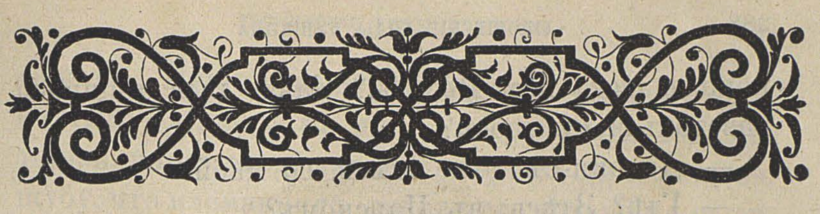

Василій Львовичъ Пушкинъ.

1770—1830.

Дозв. ценз. Спб., 7 окт. 1887. Тип. Эд. Гоппе, Возн. пр., 53.

Глава XVII.

Дядя Василій Львовичъ.

»Философъ рѣзвый и піитъ...«
(Посланіе къ Батюшкову).

Не желая прерывать нить нашего разсказа о переломѣ въ лицейскомъ междуцарствіи, мы не говорили объ одномъ рѣдкомъ гостѣ, который навѣстилъ Пушкина на Рождествѣ 1815 года. Разъ его вызвали въ пріемную — и кого же тамъ встрѣтилъ онъ? Игнатія, старика-камердинера своего дяди-поэта, Василья Львовича Пушкина, съ которымъ онъ не видался съ самаго своего опредѣленія въ лицей, т. е. съ осени 1811 года.

— Ты ли это, Игнатій? воскликнулъ Пушкинъ и, кажется, обнялъ бы стараго брюзгу, еслибы небритое лицо послѣдняго и истасканная ливрея не были покрыты мокрымъ снѣгомъ.

— Я-съ, батюшка Александръ Сергѣичъ, отвѣчалъ Игнатій, видимо также обрадованный. — Позвольте ручку...

— Не нужно, оставь... Но какими судьбами ты

попалъ сюда изъ Москвы? Какъ дядя рѣшился разстаться съ тобой?

— Да они-съ тоже здѣсь, со мной.

— Гдѣ? Здѣсь, въ Царскомъ?

— Точно такъ: въ возкѣ-съ.

— Вотъ что! Что же онъ не поднялся сюда, наверхъ?

— Больно, вишь, къ спѣху: сломя голову въ Питеръ гонятъ! брюзжалъ старикъ. — Велѣли вамъ немедля внизъ къ нимъ пожаловать.

Не тратя лишнихъ словъ, Пушкинъ выбѣжалъ на лѣстницу и, черезъ три ступени на четвертую, соскользнулъ на рукахъ по периламъ до нижней площадки. Но тутъ его задержалъ швейцаръ:

— Куда, ваше благородіе? На дворѣ вьюга...

— Ну, такъ что-жъ?

— Какъ вамъ угодно-съ, а такъ нельзя-съ. Хоть фуражечкой накройтесь.

Пушкинъ оглядѣлся. На вѣшалкѣ висѣло нѣсколько шляпъ и шапокъ профессоровъ и чиновниковъ лицейскаго правленія. Какъ это кстати! Сорвавъ съ гвоздя первую попавшуюся подъ руку шапку, онъ нахлобучилъ ее себѣ до ушей, оттолкнулъ отъ выходныхъ дверей швейцара и выскочилъ на улицу.

У подъѣзда стоялъ запряженный четверкой изморенныхъ и запаренныхъ почтовыхъ клячъ, тяжеловѣсный возокъ. Сквозь напотѣвшія стёкла нельзя было разглядѣть сидѣвшаго внутри пас-

сажира. Пушкинъ дернулъ ручку дверецъ — и очутился лицомъ къ лицу съ своимъ дядей, который, впрочемъ, былъ такъ зарытъ въ медвѣжью шубу, что племянникъ узналъ его только по высунувшемуся изъ мѣховъ, заостренному и загнутому на одинъ бокъ носу, слегка зарумянившемуся теперь отъ холода.

— Бога ради, притвори! совсѣмъ застудишь возокъ... испуганно крикнулъ ему по-французски Василій Львовичъ и отодвинулся настолько, чтобы дать юношѣ мѣсто около себя.

Тотъ послушно вскочилъ въ возокъ и захлопнулъ дверцы.

— Ну, а теперь здравствуй, Александръ.

— Здравствуйте, дяденька.

Заключенный въ мѣховыя объятія, Александръ ощутилъ на своихъ щекахъ три знакомые ему сочные поцѣлуя, съ легкимъ запахомъ нюхательнаго табаку.

— Дай-ка посмотрѣть на себя, заговорилъ дядя, ласковыми глазами оглядывая его. — Скажите, пожалуйста: усики себѣ даже отпустилъ! Каждое утро, чай, у парикмахера завиваешь?

— Нѣтъ, каждую ночь завертываю въ папильотки, отшутился племянникъ.

— А шапка эта, видно, новая форма лицейская?

— А то какъ же?

— Одобряю... Но ты, Александръ, чего добраго еще простудишься! спохватился Василій

Львовичъ и вытащилъ изъ-подъ себя мохнатое дорожное одѣяло. — Нà вотъ, завернись.

— Благодарю васъ. Но мнѣ, право, не холодно.

— Не мудрствуй, сдѣлай милость, и слушайся старшихъ.

Собственноручно закутавъ племянника, какъ ребенка, въ одѣяло, онъ запустилъ руку въ одинъ изъ боковыхъ мѣшковъ возка и досталъ оттуда бумажный свертокъ.

— Ты вѣдь, помнится, охотникъ тоже до барбарисовыхъ карамелекъ? сказалъ онъ. — Угощайся.

— А вы, дядя, меня все еще, кажется, за маленькаго считаете?

— Да выросъ-то ты еще не ахти на сколько отъ земли...

— Въ дядю, видно, пошелъ — и тѣломъ и духомъ.

— Т. е. по стихотворной части? »Лициній« твой, точно, очень недуренъ, но...

— Но никуда не годится? перебилъ Александръ. — Не будемъ лучше говорить объ этомъ. Разскажите, куда вы такъ торопитесь, что даже не вышли изъ возка?

— Куда? повторилъ Василій Львовичъ и принялъ таинственно-важный видъ. — Ты слышалъ, можетъ статься... да нѣтъ! гдѣ же тебѣ знать объ этомъ!

— Объ чемъ?

— Объ-»Арзамасѣ«.

— Да я объ немъ знаю, можетъ быть, болѣе вашего, дядя.

— Ого! Отъ кого это?

— Отъ Жуковскаго. Такъ васъ, значитъ, выбрали тоже въ члены »Арзамаса«?

Дядя зажалъ ему ротъ рукой.

— Молчокъ!

— Отъ души васъ поздравляю.

— Сказано: молчокъ! Еще рано поздравлять. До принятія въ »Арзамасъ«, всякій новобранецъ долженъ выдержать тяжкій искусъ...

— Василій Андреичъ ничего не говорилъ мнѣ объ этомъ...

— Потому что считалъ тебя недостаточно еще зрѣлымъ для того. И у меня только какъ-то невзначай съ языка сорвалось. Но ты смакуешь ли, дружокъ, весь букетъ этого пункта: меня, былаго сотрудника »Академическихъ извѣстій«, якобы сторонника »Бесѣды«, приглашаютъ теперь въ противный лагерь!

— Да какой же это противный вамъ лагерь, дядя, когда вы давнымъ-давно дружите со всѣми нынѣшними »арзамасцами«?

Василій Львовичъ нетерпѣливо зашевелился въ своей шубѣ.

— Ничего ты, братецъ, не смыслишь! проворчалъ онъ. — Коли »арзамасцы« — все милѣйшіе люди, такъ какъ-же не дружить съ ними?

— А »бесѣдчики« (кромѣ, развѣ, личнаго

врага вашего, Шишкова) — тоже вѣдь прекраснѣйшіе люди? Такъ вы, стало быть, какъ говорится: и нашимъ, и вашимъ?

Василья Львовича не на шутку взорвало.

— Пошелъ вонъ! крикнулъ онъ и толкнулъ въ бокъ племянника.

— Вы гоните меня?

— Да, какъ видишь. Маршъ!

— Не шутя, дядя?

— Ну, да! Будь здоровъ. Заболтался я съ тобой.

— А съ Левушкой вы такъ и не увидитесь? Его это, вѣрно, огорчитъ.

— Гмъ... да. Объ немъ-то я, признаться, забылъ... Ну, что-жъ, поцѣлуй его отъ меня, да отдай ему эти карамели.

— Цѣловать его я не стану, но карамели, извольте, отдамъ. Только лучше бы ужъ, право, вы сами, дядя, отдали ему; посидѣли бы въ пріемной, погрѣлись бы; а я велѣлъ бы подать вамъ стаканчикъ чаю.

Послѣдній аргументъ поколебалъ нѣсколько рѣшимость Василья Львовича.

— До Питера и то еще изрядный кончикъ: часа два съ хвостикомъ... соображалъ онъ.

— А чай у насъ хоть и не первый сортъ, но во всякомъ случаѣ горячій, подхватилъ племянникъ. — Позволите заказать?

— Быть по сему.

— И чудесно! Ни успѣете подняться по лѣстницѣ, какъ мы васъ догонимъ.

Сдѣлалось все, однако, не такъ живо, какъ онъ разсчитывалъ. Леонтій Кемерскій (который не былъ еще тогда отставленъ отъ должности оберъ-провіантмейстера) не безъ труда далъ убѣдить себя подать чай въ »непоказанное« мѣсто — въ пріемную. Младшаго брата своего Александръ также не сейчасъ розыскалъ. Когда братья, наконецъ, вошли въ пріемную, то остановились оба какъ вкопанные; а вслѣдъ затѣмъ оба прыснули со смѣху. Передъ ними была нѣмая картина: Леонтій съ дымящимся стаканомъ чаю въ рукахъ, а передъ нимъ свернувшійся калачикомъ на клеенчатомъ диванѣ Василій Львовичъ. Отъ дороги и холода его здѣсь, въ теплѣ, очевидно, распарило, и, не дождавшись племянниковъ, онъ сладко заснулъ.

— Будить его или нѣтъ? шопотомъ совѣтовались межъ собой братья.

Какъ-бы въ отвѣтъ, съ дивана донесся къ нимъ густой храпъ.

— Пожалѣйте дядюшку, ваши благородія, сказалъ Леонтій: — изморились, небось, путемъ-дорожкой; дайте имъ всхрапнуть часочекъ.

— Пускай его! рѣшилъ старшій братъ. — А ты, Леонтій насъ позовешь, когда онъ проснется?

— Обязательно-съ; будьте благонадежны. Я тутъ, какъ у больнаго, продежурю-съ.

Пододвинувъ къ дивану стулъ для стакана, бывалый дядька накрылъ послѣдній блюдечкомъ,

чтобы чай не такъ скоро остылъ; потомъ самъ терпѣливо усѣлся на отдаленный стулъ.

Не прошло четверти часа, какъ Леонтій впопыхахъ влетѣлъ въ камеру старшаго Пушкина.

— Пожалуйте-съ, сударь! Вашъ дядюшка уѣзжаютъ.

— Уже?

— Да-съ. Проснулись, выпили залпомъ-съ стаканъ, да такъ заторопились, словно на пожаръ спѣшатъ.

Когда Александръ сбѣжалъ во второй этажъ, то засталъ тамъ уже Левушку, который тщетно уговаривалъ дядю хоть посидѣть еще минутку.

— Ни секунды, дружочикъ, ни терціи! отвѣчалъ Василій Львовичъ. — Семеро одного не ждутъ, а меня въ Питерѣ дважды семеро не дождутся.

— Сколько я далъ бы, дядя, чтобы подсмотрѣть, какъ васъ будутъ принимать въ »Арзамасъ«, замѣтилъ Александръ.

— Молчокъ! цыкнулъ на него Василій Львовичъ, грозя пальцемъ.

Долго еще по отъѣздѣ дяди, молодой поэтъ нашъ уносился мысленно за нимъ, стараясь въ своемъ пылкомъ воображеніи воспроизвести всю сцену пріема дяди въ »Арзамасъ«. Мы, не стѣсняемые ни пространствомъ, ни временемъ, послѣдуемъ теперь въ дѣйствительности за Васильемъ Львовичемъ.

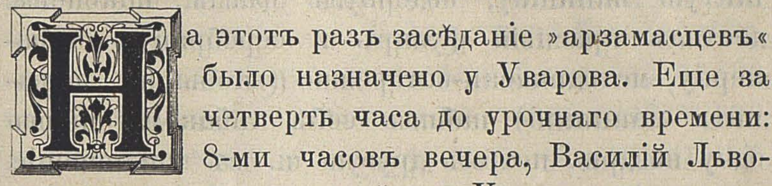

Глава XVIII.

Въ »Арзамасѣ«.

›И что-же! видитъ... за столомъ
Сидятъ чудовища кругомъ:
Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ оставъ чопорный и гордый,
Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ.‹

(Евг. Онѣгинъ).

На этотъ разъ засѣданіе »арзамасцевъ« было назначено у Уварова. Еще за четверть часа до урочнаго времени: 8-ми часовъ вечера, Василій Львовичъ входилъ въ подъѣздъ Уваровскаго дома. Принявшій съ него шубу швейцаръ хотѣлъ-было предупредительно зазвонить въ колокольчикъ хозяйской квартиры, но пріѣзжій остановилъ его рукой.

— Постой, другъ!

Рослый и толстый бакенбардистъ-швейцаръ въ расшитой ливреѣ, картинно упершись на свою

блестящую булаву, критически оглядѣлъ съ головы до ногъ небольшую, кругленькую фигурку рѣдкаго московскаго гостя. Онъ могъ это дѣлать безъ стѣсненья, потому что Василій Львовичъ, подойдя къ висѣвшему тутъ-же зеркалу, сталъ охорашиваться и былъ въ такомъ замѣтномъ возбужденіи, что ничего другаго не видѣлъ вокругъ себя. Одѣтъ онъ былъ съ иголочки, по послѣдней парижской модѣ, въ свѣтлозеленый фракъ съ короткой тальей, бѣлый жилетъ, нанковые панталоны въ обтяжку и высокіе сапоги съ кисточками. Колыхаясь своимъ полнымъ, рыхлымъ тѣльцемъ на тонкихъ ножкахъ, онъ карманной щеточкой эфектно взъерошилъ себѣ примятый шапкой пѣтушій хохолокъ на макушкѣ, пригладилъ виски; потомъ расправилъ упиравшіеся въ глянцовитыя щеки жабо и вышитую манишку, обдернулъ фалды; наконецъ, досталъ красный фуляръ и серебряную табакерку, методически-осторожно (чтобы не засыпать манишки) набилъ себѣ табакомъ сперва одну ноздрю, потомъ другую и, въ заключеніе, на всякій случай обмахнулся еще фуляромъ. Всѣ эти операціи потребовали у него ровно $^1|_4$ часа времени. Часы въ швейцарской пробили 8. Василій Львовичъ встрепенулся.

— Теперь, голубчикъ, позвони!

Въ передней его встрѣтилъ не только Уваровскій камердинеръ во фракѣ, бѣломъ галстухѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, но и давнишній другъ и

пріятель его »Свѣтлана« — Жуковскій, безсмѣнный секретарь »Арзамаса«.

— »Бесѣдчики« всѣ уже въ сборѣ и безмятежно дремлютъ, таинственно объявилъ онъ гостю.

— »Бесѣдчики«? недоумѣвая, переспросилъ Василій Львовичъ.

— Ну, да: воображаемые »бесѣдчики«. Вѣдь, мы же, »арзамасцы«, пародируемъ »Бесѣду«.

— Ага! вѣрно.

— Немножко потише! Хотя ты у насъ и новорожденный, но кричать тебѣ не полагается: разбудишь нашихъ старцевъ.

Оба на цыпочкахъ вошли въ обширную залу. За длиннымъ зеленымъ столомъ, уставленнымъ зажженными канделябрами, живописно возсѣдали или, вѣрнѣе, возлежали въ креслахъ съ закрытыми глазами знакомые все Василью Львовичу молодые литераторы, изображавшіе теперь старцевъ »бесѣдчиковъ«. Всѣхъ какъ-бы одолѣлъ сонъ: кто склонился отяжелѣвшей головой прямо на столъ; кто прислонился къ плечу сосѣда; кто откинулся назадъ и похрапывалъ съ открытымъ ртомъ.

— Барыня — »Арзамасъ« требуетъ весь туалетъ! зычнымъ голосомъ возгласилъ секретарь »Свѣтлана«, и въ тотъ-же мигъ всѣ спящіе какъ-бы разомъ пришли въ себя, принялись наперерывъ зѣвать, потягиваться и протирать глаза.

Занимавшій въ этотъ день предсѣдательское кресло, очередной предсѣдатель »Чурка« — Даш-

ковъ позвонилъ въ колокольчикъ, и когда все опять успокоилось, торжественно заговорилъ:

— Милостивые государи! передъ вами новорожденный старецъ, алкающій воспріять крещеніе нашего юнаго ордена. Тяжки его прегрѣшенія: сотрудничалъ онъ въ »Академическихъ извѣстіяхъ«, участвовалъ во времена оны, какъ гласитъ преданіе, и въ »Бесѣдѣ губителей россійскаго слова«; но не возсіяетъ ли тѣмъ ярче свѣтъ »Арзамаса«, буде и сія паршивая овца, очистясь отъ проказы, вступитъ въ наше многославное лоно?

По рядамъ »арзамасцевъ« пробѣжалъ одобрительный шопотъ.

— Никто изъ васъ, государи мои, не возражаетъ? Слѣдственно, можетъ быть приступлено неукоснительно къ требуемому искусу. Новорожденный! Ваше присутствіе въ семъ освященномъ мѣстѣ въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ уже о твердомъ вашемъ намѣреніи подвергнуться вступительнымъ испытаніямъ. Но, согласно установленному чину нашего ордена, предварительно еще вопрошаю: непреклонно и нелицепріятно ли ваше намѣреніе?

— Непреклонно и нелицепріятно! отвѣчалъ громко и явственно Василій Львовичъ.

— Да будетъ тако! »Расхищенныя шубы« князя Шутовскаго *) кого изъ нашей братіи не

*) Шуточная поэма князя Шаховскаго, направленная вообще противъ »Карамзинистовъ«, въ особенности же противъ В. Л. Пушкина.

заставили жестоко прѣть, а тѣмъ паче нашего новорожденнаго? Да будетъ же первымъ его испытаніемъ — шубное прѣніе.

»Арзамасцы« мигомъ скрылись въ передней и вернулись тотчасъ каждый съ своей шубой. Не успѣлъ »новорожденный« ахнуть, какъ былъ подхваченъ на руки, уложенъ на ближній диванъ, накрытъ шубой, а сверху заваленъ всѣми прочими шубами.

Дородный и полнокровный московскій »стихотворъ« едва не задохся подъ мѣховой грудой. Но взялся за гужъ — не говори, что не дюжъ!

Тутъ послышался надъ нимъ чей-то торжественный голосъ. Онъ узналъ голосъ секретаря »Свѣтлана«.

— Какое зрѣлище передъ очами моими? Кто сей, обремененный толиками шубами страдалецъ? Сердце мое говоритъ, что это почтенный Василій Львовичъ Пушкинъ; тотъ Василій Львовичъ, который видѣлъ въ Парижѣ не одни переулки, но г. Фонтаня и Делиля *); тотъ Василій Львовичъ, который могуществомъ генія обратилъ дороднаго Крылова въ легкокрылую малиновку **). Все это говоритъ мнѣ мое сердце. Но что же гово-

---

*) Намекъ на споръ Василья Львовича съ Шишковымъ (разсказанный нами въ »*Отроческихъ годахъ Пушкина*«) и на оправдательные стихи Василья Львовича:

»...Не улицы однѣ, не площади, не домы, —
Сенъ-Пьеръ, Делиль, Фонтанъ мнѣ были тамъ знакомы...«

**) Въ баснѣ своей »*Соловей и Малиновка*« В. Л. Пушкинъ сравниваетъ Крылова съ малиновкой.

рятъ мнѣ мои очи? Увы! Я вижу предъ собою одну только груду шубъ. Подъ сею грудою существо друга моего, орошенное хладнымъ потомъ. И другу моему не жарко. И не будетъ жарко, хотя бы груда сія возвысилась до Олимпа и давила его, какъ Этна Энцелада. Такъ точно! Сей Василій Львовичъ есть Энцеладъ: онъ славно вооружился противъ Зевеса-Шутовскаго и пустилъ въ него утесистый стихъ, раздавившій его чрево. Но что же? Сей издыхающій Зевесъ наслалъ на него, смиренно пѣшешествующаго къ »Арзамасу«, мятель »Расхищенныхъ шубъ«. И лежитъ онъ подъ страшнымъ сугробомъ шубъ прохладительныхъ. Очи его постигла курячья слѣпота »Бесѣды«; тѣло его покрыто проказою сотрудничества, и въ членахъ его пакость »Академическихъ Извѣстій«, издаваемыхъ г. Шишковымъ. О, другъ мой! Скажу тебѣ просто твоимъ же непорочнымъ стихомъ: »терпѣніе, любезный!« Сіе испытаніе, конечно, есть мзда справедливая за нѣкіе тайные грѣхи твои. Когда бы ты имѣлъ совершенную чистоту арзамасскаго Гуся, тогда бы прямо и безпрепятственно вступилъ въ святилище »Арзамаса«; но ты еще скверенъ; еще короста »Бесѣды«, покрывающая тебя, не совсѣмъ облупилась. Подъ сими шубами испытанія она отдѣлится отъ твоего состава. Потерпи, потерпи, Василій Львовичъ! Прикасаюсь рукою дружбы къ мученической главѣ твоей: Да погибнетъ ветхій Василій Львовичъ!

Да воскреснетъ другъ нашъ возрожденный »Вотъ«! Разсыпьтесь, шубы! Возстань, другъ нашъ! Гряди къ »Арзамасу«!..

При этихъ словахъ »Свѣтланы«, дружескими усиліями остальныхъ »арзамасцевъ« гора шубъ была свалена съ поверженнаго, и тотъ, тяжело переводя духъ, не безъ труда приподнялся. Но, Боже! что̀ сталось съ его новенькимъ парижскимъ нарядомъ! Что̀ сталось съ его кружевной манишкой, съ его туго-накрахмаленными жабо̀! Что̀ сталось, наконецъ, съ его франтовской прической! Измятый, встрепанный и обливаясь по̀томъ, онъ поводилъ кругомъ помутившимся взоромъ. По мановенію руки предсѣдателя, два члена поспѣшили снять съ новорожденнаго его жалкій фракъ, и, взамѣнъ того, какъ будущаго пилигрима, облекли его въ живописный хитонъ съ раковинами, украсили ему голову широкополой шляпой, а въ руки ему вложили страннический посохъ. »Свѣтлана« же продолжала между тѣмъ свою крылатую рѣчь:

— Путь твой труденъ. Ожидаетъ тебя испытаніе. (»№ 2-й!« вздохнулъ про себя Василій Львовичъ). »Чудище обло, озорно, трезѣвно и лаяй« *) ожидаетъ тебя за сими дверями. Но ты низложи сего Пиѳона, облобызай Сову правды, прикоснись къ Лирѣ мщенія, умойся водою потока

---

*) Стихъ Тредьяковскаго, котораго »арзамасцы« называли »патріархомъ славенофиловъ«.

и будешь достоинъ вкусить за трапезою отъ арзамасскаго Гуся...

Говоря такъ, Жуковскій наложилъ испытуемому на глаза повязку, взялъ его за руку и повлекъ за собою. Прогулка ихъ длилась довольно долго, по какимъ-то невѣдомымъ коридорамъ и переходамъ, съ лѣстницы на лѣстницу, то вверхъ, то внизъ. Страдавшій уже въ ту пору подагрой въ ногахъ Василій Львовичъ, за повязкой ничего передъ собой не различая, не разъ спотыкался и судорожно только держался за руку своего вожатаго.

— Куда ты ведешь меня, Василій Андреичъ? рѣшился шопотомъ справиться онъ у него.

— Въ глубокія пропасти между гіенами и онаграми халдеевъ »Бесѣды«, былъ таинственный отвѣтъ.—Яко бѣдные читатели блуждаютъ въ мрачномъ лабиринтѣ славенскихъ періодовъ, такъ и ты, другъ мой, нынѣ иносказательно бродишь по опустѣвшимъ чертогамъ сѣдой Славены и добровольно спускаешься въ бездны безвкусія и безсмыслицы.

Наконецъ, странствіе окончилось безъ особыхъ приключеній. Платокъ былъ снятъ съ глазъ Василья Львовича. Самъ онъ стоялъ въ совершенной темнотѣ; но передъ нимъ виднѣлась арка, завѣшанная ярко-оранжевой, какъ-бы огненной занавѣской.

— Прими сіе священное оружіе, братъ мой во »Арзамасѣ«, сказалъ »Свѣтлана« — Жуковскій,

подавая ему лукъ и стрѣлы. — »Чудище обло, озорно, трезѣвно и лаяй«, изможденный ликъ славенофила, иначе: дурной вкусъ, предстанетъ здѣсь передъ тобой. Ты же не страшись и повергни его во прахъ.

Невидимая рука отдернула занавѣску, — и Василій Львовичъ невольно отшатнулся. Въ двухъ шагахъ отъ него возвышалось какое-то безобразное, блѣднолицее пугало въ бѣломъ саванѣ (какъ потомъ оказалось: вѣшалка для платья, покрытая простыней и снабженная человѣческой маской).

— Смѣлѣй! стрѣляй! шепнула »Свѣтлана«.

Василій Львовичъ дрожащей рукой натянулъ тетиву, прицѣлился и пустилъ стрѣлу. За чучеломъ же былъ скрытъ казачокъ Уварова. Въ то же мгновеніе мальчикъ опрокинулъ чучело и выстрѣлилъ въ Василья Львовича въ упоръ изъ пистолета. Отъ такой неожиданности (хотя зарядъ и былъ холостой) Василій Львовичъ, какъ подстрѣленный, упалъ ничкомъ, да такъ и остался лежать, увѣренный, кажется, что онъ убитъ наповалъ.

— Не страшись, любезный странникъ! раздался тутъ надъ нимъ ободрительный голосъ »Рѣзваго кота« — Северина. — Твоему ли чистому сердцу опасаться испытаній? Тебѣ ли трепетать при видѣ пораженнаго непріятеля? Ты пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ. Какое сходство въ судьбахъ любимыхъ сыновъ Аполлона!

Ты напоминаешь намъ о путешествіи предка твоего Данта. Ведомый божественнымъ Виргиліемъ въ подземныхъ подвалахъ Плутона и Прозерпины, онъ презиралъ возрождавшіяся препятствія на пути своемъ. Гряди подобно Данту, рази безъ милосердія тѣни Мѣшковыхъ и Шутовскихъ *) и помни, что

»Прямой талантъ вездѣ защитниковъ найдетъ.«

Послѣдній стихъ, принадлежавшій самому Василью Львовичу, настолько придалъ ему опять силы, что онъ, при помощи услужливой »Свѣтланы«, »возсталъ изъ мертвыхъ«. Тогда предсѣдатель предложилъ ему приложиться губами сперва къ Лирѣ, потомъ къ Совѣ, причемъ въ обстоятельной рѣчи объяснилъ ему значеніе новаго таинства.

— Уста твои прикоснулись къ таинственнымъ символамъ, говорилъ онъ: — къ Лирѣ, конечно не Хлыстова и не Баранова, и къ Совѣ, сей вѣрной подругѣ арзамасскаго Гуся, въ которой истинные »арзамасцы« чтятъ изображеніе сокровенной мудрости. Не »Бесѣдѣ« принадлежитъ сія посланница Аѳинъ, хотя сѣдой славенофилъ и желалъ себѣ присвоить ее въ слѣдующей пѣснѣ, достойной бесѣдныхъ Анакреоновъ:

»Сидитъ сова на печи,
Крылышками треплючи,
Оченьками лопъ, лопъ,
Ноженьками топъ, топъ.«

---

*) *Мѣшковы* и *Шутовскіе* — Шишковы и Шаховскіе.

Нѣтъ! не благородная Сова, но безобразный нетопырь служитъ ему изображеніемъ, ему и всѣмъ его клевретамъ... Настала минута откровеній; приближься, почтенный »Вотъ«, новый любезный собратъ нашъ! продолжалъ предсѣдатель и вручилъ Василью Львовичу огромнаго замороженнаго гуся: — Прими же изъ рукъ моихъ истинный символъ »Арзамаса«, сего благолѣпнаго Гуся, и съ нимъ стремись къ совершенному очищенію. Въ потокѣ »Липецкомъ« *) омой остатки бесѣдныя скверны, и потомъ, съ Гусемъ въ рукахъ и сердцѣ, займи мѣсто, давно тебя ожидающее. Таинственный Гусь сей да будетъ отнынѣ всегдашнимъ твоимъ путеводителемъ. Гусь нашъ достоинъ предковъ своихъ. Тѣ спасли Капитолій отъ внезапнаго нападенія галловъ, а сей бодрственно охраняетъ »Арзамасъ« отъ нападеній бесѣдныхъ халдеевъ и щиплетъ ихъ побѣдоноснымъ своимъ клювомъ...

»Липецкія воды«, въ которыхъ предстояло теперь омыть руки и лицо новоокрещенному »Вοту«, оказались рукомойникомъ съ серебряною подъ нимъ лоханью. Обрядъ этотъ сопровождался новою рѣчью »Кассандры« — Блудова, который, восхваляя чудодѣйственную силу »Липецкихъ водъ«, въ юмористическихъ краскахъ обрисовалъ поочередно всѣхъ присутствующихъ членовъ »Арзамаса«.

---

*) Намекъ на комедію кн. Шаховскаго: »*Липецкія воды.*«

Омовеніемъ закончился искусъ, и младшій членъ общества, »Асмодей« — князь Вяземскій, за 1½ мѣсяца передъ тѣмъ только принятый въ »Арзамасъ«, произнесъ послѣднюю привѣтственную рѣчь новому сочлену:

— Непостижимы приговоры Провидѣнія! Я, юный ратникъ на полѣ жизни, младшій на поляхъ »Арзамаса«, пріемлю кого? Героя, посѣдѣвшаго въ буряхъ житейскихъ, прославившагося давно подъ знаменами вкуса, ума и — »Арзамаса«! Того, который первый водрузилъ хоругвь независимости на башняхъ халдейскихъ, первый прервалъ безмолвіе робости, первый вырвалъ перо изъ крыла безвѣстнаго еще тогда арзамасскаго Гуся, и пламенными чертами написалъ манифестъ о войнѣ съ противниками подъ именемъ посланія къ »Свѣтланѣ«.*) Приди, о мой отче! О мой сынъ, ты, побѣдившій всѣ испытанія, переплывшій бурныя пучины водъ... Судьба, отворившая тебѣ двери святилища послѣ всѣхъ и, такъ-сказать, замыкающая тобой торжественный рядъ арзамасскихъ Гусей, хотѣла оправдать знаменитое предсказаніе, что нѣкогда первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми. Такъ! Ты будешь Староста »Арзамаса«. Благодарность и осторожность вручатъ тебѣ патріар-

*) Здѣсь разумѣется упомянутое уже въ первой нашей повѣсти стихотворное посланіе В. Л. Пушкина къ Жуковскому, служившее отвѣтомъ на ожесточенные нападки Шишкова.

хальный посохъ. Арзамасскій Гусь пріосѣнитъ чело твое покровительственнымъ крыломъ...

Окончаніе рѣчи члена »Асмодея« пропало въ сумбурѣ голосовъ всѣхъ »арзамасцевъ«, которые, обступивъ Василья Львовича, съ непритворнымъ уже радушіемъ поздравляли его съ званіемъ старосты »Арзамаса«. Натѣшившись надъ простоватымъ московскимъ пріятелемъ своимъ, они, казалось, вполнѣ чистосердечно жали ему руку, троекратно лобызались съ нимъ, потому что за его открытый, добрый нравъ всѣ отъ души были къ нему расположены.

— Теперь, дорогой собратъ нашъ »Вотъ«, возгласилъ предсѣдатель, — очередь говорить за тобой: тебѣ предстоитъ славный подвигъ отпѣть твоего покойнаго предмѣстника по »Бесѣдѣ«. Но какъ симъ предмѣстникомъ былъ ты же самъ, то и отпѣть ты имѣешь самого себя.

Василій Львовичъ, приготовившій уже подобающее отвѣтное слово, сперва немного какъ-бы опѣшилъ. Но надо было выдержать роль до конца. Зайдя на другую сторону стола, онъ принялъ изящную ораторскую позу и развязно началъ такъ:

— Правила почтеннѣйшаго нашего сословія повелѣваютъ мнѣ, любезнѣйшіе арзамасцы, совершить себѣ самому надгробное отпѣваніе. Но — я не почитаю себя умершимъ! Напротивъ того, я воскресъ: ибо нахожусь посреди васъ; я воскресъ, ибо навсегда оставляю мертвыхъ умомъ и чувствами...

— Очень хорошо! Прекрасно сказано! раздалось кругомъ.

Ораторъ окинулъ присутствующихъ орлинымъ взглядомъ и, искусно перейдя къ длинноухимъ Мидасамъ »Бесѣды«, прочелъ теперь заранѣе приготовленную литью мнимо-усопшему »бесѣдчику« князю Шихматову. Похоронивъ его, онъ обратился снова къ присутствующимъ:

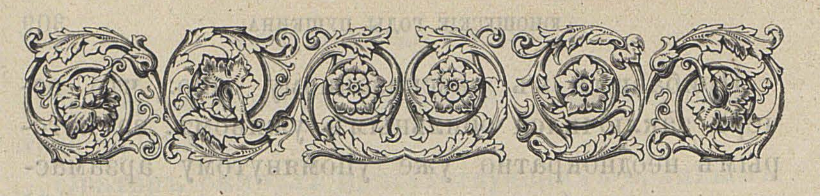
— Почтеннѣйшіе сограждане »Арзамаса«! Я не буду исчислять подвиговъ вашихъ. Они всѣмъ извѣстны. Я скажу только, что каждый изъ васъ приводитъ сочлена »Бесѣды« въ содроганіе, точно такъ, какъ каждый изъ нихъ производитъ въ собраніи нашемъ смѣхъ и забаву. Да вѣчно сіе продолжится! Пусть сычи вѣчно останутся сычами: мы вѣчно будемъ удивляться многоплоднымъ ихъ произведеніямъ, вѣчно отпѣвать ихъ, вѣчно забавляться ихъ трагедіями, плакать и зѣвать отъ ихъ комедій, любоваться нѣжностію ихъ сатиръ и колкостію ихъ мадригаловъ. Вотъ чего я желаю и чего вы, любезнѣйшіе товарищи, должны желать непрестанно для утѣшенія и чести »Арзамаса«.

Замѣчательныя въ своемъ родѣ рѣчи этого достопамятнаго вечера не пропали для потомства: князь Вяземскій занесъ ихъ отъ слова до слова въ свою записную книжку и поставилъ насъ, такимъ образомъ, въ возможность дословно (съ нѣкоторыми только сокращеніями) привести ихъ въ нашемъ правдивомъ повѣствованіи.

Прибавимъ къ разсказанному одно: что вечеръ заключился обильнымъ ужиномъ, за которымъ неоднократно уже упомянутому арзамасскому гусю (конечно, въ жареномъ уже видѣ) была оказана полная честь, старостѣ »Арзамаса« »Воту« были принесены самые задушевные тосты, а заклятому врагу его князю Шаховскому пропѣта хоромъ сочиненная Дашковымъ кантата, каждый куплетъ которой заканчивался припѣвомъ:

»Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!«

Глава XIX.

Опять дядя и племянникъ.

»Звѣрь началъ фыркать, издали обнюхивая своего гостя, и вдругъ, поднявшись на заднія лапы, пошелъ на него. Французъ не смутился, не побѣжалъ... вынулъ изъ кармана маленькій пистолетъ, вложилъ его въ ухо голодному звѣрю и выстрѣлилъ.«

(Дубровскій.)

Могъ ли ожидать почтенный староста »Арзамаса« послѣ описаннаго торжества своего, что родной племянникъ его, 16-ти лѣтній школьникъ, осмѣлится подмѣтить въ этомъ торжествѣ одну лишь оборотную сторону?

Отчасти виноватъ въ томъ, правда, былъ »Свѣтлана« — Жуковскій. Недолго послѣ того »арзамасскаго вечера«, онъ навѣстилъ опять своего молодаго друга въ Царскомъ Селѣ и былъ самъ въ такомъ рѣдко-счастливомъ настроеніи духа, что почти безъ настояній со стороны Пушкина, чрезвычайно картинно воспроизвелъ передъ его глазами всѣ фазисы тор-

жества и даже произнесъ цѣлыя тирады изъ сказанныхъ рѣчей. Пушкинъ хохоталъ до упаду.

— Но какія же, скажи, преимущества дяди, какъ старосты »Арзамаса«? спросилъ онъ.

— О! весьма существенныя, съ важностью отвѣчалъ Жуковскій: — когда онъ присутствуетъ въ засѣданіи, то мѣсто его — рядомъ съ предсѣдателемъ; когда же отсутствуетъ, то — въ сердцахъ друзей; вѣщій гласъ его въ »Арзамасѣ« имѣетъ силу трубы и пріятность флейты; подпись его на протоколахъ отмѣчается приличною званію размашкою, и прочее, и прочее.

— Мнѣ, право, немного жаль дяди. Неужели онъ такъ и не замѣтилъ, что вы надъ нимъ подтрунивали?

— Да вѣдь, голубчикъ, все отъ чистаго сердца, а у него оно еще добрѣе.

— Но въ концѣ концовъ вамъ нельзя же будетъ скрыть отъ него, что другіе члены принимаются безъ такихъ Дантовскихъ мученій?

— Напротивъ, все уже шито и крыто. Вяземскій увѣрилъ его, что онъ также прошелъ чрезъ тѣ-же мытарства.

— Ну, а на будущее время?

— На будущее время ихъ уже не будетъ: въ виду тѣхъ мукъ, которыя испыталъ Василій Львовичъ при своемъ искусѣ и которыя онъ преодолѣлъ только благодаря силѣ своего духа,— всѣ гуси единогласно постановили: впредь новыхъ

гусей принимать безъ искуса, какъ для нихъ тягостнаго, а для старыхъ гусей убыточнаго.

— Гусей? переспросилъ Пушкинъ.

— Ну, да, арзамасскихъ гусей, т. е. членовъ. Такъ мы выбрали уже нашими почетными гусями: Нелединскаго, Дмитріева, Карамзина...

— Даже Карамзина?

— Онъ лично благодарилъ насъ за честь.

— Такъ онъ развѣ теперь въ Петербургѣ?

— Да, онъ пріѣхалъ изъ Москвы представить государю восемь готовыхъ уже томовъ своей »Исторіи Государства Россійскаго«. Ахъ, милый мой, что это за свѣтлая личность! Мнѣ какъ-то необыкновенно пріятно даже объ немъ думать и говорить. У меня въ душѣ, можно сказать, есть особенное хорошее свойство, которое называется Карамзинымъ: тутъ соединено все, что есть во мнѣ добраго и лучшаго. Недавно я провелъ у него самый пріятный вечеръ. Онъ читалъ намъ описаніе взятія Казани. Какое совершенство! и какая эпоха для русскаго — появленіе этой исторіи! По сію пору наши предки были для насъ только мертвыми муміями, и всѣ исторіи русскаго народа, извѣстныя доселѣ, можно назвать только гробами, въ которыхъ мы видѣли лежащими эти безобразныя муміи. Теперь, благодаря Карамзину, онѣ оживаютъ, подымаются и получаютъ привлекательный, величественный образъ...

— Еслибы мнѣ самому удалось тоже увидѣть опять его! сказалъ Пушкинъ.

— А онъ, кажется, собирался на обратномъ пути въ Москву завернуть сюда къ тебѣ.

— Да? И ты, Василій Андреичъ, тоже заѣдешь вмѣстѣ съ нимъ?

— Не могу, другъ мой, потому что не буду уже въ Петербургѣ.

— Но ты ожидалъ, вѣдь, пристроиться при дворѣ?

— И пристроился.

— Пристроился? И молчишь до сихъ поръ!

— Императрица Марія Ѳеодоровна была такъ милостива, что назначила меня своимъ чтецомъ. Но... я все еще не могу привыкнуть къ придворной сферѣ; меня все тянетъ домой, къ своимъ; и вотъ, на дняхъ я собираюсь къ нимъ въ Дерптъ.

И точно, Жуковскій болѣе года провелъ въ тѣсномъ семейномъ кругу въ Дерптѣ и только въ концѣ 1817 г. возвратился въ Петербургъ, когда былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка великой княгини (впослѣдствіи императрицы) Александры Ѳеодоровны.

Какъ предупредилъ уже Жуковскій, вскорѣ послѣ него, именно въ концѣ марта, Пушкина въ Царскомъ Селѣ, дѣйствительно, навѣстилъ Карамзинъ, а вмѣстѣ съ нимъ и возвращавшіеся также въ Москву Василій Львовичъ и князь Вяземскій.

Карамзина Пушкинъ видѣлъ въ послѣдній разъ 4 года назадъ въ Москвѣ въ родительскомъ домѣ и хорошо еще помнилъ. Князя Вяземскаго, который у нихъ бывалъ рѣже и, какъ человѣкъ молодой, значительно возмужалъ, онъ почти не узналъ. Будучи мальчикомъ, Пушкинъ не интересовался особенно ни тѣмъ, ни другимъ. Въ настоящее время, самъ выступивъ на литературное поприще, онъ глядѣлъ на нихъ во всѣ глаза.

Карамзину въ декабрѣ мѣсяцѣ минуло ровно 50 лѣтъ, но онъ за послѣдніе 4 года почти не измѣнился. Только волосы, зачесанные съ боковъ на верхъ головы, сильнѣе прежняго серебрились, да двѣ характеристичныя морщины по угламъ рта врѣзались какъ-будто глубже. Благородное, спокойно-доброе лицо его съ высокимъ, открытымъ лбомъ и правильнымъ римскимъ носомъ, было попрежнему удивительно-привлекательно; серьезно-улыбающіяся губы его не умѣли, казалось, принять недовольное выраженіе; а изъ задумчиво-выразительныхъ глазъ глядѣла самая свѣтлая, чистая душа. Съ первой же встрѣчи съ этимъ человѣкомъ нельзя было не исполниться къ нему безотчетнаго уваженія и довѣрія.

Князь Вяземскій, лѣтами хотя и болѣе чѣмъ вдвое его моложе (ему минуло только 23 года), былъ на видъ не менѣе его солиденъ. Высокаго роста, плечистый и коренастый, онъ, словно сознавая свою богатырскую мощь, двигался медленно въ развалку и, разъ удобно гдѣ-нибудь

усѣвшись, не перемѣнялъ уже своего положенія. Зато въ умныхъ глазахъ его часто вспыхивалъ яркій огонекъ; насмѣшливо-улыбающіяся губы его раскрывались только для мѣткихъ и дѣльныхъ замѣчаній. Сойдясь съ нимъ впослѣдствіи на дружескую ногу, Пушкинъ такъ нарисовалъ его портретъ:

»Судьба свои дары явить желала въ немъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И простодушіе съ язвительной улыбкой.«

На сдѣланный Пушкинымъ Карамзину обычный вопросъ вѣжливости о здоровьи его жены и дѣтей, ясныя черты исторіографа слегка омрачились.

— Ты, можетъ быть, не слышалъ, сказалъ онъ, — что мы въ ноябрѣ мѣсяцѣ схоронили нашу милую дочь Наташу?

— Ни слова!

— Всѣ дѣти у насъ переболѣли скарлатиной; но Наташа не перенесла болѣзни...

Карамзинъ подавилъ вздохъ и, отвернувшись къ окошку, забарабанилъ пальцами по стеклу.

— Но вашъ серьезный трудъ долженъ бы, кажется, помочь вамъ забыть вашу потерю? счелъ нужнымъ выразить свое соболѣзнованіе Пушкинъ.

— Ахъ, милый мой!.. Жить не значитъ — писать исторію, писать стихи или комедію, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйство-

вать, любить добро и возвышаться къ нему душою; все другое — шелуха, не исключая и моихъ восьми томовъ исторіи. Чѣмъ болѣе живешь, тѣмъ болѣе уясняется тебѣ цѣль жизни...

— Ну, полно, Николай Михайлычъ, сказалъ Василій Львовичъ, дружески хлопая опечаленнаго по плечу. — Лучше поговоримъ о твоихъ успѣхахъ. Знаешь-ли, Александръ, что государь далъ Николаю Михайлычу 60 тысячъ на напечатаніе его исторіи и пожаловалъ ему Анненскую ленту черезъ плечо!

— Послѣднее даже было лишнее... вставилъ отъ себя Карамзинъ.

— Ну, нѣтъ, не говори. И это, братецъ ты мой, еще не все, съ одушевленіемъ продолжалъ Василій Львовичъ, обращаясь къ племяннику: — смертельный врагъ его и всѣхъ насъ, »арзамасцевъ«, Александръ Семенычъ Шишковъ, расшаркнулся передъ нимъ и призналъ себя побѣжденнымъ.

— Вотъ это, точно, блистательная побѣда! Гдѣ-жъ это было?

— А у старика Державина. Разскажи-ка самъ, Николай Михайлычъ.

— Гаврила Романычъ пригласилъ меня на обѣдъ, началъ Карамзинъ. — Оказалось, что онъ позвалъ и друга своего Шишкова. Тотъ, когда насъ представили другъ другу, какъ-будто смутился.

»— Люди, которые не знаютъ коротко ни

васъ, ни меня, сказалъ я ему, — вздумали приписать мнѣ вражду къ вамъ. Я не способенъ къ враждѣ; напротивъ того, я привыкъ питать искреннее уваженіе къ добросовѣстнымъ писателямъ, которые трудятся для общей пользы, хотя и не сходятся со мною въ нѣкоторыхъ убѣжденіяхъ. Я не врагъ вашъ, а ученикъ, потому что многое, высказанное вами, было мнѣ полезно...

»— Я ничего не сдѣлалъ... пробормоталъ Шишковъ сквозь зубы; но судя по тому, какъ онъ встрѣчался потомъ со мною, надо думать, что онъ относится теперь снисходительнѣе ко мнѣ, хотя я дружу по-прежнему съ »арзамасцами«.

— Ахъ, кстати, дядя, замѣтилъ Пушкинъ, — васъ можно поздравить какъ старосту »Арзамаса«?

Василій Львовичъ окинулъ столпившуюся кругомъ лицейскую молодежь сіяющимъ взглядомъ.

— А до васъ сюда тоже слухъ уже дошелъ? М-да, добавилъ онъ съ самодовольною скромностью. — Теперь хоть сейчасъ въ гробъ лягу не поморщась; надъ могилой же моей вы, племянники мои, можете начертать ту самую эпитафію, что̀ начерталъ Бѣлосельскій*) на смерть моего тески, а своего камердинера:

---

*) *Князь Александръ Михайловичъ Бѣлосельскій*, вельможа временъ Павла I и Александра I, оберъ-шенкъ, посланникъ въ Дрезденѣ и Туринѣ, композиторъ оперетки: »*Олинька*« и сочинитель многихъ французскихъ и русскихъ стиховъ.

»Подъ камнемъ симъ лежитъ признательный Василій:
Миръ и покой ему отъ всѣхъ земныхъ насилій!«

— Можно начертать и варіантъ, неосторожно сострилъ Александръ: — »Подъ шубой сей лежитъ«... или еще лучше: »Подъ чучеломъ лежитъ нашъ дядюшка Василій«...

Насмѣшка была слишкомъ прямолинейна: даже простодушнѣйшій Василій Львовичъ понялъ ее и насупился. Князь Вяземскій счелъ нужнымъ выступить посредникомъ.

— Жуковскій, видно, разболталъ вамъ объ искусѣ дяди? спросилъ онъ Пушкина.

— Да, разсказалъ...

— Ну, вотъ. А лавры нашей »Свѣтланы« прельстили, очевидно, молодаго человѣка. Есть-ли на свѣтѣ человѣкъ милѣе нашего Василья Андреича? И что же? онъ, чувствительнѣйшій »балладникъ«, »гробовыхъ дѣлъ мастеръ«, въ то-же время нашъ первый гусляръ и скоморохъ, »шуточныхъ и шутовскихъ дѣлъ мастеръ«.

— То поэтъ самой чистой воды: ему простительно, съ важностью отозвался Василій Львовичъ: — а у этого и молоко-то на губахъ не обсохло...

— Однако, тоже поэтъ, тоже попадетъ скоро въ вашъ »Арзамасъ«! неожиданно вступился за товарища Кюхельбекеръ.

— Кто? Александръ-то? Французъ, какъ вы сами его здѣсь прозвали?

— Я, дядя, пишу теперь почти-что только

по-русски... возразилъ съ своей стороны племянникъ, котораго отъ словъ дяди вогнали въ краску.

— Да что пишешь-то? продолжалъ въ томъже высокомѣрномъ тонѣ Василій Львовичъ. — Накропалъ пару какихъ-то жалкихъ одъ и вообразилъ себя тоже поэтомъ. На такихъ скороспѣлыхъ поэтиковъ у меня давно сложена эпиграмма:

»Какой-то стихотворъ (довольно ихъ у насъ)
Послалъ двѣ оды на Парнасъ.
Онъ въ нихъ описывалъ красу природы, неба,
Цвѣтъ розо-желтый облаковъ,
Шумъ листьевъ, вой звѣрей, ночное пѣнье совъ,
И милости просилъ у Феба.
Читая, Фебъ зѣвалъ и наконецъ спросилъ:
»Какихъ лѣтъ стихотворецъ былъ,
И оды громкія давно-ли сочиняетъ?«
— Ему пятнадцать лѣтъ, Эрата отвѣчаетъ.
»Пятнадцать только лѣтъ?« — Не болѣе того.—
»Такъ розгами его!«

Эпиграмма видимо понравилась большинству лицеистовъ: они со смѣхомъ оглянулись на молодаго Пушкина: что-то онъ еще скажетъ?

— Эпиграмма была бы хоть куда, заговорилъ Александръ, и въ голосѣ его прозвенѣла уже задорная нотка, — еслибы только...

— Еслибы что? Ну, говори! приступилъ къ нему дядя.

— Еслибы она была вдвое короче.

— Что?!

— Первое условіе эпиграммы — сжатость, лаконизмъ.

— Скажите, пожалуйста! Лаконизмъ! Тоже критикъ нашелся! Хотѣлъ бы я знать, какъ ты выразился бы короче?

— Дайте мнѣ десять минутъ — напишу.

— Десять минутъ? Ха! Изволь, дружокъ. Нà вотъ тебѣ бумагу (Василій Львовичъ досталъ свою карманную книжку и вырвалъ листокъ); нà карандашъ. Садись сейчасъ и пиши.

Всѣхъ присутствующихъ сильно заняло стихотворное состязаніе между дядей и племянникомъ. Даже Карамзинъ, бесѣдовавшій въ сторонѣ съ лицеистомъ Ломоносовымъ, котораго зналъ еще по Москвѣ, подошелъ теперь узнать о предметѣ спора. Пока Александръ присѣлъ къ столу, чтобы рѣшить мудреную задачу, Василій Львовичъ вынулъ часы и, не отрываясь, слѣдилъ за движеніемъ минутной стрѣлки.

— Семь минутъ прошло... бормоталъ онъ про себя. — Восемь минутъ...

— Готово! объявилъ племянникъ, вскакивая изъ-за стола.

— Покажи-ка сюда, сказалъ тутъ Карамзинъ и отобралъ у него листокъ. Въ слѣдующую минуту, не говоря ни слова, онъ скомкалъ въ кулакѣ бумагу и съ нѣмымъ укоромъ взглянулъ въ глаза молодому поэту. Тотъ, молча же, потупился.

Всѣ поняли, что стихотворная шутка зашла уже черезчуръ далеко. Понялъ это и Василій Львовичъ. Схвативъ шапку, онъ съ какимъ-то

ожесточеніемъ на-скоро сталъ прощаться. Произошелъ общій переполохъ. Всѣ лицеисты чувствовали себя передъ нимъ какъ-бы виноватыми и любезно проводили его съ лѣстницы. Одинъ старшій племянникъ его только остановился на верхней площадкѣ; да и тутъ онъ отвернулся къ окну и совершенно, казалось, погрузился въ созерцаніе валившаго съ неба густаго снѣга.

Вдругъ кто-то сзади тронулъ его за руку. Онъ быстро обернулся. Передъ нимъ стоялъ Карамзинъ.

— Я возвратился къ тебѣ вотъ за чѣмъ, серьезно заговорилъ онъ: — дай мнѣ слово, Александръ, не печатать этой эпиграммы?

— Никогда? спросилъ Пушкинъ.

— Да... или, по крайней мѣрѣ, не при жизни дяди.

— Обѣщаюсь.

— Я вѣрю тебѣ, сказалъ Карамзинъ и, кивнувъ ему головой, опять спустился внизъ.

»Какая же то была эпиграмма?« спроситъ, можетъ быть, читатель.

По всѣмъ признакамъ, эпиграмма была та самая, которая, вслѣдъ за смертью Василья Львовича, въ 1830 году, появилась въ »Сѣверныхъ Цвѣтахъ« и въ первыхъ четырехъ строкахъ которой вполнѣ было выражено то же, на что Василью Львовичу потребовалось не менѣе двѣнадцати строкъ:

»Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ.
—»Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лѣтъ ему, вопросъ?«
— Пятнадцать. — »Только-то? Эй, розгу!«

Послѣдовавшему вскорѣ примиренію дяди съ племянникомъ, очень можетъ быть, способствовали какъ Карамзинъ, такъ и князь Вяземскій, съ которымъ молодой Пушкинъ со встрѣчи въ лицеѣ вступилъ въ переписку, а съ 1817 года былъ уже на ты. Но первый шагъ къ примиренію былъ сдѣланъ самимъ Александромъ. Къ Свѣтлому празднику 1816 года онъ послалъ дядѣ въ Москву свое стихотвореніе »Желаніе«:

»Христосъ воскресъ, питомецъ Феба!...«

Въ отвѣтъ на это Василій Львовичъ (отъ 17 апрѣля) писалъ ему, между прочимъ:

»Благодарю тебя, мой милый, что ты обо мнѣ вспомнилъ. Письмо твое меня утѣшило, и точно сдѣлало съ праздникомъ... Я хотѣлъ было отвѣчать тебѣ стихами но съ нѣкоторыхъ поръ Муза моя стала очень лѣнива, и ее тормошить надобно, чтобъ вышло что-нибудь путное. Вяземскій тебя любитъ и писать къ тебѣ будетъ. Николай Михайловичъ (Карамзинъ) въ началѣ мая отправляется въ Царское Село. Люби его, слушайся и почитай. Совѣты такого человѣка послужатъ къ твоему добру и, можетъ быть, къ пользѣ нашей словесности. Мы отъ тебя многаго ожидаемъ... Ты — сынъ Сергѣя Львовича и братъ мнѣ по Аполлону. Этого довольно...«

Если дядя жаловался на свою лѣнь, то и племянникъ не остался передъ нимъ въ этомъ отношеніи въ долгу. Отвѣтилъ онъ ему только спустя восемь мѣсяцевъ, къ новому 1817 году, извѣстнымъ полустихотворнымъ письмомъ:

»Тебѣ, о Несторъ »Арзамаса«,
Въ бояхъ воспитанный поэтъ,
Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
На страшной высотѣ Парнаса,
Защитникъ вкуса, грозный »*Вотъ*«!
Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ
Веселья прежняго желанье
И слабый сердца переводъ —
Въ стихахъ и прозою посланье.

»Въ письмѣ вашемъ вы назвали меня братомъ; но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ.

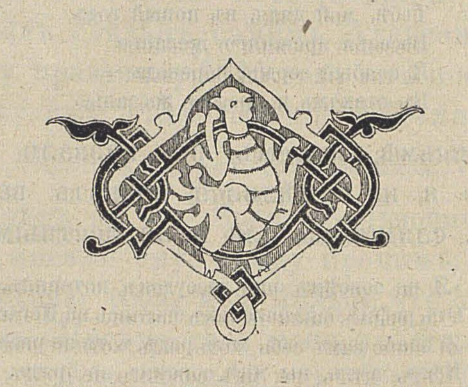
»Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
Отъ рифмъ бакхическихъ шатаясь на Пегасѣ:
Я знаю самъ себя, хоть радъ, хотя не радъ...
Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братъ:
Вы дядя мнѣ и на Парнасѣ.

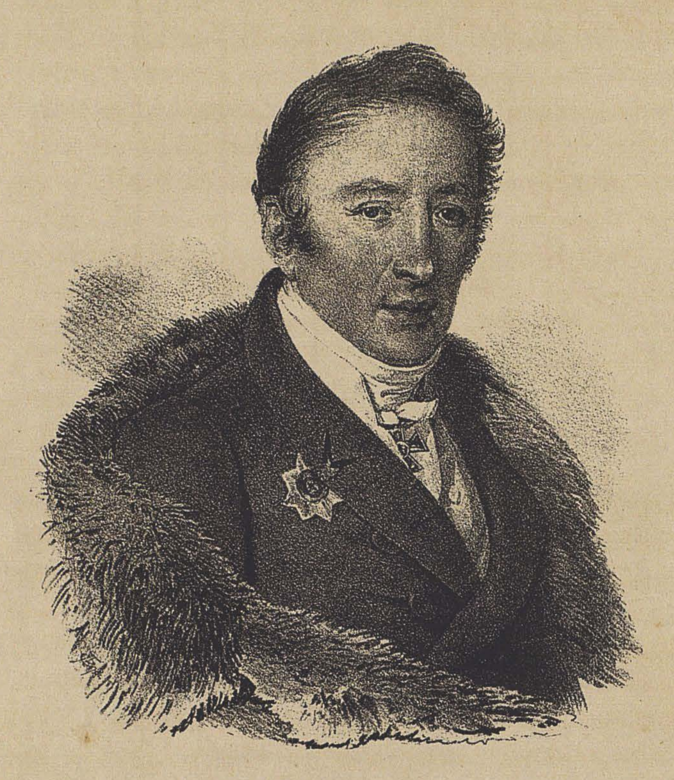
»Кажется, что судьбою опредѣлены мнѣ только два рода писемъ — обѣщательныя и извинительныя: первыя въ началѣ годовой переписки, а послѣднія при послѣднемъ ея издыханіи...

»Но вы, которые умѣли
Простыми пѣснями свирѣли
Красавицъ нашихъ воспѣвать.
И съ гнѣвной музой Ювенала
Глухаго варварства начала
Сатирой грозной осмѣять;
О вы, которые умѣли
Любить, обѣдать и писать,

Скажите искренно: ужели
Вы не умѣете прощать?...«

Такое благозвучное покаяніе племянника разсѣяло, кажется, послѣднюю тѣнь неудовольствія стихотворца-дяди.

Николай Михайловичъ Карамзинъ.
1766—1826.

Дозв. ценз. Спб., 7 окт. 1887. Тип. Эд. Гоппе, Возн. пр

Глава XX.

Карамзинъ.

»Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія,
Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ Музъ любимый
И блѣдной зависти предметъ неколебимый...«
(Посланіе къ Жуковскому.)

Весною 1816 года, именно 24-го мая, Карамзинъ, по приглашенію императора Александра, переселился съ семействомъ своимъ изъ Москвы въ Царское Село. Разъ, въ воскресенье, за утреннимъ чаемъ, Пушкину подали отъ него записку. Сообщая о своемъ переѣздѣ, Карамзинъ звалъ поэта-лицеиста къ себѣ за-просто отобѣдать, вмѣстѣ съ товарищемъ его Ломоносовымъ.

Въ глазахъ Пушкина вспыхнулъ огонь удовлетвореннаго самолюбія. На что ему теперь этотъ Энгельгардтъ, когда Карамзинъ проситъ его къ себѣ?

И онъ съ какою-то, почти злорадною гордостью разсказывалъ всѣмъ и каждому о полученномъ

имъ приглашеніи. Особенно завидовалъ ему такой же поэтъ, Дельвигъ, которому очень, казалось, хотѣлось посмотрѣть на знаменитаго писателя и исторіографа въ его домашнемъ быту.

Изъ-за чайнаго стола Пушкинъ прямо направился въ библіотеку, а оттуда, съ томомъ сочиненій Карамзина подъ мышкой, удалился въ паркъ. Здѣсь же, спустя нѣсколько часовъ, отыскалъ его другой приглашенный, Ломоносовъ.

— Экъ зачитался! сказалъ тотъ. — Что это у тебя? Такъ и есть: »Бѣдная Лиза«!

— Да вѣдь надо же было нѣсколько подготовиться, такъ-сказать...

— Къ предстоящему экзамену? усмѣхнулся Ломоносовъ. — Однако, пора, братъ; идемъ.

По приказанію государя, Карамзинымъ былъ отведенъ въ царскомъ паркѣ маленькій китайскій домикъ. Когда юноши наши (принаряженные, разумѣется, въ свою праздничную форму) подошли къ цвѣточному садику, разведенному передъ домомъ Карамзиныхъ, и только-что раскрыли калитку, — на нихъ, изъ-за куста сирени, съ гамомъ и визгомъ налетѣла ватага дѣтей. Пушкинъ во-время посторонился, чтобы не быть сбитымъ съ ногъ бѣжавшею впереди дѣвочкою-подросткомъ, за которой гнались остальныя, меньшаго возраста дѣти.

— Сонюшка! невольно вскричалъ онъ, потому что въ хорошенькой дѣвочкѣ, хотя еще носившей короткое платьице, но стройной и довольно уже

высокой, узналъ 14-ти-лѣтнюю, старшую дочь Карамзина, отъ перваго его брака.

Сонюшка остановилась и, задыхаясь еще отъ бѣга, большими удивленными глазами уставилась на незнакомаго ей лицеиста.

— Вы не узнаёте меня, Сон... Софья Николаевна? поправился онъ.

И безъ того раскраснѣвшееся личико дѣвочки залило огненнымъ румянцемъ до корней волосъ.

— Ахъ, Пушкинъ... пролепетала она и упорхнула мимо него птичкой обратно къ дому.

Задержанная на бѣгу вмѣстѣ съ нею орава малолѣтокъ шумно помчалась вслѣдъ за нею.

— Это вы, Пушкинъ? привѣтствовалъ молодаго гостя по-французски съ балкона звучный женскій голосъ, и подошедшіе къ дому лицеисты увидѣли на низенькомъ балконѣ, за столикомъ, уставленнымъ серебрянымъ кофейнымъ сервизомъ, двухъ лицъ: цвѣтущую и очень видную изъ себя, среднихъ лѣтъ даму, хозяйку дома, Екатерину Андреевну Карамзину *), и молоденькаго, но не по лѣтамъ серьезнаго усача лейбъ-гусара, Петра Яковлевича Чаадаева, какъ узнали они вслѣдъ затѣмъ изъ рекомендаціи хозяйки.

На вопросъ юношей: »какъ здоровье Николая Михайловича?«, Екатерина Андреевна холодно

---

*) Вторая жена исторіографа, урожденная *княжна Вяземская*; первой женой его была *Елисавета Ивановна Протасова*, умершая въ 1802 году и оставившая ему одну дочь, Сонюшку.

поблагодарила и объяснила, что до обѣда мужъ ея всегда занятъ и не выходитъ изъ кабинета. Наливъ затѣмъ обоимъ по чашечкѣ кофею, она, повидимому, сочла свои обязанности въ отношеніи къ нимъ оконченными и, не обращая уже на нихъ никакого вниманія, возобновила прерванную съ Чаадаевымъ живую французскую болтовню.

Пушкинъ украдкой перемигнулся съ Ломоносовымъ: »смотри, молъ, какъ важничаетъ!«, однако невольно самъ заинтересовался бесѣдой или, вѣрнѣе сказать, однимъ изъ бесѣдующихъ, Чаадаевымъ. Не будь на немъ военной формы, Чаадаева можно было бы принять за флегматическаго англійскаго лорда; а его рѣшительные, часто глубокомысленные отзывы о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, его обдуманные, осмысленные разсказы о пребываніи его за-границей обличали въ немъ не только бывалаго, всесторонне-образованнаго, но и ученаго человѣка.

Пушкинъ не вытерпѣлъ и вмѣшался въ разговоръ. Мѣткія и остроумныя замѣчанія поэта-лицеиста, должно быть, обратили также вниманіе Чаадаева, потому что тотъ болѣе чѣмъ съ обыкновенною свѣтскою любезностью удовлетворялъ его любознательность относительно заграничной жизни.

Такъ незамѣтно подошло время обѣда. Всѣ собрались въ столовой. Показался изъ своего кабинета и хозяинъ-исторіографъ и съ неизмѣн-

ной своей, спокойной привѣтливостью поздоровался съ гостями. Въ началѣ обѣда всѣ предались главному занятію — утоленію голода, и самый разговоръ вращался около пищи. Когда всѣмъ подали къ бульону горячихъ пирожковъ, Николаю Михайловичу поставили тарелку вареннаго рису.

— Безъ рису мнѣ супъ не въ супъ, объяснилъ онъ гостямъ, подмѣшивая въ бульонъ ложку рису. — Рисъ, рюмка портвейна, да стаканъ пива изъ горькой квассіи — вотъ ежедневная приправа къ моему обѣду; а на ночь пара печеныхъ яблокъ — вотъ мой десертъ.

— Съ нимъ у меня просто горе, пожаловалась Екатерина Андреевна Чаадаеву на мужа: — самыя любимыя блюда мои бракуетъ, да и ѣстъто, какъ птичка, два зернышка.

— Вамъ бы, Николай Михайлычъ, брать примѣръ съ Крылова, развязно подхватилъ Пушкинъ: — я слышалъ отъ Жуковскаго, что они обѣдали разъ вмѣстѣ въ Павловскѣ у императрицы Маріи Ѳеодоровны. Крыловъ всякаго кушанья наваливалъ себѣ полную тарелку.

»— Да откажись хоть разъ, Иванъ Андреичъ, шепнулъ ему Жуковскій: — дай государынѣ возможность попотчивать себя.

»— А ну, какъ не попотчуетъ? отвѣчалъ Иванъ Андреичъ и продолжалъ накладывать себѣ на тарелку: — синица въ рукѣ все же вѣрнѣе журавля въ небѣ.«

— Какъ это характеризуетъ этого гиппопотама! замѣтила Екатерина Андреевна, удостоивъ улыбкой разсказъ Пушкина, тогда какъ другіе взрослые смѣялись, а дѣти громко хохотали. — Ч-ш-ш! будьте же тише, дѣти!

— Нѣтъ, за Иваномъ Андреичемъ мнѣ не угоняться, добродушно отозвался Карамзинъ. — Да и дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ пищи. Для строгаго труда нужна и строгая діэта. Встаю я всегда рано, на тощакъ отправляюсь гулять пѣшкомъ или верхомъ, и зимой, и лѣтомъ, какова бы ни была погода. Выпивъ затѣмъ двѣ чашки кофею, выкуривъ трубку моего кнастеру, я сажусь за работу и не разгибаю спины вплоть до обѣда. Тàкъ я сохраняю свое здоровье, которое мнѣ нужно не столько для себя, не столько даже для моей семьи, сколько для моего усидчиваго кабинетнаго труда.

— Я, папа, себѣ и представить не могу, чтобы вы были тоже когда-нибудь маленькимъ! рѣшилась ввернуть свое слово любимица его Сонюшка.

— А между тѣмъ, представь: я былъ когда-то даже еще меньше тебя!

Шутка его снова развеселила всѣхъ за столомъ.

— Право? разсмѣялась Сонюшка и, тотчàсъ покраснѣвъ, робко оглянулась на мачиху и молодыхъ гостей. — Но, вѣрно же, папа, вы были не такимъ ребенкомъ, какъ мы?

— Кое въ чемъ, милая, я, точно, можетъ быть, отличался отъ другихъ дѣтей. Очень рано лишившись матери, я не зналъ ея ласкъ и былъ предоставленъ самъ себѣ. Книги сдѣлались для меня высшимъ наслажденіемъ. Помнится, еще лѣтъ 8-ми—9-ти отъ роду, читая въ первый разъ римскую исторію, я воображалъ себя то маленькимъ Сципіономъ, то Ганнибаломъ. Когда же мнѣ какъ-то попался въ руки »Донъ-Кихотъ«, я въ одинъ темный и бурный вечеръ прокрался въ горницу, гдѣ хранился у насъ разный старый хламъ, разыскалъ ржавую саблю, заткнулъ ее себѣ за кушакъ и отправился на гумно — искать приключеній съ злыми духами. Но чѣмъ дальше, тѣмъ жутче мнѣ становилось. Помахалъ я этакъ саблей по воздуху и — съ замирающимъ сердцемъ обратился вспять. Но подвигъ мой казался мнѣ тогда немалымъ!

— Однако, не потому-ли именно, Николай Михайлычъ, что съ дѣтства уже побужденія ваши были всегда самыя безкорыстныя, возвышенныя, и всѣ сочиненія ваши проникнуты насквозь тѣмъ-же человѣколюбивымъ, высоко-нравственнымъ духомъ? почтительно замѣтилъ Чаадаевъ.— Я самъ, можно сказать, вскормленъ на вашемъ »Дѣтскомъ Чтеніи«, на вашихъ »Аглаяхъ« и »Аонидахъ«. А послѣ, когда вы стали издавать »Вѣстникъ Европы«, — съ какимъ нетерпѣніемъ, скажу я вамъ, ожидалъ я всякую книжку этого журнала въ розовой обертке! Вы,

Николай Михайлычъ, пріохотили насъ, русскихъ, къ чтенію — къ чтенію и размышленію; вы создали нашъ литературный языкъ и нашу читающую публику!

— Вся заслуга моя въ томъ, скромно отвѣчалъ Николай Михайловичъ, — что я прислушивался къ живой русской рѣчи и старался писать возможно проще, а также возможно занимательнѣй. Правила языка не изобрѣтаются, а въ немъ уже существуютъ. Точно также и жизнь сама по себѣ занимательнѣй всякихъ сказокъ и фантазій; надо только вглядѣться, вслушаться въ нее; а главное — руководствоваться при этомъ одними общими нравственными началами, а не мелкими житейскими разсчетами. Я весь вѣкъ свой держался и буду держаться золотаго правила, которое преподалъ мнѣ германскій поэтъ Виландъ, когда я навѣстилъ его въ Веймарѣ: »Еслибы судьба опредѣлила мнѣ жить на пустомъ островѣ, говорилъ онъ мнѣ, — то я написалъ бы все то-же и съ такимъ-же тщаніемъ вырабатывалъ бы свои сочиненія, думая, что Музы слушаютъ меня.«

— А знаете-ли, Николай Михайлычъ, вмѣшался тутъ Ломоносовъ, лукаво посматривая на своего пріятеля-поэта: — знаете-ли, какой книгой цѣлое утро ныньче зачитывался Пушкинъ?

— Какой?

— Вашей »Бѣдной Лизой«.

Взоры всѣхъ присутствующихъ съ любопытствомъ обратились на Пушкина.

— Да вѣдь это же лучшая наша русская повѣсть... слегка смутившись, проговорилъ онъ.

— Во всякомъ случаѣ не русская, возразилъ съ улыбкой Карамзинъ: — русскаго въ ней, кромѣ именъ, ничего нѣтъ.

— Т. е. какъ-же такъ?..

— А такъ, что моя »Бѣдная Лиза« — чистокровная француженка.

— Француженка!

— Да. Когда я былъ въ Парижѣ, я любилъ гулять въ Булонскомъ лѣсу. Есть тамъ полуразрушенный замокъ »Мадритъ«. Когда я разъ какъ-то забрелъ туда, то нашелъ тамъ старушку въ лохмотьяхъ, которая грѣлась у камина. Мы разговорились. Оказалось, что она нищая, и что смотритель изъ состраданья дозволилъ ей съ дочерью жить въ пустынной залѣ.

»— У васъ есть дочь? спросилъ я.

»— Была, отвѣчала мнѣ старушка, — была; теперь она тамъ, выше... Ахъ! мы жили съ нею какъ въ раю; жили въ низенькой комнатѣ, но спокойно и весело. Тогда и свѣтъ былъ лучше, и люди добрѣе. Она любила пѣть, сидя подъ окномъ или гуляя въ рощѣ; всѣ останавливались и слушали. У меня сердце прыгало отъ радости. Тогда заимодавцы насъ не мучили: Луиза попроситъ — и всякій готовъ ждать. Но вотъ, Луиза

умерла — и меня выгнали изъ хижины, съ клюкой и котомкой. Ходи по міру и лей слезы!

»Эта-то канва и послужила мнѣ для моей »Бѣдной Лизы«; самый эпизодъ я перенесъ только въ Москву. Моя ли вина, что дѣйствующія лица у меня не похожи на русскихъ, воркуютъ и стонутъ горлинками, разсуждаютъ языкомъ Лафатера и Боннета?«

— А между тѣмъ, подхватилъ тутъ Чаадаевъ, — вся читающая Россія заливалась надъ вашей »Лизой« горючими слезами; вся Москва ходила смотрѣть »Лизинъ Прудъ« и вырѣзывала на березахъ вокругъ пруда разныя чувствительныя надписи.

— Потому что я былъ искрененъ и вывелъ хотя и не русскихъ людей, но все-же живыхъ людей, а не маріонетокъ.

— Но теперь, слава Богу, всѣ эти вымышленные люди или маріонетки давно отложены въ сторону, рѣшающимъ тономъ судьи перебила мужа Екатерина Андреевна. — Я вышла замужъ не за писателя, а за исторіографа! Ты вполнѣ достоинъ твоихъ древнихъ предковъ...

— Какихъ? шутливо спросилъ исторіографъ: — тѣхъ, чьихъ многочисленное потомство гуляетъ теперь по Москвѣ и Петербургу, выкрикивая: »халаты! халаты!«

— Перестань, пожалуйста! Твой прапрадѣдъ былъ мурза, а это, по нашему, по меньшей мѣрѣ графъ...

— А что вы думаете, господа? отнесся Карамзинъ къ гостямъ. — Захожу я какъ-то съ визитомъ къ одному петербургскому знакомому и не застаю его дома.

»— Запиши-ка меня, братецъ, говорю я слугѣ.

»Тотъ пошелъ въ кабинетъ и вскорѣ возвратился.

»— Записалъ, говоритъ.

»— Что же ты записалъ?

»— Да Карамзинъ, графъ исторіи.

»Я былъ, признаться, очень пріятно польщенъ. Носить этотъ графскій титулъ мнѣ куда почетнѣе, чѣмъ еслибы меня, по пращуру, величали татарскимъ мурзою.«

Обѣдъ пришелъ къ концу, и послѣобѣденный кофей былъ поданъ мужчинамъ въ кабинетъ хозяина, помѣщавшійся въ небольшомъ надворномъ флигелѣ. Здѣсь разговоръ вскорѣ опять зашелъ о литературѣ.

— Извините меня, Николай Михайлычъ, сказалъ Пушкинъ, — но я не могу хорошенько уяснить себѣ: какъ это вы, послѣ вашего громаднаго успѣха въ изящной словесности, вдругъ рѣшились совсѣмъ бросить ее для исторіи? Или, по вашему, словесность — такое уже мелочное занятіе, что недостойно серьезнаго человѣка?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Карамзинъ: — быть писателемъ или историкомъ, быть министромъ или кабинетнымъ ученымъ, — по моему, одно и тоже. Мелочныхъ занятій для меня нѣтъ; вся-

кое занятіе для меня важно, лишь бы оно вело къ добру.

— Но почему же вы тогда занялись исторіей только въ зрѣлые годы?

— Почему? Потому что ранѣе не былъ къ ней подготовленъ.

— Вы-то не были подготовлены? Да вѣдь вы были же въ университетѣ, вы перебывали у всякихъ ученыхъ за границей, вы еще юношей издавали журналы...

— Все это такъ, но все-же до историка мнѣ было еще очень далеко! Когда я возвратился изъ-за границы и напечаталъ мои »Письма русскаго путешественника«, какой-то шутникъ не даромъ сочинилъ про меня куплетъ, который повторялся потомъ по всей Москвѣ:

»Былъ я въ Женевѣ, былъ я въ Парижѣ,
Спѣсью сталъ выше, разумомъ ниже.«

Но, положа руку на сердце, могу теперь сказать: спѣси во мнѣ и тогда много не было. Занялся я литературой по искреннему влеченію. Молодымъ еще человѣкомъ я имѣлъ случай порядочно изучить иностранные языки: нѣмецкій, французскій, англійскій и итальянскій, а также и древніе: греческій и латинскій. Отъ знанія же языковъ до чтенія въ оригиналѣ образцовыхъ авторовъ — рукой подать. Моимъ пламеннымъ желаніемъ стало — дать возможность всѣмъ соотечественникамъ наслаждаться хоть въ переводѣ лучшими сочиненіями иностранцевъ. И такъ-

то я сдѣлался журналистомъ: переводилъ, пересказывалъ безъ отдыха... По мѣрѣ же того, какъ кругозоръ мой расширялся, во мнѣ проснулось неодолимое желаніе создать что-нибудь свое. Но гдѣ было взять тэму? Заграничную жизнь я зналъ; русской, увы! нѣтъ. И такъ-то я перекрестилъ француженку Луизу въ русскую Лизу. Вторую мою повѣсть: »Наталья боярская дочь« я хотя и позаимствовалъ уже изъ русской дѣйствительности (а именно сюжетомъ мнѣ послужилъ второй бракъ царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной), но, по цензурнымъ условіямъ, я многое долженъ былъ переиначить, и повѣсть эта мнѣ менѣе удалась. Но вотъ, задумалъ я свою »Мароу Посадницу« и долженъ былъ для нея рыться въ грудѣ историческихъ матеріаловъ. Совершенно незамѣтно для самого себя, я все глубже погружался умомъ въ изученіе судебъ нашего отечества, все болѣе привязывался къ милой нашей Россіи, и въ то самое время, когда я слышалъ еще вокругъ себя чрезмѣрныя похвалы моей новѣйшей исторической повѣсти, когда со всѣхъ сторонъ мнѣ говорили, что наконецъ-то путь мой найденъ, — я уже втайнѣ отказался отъ этого пути — сочинителя историческихъ повѣстушекъ и задался одною завѣтною мыслью — написать настоящую исторію моего отечества. Первые шаги мои предвѣщали, казалось, успѣхъ: государь былъ такъ милостивъ, что сдѣлалъ

меня исторіографомъ съ ежегоднымъ пособіемъ въ 2000 рублей изъ суммъ Кабинета. Матеріально я былъ обезпеченъ и могъ вполнѣ предаться моей отвѣтственной задачѣ. Но когда я серьезно приступилъ къ ней, тогда только я понялъ, что труднѣйшее предстояло мнѣ еще впереди...

На этомъ разсказъ исторіографа былъ прерванъ появленіемъ на порогѣ его супруги.

— Что же это вы, молодые люди, закупорились, какъ въ банкѣ? обратилась Екатерина Андреевна къ лицеистамъ. — Дѣти ждутъ васъ не дождутся.

Пушкинъ даже вспыхнулъ и покосился на Чаадаева: что-то тотъ подумаетъ, что ихъ, лицеистовъ, приравниваютъ къ дѣтямъ?

— Супругъ вашъ досказывалъ намъ сейчасъ, какъ онъ сдѣлался исторіографомъ, объяснилъ Чаадаевъ.

— Досказать недолго, успокоилъ Карамзинъ жену и продолжалъ: — Когда я обратился за матеріалами къ нашимъ библіотекамъ и архивамъ, то очутился въ невообразимомъ хаосѣ. Каталоговъ у насъ не было и въ поминѣ; древнія лѣтописи ученой критикой не разработаны, не освѣщены; иностранныя же лѣтописи и сказанія иностранцевъ о Россіи никому у насъ неизвѣстны. Три года бродилъ я какъ въ дремучемъ лѣсу. Новыя тропы перепутывались со старыми и вели все глубже въ непроходимую чащу. Нѣсколько разъ я съ отчаянія сжигалъ

мои первые томы; нѣсколько разъ съ какимъ-то ожесточеніемъ снова принимался за нихъ. И вотъ, густой лѣсъ понемногу порѣдѣлъ, и я увидѣлъ просвѣтъ на большую дорогу. Вдругъ новое непредвидѣнное препятствіе — пожаръ Москвы. Вся моя драгоцѣнная историческая библіотека сгорѣла, и только рукописи уцѣлѣли, благодаря случайности, что мы гостили въ подмосковной Вяземскихъ, Остафьевѣ.

— А между тѣмъ, подхватила Екатерина Андреевна, слушавшая мужа стоя, изящно наклонившись сзади надъ спинкой его кресла, — между тѣмъ, пожаръ этотъ былъ началомъ нашего счастья: когда мы лишились нашего дома въ Москвѣ, императрица Марія Ѳеодоровна приняла въ насъ такое живое участіе, что пригласила насъ къ себѣ въ Петербургъ или Павловскъ, и до сихъ поръ хранится у меня еще роза, которую она сорвала у Розоваго павильона и прислала намъ въ видѣ привѣта! Теперь же вотъ и государь далъ намъ здѣсь пріютъ... Но самого государя со времени нашего пріѣзда мы еще не видѣли, и пока, мой другъ, сердце у меня все еще не на мѣстѣ... со вздохомъ прибавила Екатерина Андреевна, ласково проводя бѣлой выхоленной рукой по шелковистымъ сѣдинамъ мужа.

— Чего же тревожиться? спросилъ тотъ, оглядываясь на нее съ успокоительной улыбкой.

— У тебя столько завистниковъ...

— У кого ихъ нѣтъ? По поводу завистниковъ

мнѣ припоминается одинъ апологъ персидскаго стихотворца Саади. »Великій Хозрой, побѣдивъ множество народовъ, сидѣлъ на тронѣ въ садахъ своихъ; вокругъ него молча тѣснились его вельможи.

»— О чемъ вы думаете? спросилъ ихъ царь.

»— О врагахъ твоихъ, отвѣчали вельможи съ глубокимъ поклономъ: — всѣ они лежатъ въ землѣ. Кто посмѣетъ теперь безпокоить тебя?

»— Комаръ! сказалъ царь: — онъ сейчасъ укусилъ меня и скрылся отъ моей мести.

»Вельможи бросились за комаромъ. Царь же улыбнулся, сошелъ съ трона и потеръ себѣ лобъ.«

— Противъ уколовъ комаровъ нѣтъ иного средства, закончилъ Карамзинъ свой разсказъ, машинально проводя также рукою по своему высокому лбу.

— Есть! возразила жена и, въ доказательство, наклонила назадъ къ себѣ его голову и съ чувствомъ поцѣловала его въ лобъ.

— Да, слава — дымъ, а семья — все, сказалъ Карамзинъ, обмѣнявшись съ нею нѣжнымъ взглядомъ.

— Въ тебѣ слишкомъ много смиренія и слишкомъ мало гордости, мягко укорила она его.

— Я гордъ смиреніемъ и смиренъ гордостью.

Занятые разговоромъ, ни хозяева, ни гости ихъ не обратили вниманія на усилившійся за дверью шорохъ. Вдругъ дверь съ шумомъ распах-

нулась, и въ кабинетъ влетѣли хозяйскія дѣти, впереди всѣхъ — подталкиваемая прочими — Сонюшка.

— Ну, говори же, говори! смѣясь, понукали они ее.

Пунцовая какъ піонъ, Сонюшка, видимо храбрясь, пролепетала:

— Мы хотѣли играть въ горѣлки... Но насъ такъ мало...

— Ну, что-жъ, господа, не смилуетесь ли вы наконецъ надъ ними? отнесся Карамзинъ къ лицеистамъ.

Тѣ переглянулись и нерѣшительно приподнялись. Между тѣмъ Чаадаевъ уже выступилъ впередъ.

— Если позволите, я буду »горѣть«? любезно предложилъ онъ.

Примѣръ лейбъ-гусара ободрилъ лицеистовъ.

— Хотите бѣжать со мной въ первой парѣ? спросилъ Пушкинъ Сонюшку, протягивая ей руку.

— Хорошо...

Ломоносовъ, уже не спрашивая, завладѣлъ ручкой ея младшей сестрицы, Кати, — и минуту спустя вся молодежь выстроилась парами въ ближайшей аллеѣ парка, чтобы бѣжать взапуски передъ »горящимъ« гусаромъ.

Былъ уже крайній срокъ — 10 часовъ вечера, когда лицеисты наши вернулись къ себѣ въ лицей. Войдя въ свою камеру, Пушкинъ, еще весь

подъ впечатлѣніями прожитаго дня, собирался только-что раздѣться, какъ внезапно вздрогнулъ: около него раздался тяжелый храпъ. Въ свѣтломъ сумракѣ лѣтней ночи онъ разглядѣлъ на своей кровати въ полулежачемъ положеніи спящаго барона Дельвига. Послѣдній такъ глубоко зарылся головой въ подушку, что очки сдвинулись у него изъ-за ушей и съѣхали на самый кончикъ носа.

Пушкинъ усмѣхнулся и осторожно снялъ съ него очки, потомъ толкнулъ его кулакомъ въ бокъ, а самъ скорѣй прикорнулъ за кровать.

— Ну, Леонтій... минуточку! пробормоталъ сквозь сонъ Дельвигъ, очевидно, воображая, что старшій дядька Леонтій будитъ его, по обыкновенію, послѣ втораго утренняго звонка.

Пушкинъ почти громко ужь разсмѣялся.

— Ни минуточки, ваше благородіе! Извольте вставать! пробасилъ онъ голосомъ Леонтья и, протянувъ руку изъ-за края кровати, принялся тормошить друга по коротко-остриженнымъ волосамъ.

— Экой ты! проворчалъ Дельвигъ, потягиваясь, присѣлъ на кровати и своими подслѣповатыми глазами, лишенными теперь очковъ, мигая и щурясь, съ недоумѣніемъ оглядѣлся кругомъ въ пустой камерѣ. — Что за оказія?.. Гдѣ же Леонтій? И очки-то гдѣ?

Онъ пошарилъ сперва около себя на постели, но, не найдя очковъ, присѣлъ на полъ и сталъ

искать ихъ тутъ. Вдругъ кто-то въ полумракѣ чернымъ привидѣніемъ разомъ выросъ передъ нимъ и сѣлъ ему на шею.

— Кто это!! не то испугался, не то разсердился Дельвигъ.

— На̀ тебѣ, на̀! смѣясь, говорилъ Пушкинъ, надѣвая ему опять очки и слѣзая съ него.

— Ахъ, это ты, Пушкинъ? сказалъ Дельвигъ, приподнимаясь съ полу и отъ души зѣвая. — Не можешь, чтобы не пошкольничать!

— А ты, чтобы не поспать!

— Да вольно жъ тебѣ засиживаться до̀ ночи.

— А ты, Тося, нарочно ждалъ меня здѣсь?

— Конечно. Хотѣлось услышать... Ну, что, какъ Карамзинъ?

— Ахъ, братецъ, что̀ это за человѣкъ! съ одушевленіемъ заговорилъ Пушкинъ, садясь на кровать и усаживая друга рядомъ съ собой.

Въ живомъ разсказѣ онъ передалъ ему все слышанное имъ за день. Пробила уже полночь, а два друга все сидѣли еще рядышкомъ на кровати и не могли наговориться. Стукъ въ стѣну за спиной ихъ прекратилъ наконецъ ихъ болтовню.

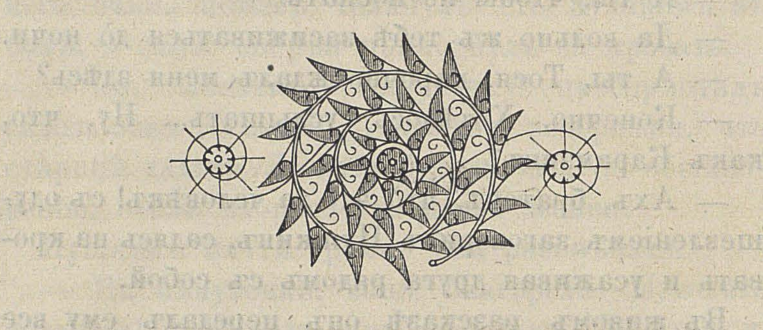
— Скоро-ли вы угомонитесь, полуночники? послышался изъ смежной камеры голосъ Пущина.

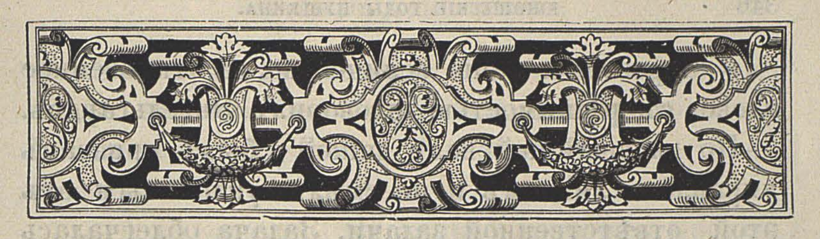
— А ты, небось, все слышалъ? спросилъ Пушкинъ.

— Все не все, а два часа подъ рядъ затыкать уши тоже не приходится. Но теперь и вамъ, и мнѣ пора честь знать. Доброй ночи!

— Доброй ночи!

И Дельвигъ, крѣпко пожавъ руку Пушкину, вышелъ. Но Пушкина мысли его унесли опять въ китайскій домикъ, и даже во снѣ онъ то слушалъ исторіографа, то спорилъ съ его женою, то бѣгалъ въ горѣлки съ ихъ дѣтьми.

Глава XXI.

Господа лейбъ-гусары.

»Бойцы вспоминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.«
(Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ).

стрѣчаясь иногда на своей утренней прогулкѣ по царскосельскому парку съ директоромъ Энгельгардтомъ, Императоръ Александръ Павловичъ охотно съ нимъ заговаривалъ.

— А найдутся ли между твоими лицеистами желающіе пойти въ военную службу? спросилъ онъ его однажды на такой прогулкѣ.

— Найдутся, ваше величество, отвѣчалъ Энгельгардтъ и подавилъ вздохъ.

— Ты какъ-будто вздыхаешь?

-- Нѣтъ, государь, я такъ...

— Сколько человѣкъ?

— Человѣкъ десять, если не болѣе.

— Такъ надо будетъ познакомить ихъ съ фронтомъ.

— Простите, ваше величество, за откровенное слово, съ рѣшимостью заговорилъ Энгельгардтъ. —По высочайшей волѣ вашей я былъ призванъ управлять лицеемъ и не смѣлъ уклониться отъ этой отвѣтственной задачи. Задача облегчалась мнѣ хоть тѣмъ, что я видѣлъ передъ собой высокую цѣль — воспитать поколѣніе истинно-государственныхъ людей. Оружія же я въ жизнь свою никогда не носилъ, кромѣ одного домашняго, которое у меня всегда въ карманѣ, прибавилъ онъ, показывая государю складной садовый ножикъ. — Еслибы поэтому вашему величеству угодно уже было ввести въ лицей ружье, то я, какъ человѣкъ самый мирный, не былъ бы въ силахъ управиться съ этимъ новымъ военнымъ училищемъ и, съ душевною скорбью, долженъ былъ бы просить меня уволить.

Александръ Павловичъ сдѣлалъ еще попытку убѣдить Энгельгардта, но безуспѣшно.

— Тебя не переспоришь! наконецъ, сказалъ онъ. — Но самъ же ты говоришь, что между твоими воспитанниками найдутся и такіе, которые по доброй волѣ сдѣлаются военными. Насильно ты ихъ отъ того не удержишь. Поэтому переспроси-ка всѣхъ: кто хочетъ идти по какой части, и для будущихъ воиновъ мы введемъ военныя науки.

Противъ этого Энгельгардтъ не могъ уже возражать. Онъ собралъ лицеистовъ и объявилъ имъ о рѣшеніи государя. Почти половина курса

заявила тутъ же желаніе быть военными. Въ числѣ желающихъ оказались, между прочимъ, Вальховскій, Пущинъ, Малиновскій и графъ Брогліо.

— А ты что же, Пушкинъ? спросилъ Брогліо. — Ужь кому, какъ не тебѣ, съ твоимъ задорнымъ нравомъ быть военнымъ человѣкомъ!

Примѣръ двухъ пріятелей: Пущина и Малиновскаго, дѣйствительно, сильно соблазнялъ Пушкина.

— Я подумаю, отвѣчалъ онъ; — надо посовѣтоваться еще съ родными.

— Очень нужно, если само сердце твое тебѣ говоритъ что̀ дѣлать! не отставалъ искуситель.— Да чего лучше: я вѣдь бываю у здѣшнихъ гусаровъ. Ныньче Каверинъ опять звалъ меня къ себѣ. Будутъ и другіе. Пойдемъ, я тебя познакомлю. Они уже заявляли мнѣ, что хотѣли бы узнать ближе нашего перваго поэта.

— Разсказывай!

— Нѣтъ, серьезно. Я обѣщался имъ какъ-нибудь затащить тебя въ ихъ компанію.

— А Чаадаевъ тоже бываетъ въ этой компаніи?

— Чаадаевъ? М-да, случается... Да вѣдь это вовсе не настоящій гусаръ, а какой-то философъ, бука!

— Ну, а я пошелъ бы только ради него: я видѣлъ его у Карамзиныхъ, и онъ мнѣ, напротивъ, очень понравился.

— На вкусъ, конечно, мастера нѣтъ. Я говорю вѣдь, что и онъ бываетъ. Пойдешь, а?

Пушкинъ не сталъ уже упираться, и въ тотъ же вечеръ Бrogліо ввелъ его въ веселое общество царскосельскихъ лейбъ-гусаровъ. Между послѣдними, точно, былъ на этотъ разъ и Чаадаевъ. Онъ поздоровался съ Пушкинымъ просто, какъ съ старымъ знакомымъ; остальные офицеры съ сдержаннымъ любопытствомъ критически оглядывали съ ногъ до головы »перваго« лицейскаго поэта, котораго, безъ сомнѣнія, видѣли уже мелькомъ и на музыкѣ.

— Такъ что же, Петръ Яковличъ, не безъ ироніи отнесся одинъ изъ младшихъ гусаровъ къ товарищу-философу: — война, по твоему, ничто иное, какъ общественная повальная болѣзнь?

— Да, и самая жестокая, самая гибельная, отвѣчалъ Чаадаевъ съ спокойнымъ достоинствомъ: — потому что никакая моровая язва не уноситъ столько человѣческихъ жертвъ; точно также и матеріально война наноситъ обществу гораздо болѣе вреда, чѣмъ какая бы то ни была эпидемія. Но, съ другой стороны, я долженъ сказать, война — высшая школа жизни...

— Вотъ на̀!

— Потому что она научаетъ насъ истинному христіянскому милосердію.

— Новый парадоксъ!

— Нѣтъ, не парадоксъ, и я докажу это сейчасъ на примѣрѣ. Было то подъ Вязьмой. Семе-

новскій полкъ нашъ (въ которомъ, какъ вы знаете, я началъ службу), послѣ жаркаго боя, отдыхалъ на бивуакахъ. Свѣже-испеченный прапоръ, я лежалъ около костра съ другими офицерами. Вдругъ подбѣгаетъ къ намъ какая-то бабёнка съ груднымъ младенцемъ на рукахъ.

»— Батюшки-сударики! вопитъ она и судорожно прижимаетъ ребенка къ груди.

»— Что́ съ тобой, матушка? спрашиваемъ мы.

»— Спасите, отцы родные! Сиротинку отнять хотятъ!

»— Сиротинку? Такъ, значитъ, онъ не твой?

»— Мой, господа милостивые, теперя-то мой! Даромъ, что французёнокъ...

»— Да гдѣ ты обзавелась французёнкомъ?

»— Въ Москвѣ, вишь, въ кормилицы къ нему взяли...

»— Какъ же ты вольной-волей къ врагамъ кормилицей пошла?

»— Не вольной-волей, батюшки; насильно взяли. Да вотъ здѣсь, подъ Вязьмой, отца-то его наши пристрѣлили; мать въ сумятицѣ не-вѣсть куда запропала; и остался бѣдняжечка на рукахъ у меня одинъ-одинёшенекъ!

»— Такъ чего-жъ ты жалѣешь это зелье? шутливо замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ. — Брось его! что тебѣ возиться съ нимъ, со щенкомъ?

»— Ой, нѣтъ, Бога ради, не троньте! взмолилась бабёнка, еще крѣпче обхватила младенца и

принялась голубить его. — Хоть ты и французёнокъ, да какъ же мнѣ не любить тебя, сиротинку? Бѣдный ты мой, бѣдный!«

Товарищи-гусары, какъ и Пушкинъ, слушали Чаадаева съ сочувственной улыбкой. Одинъ Брогліо насмѣшливо оглядывался кругомъ, какъ-бы удивляясь ихъ »сентиментальности«.

— И вы такъ и не отняли его у нея? спросилъ онъ разсказчика.

— А сами вы, скажите, рѣшились бы отнять? серьезно спросилъ его тотъ въ отвѣтъ. — Другой случай былъ, пожалуй, еще назидательнѣй. Онъ былъ не со мной, а съ однимъ моимъ пріятелемъ-офицеромъ. Въ пылу сраженія подъ Краснымъ наши захватили цѣлую партію французовъ, отвели ихъ въ сторону, наскоро заперли въ отдѣльный сарайчикъ, да тамъ и забыли. Спустя уже сутки, а можетъ и болѣе, пріятель мой съ своей ротой случайно проходилъ мимо сарайчика. Вдругъ слышитъ онъ оттуда стоны и вопли. Раскрылъ дверь — и отшатнулся. Глазамъ его представилась потрясающая картина: на землѣ сидѣли и лежали, дрожа отъ холода, прижимаясь другъ къ дружкѣ, несчастные исхудалые оборванцы, въ окровавленныхъ лохмотьяхъ, съ искалѣченными членами, съ разрубленными головами. Увидѣвъ русскаго офицера, они всѣ разомъ простерли къ нему руки съ отчаяннымъ крикомъ:

»— Воды! воды!

»Онъ позвалъ солдатъ и велѣлъ достать ушатъ

воды. Но лишь только ушатъ былъ внесенъ въ сарай, какъ его уже опрокинули: всѣ раненые, изнывая отъ жажды, гурьбой накинулись на него и розлили воду. Поднялись попреки и брань. Товарищъ мой не безъ труда успокоилъ ожесточенныхъ, взялъ съ нихъ слово терпѣливо ждать и затѣмъ велѣлъ принести второй ушатъ и кружку. Раненые слушались его уже, какъ дѣти своей няни, и онъ каждаго по очереди напоилъ изъ кружки. Но тутъ оказалось, что бѣдняги болѣе сутокъ ничего и не ѣли, и онъ подалъ имъ горсть черствыхъ сухарей. Повторилась прежняя свалка, сухари вырывались изъ рукъ другъ у друга, разсыпались по земляному полу и никому не достались. Опять пришлось ему уговаривать обезумѣвшихъ и поочереди раздать имъ по сухарю. Одинъ только изъ всѣхъ плѣнныхъ, который сидѣлъ въ самомъ дальнемъ углу, все время не тронулся съ мѣста и, скрестивъ на груди руки, равнодушно, казалось, наблюдалъ за товарищами.

»— Кто вы такой и почему ничего не просите? спросилъ его мой пріятель.

»— Я — офицеръ, какъ и вы, отвѣчалъ гордо плѣнный: — и когда солдаты мои утоляютъ свою жажду, свой голодъ, я могу ждать помощи только молча.«

Послѣ втораго разсказа Чаадаева наступило минутное, какъ-бы благоговѣйное молчаніе, точно каждый присутствующій, даже легкомысленный

Брогліо, представлялъ себя на мѣстѣ плѣннаго французскаго офицера. Первымъ нарушилъ молчаніе молодой хозяинъ, корнетъ-повѣса Каверинъ.

— »Что̀ и требовалось доказать«, какъ говаривалъ у насъ въ корпусѣ учитель геометріи, сказалъ онъ. — Милосердіе — вещь прекрасная для женщинъ, для поэтовъ (Каверинъ любезно кивнулъ въ сторону Пушкина), но не для нашего брата, военнаго. Мы знаемъ тебя, Петръ Яковличъ, очень недавно (Чаадаевъ перешелъ въ лейбъ-гусары только мѣсяца за два передъ тѣмъ), но слухомъ земля полнится: мы слышали, что ты идешь въ огонь впереди другихъ и не имѣешь привычки »кланяться пулямъ«. Иначе, право, легко можно было бы подумать, что ты записался въ монахи, либо въ »братья милосердія«. Мы живемъ въ практическомъ XIX вѣкѣ, и потому первый вопросъ: чего больше — пользы или вреда отъ войны? По моему — пользы, потому что война освобождаетъ человѣчество отъ лишнихъ людей, очищаетъ воздухъ отъ застоявшихся міазмовъ, освѣжаетъ одурѣвшія головы и души! Согласитесь сами, господа: побывавши съ арміей въ чужихъ краяхъ, въ чужихъ людяхъ, не набрались ли мы тамъ болѣе всякой премудрости, чѣмъ изъ какихъ бы то ни было книгъ?

— Ты — безъ сомнѣнія, съ тонкимъ сарказмомъ замѣтилъ Чаадаевъ.

— А ты думаешь, что я уже вовсе книгъ не читаю? обидчиво вскинулся Каверинъ. — Нѣтъ, не шутя, иной разъ со скуки на сонъ грядущій я съ удовольствіемъ почитаю. Но рѣчь идетъ не объ насъ съ тобой, а о массѣ намъ подобныхъ. Многіе ли въ нашей арміи говорятъ и читаютъ на иностранныхъ языкахъ? Былъ у меня тоже хорошій пріятель — по-французски ни въ зубъ, что̀ называется, толкнуть не зналъ. Входитъ онъ въ Парижѣ въ ресторанъ и требуетъ себѣ »дине́«! Заучилъ, изволите видѣть, одно это слово и думаетъ: вывезетъ! Но гарсонъ подаетъ ему меню и карандашъ. Вотъ тебѣ загвоздка! Что̀ тутъ выберешь, что̀ отчеркнешь? И выговорить-то эти мудрёныя кушанья языкъ не повернется... Была не была! Отчеркнулъ онъ смѣло карандашемъ первыя четыре блюда и возвратилъ меню гарсону. Тотъ съ улыбкой только поклонился и пошелъ заказывать обѣдъ.

»Чего ухмыляется эта бестія? подумалъ мой пріятель.

»Вотъ подали ему тарелку какой-то небывалой похлебки. Разболталъ онъ ее ложкой, понюхалъ — ничего, пахнетъ какъ-будто вкусно; сталъ хлебать и выхлебалъ до-чиста.

»Что-то, думаетъ, будетъ дальше?

»Несутъ второе блюдо... Ишь ты: опять какая-то горячая жижа... Нечего дѣлать — и ту одолѣлъ.

»Но вотъ и третье блюдо — такая же француз-

ская бурда! Ахъ, чтобъ васъ...! Отвѣдалъ — и ложку въ сторону: душа уже не принимаетъ.

»Ну, думаетъ, коли и на четвертое супъ, тогда шабашъ! шапку въ охапку...

»Такъ оно и вышло: подали четвертый супъ. Не смѣя взглянуть уже на гарсона, онъ скорѣй расплатился, и — безъ оглядки въ дверь. А я ему тутъ какъ нарочно на встрѣчу.

»— Куда, братъ? Отобѣдалъ?

»Онъ только отплюнулся и рукой махнулъ.

»— Да что? говорю. — Развѣ не угодили?

»— Да, ужь угодили! говоритъ: — обѣдъ въ четыре блюда — и все-то однѣ похлебки! Ужь эта мнѣ французская стряпня!«

— Такъ вотъ, господа, гдѣ подлинная житейская мудрость и польза отъ войны! наставительно заключилъ Каверинъ свой разсказъ.

Разсказывалъ онъ такъ уморительно, съ такими выразительными ужимками, и самъ съ такимъ видимымъ самоуслажденіемъ слушалъ себя, что и тѣ изъ присутствовавшихъ пріятелей его, которымъ прежде былъ уже извѣстенъ описанный случай, весело улыбались; лицеисты же, слышавшіе разсказъ впервые, просто покатывались со смѣху. Только Чаадаевъ хмурился и нетерпѣливо покусывалъ тонкій усъ.

— А всего вѣдь замѣчательнѣе то, заговорилъ онъ вдругъ, — что подобные анекдоты повторяются буквально въ жизни разныхъ людей: тотъ же самый случай съ тѣми же самыми

прибаутками я слышалъ уже года два назадъ отъ партизана нашего Дениса Давыдова.

Каверинъ вспыхнулъ какъ порохъ.

— Что вы хотите этимъ сказать, милостивый государь?

— То̀, что̀ говорю, милостивый государь: я словъ своихъ не повторяю — и не беру назадъ.

Каверинъ подскочилъ къ Чаадаеву.

— Ну, полно же, Каверинъ! полно, Чаадаевъ! вступились тутъ со всѣхъ сторонъ прочіе товарищи и розняли спорящихъ.

Чаадаевъ, зѣвая въ руку, всталъ и со своимъ стаканомъ чаю отошелъ отъ общаго стола.

— Послушайте, Пушкинъ, сказалъ онъ, — я хотѣлъ спросить васъ...

Пушкинъ не замедлилъ подойти къ офицеру-философу, который успѣлъ уже внушить ему безотчетное уваженіе.

— Сядемте тутъ, въ сторонѣ, вполголоса промолвилъ Чаадаевъ; — скажите: что̀ новаго въ журналахъ? Я послѣднихъ нумеровъ еще не видѣлъ.

Какъ ни тянуло сперва Пушкина къ общему столу, гдѣ одинъ изъ гусаровъ опять, видно, передавалъ какой-то забавный эпизодъ изъ походной жизни, потому что разсказъ его неоднократно покрывался дружнымъ смѣхомъ, — но литературный разговоръ съ начитаннымъ, глубоко-образованнымъ Чаадаевымъ вскорѣ такъ занялъ его, что онъ искренне пожалѣлъ, когда

Чаадаевъ неожиданно поднялся и сталъ прощаться.

— Мнѣ надо окончить еще заказанную статью, объяснилъ онъ. — Но мы, Пушкинъ, надѣюсь, видимся съ вами не въ послѣдній разъ?

— У Карамзиныхъ, можетъ быть, удастся встрѣтиться... отвѣчалъ Пушкинъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Заходите безъ церемоній ко мнѣ.

Пушкинъ просіялъ даже отъ удовольствія.

— Если не стѣсню васъ, Петръ Яковличъ...

— Нѣтъ, сдѣлайте одолженіе; не ожидайте еще особыхъ приглашеній.

Никто изъ офицеровъ не удерживалъ уходящаго.

— А вотъ и самый герой нашъ! со смѣхомъ указалъ графъ Брогліо оставшимся на подошедшаго Пушкина. — Разскажи-ка, братъ, про нашъ гоголь-моголь: ты мастеръ по этой части.

Пушкинъ не далъ просить себя и очень забавно передалъ извѣстную читателямъ исторію гоголь-моголя. Гусары слушали его съ видимымъ одобреніемъ и сами, въ свою очередь, разсказали затѣмъ нѣсколько не менѣе потѣшныхъ эпизодовъ изъ собственной жизни.

Послѣ этого перваго вечера съ лейбъ-гусарами послѣдовало вскорѣ еще нѣсколько такихъ же другихъ. Удивительно ли, что пылкому воображенію поэта вездѣ теперь мерещились гусары? Стоило ему, напримѣръ, только заслышать за

окномъ топотъ лошадиныхъ копытъ — и самые идиллическіе стихи его получали вдругъ »гусарскій« оттѣнокъ *). Намѣреніе его сдѣлаться военнымъ было вполнѣ искреннее, и обстоятельства, казалось, нарочно складывались такъ, чтобы завѣтное желаніе его осуществилось. Въ срединѣ іюня въ лицей былъ опредѣленъ профессоромъ военныхъ наукъ (артиллеріи, фортификаціи и тактики) инженерный полковникъ, баронъ Эльснеръ, и два раза въ недѣлю лицеистовъ стали отправлять съ гувернеромъ въ Со-

---

*) »Вотъ мой каминъ; подъ вечеръ темный,
Осенней бурною порой,
Люблю, подъ сѣнію укромной,
Предъ нимъ задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда читать,
Или, въ минуту вдохновенья,
Небрежно стансы намарать
И жечь потомъ свои творенья.
Вотъ здѣсь... но быстро привидѣнья,
Родясь въ волшебномъ фонарѣ,
На бѣломъ полотнѣ мелькаютъ:
Мечты находятъ, исчезаютъ,
Какъ тѣнь на утренней зарѣ...
Я слышу топотъ, слышу ржанье:
Блеснувъ узорнымъ чепракомъ,
Въ блестящемъ ментика сіяньи,
Гусаръ промчался подъ окномъ.
И гдѣ вы, мирныя картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь на крыльяхъ я мечты:
Огни во станѣ догораютъ;
Межъ нихъ, окутанный плащомъ,
Съ сѣдымъ, усатымъ казакомъ
Лежу... вдали штыки сверкаютъ...«

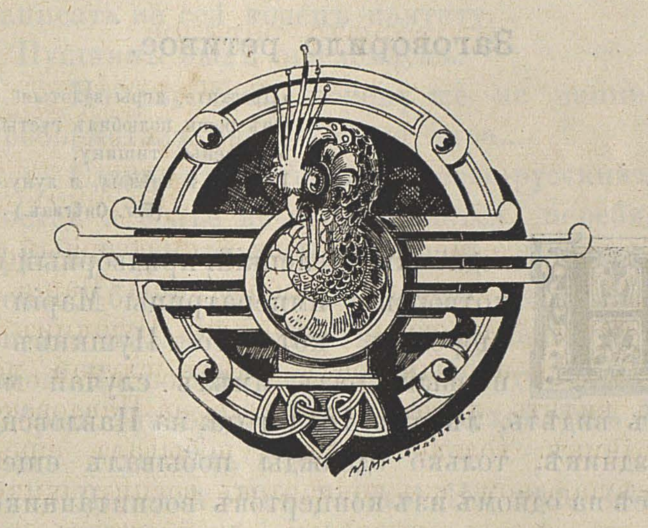
фійскій манежъ для обученія верховой ѣздѣ на полковыхъ лошадяхъ у полковника Кнабенау, подъ главнымъ наблюденіемъ генерала запаснаго эскадрона Левашева. Послѣдній попалъ даже въ лицейскую »національную пѣсню«. А именно, лицеисты и прежде уже нерѣдко сопровождали Брогліо въ манежъ, чтобы любоваться съ галлереи его лихой ѣздой. Генералъ Левашевъ, въ томъ же манежѣ »муштруя« своихъ »ребятъ«, шутя спрашивалъ лицеистовъ: когда же они начнутъ учиться ѣздить? И вотъ, въ благодарность за такое вниманіе, они посвятили ему слѣдующій куплетъ, въ которомъ, между французскимъ разговоромъ съ господами-лицеистами, генералъ, какъ-бы въ скобкахъ, обращается съ русскими наставленіями къ солдадамъ:

»Bonjour, Messieurs... (Потише!
Поводьемъ не играй!
Ужь я тебя потѣшу!)
A quand l'équitation?«

Наконецъ, и учитель фехтованія Вальвиль отличалъ Пушкина отъ другихъ товарищей, изъ которыхъ только онъ да Комовскій успѣли перенять искуство парировать удары одновременно двумя рапирами.

И при всемъ томъ — Пушкинъ не сдѣлался военнымъ. Почему? Потому что на него неодолимой волной нахлынули вдругъ совершенно новыя ощущенія, которыя на время далеко отбро-

сили его отъ гусарскаго круга; а послѣ, когда онъ снова сблизился съ этимъ кругомъ, онъ умственно настолько уже созрѣлъ, что не остался глухъ къ голосу разсудка.

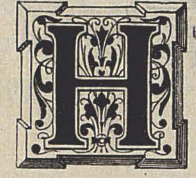

Глава XXII.

Заговорило ретивое.

»Простите, игры золотыя!
Онъ рощи полюбилъ густыя,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звѣзды, и луну.«
(Евг. Онѣгинъ.)

елединскій-Мелецкій, придворный стихотворецъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, котораго Пушкинъ въ первый разъ имѣлъ случай мелькомъ видѣть, лѣтомъ 1814 года, на Павловскомъ праздникѣ, только однажды побывалъ еще въ лицеѣ на одномъ изъ концертовъ воспитанниковъ. И вотъ, теперь, нѣсколько дней спустя послѣ перваго своего посѣщенія Карамзиныхъ, Пушкинъ совершенно нежданно удостоился чести получить визитъ отъ престарѣлаго сановника-стихотворца.

— Лично къ вамъ, молодой человѣкъ, съ покровительственной любезностью объявилъ Нелединскій, когда Пушкинъ вышелъ къ нему въ пріемную.

— Ко мнѣ? удивился Пушкинъ.

— Да-съ. Вы слышали, конечно, что въ Павловскѣ у насъ гоститъ юный супругъ великой княгини Анны Павловны, наслѣдный принцъ Оранскій *)...

— Слышалъ.

— Такъ вотъ-съ, ему готовится у насъ большое празднество, и ея величество поручаетъ вамъ написать на сей конецъ кантату.

Пушкинъ былъ ошеломленъ.

— Но вы сами почему же не напишете?... пробормоталъ онъ. — Ваша лира...

— Сдана въ арсеналъ древне-русскихъ рѣдкостей и болѣе не настраивается, перебилъ съ грустной улыбкой Нелединскій. — Государыня, точно, была столь милостива, что выразила сперва желаніе, чтобы куплеты были сочинены мною. Но, по счастью, случился тутъ нашъ общій добрый знакомецъ Николай Михайлычъ Карамзинъ и указалъ на васъ.

— Николай Михайлычъ! Но, вѣдь, онъ такъ взыскателенъ къ стихамъ...

— Стало быть, ваши стихи, милый мой, пришлись ему по вкусу. Я вполнѣ на васъ разсчитываю.

— Но эти стихи, вѣроятно, къ спѣху?

— Весьма даже: торжество завтра, а нынѣ стихи должны быть уже въ моихъ рукахъ, дабы

*) Впослѣдствіи король Нидерландскій Вильгельмъ II.

ихъ можно было на музыку положить и разучить хору.

По лицу Пушкина пробѣжала тѣнь.

— Мнѣ ни за что не хотѣлось бы ослушаться императрицы, промолвилъ онъ, — но я не привыкъ вдохновляться по заказу...

— Что́ дѣлать, любезнѣйшій! Ступайте-ка къ себѣ, да постарайтесь вдохновиться; а я здѣсь посижу, обожду.

— Еслибы я только зналъ, о чемъ писать...

— Канву я вамъ, пожалуй, дамъ, а вы можете уже расписать по ней узоры, сказалъ Нелединскій: — злой геній Европы, Наполеонъ, удаленъ на островъ Эльбу, но измѣннически возвращается опять въ Парижъ и собираетъ около себя свои старыя дружины. Союзники тоже не дремлютъ-съ и въ битвѣ при Ватерлоо наносятъ злодѣю послѣдній ударъ. Но кто является здѣсь рѣшителемъ боя? Онъ, нашъ царственный гость, младой принцъ Оранскій! Истекая кровью отъ полученныхъ ранъ, онъ до конца не покидаетъ поля. И вотъ-съ, нынѣ-то любовь супружеская достойно вѣнчаетъ юнаго героя...

Какъ ни витіевата была рѣчь маститаго сановника-поэта, Пушкинъ уловилъ, однако, въ ней поэтическія черты, и глаза его заблистали.

— Благодарю васъ... теперь я знаю... сказалъ онъ и поспѣшилъ въ свою камеру.

Часъ спустя, Нелединскій-Мелецкій мчался уже обратно въ Павловскъ къ императрицѣ, увозя

съ собой одно изъ наиболѣе удачныхъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина: »Къ принцу Оранскому«, а на третій день молодой авторъ, въ присутствіи цѣлаго класса, удостоился особаго знака высочайшаго благоволенія.

— Вчера, въ честь храбраго принца Вильгельма Оранскаго, въ Розовомъ павильонѣ былъ опять праздникъ, сказалъ, входя, Энгельгардтъ.— Особенно же понравились всѣмъ прекрасные куплеты, которые пропѣлъ оперный хоръ. Куплеты эти, господа, къ гордости лицея, написаны однимъ изъ васъ. Вы догадываетесь, вѣроятно, кто этотъ авторъ?

— Пушкинъ! Конечно, Пушкинъ! заговорили кругомъ лицеисты.

— Вѣрно, сказалъ директоръ;—и вотъ, ея величество, въ знакъ особаго своего благоволенія, соизволила прислать ему эти золотые часы съ цѣпочкой.

— Ура! единодушно загремѣлъ весь классъ, и на автора со всѣхъ сторонъ посыпались самыя искреннія поздравленія; каждый старался протѣсниться къ нему, чтобы пожать ему руку.

Когда же онъ подошелъ къ директору, чтобы принять пожалованный ему подарокъ, Энгельгардтъ собственноручно надѣлъ на него часы и затѣмъ крѣпко поцѣловалъ его со словами:

— Заходи же опять къ намъ: женѣ и дѣтямъ моимъ хочется также видѣть тебя.

— Благодарю васъ... пробормоталъ только въ

отвѣтъ Пушкинъ, взволнованный и тронутый до глубины души.

Но къ Энгельгардтамъ онъ на этотъ разъ опять-таки не попалъ. Ему подали французскую раздушенную записочку отъ Екатерины Андреевны Карамзиной:

»Гдѣ вы это пропадаете, Александръ? Мы всѣ хотимъ лично поздравить васъ съ монаршей милостью. Цѣлый вечеръ мы дома.«

Оставалось выбирать между двумя домами: Энгельгардтовъ и Карамзиныхъ. Надо ли говорить, что выборъ былъ не въ пользу Энгельгардтовъ?

Карамзины приняли его, какъ говорится, съ открытыми объятіями. Дѣти его уже не дичились, и младшіе тотчасъ полѣзли къ нему на колѣни, чтобы ощупать собственными руками на жилетѣ его тоненькую золотую цѣпочку, прикладываться ушкомъ къ тикающимъ часамъ. Старшая дѣвочка, Сонюшка, полузастѣнчиво предложила прогулку на лодкѣ по большому пруду; но когда она, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, взялась за вёсла, то сперва отъ излишняго усердія, а потомъ, подобно ему, изъ шалости, забрызгала всѣхъ водою. По возвращеніи домой, она шопотомъ упросила мать дозволить ей быть хоть разъ хозяйкой и, рдѣя отъ удовольствія, сама разливала чай.

Екатерина Андреевна, съ своей стороны, была также очень сообщительна, причемъ главной тэ-

мой ея бесѣды были успѣхи ея и мужа ея при дворѣ. Пушкинъ развязно оспаривалъ ея мнѣнія и на каждое колкое замѣчаніе обидчивой аристократки находилъ не менѣе острый, но вѣжливый отвѣтъ. Николай Михайловичъ съ серьезной улыбкой благодушно слушалъ препирательства обоихъ и изрѣдка лишь сдерживалъ чрезмѣрную горячность пылкаго лицеиста словами:

— Ну, полно! Кто смѣетъ доказывать дамамъ, что онѣ ошибаются?

Съ этихъ поръ Пушкина какъ-то неодолимо влекло уже къ Карамзинымъ, да и они къ нему скоро такъ привыкли, что, когда проходило дня 3—4 и онъ не показывался, они посылали въ лицей узнать, здоровъ ли онъ. Самъ Николай Михайловичъ любилъ бесѣдовать съ развитымъ не по лѣтамъ юношей, прочитывалъ ему цѣлыя главы своей ненапечатанной еще »Исторіи Государства Россійскаго« и внимательно выслушивалъ его незрѣлыя часто, но всегда почти мѣткія сужденія; кончалъ же обыкновенно тѣмъ, что гналъ его играть со своими дѣтьми въ прятки, пятнашки, горѣлки. Съ дѣтьми Пушкинъ рѣзвился какъ ребенокъ, но находилъ, казалось, еще особенное наслажденіе подтрунивать надъ ними, тормошить ихъ и физически, пока не доводилъ до слезъ. Тогда вступалась въ дѣло Екатерина Андреевна, спорить съ которою ему, повидимому, также доставляло большое удовольствіе; а она, хотя и обходилась съ нимъ какъ

съ мальчикомъ, но, въ то-же время, находила-таки нужнымъ горячо отбиваться отъ его остроумныхъ нападокъ.

Та цѣль, для которой Энгельгардтъ открылъ лицеистамъ доступъ въ свою семью — »шлифовка наружная и душевная« — достигалась понемногу Пушкинымъ въ семьѣ Карамзиныхъ, а также въ другихъ семейныхъ домахъ Царскаго, куда приглашали молодаго поэта: въ дамскомъ обществѣ онъ поневолѣ нѣсколько сдерживалъ, умѣрялъ рѣзкіе порывы своего необузданнаго нрава, поневолѣ »шлифовался«, облагораживался. Кромѣ Карамзиныхъ, онъ бывалъ въ домахъ: коменданта Царскаго Села графа Ожаровскаго, Вельо, Севериной, барона Теппера де-Фергюсона (учителя пѣнія въ лицеѣ); но чаще другихъ въ домѣ лицейскаго товарища своего Бакунина, родители котораго и молоденькая сестра жили это лѣто также на дачѣ въ Софіи. Дѣвица Бакунина была такъ мила, что не только Пушкинъ, но и двое ближайшихъ друзей его: Дельвигъ и Пущинъ посвятили ей не одинъ мадригалъ.

Заходилъ Пушкинъ, наконецъ, и къ старушкѣ-теткѣ Дельвига, которая прибыла изъ Москвы погостить въ Царскомъ и привезла съ собой 8-ми лѣтнюю сестричку барона, Мими или Машу. Послѣдняя, при первой же встрѣчѣ, подобно »большимъ« барышнямъ, пристала къ Пушкину, чтобы онъ написалъ ей что-нибудь въ альбомъ.

— Да развѣ вы, Мими, не получили отъ Тоси тѣхъ стиховъ, чтó я написалъ вамъ на Рождествѣ? спросилъ Пушкинъ.

— Ну, что-жъ это за стихи! замѣтила недовольнымъ тономъ хорошенькая дѣвочка и встряхнула своими бѣлокурыми локонами.

»Вотъ тоже критикъ нашелся!« подумалъ Пушкинъ и сталъ допытываться:

— Такъ стихи мои, значитъ, не хороши?

— Н—нѣтъ.

— Почему же?

— Потому, что вы говорите тамъ неправду.

— Неправду?

— Ну, да:

»Вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать било...«

Развѣ вамъ было ужь тогда семнадцать?

Пушкинъ принужденно расхохотался.

— Теперь мнѣ навѣрное столько: спросите хоть кого. И почемъ вы, Мими, знаете, сколько мнѣ лѣтъ?

— Я не Мими теперь, а Маша... поправила она его. — Вѣдь, я знаю же, что вы на годъ почти моложе Тоси? А сами еще говорите дальше, что не лжете:

»Уже я старъ, мнѣ незнакома ложь:
Послушайте, Амуръ, какъ вы, хорошъ;
Амуръ — дитя, Амуръ на васъ похожъ...«

Кто это такой — Амуръ? я его никогда не видала.

— Рано захотѣли! снова разсмѣялся Пушкинъ.

— Ну вотъ, вы все смѣетесь; значитъ, опять ложь: Амуръ — какой-нибудь уродецъ, и вы только насмѣялись надо мною!.. надула она губки.

— Нѣтъ, ей-Богу, Амуръ — премиленькій мальчуганъ! серьезно увѣрилъ ее Пушкинъ. — Если вамъ угодно, Машенька, я, пожалуй, напишу что-нибудь другое.

Пасмурное личико дѣвочки разомъ прояснилось и просіяло.

— Ахъ, да! вскричала она. — Только, пожалуйста, не пишите такъ важно: »Къ баронессѣ Марьѣ Антоновнѣ Дельвигъ«, а просто, какъ слѣдуетъ: »Къ Машѣ«.

— Слушаюсь, сударыня, будетъ исполнено, съ комическою почтительностью отвѣчалъ нашъ поэтъ и на слѣдующій же день преподнесъ ей стихи, которые ей понравились несравненно больше и которые начинаются такъ:

»Вчера мнѣ Маша приказала
Въ куплеты рифмы набросать...«

Въ той-же мѣрѣ, какъ Пушкинъ втягивался въ мирную семейную жизнь, онъ удалялся отъ веселаго гусарскаго кружка, и только къ гусару-мыслителю Чаадаеву заглядывалъ еще довольно часто; а когда не заставалъ его дома, то бралъ у него съ полки какую-нибудь капитальную книгу и, усѣвшись съ ногами на диванъ, жадно пожиралъ страницу за страницей. Какъ вѣрно оцѣ-

нилъ онъ уже тогда этого замѣчательнаго человѣка, показываетъ слѣдующее четверостишіе его про Чаадаева:

»Онъ высшей волею небесъ
Проводитъ жизнь на службѣ царской;
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ — Периклесъ,
У насъ онъ — офицеръ гусарскій.«

Въ самое короткое время съ Пушкинымъ, какъ съ какимъ-то сказочнымъ героемъ, совершилось удивительное превращеніе. Напрасно товарищи зазывали его играть на Розовое поле; съ видимой неохотой ходилъ онъ въ ихъ компаніи даже на музыку. По вечерамъ только его видѣли въ томъ или другомъ семейномъ домѣ; а затѣмъ, на весь день онъ дѣлался невидимкой. За общимъ же чаемъ, за обѣдомъ, среди окружающаго говора и смѣха онъ погружался въ мечтанія и шевелилъ губами, словно разсуждая самъ съ собой.

— Какой онъ странный сталъ! толковали межъ собой про него товарищи. — Точно его подмѣнили... околдовали!

Вскорѣ загадка, казалось, разъяснилась. Однажды, нѣсколько товарищей его, на прогулкѣ по парку, забрели случайно въ отдаленную, заброшенную аллею и застали его тамъ врасплохъ. Съ открытыми, неподвижно-вытаращенными глазами, ничего какъ-бы передъ собой не видя, Пушкинъ шагалъ по небольшой площадкѣ взадъ и впередъ, театрально разводя по воздуху рука-

ми и декламируя какія-то рифмованныя фразы, то возвышая голосъ, то понижая его опять до чуть слышнаго шопота.

— Ч-ш-ш-ш! сказалъ Илличевскій, останавливая другихъ движеніемъ руки.— Не видите развѣ: лунатикъ!

— Ну, да! лунатикъ при солнечномъ свѣтѣ! отозвался другой лицеистъ.

— Вѣрнѣе всего съ панталыку сбился, какъ прошлой осенью Кюхельбекеръ, замѣтилъ графъ Брогліо:—взбѣсился отъ жары либо отъ собственныхъ стиховъ. Пёшель назвалъ бы его болѣзнь стихоманіей.

— Нѣтъ, господа, болѣзнь его сидитъ глубже — въ самомъ сердцѣ! рѣшилъ Илличевскій.— Эй, Пушкинъ! скажи-ка, признайся: по комъ это опять у тебя заговорило ретивое?

Теперь только, казалось, Пушкинъ замѣтилъ кучку товарищей, наблюдавшихъ за нимъ.

— Чтò вамъ нужно отъ меня? сурово произнесъ онъ, оглядывая ихъ сверкающимъ взоромъ. — Оставьте меня въ покоѣ...

— Заговорило ретивое! повторилъ насмѣшливо Илличевскій.— »Не хочу учиться, хочу жениться.«

— Чтò? чтò ты сказалъ? вспылилъ Пушкинъ и, съ сжатыми кулаками, такъ грозно подступилъ къ нему, что Илличевскій съ комическимъ ужасомъ отретировался за ближнее дерево.

— Ай, ай, укуситъ!

— Я говорю вѣдь, что онъ взбѣсился, сказалъ Брогліо: — уйдемте лучше отъ бѣды.

— Шуты гороховые! клоуны! буркнулъ Пушкинъ и быстро удалился.

Въ этотъ день у лицеистовъ не было другихъ толковъ, какъ о Пушкинѣ, у котораго »заговорило ретивое«. Особенно внимательно прислушивался къ этимъ толкамъ одинъ товарищъ — князь Горчаковъ, — прислушивался и молчалъ. Но на другое утро, когда Пушкинъ опять исчезъ куда-то, онъ отправился розыскивать его и нашелъ его на любимомъ его полуостровѣ у большаго пруда. Пушкинъ лежалъ на спинѣ въ травѣ и мечтательно глядѣлъ въ вышину.

— Я тебѣ не мѣшаю, Пушкинъ? тихо спросилъ Горчаковъ.

— Ахъ, это ты, князь? промолвилъ Пушкинъ мягкимъ, какъ-бы разслабленнымъ голосомъ, мелькомъ взглядывая на него. — Ты зачѣмъ-нибудь искалъ меня?

— Нѣтъ, я такъ... гулялъ просто... А ты, Пушкинъ, что̀ тутъ дѣлаешь?

— Да вотъ, любуюсь облаками. Прелесть какъ хороши!

— Можно прилечь къ тебѣ?

— Сдѣлай милость.

Горчаковъ опустился на траву, прилегъ на спину рядомъ съ нимъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, согласился онъ; — вѣдь что̀ такое въ сущности облака? Туманъ, холодный

паръ; а вонъ какъ на солнцѣ сіяютъ! смотрѣть даже больно... Но что̀ всего интереснѣе, знаешь, такъ это то̀, что эти дымчатыя, волнистыя массы каждый мигъ совершенно незамѣтно мѣняютъ форму, и то̀, что̀ сейчасъ только представляло какую-то безобразную глыбу или страшное чудище, въ слѣдующую минуту обращается уже въ смѣющееся лицо или въ фантастическое, волшебное видѣніе. Не то-же ли и со всѣмъ въ мірѣ? Съ передвиженіемъ нашимъ въ пространствѣ времени не мѣняются ли точно также вокругъ насъ всѣ обстоятельства, а съ ними не мѣняются ли и наши собственныя мысли и убѣжденія? То̀, что̀ насъ вчера еще пугало или печалило, сегодня уже, можетъ быть, насъ веселитъ или плѣняетъ?

— Ты, Горчаковъ, самъ, можетъ быть, не знаешь, какъ вѣрно твое замѣчаніе... произнесъ Пушкинъ, но произнесъ такимъ тономъ, что пріятель быстро приподнялся на локоть и пристально всмотрѣлся ему въ лицо.

— И то вѣдь, Пушкинъ, ты въ короткое время до того измѣнился...

— Ты находишь? задумчиво улыбнулся Пушкинъ. — Да, въ груди у меня точно раскрылась потайная дверка, куда я еще самъ не смѣю заглянуть... Я самъ себя еще хорошенько не понимаю. Но одно несомнѣнно: что я пою теперь не съ чужаго голоса и не вымышленное, и, въ этомъ отношеніи, — какъ бы слабы ни были

мои нынѣшніе стихи, — они все-же неизмѣримо выше всего, что до сихъ поръ мною написано.

Дѣйствительно, стихотворенія той мечтательной полосы, которая нашла на Пушкина лѣтомъ 1816 года, представляютъ крутой переломъ въ его поэтической дѣятельности: въ звучныхъ строфахъ изливая волновавшія его смутныя чувства, онъ сдѣлалъ первый шагъ отъ подражаній къ самостоятельному творчеству, свернулъ съ чужихъ путей на свою собственную дорогу.

На другой же день послѣ описаннаго разговора съ Горчаковымъ, онъ самъ попросилъ у послѣдняго его альбомъ и вписалъ туда стихи, наглядно характеризующіе какъ его собственное тогдашнее душевное состояніе, такъ и свѣтлую личность Горчакова. Вотъ начало этого посланія:

»Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весной;
Въ послѣдній разъ, быть можетъ, я съ тобой,
Задумчиво внимая шумъ дубравный,
Надъ озеромъ иду рука съ рукой.
Гдѣ вы, лѣта безпечности недавной?
Съ надеждами, во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ,
Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ неравный,
И розный намъ оставить въ мірѣ слѣдъ;
Тебѣ рукой фортуны своенравной
Указанъ путь и счастливый, и славный —
Моя стезя печальна и темна.
И нѣжная краса тебѣ дана,
И нравиться блестящій даръ природы,
И быстрый умъ, и вѣрный, милый нравъ;
Ты сотворенъ для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забавъ...
Я слезы лью, я трачу вѣкъ напрасно.
Мучительнымъ желаніемъ горя...

Твоя заря — заря весны прекрасной,
Моя-жъ, мой другъ, — осенняя заря...

Когда, съ наступленіемъ осени, Карамзины и Бакунины, два наиболѣе дорогія Пушкину семейства, съѣхали съ дачи, его одолѣла сперва невыносимая тоска, разрѣшившаяся цѣлымъ рядомъ элегій: »Осеннее утро«, »Разлука«, »Опять я вашъ, о, юные друзья!« и проч.

Въ такомъ-то настроеніи застало его и письмо вѣрной его няни Арины Родіоновны, присланное изъ села Михайловскаго. *) Отдаленный привѣтъ ея нашелъ живой откликъ въ воспріимчивомъ сердцѣ поэта, и въ большомъ стихотвореніи своемъ »Сонъ« онъ посвятилъ ей слѣдующія строки, едва ли не самыя поэтическія за все время пребыванія его въ лицеѣ:

»Ахъ, умолчу-ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,

---

*) Письмо это, къ сожалѣнію, не сохранилось. Но, чтобы дать хоть нѣкоторое понятіе о корреспонденціи этой рѣдкой въ наше время няни съ ея любимцемъ, мы приводимъ здѣсь другое письмо ея, писанное къ нему 10 лѣтъ спустя:

»Любезный мой другъ Александръ Сергѣевичъ — я получила письмо и деньги, которыя вы мнѣ прислали. За всѣ ваши милости я вамъ всѣмъ сердцемъ благодарна — вы у меня безпрестанно въ сердцѣ и на умѣ, и только когда засну, забуду васъ. Пріѣзжай, мой Ангелъ, къ намъ въ Михайловское — всѣхъ лошадей на дорогу выставлю. Я васъ буду ожидать и молить Бога, чтобы Онъ далъ намъ свидѣться. Прощай мой батюшко Александръ Сергѣевичъ. За ваше здоровье я просвиру вынула и молебенъ отслужила — поживи, дружечикъ, хорошенько, — самому слюбится. Я слава Богу здорова — цѣлую ваши ручки и остаюсь васъ многолюбящая няня ваша

»Тригорское, марта 6.« *»Арина Родіоновна.«*

Когда въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньи,
Она, духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня,
И шопотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы.
Отъ ужаса не шелохнусь, бывало;
Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы;
Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины
Чуть освѣщалъ глубокія морщины.
Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ
И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало —
Все въ душу страхъ невольный поселяло;
Я трепеталъ, и тихо наконецъ
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой, съ лазурной высоты
На ложе розъ крылатыя мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали;
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ;
Въ глуши лѣсной, средь муромскихъ пустыней,
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней —
И въ вымыслахъ носился юный умъ...«

Тогда же пробужденныя въ памяти молодого поэта забытыя нянины сказки зародили въ пылкомъ воображеніи его новые волшебные образы, которые, понемногу воплощаясь, сложились, наконецъ, въ его первую большую поэму: »Русланъ и Людмила.«

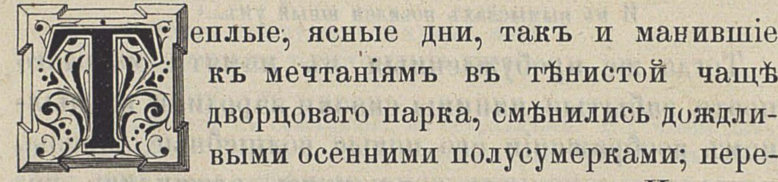

Глава XXIII.

Яблочная экспедиція.

›Не спи, казакъ: во тьмѣ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.‹
(Кавказскій плѣнникъ.)

Ляхи: »Побѣда! побѣда! Слава царю Димитрію!«
Димитрій: ›Ударить отбой! Мы побѣдили! Довольно; щадите русскую кровь. Отбой!«
(Борисъ Годуновъ.)

Теплые, ясные дни, такъ и манившие къ мечтаніямъ въ тѣнистой чащѣ дворцоваго парка, смѣнились дождливыми осенними полусумерками; перелетныя птицы — дачники — покинули Царское; удивительно ли, что »элегическая« полоса у нашего поэта уступила мѣсто полосѣ »гусарской«?

Первый толчокъ къ тому, впрочемъ, далъ опять графъ Брогліо. Проходя разъ, на послѣобѣденной прогулкѣ съ товарищами, мимо фруктоваго сада царскаго садовника Лямина, Брогліо выразительно мигнулъ Пушкину на виднѣвшіяся за высокимъ заборомъ яблони, густо увѣшанныя прозрачными какъ воскъ, наливными яблоками:

— Вотъ бы гдѣ поживиться!

— »Хоть видитъ око,
Да зубъ нейметъ,«

отозвался Пушкинъ, немалый также охотникъ до фруктовъ.

— Это еще бабушка на̀-двое сказала.

Пушкинъ, недоумѣвая, оглянулся на говорящаго.

— Что такое?

Тотъ подмигнулъ ему однимъ глазомъ на шедшаго впереди гувернера Чирикова.

— Отстанемъ немножко...

Пропустивъ впередъ всю партію товарищей, онъ вполголоса продолжалъ:

— Хоть ты, Пушкинъ, въ послѣднее время и сталъ какимъ-то филистеромъ, однако, не разучился же еще играть въ чехарду?

— Не думаю.

— Такъ мудрость ли для такихъ двухъ молодцовъ, какъ мы, перемахнуть черезъ этакій заборъ?

Теперь Пушкинъ понялъ искусителя.

— Не большая, пожалуй, мудрость, сказалъ онъ; — но, не говоря уже о томъ, что чужое добро въ прокъ нейдетъ...

— Увидишь, какъ еще пойдетъ въ прокъ! усмѣхнулся Брогліо: — только слюнки потекутъ.

— Нѣтъ, я говорю о правѣ собственности. Помнишь, что̀ вчера еще читалъ намъ на лекціи Куницынъ...

— Поди ты съ своимъ Куницынымъ! А впрочемъ, и онъ же вѣдь разсказывалъ намъ, что за-границей: въ Швейцаріи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи, прохожимъ не запрещаютъ рвать по дорогѣ фрукты, лишь бы въ карманъ не клали.

— То-то вотъ! А ты, братъ, развѣ ничего тоже въ карманъ себѣ не положишь?

Брогліо расхохотался.

— Если положу, то только изъ высшихъ политико-экономическихъ видовъ: чтобы дорогаго времени не терять. Вѣдь, въ сущности, все единственно: за разъ ли я сорву десять яблокъ, или же десять разъ по одной штукѣ?

— Какъ ты хорошо вдругъ политическую экономію раскусилъ!

— »Науки юношей питаютъ,«

а хорошія яблоки тѣмъ паче. Ну, а коли уже разсчетливые нѣмцы на произрастенія природы смотрятъ какъ на даръ Божій, такъ какъ же тебѣ, русскому человѣку, съ широкой твоей натурой, иначе смотрѣть?

Когда кто желаетъ, чтобы его убѣдили, то онъ легко поддается и на софизмы. И Пушкинъ началъ сдаваться.

— Но вѣдь у Лямина, ты знаешь, есть въ саду всегда караульщики, еще возразилъ онъ.

— А у насъ есть свои орудія защиты, отвѣ-

чалъ Брогліо, самодовольно показывая свои здоровенныя кулачища.

— Но эти естественныя орудія могутъ не устоять противъ ихъ искуственныхъ орудій — дубинокъ.

— Гмъ... да; это вопросъ, требующій серьезнаго соображенія. Э! да что тутъ! Надо будетъ только уравнять силы — если не качествомъ, то количествомъ: завербовать въ нашу экспедицію еще кой-кого изъ гоголь-моголистовъ. Это все тоже будущіе военные люди.

— Кромѣ Дельвига.

— Ну, тотъ — ночной колпакъ, прямая штафирка!

— Такъ его, значитъ, лучше и не тревожить?

— Господь съ нимъ! Ты переговори съ Пущинымъ, а я съ Малиновскимъ и Тырковымъ. Надо будетъ намъ только еще выбрать начальника экспедиціи, атамана.

— И выбирать нечего: кому же, Брогліо, быть атаманомъ, какъ не тебѣ, нашей маткѣ?

— А коли такъ, то я за успѣхъ отвѣчаю. Къ вечеру отправимся всѣ въ городъ и ровно въ половинѣ десятаго сберемся подъ заборомъ; рѣшено?

— И подписано.

»Гусарская« струя подхватила Пушкина и увлекла его съ собой. Передавая, затѣмъ, Пущину планъ предстоящей »кампаніи«, онъ былъ очень краснорѣчивъ. Но даже мнимо-научные

доводы Брогліо, которые онъ въ заключеніе повторилъ ему, не могли вполнѣ убѣдить его болѣе разсудительнаго друга.

— Да понимаешь ли, съ сердцемъ воскликнулъ Пушкинъ: — если уже самъ Куницынъ того же мнѣнія...

— Того же ли? усомнился Пущинъ. — Если хочешь, пойдемъ сейчасъ и узнàемъ: онъ кстати здѣсь...

— Съ ума ты сошелъ! Какъ педагогъ и человѣкъ штатскій, онъ насъ, понятно, не одобритъ и еще помѣшаетъ намъ.

— Что же я говорю?

— Нѣтъ, спроси любаго военнаго...

— Напримѣръ, Чаадаева?

Пушкинъ нетерпѣливо дернулъ плечомъ.

— У Чаадаева совсѣмъ особые взгляды на вещи, сказалъ онъ.

— Положимъ; но чего ближе — спросимъ, наконецъ, нашего же товарища Вальховскаго: онъ тоже будущій военный. Чтò онъ скажетъ — тому и быть.

— Ты, Пущинъ, кажется, нарочно хочешь бѣсить меня!

Пущинъ ласково улыбнулся.

— Я хочу только доказать тебѣ, что какъ ни разсуждай, а чернаго не сдѣлать бѣлымъ.

— Но ежели я разъ слово далъ...

— Ну, вотъ это резонъ! Давши слово, держись, а не давши, крѣпись. Сдѣлаться посмѣшищемъ

какого-нибудь Бргліо или Тыркова тебѣ уже не приходится.

Пушкинъ опять встрепенулся.

— Вотъ видишь ли! подхватилъ онъ. — Ты, стало быть, для друга все же не откажешься?

— Для друга я готовъ не только въ огонь и въ воду, но даже... чужихъ яблокъ поѣсть! шутливо отвѣчалъ Пущинъ.

Въ тѣ времена уличные фонари съ масляными лампами представляли еще по всей Россіи нѣкоторую роскошь. Въ Царскомъ Селѣ, правда, какъ въ лѣтней резиденціи императорской фамиліи, главныя улицы пользовались уже этою роскошью. Но тотъ переулокъ, куда выходилъ фруктовый садъ царскаго садовника Лямина, къ концу дня погружался въ темноту. Въ довершеніе всего, въ описываемый день было новолуніе, и потому, когда участники яблочной экспедиціи въ урочный часъ стали сходиться подъ завѣтнымъ заборомъ, имъ сквозь непроглядный мракъ сентябрьской ночи не было даже видно другъ друга, и только по голосамъ они могли разобрать, кто прибылъ, кто нѣтъ.

Вотъ и всѣ были уже на лицо, кромѣ одного, самаго главнаго — атамана.

— Самъ же, вѣдь, подбилъ насъ, а теперь вотъ не угодно ли ждать! вполголоса толковали межъ собой заговорщики.

— Хорошо, что хоть дождя-то нѣтъ...

— Зато вѣтеръ какой! такъ вотъ насквозь и пробираетъ.

Какъ бы въ отвѣтъ, изъ-за забора донесся сердитый шелестъ деревъ, а вдоль по переулку пронесся холодный осенній вихрь.

— Сколько же времени ждать его? Вѣрно, опять у Каверина заболтался, ворчали лицеисты, отъ холода сбиваясь въ кучу.

— Я предложилъ бы маленькую рекогносцировку, сказалъ Пущинъ: — по крайней мѣрѣ, выяснили бы, гдѣ опасность.

— Кого же послать?

— Да-меня пошлите! молодцовато вызвался Тырковъ.

— Ори громче! напустился на него Малиновскій. — Тебя послать, такъ ты навѣрное опять наглупишь.

— Дайте, я пойду, сказалъ Пушкинъ: — я ростомъ всѣхъ васъ меньше, и потому легче укроюсь...

— Ты и увертливѣе всѣхъ насъ, добавилъ Малиновскій.

— Да и смышленѣе, заключилъ Пущинъ. — Выслѣди сперва сторожей, а потомъ посмотри: нельзя ли открыть намъ калитку.

— Хорошо. Не подставитъ ли мнѣ, господа, кто-нибудь изъ васъ спины?

— На̀, сказалъ Малиновскій, самый рослый изъ наличныхъ заговорщиковъ, и, упершись ладонями въ заборъ, наклонился. Пушкинъ едва

лишь прикоснулся къ его плечамъ, какъ вслѣдъ затѣмъ, товарищи услышали уже легкій прыжокъ его въ садъ.

— Благополучно? спросилъ тихо Пущинъ.

— Благополучно, былъ такой же отвѣтъ.

Пока оставшіеся подъ заборомъ выжидали результата рекогносцировки, ихъ лазутчикъ ощупью, тихомолкомъ пробирался впередъ, въ непроглядной темнотѣ то запинаясь ногой о заглохшую траву, то натыкаясь на дерево или кустъ. Вдругъ мелькнулъ впереди слабый свѣтъ, донеслись звуки двухъ голосовъ. Пушкинъ различилъ въ пятнадцати шагахъ отъ себя, подъ нависшимъ деревомъ, сложенный изъ соломы, на подобіе копны, низкій шалашъ. Озарялся онъ тлѣющими угольями догоравшаго костра ровно на столько, что силуэтъ его выдѣлялся изъ окружающаго мрака. Голоса исходили изъ шалаша, откуда торчали также чьи-то ноги, обутыя въ лапти. Одинъ голосъ, отрывистый и грубый, принадлежалъ, очевидно, пожилому мужику, другой, свѣтлый и звучный — молодому парню.

»О чемъ это они говорятъ? не подозрѣваютъ ли чего?«

Осторожнѣе кошки переступая по травѣ, Пушкинъ подкрался ближе.

— И вотъ, братецъ ты мой, пришло ему расплачиваться за свои тяжкіе грѣхи, наставническимъ тономъ повѣствовалъ старшій караульщикъ. — Скрутили рабу Божьему лопатки, на-

дѣли наручники, кандалы желѣзные, поволокли въ острогъ.

»— Да за что же, говоритъ онъ, господа честные? помилосердствуйте! Живемъ мы себѣ тихо, смирно, благородно...

»— Сиди, молъ, тутъ, не гукни, да рѣшенія своего дожидай.«

— А что, дядя Пахомъ, много онъ ужь душъ христіянскихъ загубилъ? перебилъ разсказчика молодой парень.

— Въ тридцати повинился, а остальнымъ счетъ потерялъ.

— Ишь ты! А кровь-то, небось, вопіётъ?

— Вопіётъ.

— Больно мнѣ ужь занятно, когда этакъ ночью про разбойниковъ, либо домовыхъ да вѣдьмъ разсказываютъ! Жутко, а занятно! Разъ бы только, дяденька, такого душегуба увидѣть...

— Да нешто ты не видѣлъ?

— Когда?

— А Сазонова, дядьку лицейскаго.

— Ну, развѣ такіе, дяденька, душегубы бываютъ!

— Рожа самая, что ни на есть, продувная, разбойничья. Какую тебѣ еще надо?

— А мнѣ такъ всегда сдавалось, примѣрно, что у такого глазища въ пивной котелъ, усищи въ косую сажень, изъ ноздрей дымъ, изъ ушей паръ...

»Вотъ дурень! подумалъ Пушкинъ. — Ну, да

они тутъ до утра прокалякаютъ. Пойти къ своимъ...«

Онъ повернулъ обратно. Но за темнотой онъ не разглядѣлъ на землѣ сухаго древеснаго сучка, который подъ ногой его вдругъ громко хрустнулъ. Онъ замеръ на мѣстѣ. Караульщики также разслышали предательскій звукъ.

— Слышалъ, Митька? спросилъ дядя Пахомъ. — Словно бы кто на хворостъ наступилъ?

— Это, дяденька, вѣтеръ сучокъ обломилъ, отозвался Митька.

— Выдь, посмотри. Какъ бы воровъ не прозѣвать.

Лапти передъ сторожкой зашевелились. Пушкину некогда даже было удрать незамѣченнымъ. Онъ мигомъ растянулся на сырой землѣ позади шалаша.

— Ни зги не видать, хошь глазъ выколи, говорилъ надъ нимъ паренъ, вылѣзшій на вольный воздухъ. — Вѣрно, что вѣтеръ. Вона, какъ яблони качаетъ! Слышь, скрипятъ какъ?

— Ну, ладно; полѣзай назадъ.

Пушкинъ началъ опять тихонько приподниматься; но разговоръ въ сторожкѣ невольно заинтересовалъ и задержалъ его.

— И что же, дядя Пахомъ, онъ изъ острога-то убёгъ? спрашивалъ Митька.

— Убёгъ, отвѣчалъ Пахомъ; — да еще какимъ, братецъ ты мой, манеромъ!

— Какимъ?

»— Здравствуйте, говоритъ, господа колоднички, станичники удалые! не пора ли вамъ на волюшку?

»— Вѣстимо, пора, говорятъ; — да какъ отселева выберешься? Караулы крѣпкіе, рѣшетки желѣзныя...

»— Подайте уголекъ да воды, говоритъ.

»Подали. Написалъ онъ это на стѣнѣ, вишь, уголькомъ лодочку, плеснулъ водой. Глядь: заправская лодка на волнахъ качается.

»— Садись, братцы, не зѣвай!

»Сѣли они это въ лодочку, ударили въ весла и поплыли куда надо!«

— Такъ и ушли?

— Такъ и поминай, какъ звали. Поди, лови ихъ! На Волгѣ, почитай, по сю пору шалятъ. Чу! это что же?

Пушкинъ также насторожился. Отъ забора, гдѣ онъ оставилъ пріятелей, явственно донеслась звонкая соловьиная трель.

»Брогліо!« смекнулъ тотчасъ Пушкинъ, потому что молодой графъ (какъ, вѣроятно, припомнятъ читатели) у заѣзжаго фокусника перенялъ искуство свистать соловьемъ. — Знакъ мнѣ подаетъ...«

— Ровно соловей щелкнулъ? разсуждалъ, между тѣмъ, въ сторожкѣ дядя Пахомъ. — Время-то осеннее, совсѣмъ не соловьиное. Что-то, милый ты мой, неладно...

Соловьиный рокотъ повторился. Рискуя быть

услышаннымъ, Пушкинъ со всѣхъ ногъ бросился вонъ. Онъ давеча уже настолько изучилъ мѣстность, что безъ особыхъ затрудненій достигъ забора. Здѣсь онъ прислушался: погони не было.

— Гдѣ вы, господа? тихо окликнулъ онъ товарищей.

— Тутъ, раздалось вблизи въ отвѣтъ.

— Мы думали, тебя ужь схватили, заговорилъ голосъ атамана, графа Брогліо. — Ну, что?

— Меня, въ самомъ дѣлѣ, чуть-было не накрыли; а тутъ старикъ сталъ пересказывать одну волжскую быль, должно быть, про Стеньку Разина. Такая, я вамъ скажу, прелесть, что сама въ поэму просится...

— Такъ и есть! прервалъ, негодуя, Брогліо. — Его посылаютъ за дѣломъ, а онъ, вишь, уши развѣсилъ, сказочки слушаетъ. Калитку-то хоть отыскалъ?

— Нѣтъ еще.

— Ну, вотъ!

— Сейчасъ, братъ, поищу; успокойся.

Калитка скоро была найдена, и — что̀ еще важнѣе — она оказалась не на запорѣ, а на задвижкѣ, такъ что Пушкинъ могъ тотчасъ впустить сообщниковъ въ заповѣдный садъ.

— Не забудьте, однако, господа, предупредилъ онъ,— что караульщики не дремлютъ: они слышали тоже, Брогліо, твой соловьиный свистъ...

— А мы, думаешь, дремать станемъ? отозвался Брогліо. — Я влѣзу на дерево, потрясу его, а

вы, знай, подбирайте. Но чтобы насъ какъ-нибудь не захватили врасплохъ, — ты, Пушкинъ, ступай-ка опять на аванпостъ, покарауль. Только, сдѣлай ужъ милость, не заслушивайся.

Такое напоминаніе было не лишнее. Когда Пушкинъ осторожно добрался до »аванпоста«, тэмой ночной бесѣды дяденьки съ племянничкомъ хоть и не служили уже волжскіе разбойники, но все-таки разсказъ не менѣе прежняго соотвѣтствовалъ мрачной ночной обстановкѣ.

— Разрывъ-трава, братецъ ты мой, кочедыжникъ тожъ, великую силу въ себѣ имѣетъ, убѣжденно ораторствовалъ старшій караульщикъ. — Въ стары годы, слышно, лихіе люди: разбойники да чародѣи, все, что̀ награбятъ, въ яму зарывали; надъ ямой же дверь желѣзная, на двери три замка, а ключи — въ воду. Только нашему брату своей силой того клада никоимъ образомъ не поднять.

— Почему, дяденька, ежели съ молитвой?

— Молитва молитвой; а нечистая сила, что̀ стережетъ кладъ, тоже даромъ его не уступитъ. Вотъ на это-то и есть разрывъ-трава, цвѣтъ кочедыжника, что̀ землю и замки надъ кладомъ разрываетъ. А цвѣтетъ кочедыжникъ, сказываютъ, всего единожды въ годъ — въ Иванову ночь. Ровно въ полночь цвѣточная почка легонько этакъ треснетъ, развернется и вспыхнетъ голубымъ огонечкомъ, будто зарница. Тутъ его, значитъ, и рви. Только рвать-то надо тоже съ оглядкой, съ заговоромъ.

— Съ заговоромъ?

— А какъ же: нечистая-то сила сама подстерегаетъ, какъ бы сорвать сейчасъ цвѣтъ, какъ распустится. Лихаго человѣка нечего бояться, потому — все свой братъ, какъ-нибудь сладишь съ нимъ, осилишь; ну, а лѣшій мигомъ тебя обойдетъ: аукнуть не поспѣешь. Такъ тутъ безъ заговору никакъ невозможно.

— А ты, дядя Пахомъ, знаешь тоже заговоръ такой?

— Знать-то знаю...

— Обучи меня!

— Не такое, милый, время, да и не по твоему разуму.

— Ну, хошь такъ скажи, потѣшь!

Пахомъ откашлянулся.

— Примѣрно, я буду сказывать отъ себя, Пахома, да про Терехинъ боръ, куда ходилъ я тогда за разрывъ травой, пояснилъ онъ, и затѣмъ началъ:

»— Хожу я, рабъ Пахомъ, кругомъ острова, Терехина бора, по крутымъ оврагамъ, буеракамъ; смотрю я чрезъ всѣ лѣса: дубъ, березу, осину, липу, кленъ, ель, жимолость, орѣшину, по всѣмъ сучьямъ и вѣтвямъ, по всѣмъ листьямъ и цвѣтамъ. А было бы въ моей дубровѣ по живу, по добру, по здорову. А въ мою бы зелену дуброву не заходилъ ни звѣрь, ни гадъ, ни лихъ человѣкъ, ни вѣдьма, ни лѣшій, ни домовой, ни водяной, ни вихрь. А былъ бы я большой наболь-

шой, а было бы все у меня во послушаньи, а былъ бы я цѣлъ и невредимъ.«

— Ишь ты! подивился Митька. — А разрывъ-траву-то ты какъ добывалъ?

— Да такъ, въ самую Иванову ночь, незадолго до полуночи, никому не сказавшись, собрался одинъ въ тотъ Терехинъ боръ. Ночь, какъ бы теперь, темная-растемная, ни звѣздочки на небѣ. Какъ вошелъ этакъ въ лѣсъ — еще будто темнѣй да страшнѣй; дерева кругомъ ровно шепчутся надъ тобой. Иду впередъ потихонечку; у самого сердце-то слышно ёкаетъ. Вдругъ это межъ кустовъ голубой огонекъ, слабый и махонькій, вспыхнулъ и запрыгалъ.

— Запрыгалъ?

— Да, запрыгалъ съ кочки на кочку, то вспыхнетъ, то потухнетъ, будто за собой манитъ. А тутъ еще кто-то рядомъ завылъ, да такъ протяжно, жалобно, — не то какъ сова, не то какъ волкъ... Сердце въ груди индо захолонуло; волосья на головѣ поднялись...

— Испужался?

— Испужаешься!

— А я бы, дяденька, нѣтъ! Я бы...

— Кто? ты-то?

— Я! Это что-жъ опять?... спросилъ храбрый Митька вдругъ измѣнившимся тономъ.

Пушкинъ, слушая ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не переставалъ все время прислушиваться и въ сторону своихъ сообщниковъ. Хотя порывистый

осенній вѣтеръ то и дѣло шумѣлъ и гудѣлъ въ окружающихъ яблоняхъ, но одно какое-то дерево въ отдаленіи по временамъ сотрясалось отъ корней до послѣдней вѣтки, какъ отъ сильной бури; и, вслѣдъ затѣмъ, на земь слышно сыпался яблочный градъ, сопровождаемый сдержанными криками и смѣхомъ.

— Ой, прямо въ спину!

— А мнѣ въ физію!

— Вольно же подставлять!

Крики-то эти, должно быть, и достигли слуха караульщиковъ.

— Никакъ грабятъ? смекнулъ дядя Пахомъ.— Вылѣзай-ка живо, глянь.

— Батюшка угодникъ, выручи! бормоталъ Митька. — Можетъ, лѣшій пошучиваетъ...

— Да есть на тебѣ крестъ?

— Есть.

— Такъ никакой лѣшій тебя пальцемъ не тронетъ. Ну, да пусти меня впередъ, что ли.

— Спасайтесь, братцы! успѣлъ только крикнуть своимъ Пушкинъ, какъ на него съ дубиной нагрянулъ уже Пахомъ.

— Одинъ попался! не уйдешь, братъ... говорилъ мужикъ-геркулесъ, сгребая своими жилистыми, словно медвѣжьими лапами нашего тоненькаго лицеиста, какъ цыпленка, въ охапку. — На̀, Митька, держи его... Вишь, мелюзга какая, а туда же — воровать! Мнѣ бы другихъ не упустить...

Митька оказался на дѣлѣ также коренастымъ и крѣпкимъ малымъ. Но, уступая ему въ мышечной силѣ, Пушкинъ былъ несравненно ловче его. Плотно схватившись, они, какъ два опытные кулачные бойца, водили другъ друга взадъ и впередъ по площадкѣ позади сторожки. Неизвѣстно, кто бы кого еще одолѣлъ, но тутъ долетѣлъ до нихъ сдавленный вопль Пахома: »Митька, выручай!« — и Митька, насильно оттолкнувъ отъ себя Пушкина, бросился въ потемкахъ на выручку дяди.

Пушкинъ не замедлилъ, разумѣется, послѣдовать за нимъ и поспѣлъ какъ-разъ во-время, чтобы, въ свою очередь, выручить одного изъ товарищей, съ которымъ ужь сцѣпился Митька. Но какъ храбро ни отбивался послѣдній, какъ онъ ни брыкался, а былъ-таки уложенъ на земь рядомъ съ дядей Пахомомъ, котораго должны были держать остальные три лицеиста.

— Не замай! ворчалъ Пахомъ. — Навалили всѣ разомъ, черти...

— Такъ ты, стало быть, признаешь, что наша взяла? спросилъ его атаманъ Брогліо.

— Вѣстимо... чего ужь тутъ... всѣ бока намяли...

— Не троньте ихъ, господа! Они, вѣдь, только свой долгъ исполняли. Но слушайте вы оба, повелительно обратился атаманъ къ двумъ плѣннымъ: — вы не тронетесь съ мѣста, покуда мы не будемъ за заборомъ. Понимаете?

— Понимаемъ, баринъ, понимаемъ...

— А мы на всякій случай заберемъ ваши дубины съ собой. За заборомъ найдете ихъ. Это — разъ. Второе: отнюдь не приносить никому жалобы.

— Ужь этого, ваша милость, какъ вамъ угодно-съ, не обѣщаемъ, возразилъ Пахомъ. — Сучья-то на деревѣ, чай, всѣ переломали, яблоки всѣ порастрясли, а намъ за то быть въ отвѣтѣ?

— Это вѣрно, Брогліо, замѣтилъ Пущинъ: — за что же имъ и нравственно еще отвѣчать?

— Не мѣшайся, пожалуйста, не въ свое дѣло! коротко отрѣзалъ Брогліо. — Вы выбрали меня, господа, атаманомъ и извольте слушаться. Жалуйтесь, братцы, коли хотите, отнесся онъ опять къ караульщикамъ; — но предупреждаю васъ: если съ насъ за это взыщутъ, то и вашимъ бокамъ не сдобровать. Такъ и зарубите себѣ на носу. А теперь, господа, стройся! налѣво кругомъ, маршъ!

Такъ блистательно окончилась знаменитая въ лѣтописяхъ лицея »яблочная экспедиція«. Остается только прибавить, что хотя Пушкинъ и не имѣлъ случая поживиться военной добычей — наливными яблоками, за то вѣрный другъ его Пущинъ братски подѣлился съ нимъ своей долей.

Побѣжденные, однако, не убоялись сдѣланной имъ побѣдителями угрозы. Въ слѣдующее же утро Брогліо былъ вызванъ на квартиру директора. Здѣсь его попросили въ кабинетъ.

Передъ Энгельгардтомъ, сидѣвшимъ въ креслѣ за письменнымъ столомъ, стояли два мужика: старикъ и молодой парень. Хотя наканунѣ за темнотою Брогліо и не разглядѣлъ своихъ двухъ противниковъ, но теперь сразу понялъ, что это они.

— Стойте тамъ, погодите, сказалъ ему Егоръ Антоновичъ, въ-полъоборота дѣлая ему знакъ рукой. — Ну, и потомъ, что же, другъ мой?

— Потомъ-съ... откашлянувшись, началъ дядя Пахомъ и бросилъ исподлобья испытующій, сумрачный взглядъ на молодаго графа. — Началъ я ихъ только этакъ дубасить, какъ съ яблони-то, ровно лѣшій, прыгъ мнѣ на шею четвертый! Ошалѣлъ я; такъ подъ сердце у меня и подкатило... А онъ меня кулакомъ по башкѣ еще здо̀рово хлясь!..

— Ну, хорошо, съ оттѣнкомъ уже нетерпѣнія перебилъ слишкомъ обстоятельнаго разсказчика Энгельгардтъ. — Они васъ обоихъ осилили?

— Какъ же, ваше превосходительство, не осилить, сами посудите...

— Хорошо. И чѣмъ же они кончили?

— Да кончили тѣмъ, что слово съ насъ взяли не вставать, доколѣ не выберутся, молъ, изъ саду; а напослѣдокъ еще пообѣщали: коли жалиться станемъ — бока намъ намять.

Егоръ Антоновичъ обернулся къ Брогліо.

— Подойдите сюда, графъ.

Слегка прихрамывая, тотъ подошелъ къ столу.

Директоръ взглянулъ на его ногу и спросилъ только:

— Вы узнаёте, конечно, этихъ людей? Что̀ вы скажете?

Брогліо искоса окинулъ жалобщиковъ надменнымъ взглядомъ и затѣмъ, съ холодною вѣжливостью, отвѣтилъ:

— Я не слышалъ начала, Егоръ Антонычъ, и потому не понимаю даже вашего вопроса.

— Онъ! онъ самый! злорадно вскричалъ тутъ дядя Пахомъ.

— Онъ! онъ! какъ эхо загорланилъ за нимъ Митька.

— Какой онъ? спросилъ Энгельгардтъ.

— Да атаманъ ихъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ Пахомъ. — По голосу сейчасъ призналъ. Самъ себя атаманомъ называлъ; да онъ же и мнѣ тогда чортомъ на шею вскочилъ. Ну, сударь, кулаки же у тебя! что̀ наши мужицкіе... Да не ты ли, батюшка, и соловьемъ-то̀ щёлкалъ?

— Я полагаю, графъ, что вы не станете теперь напрасно отпираться? заговорилъ Энгельгардтъ по-французски. — Васъ узнали по голосу и по соловьиному свисту; вы и въ играхъ съ товарищами всегда бываете атаманомъ; вы со вчерашняго дня храмлете; вы вчера отлучались въ городъ; вашъ мундиръ, наконецъ, только-что чинится портнымъ Малыгинымъ, потому что на немъ съ вечера почему-то лопнуло нѣсколько

швовъ. Видите, сколько явныхъ уликъ; довольно, я думаю, съ васъ?

— Вполнѣ, съ поклономъ отвѣчалъ графъ-атаманъ. — Но далѣе, пожалуйста, не допрашивайте: сообщниковъ своихъ я все равно не выдамъ.

— Я и не требую. Въ городѣ васъ было вчера 9 человѣкъ. Всѣ девятеро въ теченіи недѣли не сдѣлаютъ ни шагу изъ стѣнъ лицея.

— Но насъ было менѣе, Егоръ Антоновичъ...

— Я не прошу васъ выдавать, сколько васъ всѣхъ было; вы сами расквитаетесь межъ собой. Васъ же, графъ, я попрошу спуститься на время въ карцеръ. Я полагаю, что вы не найдете наказаніе слишкомъ строгимъ?

Графу осталось только опять учтиво шаркнуть.

— Съ своей стороны, я постараюсь по возможности выгородить васъ передъ его величествомъ, которому Ляминъ, безъ сомнѣнія, донесетъ о вашемъ подвигѣ, продолжалъ Энгельгардтъ. — Но надѣюсь, графъ, что это былъ послѣдній вашъ подвигъ въ этомъ родѣ?

Брогліо тщетно старался не выказать директору, какъ его смутила снисходительность послѣдняго.

— Вы, вѣроятно, не ошибетесь... пробормоталъ онъ, бѣгая глазами по сторонамъ.

— Съ виновныхъ будетъ взыскано по винѣ ихъ, обратился Егоръ Антоновичъ по-русски къ караульщикамъ. — Вамъ же, любезные, лучше

по-христіянски простить имъ ихъ обиду; а чтобы легче было забыть вамъ, такъ вотъ, возьмите отъ меня...

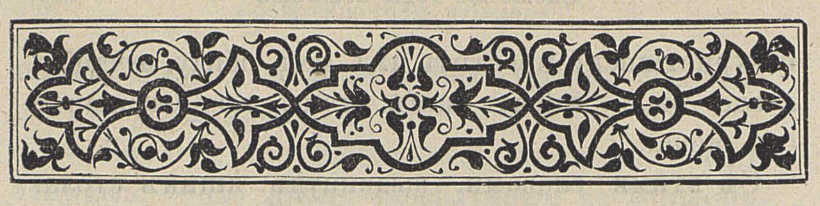
Съ этими словами, выдвинувъ ящикъ стола, онъ подалъ каждому по ассигнаціи. Когда тѣ, бормоча слова благодарности, съ поклонами выбрались вонъ, Брогліо поспѣшилъ вслѣдъ за ними въ прихожую.

— Погодите, братцы! остановилъ онъ ихъ и, доставъ изъ кармана изящный бисерный кошелекъ, вручилъ каждому еще по новенькому серебряному рублю: — Вотъ, выпейте за мое здоровье и не поминайте лихомъ.

Оба поклонились ему въ поясъ такъ низко, какъ не кланялись передъ тѣмъ и директору.

— Покорнѣйше благодаримъ вашу милость! Добромъ только вспомянемъ.

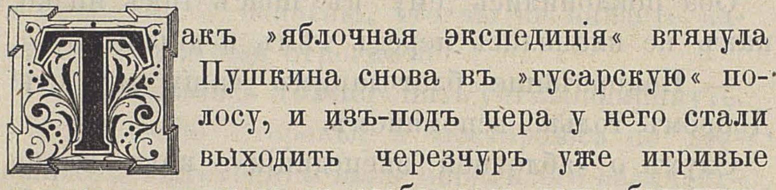
Слухъ о »яблочной экспедиціи«, какъ вѣрно предугадалъ Энгельгардтъ, дѣйствительно, дошелъ до императора Александра Павловича. Но Энгельгардтъ на докладѣ съумѣлъ освѣтить дѣло съ двухъ самыхъ выгодныхъ сторонъ: съ одной стороны — какъ простую ребяческую продѣлку; съ другой — какъ первую военную вылазку будущихъ воиновъ; а въ заключеніе увѣрилъ, что виновные понесли уже заслуженную кару. Государь улыбнулся и оставилъ виновныхъ безъ дальнѣйшихъ взысканій.

Глава XXIV.

Послѣдніе подвиги.

> »... Эхъ, Донъ-Жуанъ,
> Досадно, право. Вѣчныя проказы!
> А все не виноватъ...«
>
> (Каменный гость.)

Такъ »яблочная экспедиція« втянула Пушкина снова въ »гусарскую« полосу, и изъ-подъ пера у него стали выходить черезчуръ уже игривые куплеты, которые не одобрялись даже большинствомъ его товарищей. Однажды, выслушавъ отъ него подобное »гусарское« стихотвореніе, князь Горчаковъ отвелъ поэта въ сторону и дружески замѣтилъ ему, что такая поэзія, право, недостойна его прекраснаго таланта. Пушкинъ надулся, будто разсердился, но потомъ тѣхъ стиховъ уже никому не показывалъ и, вообще, сдѣлался на нѣкоторое время осмотрительнѣе въ выборѣ сюжетовъ.

Но благоразумія его хватило не на долго; лихое »гусарство« взяло верхъ, и вскорѣ пришлось

ему посчитаться съ самими гусарами. Вращаясь теперь постоянно въ ихъ кругу, онъ, при своей тонкой наблюдательности, живо подмѣтилъ слабости всякаго изъ нихъ, и вотъ, въ одинъ прекрасный день, въ Царскомъ Селѣ стала ходить по рукамъ стихотворная »Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ«. Хотя авторъ и не выставилъ подъ ней своего имени, но имя его передавалось устно вмѣстѣ съ пасквилемъ, и чѣмъ громче хохотали въ городѣ надъ двумя-тремя офицерами, которымъ въ немъ болѣе другихъ досталось, тѣмъ ближе принимали къ сердцу обиду оскорбленные. Одинъ изъ нихъ, Пашковъ, который попалъ въ куплетъ за свой несоразмѣрно-крупный носъ, до того разсвирѣпѣлъ, что поклялся, при первой же встрѣчѣ, до полусмерти избить »зубоскала«-лицеиста. На счастье свое Пушкинъ въ тѣхъ же стихахъ похвалилъ другаго гусара, графа Завадовскаго, за его щедрость, и тотъ, польщенный, вдругъ объявилъ, что стихи сочинены имъ, Завадовскимъ.

— Тѣмъ хуже для васъ, сударь! накинулся на товарища Пашковъ. — Съ вами мы будемъ драться на жизнь и смерть.

— Я къ вашимъ услугамъ, холодно отвѣчалъ Завадовскій, и ссора ихъ не обошлась бы просто, еслибы въ дѣло не вступился командиръ гвардейскаго корпуса Васильчиковъ. Созвавъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ полка, онъ сталъ усовѣ-

щевать двухъ противниковъ и, въ концѣ концовъ, кое-какъ успѣлъ помирить ихъ между собою.

Гусаръ-повѣса Каверинъ былъ также въ числѣ серьезно-обиженныхъ и простилъ Пушкину не ранѣе, какъ получивъ отъ него стихотворное покаяніе, начинающееся такъ:

»Забудь, любезный мой Каверинъ,
Минутной рѣзвости нескромные стихи;
Люблю я первый, будь увѣренъ,
Твои счастливые грѣхи...«

Естественно, что между нашимъ поэтомъ и друзьями его, гусарами, произошло временное охлажденіе. Тѣмъ усерднѣе началъ Пушкинъ посѣщать теперь два знакомые семейные дома въ Царскомъ: учителя музыки и пѣнія въ лицеѣ, барона Теппера-де-Фергюсона и коменданта города, графа Ожаровскаго. У перваго каждый вечеръ сбиралось къ чаю общество любителей музыки и пѣнія, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ устраивались литературныя бесѣды. Бесѣды эти заключались въ чтеніи чужихъ и своихъ произведеній и въ сочиненіи экспромтомъ стиховъ на заданныя тэмы. Нечего, кажется, говорить, что первое мѣсто между состязателями на этомъ полѣ принадлежало Пушкину. Изъ такихъ »экспромтныхъ« стихотвореній его сохранились два: французское и русское. Во французскомъ каждый куплетъ заканчивался припѣвомъ: »jusqu'au plaisir de nous revoir«, въ рус-

скомъ служила этимъ припѣвомъ любимая фраза одного изъ гостей Теппера: »съ позволенія сказать«.

У графа Ожаровскаго Пушкинъ сталкивался и съ нѣкоторыми изъ лицейскихъ профессоровъ. Въ числѣ ихъ былъ также профессоръ русской словесности Кошанскій, который, благодаря своей привлекательной внѣшности, своимъ изящнымъ манерамъ, а еще болѣе благодаря своей начитанности и искусной діалектикѣ, игралъ въ домѣ первенствующую роль. И что же? Онъ-то, мнѣніе котораго въ литературныхъ вопросахъ принималось здѣсь всѣми, какъ непреложный законъ, — онъ оказывался завзятымъ приверженцемъ »стараго« слога и тѣмъ недовѣрчивѣе относился къ стихамъ Пушкина, чѣмъ они были глаже.

— Гладко-съ, что̀ говорить, отзывался онъ, пожимая плечами: — только вѣдь, гдѣ гладко, тамъ и раскатишься, поскользнешься, особливо, коли еще многословіемъ разбавлено, водицей полито.

Отвѣтомъ на эти незаслуженныя придирки было посланіе нашего поэта: »Къ моему Аристарху« *). Перебѣливъ стихи, Пушкинъ самъ преподнесъ ихъ профессору.

— Вотъ, Николай Ѳедорычъ, взгляните, по-

*) *Аристархъ* — Александрійскій ученый, критиковавшій и исправлявшій стихи Гомера.

жалуйста; подражаніе греческому. Узнаете ли вы автора?

Кошанскій отличался большимъ присутствіемъ духа. На минуту только между бровями его показалась легкая складка. Прочитавъ стихи до конца, онъ такъ пристально взглянулъ въ глаза юному автору, что тотъ долженъ былъ отвести взоръ.

— Греческій оригиналъ мнѣ неизвѣстенъ, но русскій авторъ хорошо знакомъ, началъ профессоръ. — Версификація ваша хоть куда; стихи и остроумны, и звучны; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, въ нихъ все прежній недостатокъ: и по содержанію, и по формѣ они не въ мѣру легковѣсны. Вы укоряете »вашего Аристарха« въ ученой черствости:

»Я знаю самъ свои пороки,
Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
Твоей учености сухой,«

а сами же вслѣдъ затѣмъ признаёте:

»Конечно, бѣденъ геній мой:
За рифмой часто холостой,
На зло законамъ сочетанья,
Бѣгутъ трехстопные толпой
На *аю*, *аетъ* и на *ой*.
Еще немногія признанья:
Я ставлю (кто же безъ грѣха?)
Для мѣры, рифмы, восклицанья,
Для смысла, лишнихъ три стиха;
Не хорошо; но оправданья
Позволь мнѣ скромно принести:
Мои летучія посланья
Въ потомствѣ будутъ ли цвѣсти?«

Именно, »не хорошо«, ибо вамъ, при вашемъ

дарованіи, надо тщиться о томъ, чтобы они »цвѣли въ потомствѣ«. За одно люблю васъ, Пушкинъ, — за вашу прямоту; какъ откровенно вы вручили мнѣ сіе посланіе, такъ же откровенно сознаётесь, что, спустя рукава, слагаете свои вирши:

»Не думай, цензоръ мой угрюмый,
Что, лѣнью жертвуя стихамъ,
Объятый стихотворной думой,
Встаю... бѣснуюсь по ночамъ;
Что, засвѣтивъ свою лампаду,
Едва дыша, нахмуря взоръ,
Сижу, сижу три ночи сряду
И высижу — трехстопный вздоръ...«

Стихи вамъ даются, очевидно, легче, чѣмъ всякому другому; но и поэзія — дѣло, которое мастера боится; таинство, къ которому надо приступать осмотрительно и сознательно. А вы, любезнѣйшій, ка̀къ занимаетесь ею:

»Ужь утра яркое свѣтило
Поля и рощи озарило;
Давно пропѣли пѣтухи!
Въ полъ-глаза дремля и зѣвая,
Шапеля въ пѣсняхъ призывая,
Пишу короткіе стихи
Среди пріятнаго забвенья,
Склонясь въ подушку головой —
И въ простотѣ, безъ украшенья
Мои слагаю извиненья
Немного сонною рукой...«

Ну, согласитесь, порядокъ ли это для записнаго поэта? Оттого вы, при всемъ талантѣ, ничего путнаго до сей поры не написали.

— Лѣнь, Николай Ѳедорычъ, раньше насъ

родилась! старался отшутиться Пушкинъ, котораго доброжелательный тонъ профессора поневолѣ обезоружилъ.

— Надѣюсь, что время васъ отъ нея наконецъ излечитъ, со вздохомъ сказалъ Кошанскій. — За посланіе ваше всячески благодарю и буквально сдѣлаю тȯ, чтȯ вы прописываете »вашему Аристарху«:

»А ты, мой скучный проповѣдникъ,
Умѣрь ученый вкуса гнѣвъ!
Поди, кричи, брани другаго
И брось лѣнивца молодаго,
Объ немъ тихонько пожалѣвъ.«

Неумѣстная »гусарская« развязность со старшими прорывалась у Пушкина въ общеніи даже съ такими людьми, которыхъ онъ самъ ставилъ неизмѣримо выше себя, какъ, напримѣръ, съ Карамзинымъ. Знаменитый исторіографъ лѣто 1817 года проводилъ также на дачѣ въ Царскомъ. Въ срединѣ мая мѣсяца уже перебрался онъ съ семействомъ въ тотъ самый китайскій домикъ въ императорскомъ паркѣ, который занималъ предшествовавшее лѣто. Первые шесть томовъ своей »Исторіи Государства Россійскаго« онъ печаталъ, для скорости, одновременно въ нѣсколькихъ столичныхъ типографіяхъ, и въ Царское то и дѣло высылались къ нему корректуры, надъ которыми онъ просиживалъ ежедневно цѣлые часы. Неудивительно, что живой и остроумный поэтъ-лицеистъ, отвлекавшій его отъ этой

скучной работы, былъ для него всегда милымъ гостемъ. Встрѣчая со стороны Карамзина самый радушный пріемъ, Пушкинъ сталъ держать себя съ нимъ также черезчуръ уже просто.

Разъ дѣло чуть было не дошло до разрыва между ними. Карамзинъ охотно излагалъ внимательному молодому слушателю свои воззрѣнія на историческіе факты, причемъ, увлекаясь тэмой, иногда, какъ говорится, »хваталъ черезъ край«. Такъ, защищая Бориса Годунова, закрѣпившаго крестьянъ къ землѣ, онъ сталъ доказывать всѣ преимущества крѣпостнаго права.

— И такъ, вы рабство предпочитаете свободѣ! перебилъ Пушкинъ.

»Карамзинъ вспыхнулъ и назвалъ меня своимъ клеветникомъ (разсказываетъ объ этомъ случаѣ въ своихъ »запискахъ« самъ Пушкинъ). Я замолчалъ, уважая самый гнѣвъ прекрасной души. Разговоръ перемѣнился. Я всталъ. Карамзину стало совѣстно и, прощаясь со мной онъ ласково упрекалъ меня, какъ бы самъ извиняясь въ своей горячности:

»— Вы сказали на меня то, чего ни Шаховской, ни Кутузовъ на меня не говорили...«

Всѣ подобныя выходки сходили Пушкину благополучно. Но одна продѣлка его, сама по себѣ, пожалуй, также довольно невинная, едва не обошлась ему слишкомъ дорого: наканунѣ выпуска изъ лицея онъ былъ на волоскѣ отъ исключенія оттуда. Дѣло было такъ.

Въ числѣ фрейлинъ императрицы Елисаветы Алексѣевны состояла нѣкая княжна Волконская. Сама княжна была уже старушка, но при ней была молоденькая горничная Наташа, и та была такъ миловидна, что скоро обратила на себя вниманіе лицеистовъ. При случайныхъ встрѣчахъ съ нею они любезно кивали ей головой; Пушкинъ же сложилъ въ честь ея даже стихи.

Отправляясь по вечерамъ на музыку у дворцовой гауптвахты, молодежь должна была проходить туда черезъ дворецъ, длиннѣйшимъ темнымъ коридоромъ, куда выходили и комнаты фрейлинъ. Разъ Пушкинъ какъ-то позамѣшкался и не поспѣлъ вмѣстѣ съ другими. Попарно, шумной вереницей двигалась лицейская братія вокругъ полковаго оркестра передъ дворцомъ, между пестрой толпой горожанъ. Пущинъ, заключавшій шествіе, оглядывался по сторонамъ: не идетъ ли, наконецъ, его пара, Пушкинъ? Вдругъ кто-то сзади крѣпко схватилъ его подъ руку. Онъ обернулся и невольно отступилъ.

— Что̀ съ тобой, Пушкинъ?

Тотъ былъ красенъ, какъ вареный ракъ, тяжело переводилъ духъ и отиралъ лобъ платкомъ.

— Ч-ш-ш-ш! сказалъ Пушкинъ съ натянутымъ смѣхомъ. — Вотъ, братъ, влопался-то... Преглупая исторія...

— Опять? Въ который разъ!

— Да видишь ли... Уфъ! дай отдышаться... Прохожу я этимъ проклятымъ коридоромъ, что-

бы нагнать васъ. Темь, какъ знаешь, непроглядная, ни зги не видать. Тутъ, около самыхъ дверей княжны Волконской слышу: шелеститъ женское платье. Почему-то мнѣ вообразилось, что это Наташа...

— И ты отпустилъ ей непрошенную любезность?

— Н-да; т. е. меня точно бѣсъ какой толкнулъ поцѣловать ее...

— Хорошъ мальчикъ! Ну, и что же, то была вовсе не Наташа?

— То-то, что нѣтъ! Какъ заоретъ вдругъ благимъ матомъ! Дверь настежь, корридоръ освѣтился, и кого же я увидѣлъ передъ собой? Саму старуху княжну!

Пущинъ расхохотался.

— Поздравляю, милый мой! Жаль, что я не могъ видѣть тогда твоей рожи!

— Тебѣ-то хорошо смѣяться, а мнѣ-то каково?

— Подѣломъ вору и мука. А княжна тебя узнала?

— Кажется, что да: »А! говоритъ, это вы!«

— Но ты сейчасъ, какъ слѣдуетъ, извинился?

— До того ли мнѣ, скажи, было? Я совсѣмъ голову потерялъ и давай Богъ ноги!

— А еще военнымъ человѣкомъ хочешь быть! Но такъ ли, сякъ ли, тебѣ придется повиниться. Вѣдь она, не забудь, фрейлина императрицы...

— Я и то думалъ, скрѣпя сердце, написать ей извинительное письмо...

— А какъ она покажетъ его самой государынѣ? Съ огнемъ, братъ, шутить тоже нельзя. Мигомъ забрѣютъ лобъ — и на Кавказъ.

— Такъ что же дѣлать?

— Я на твоемъ мѣстѣ пошелъ бы, прежде всего, къ Энгельгардту...

— Ни за что! запальчиво вскинулся Пушкинъ.

— Я, признаться, другъ мой, все еще тебя хорошенько не раскусилъ, хотя въ шесть лѣтъ мы съ тобой болѣе десяти пудовъ соли съѣли. Что у тебя, скажи, было съ Егоромъ Антонычемъ?

— Ничего не было...

— Такъ ли? Отчего же ты не бываешь у него? отчего онъ давно что-то не приглашаетъ тебя къ себѣ? Онъ не только милѣйшій хозяинъ, но и прекраснѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ...

— Ну, ужь на этотъ счетъ позволь мнѣ имѣть мое личное мнѣніе!

— Ага! Такъ, значитъ, между вами все-таки пробѣжала черная кошка?

— Какъ-будто безъ того я не могъ составить себѣ объ немъ опредѣленное мнѣніе!

— Опредѣленное, но не дурное. И знаешь ли, Пушкинъ, мнѣ сдается, что ты сердитъ на него не за то, что онъ тебя чѣмъ-нибудь обидѣлъ (Энгельгардтъ, кажется, на это не способенъ), а за то, что ты самъ нанесъ ему какую-нибудь незаслуженную обиду.

Пушкинъ опять неестественно разсмѣялся.

— Вотъ на̀! Я его обидѣлъ, да я же сердитъ на него?

— Да, братецъ ты мой, такова ужъ натура человѣческая. Чѣмъ болѣе мы благодѣтельствуемъ ближнему, тѣмъ онъ дѣлается намъ дороже, точно мы добромъ своимъ купили, закрѣпостили его себѣ; и наоборотъ: чѣмъ несправедливѣе мы были къ нему, тѣмъ сильнѣе потомъ чувствуемъ къ нему антипатію, тѣмъ болѣе отворачиваемся отъ него. Съ перваго взгляда это, пожалуй, странно, а въ сущности, очень просто: мы стыдимся въ душѣ своей собственной вины и не можемъ простить своего стыда тому, кто былъ его первой причиной...

— Ну, зафилософствовался!

Ходившій впереди ихъ Илличевскій подхватилъ послѣднее слово и обернулся.

— А о чемъ вы философствуете, господа?

— Молчи! шепнулъ другу своему Пушкинъ.

Ни тому, ни другому и безъ того не пришлось уже отвѣчать: подбѣжавшій къ нимъ въ это время лицейскій сторожъ впопыхахъ принесъ Пушкину приказаніе директора: »тотчасъ пожаловатъ къ его превосходительству«. Друзья переглянулись.

— Однако, живо! замѣтилъ Пущинъ. — Смотри же братъ, сдѣлай такъ, какъ я тебѣ говорилъ.

Пушкинъ покачалъ только отрицательно головой, повернулся — и исчезъ въ толпѣ.

— Что̀ съ нимъ? спросилъ Илличевскій у

Пущина. — Сперва онъ вдругъ поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ...

— Скоро и такъ узна̀ешь, уклонился тотъ отъ прямаго отвѣта.

Между тѣмъ, Пушкинъ входилъ въ кабинетъ директора. Не въ первый разъ входилъ онъ туда съ бьющимся сердцемъ; но теперь оно билось едва ли не тревожнѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Энгельгардтъ принялъ его стоя, опершись рукой на столъ; лицо его было омрачено печалью и заботой.

— Разскажите, ка̀къ было дѣло, были первыя слова его.

»Какое дѣло?« хотѣлъ-было спросить Пушкинъ, чтобы отдалить хоть на минуту тягостное объясненіе; но, встрѣтивъ устремленный на него строгій взглядъ директора, перемѣнилъ намѣреніе и откровенно разсказалъ несложное дѣло.

— Такъ это, стало быть, была обыкновенная шалость? спросилъ замѣтно смягченный его признаніемъ Энгельгардтъ.

— Самая обыкновенная, Егоръ Антонычъ! горячо подхватилъ Пушкинъ, и на рѣсницахъ у него блеснули слезы. — Знай я только, что это не Наташа, а старая княжна...

— То вы оставили бы ее въ покоѣ? досказалъ Энгельгардтъ, и на губахъ его промелькнула даже улыбка. — Охотно вѣрю, мой милый. Но, какъ бы то ни было, дѣло можетъ принять очень дурной для васъ оборотъ. Князь Волконскій,

братъ княжны, принесъ мнѣ только-что жалобу на васъ. Завтра, нѣтъ сомнѣнія, о вашемъ поступкѣ узна̀етъ весь дворъ, а слѣдовательно, и государь...

— Ну, что-жъ! въ внезапномъ порывѣ упрямства вскричалъ Пушкинъ. — Солдаты — такіе же люди, какъ и мы. Объ одномъ только прошу васъ, Егоръ Антонычъ: настойте на томъ, чтобы меня отдали въ гусары...

— Чтобы ты тамъ совсѣмъ сбился съ пути? Нѣтъ, мой другъ, пока ты у меня въ лицеѣ, я постою за тебя. Что̀ отъ меня зависитъ — будетъ сдѣлано, чтобы выгородить тебя. Но и самъ ты долженъ кое-что сдѣлать. Если порядочный человѣкъ, хотя бы и противъ своего желанія, оскорбилъ даму, то какая его первая обязанность?

— Извиниться, понятно... Да я, Егоръ Антонычъ, и такъ уже думалъ написать письмо княжнѣ...

— И напиши, непремѣнно напиши. За остальное я отвѣчаю.

На слѣдующее утро Энгельгардтъ ожидалъ обычнаго часа прогулки императора Александра Павловича, чтобы застать его въ паркѣ. Но когда онъ только-что собирался спуститься въ садъ, самъ государь неожиданно зашелъ къ нему.

— Мнѣ надо поговорить съ тобой, Энгельгардтъ, объ этомъ Пушкинѣ, съ необычною серьезностью началъ государь. — Что-жъ это,

скажи, наконецъ, будетъ? Лицеисты твои не только снимаютъ у меня черезъ заборъ мои наливныя яблоки, избиваютъ сторожей моего садовника, но не даютъ прохода и фрейлинамъ жены моей...

— Ваше величество предупредили меня, отвѣчалъ Энгельгардтъ; — я самъ искалъ случая принести вамъ повинную за Пушкина. Онъ, бѣдный, въ отчаяньи приходилъ за моимъ позволеніемъ письменно просить княжну, чтобы она отпустила ему его неумышленное прегрѣшеніе...

Затѣмъ, Энгельгардтъ, въ самомъ выгодномъ для Пушкина свѣтѣ, представилъ весь эпизодъ.

— Само собой разумѣется, что я сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ, закончилъ онъ свой докладъ: — и молю васъ, государь, объ одномъ разрѣшить ему письменно повиниться передъ княжной.

Узнавъ подробности дѣла, императоръ Александръ Павловичъ уже смилостивился.

— Пусть пишетъ, сказалъ онъ; — я, такъ и быть, беру на себя адвокатство за Пушкина. Но скажи ему, слышишь: что это въ послѣдній разъ! Между нами сказать, — съ тонкой улыбкой прибавилъ государь вполголоса по-французски, — наша почтенная княжна, можетъ быть, и вовсе не такъ сердита на молодаго человѣка. До свиданья, однако: жена, вонъ видишь, ждетъ меня.

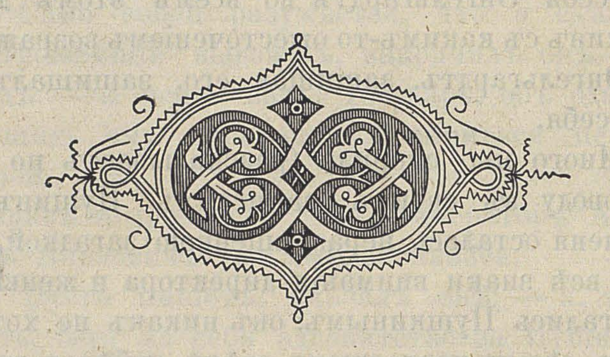
Проходившая по саду мимо лицея императрица Елисавета Алексѣевна, въ самомъ дѣлѣ, только-что оглядывалась на окна Энгельгардта. Пожавъ на̀-скоро послѣднему руку, государь поспѣшилъ спуститься въ садъ.

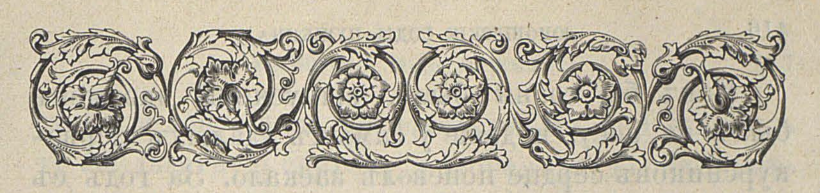
Такъ пронеслась послѣдняя гроза, надвинувшаяся надъ Пушкинымъ-лицеистомъ. Что благопріятный исходъ ея былъ заслугой, прежде всего, Энгельгардта, этого, конечно, не могъ отрицать въ глубинѣ души и Пушкинъ. Тѣмъ не менѣе, въ лицеѣ онъ не имѣлъ еще достаточно мужества признать открыто, что онъ заблуждался въ Энгельгардтѣ. Напротивъ, когда Пущинъ сталъ доказывать ему, какъ благородно велъ себя Энгельгардтъ во всемъ этомъ дѣлѣ, Пушкинъ съ какимъ-то ожесточеніемъ возражалъ, что Энгельгардтъ, защищая его, защищалъ самого себя.

»Много мы спорили (разсказываетъ по этому поводу въ своихъ »запискахъ« Пущинъ). — Для меня осталось неразрѣшенною загадкой, почему всѣ знаки вниманія директора и жены его отвергались Пушкинымъ: онъ никакъ не хотѣлъ видѣть его въ настоящемъ свѣтѣ, избѣгая всякаго сближенія съ нимъ. Эта несправедливость Пушкина къ Энгельгардту, котораго я душой полюбилъ, сильно меня волновала. Тутъ крылось что-нибудь, чего онъ никакъ не хотѣлъ мнѣ сказать; наконецъ, я пересталъ и настаивать, предоставя все времени. Оно одно мо-

жетъ вразумить въ такомъ непонятномъ упорствѣ.«

Для насъ, потомковъ, передъ которыми внутренній міръ юноши-Пушкина лежитъ открытой книгой, такое крайнее упорство его не представляется уже неразрѣшимой загадкой: оно объясняется какъ его гордымъ и строптивымъ нравомъ, такъ и тѣми келейными, щекотливаго свойства разговорами его съ Энгельгардтомъ, о которыхъ онъ тогда умолчалъ даже передъ своимъ первымъ другомъ.

Глава XXV.

Выпускъ изъ лицея.

»Богъ съ тобою, золотая рыбка
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ!«
(Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ).

Весь старшій курсъ лицеистовъ былъ въ неописанномъ волненьи. Шестилѣтній срокъ пребыванія ихъ въ лицеѣ истекалъ только въ октябрѣ 1817 года, когда имъ предстоялъ и выпускной экзаменъ; какъ вдругъ имъ объявляютъ, что выпускъ ихъ состоится почти за полгода ранѣе, теперь же, весною!

— Да какъ? да что? да почему? такъ и сыпались вопросы.

Догадкамъ и слухамъ не было конца. Одна догадка казалась всѣхъ правдоподобнѣе, одинъ слухъ держался упорнѣе другихъ: утверждали, что послѣдній »гусарскій« подвигъ Пушкина понудилъ лицейское начальство поскорѣе развязаться съ черезчуръ удалымъ старшимъ курсомъ.

Какъ бы то ни было, выпускной экзаменъ былъ на носу, и даже у самыхъ удалыхъ перво-курсниковъ сердце поневолѣ заёкало. За годъ съ небольшимъ директорства Энгельгардта, они не успѣли, конечно, пополнить хорошенько тѣ научные пробѣлы, которые оставило въ головахъ ихъ двухлѣтнее междуцарствіе. Что же касается Пушкина, то онъ и при Энгельгартѣ не отличался особеннымъ прилежаніемъ. Удовлетворительныя отмѣтки были у него только по двумъ предметамъ: русскому и французскому языкамъ. До 1816 года, профессора вели подробныя вѣдомости о способностяхъ и успѣхахъ въ отдѣльности каждаго воспитанника; Энгельгардтъ же, вмѣсто того, завелъ обыкновенную балльную систему, а именно: цифра *1* означала отличные успѣхи, *2* — очень хорошіе, *3* — хорошіе, *4* — посредственные и *0* — худые. У Пушкина только за »россійскую« поэзію и французскую риторику стоялъ высшій баллъ — *1*; по всѣмъ остальнымъ предметамъ у него было по *4*, а въ военныхъ наукахъ и латинскомъ языкѣ *0*. Очень можетъ быть, что такая неуспѣшность въ военныхъ наукахъ (требовавшихъ спеціальныхъ математическихъ познаній, которыхъ у Пушкина не было) охладила его также къ намѣченной было военной карьерѣ.

Профессора, съ своей стороны, не желая ронять сразу репутацію новаго заведенія, дали и на этотъ разъ склонить себя просьбами лицеи-

стовъ и допустили при выпускныхъ испытаніяхъ ту же льготную систему, которая такъ облегчила молодежи въ январѣ 1815 года переходъ изъ младшаго въ старшій курсъ. Починъ сдѣлалъ профессоръ математики Карцовъ, у котораго дѣйствительно занимался и успѣвалъ одинъ только Вальховскій. Раздавъ впередъ каждому воспитаннику по билету, онъ взялъ съ нихъ слово, что свой-то билетъ хоть каждый »выдолбитъ« какъ слѣдуетъ.

»Подобно, какъ въ математикѣ (разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ лицеистовъ, баронъ Корфъ), и по большей части другихъ предметовъ сдѣлана была между воспитанниками разверстка опредѣленныхъ ролей, и дурные отвѣты являлись только тогда, когда который-либо изъ профессоровъ сбивался въ своемъ росписаніи, или какой-нибудь лѣнивый ученикъ не хотѣлъ или не умѣлъ затвердить даже послѣдняго въ своей жизни урока. Посѣтители же могли только невѣжественно поклоняться безднѣ нашей премудрости, или сами, какъ наши профессора, состояли участниками въ заговорѣ.«

Испытанія продолжались цѣлые 15 дней, и уже по этой простой причинѣ на нихъ не было никого изъ родителей, какъ неживщихъ въ самомъ Царскомъ Селѣ. Присутствовали профессора, да еще кое-кто изъ постоянныхъ мѣстныхъ жителей, интересовавшихся успѣхами того или другаго изъ знакомыхъ имъ молодыхъ людей.

Энгельгардтъ, если что-нибудь и зналъ, быть можетъ, о тайномъ соглашеніи учащихъ и учащихся, то долженъ былъ смотрѣть на то сквозь пальцы. На сколько же онъ заботился о будущности каждаго изъ воспитанниковъ, имъ стало извѣстно вслѣдъ за послѣднимъ экзаменомъ, когда директоръ, вмѣстѣ съ профессорами, заперся въ конференцъ-залѣ, чтобы составить списокъ выпускныхъ лицеистовъ по ихъ успѣхамъ и опредѣлить ихъ права на государственную службу.

Лицейскіе поэты, въ то же самое время, замкнулись въ классной комнатѣ, чтобы по поводу того-же списка въ послѣдній разъ сообща сочинить новую »національную пѣсню«. Сочинительство ихъ было вскорѣ прервано громкимъ стукомъ въ дверь.

— Ну, кто тамъ? съ неудовольствіемъ крикнулъ Илличевскій.

— Впустите, что-ли! раздался въ отвѣтъ зычный голосъ графа Брогліо.

— Чего тебѣ, Сильверій? Мы тутъ сочиняемъ...

— Да ну васъ, сочинителей! донесся теперь другой голосъ — Мясоѣдова. — На прощанье поиграть бы еще въ казаки-разбойники...

— Играйте безъ насъ...

— Да казаковъ у насъ не хватаетъ.

— А вы сами по натурѣ все разбойники?

— Дà, постоимъ за себя!

— Вѣдь, силой вломимся! задорно отозвался опять графъ Брогліо, и крѣпкая дубовая дверь

подъ напоромъ его богатырскаго плеча, дѣйствительно, такъ затрещала, что казалось, сейчасъ слетитъ съ петель.

— И то, вѣдь, разбойникъ... проворчалъ Илличевскій и, нехотя, пошелъ впустить нетерпѣливыхъ.

— Неблагодарные! не чаете, что васъ самихъ только-что воспѣли.

— Ой ли? сказалъ Броглio.

— А вотъ, послушай. Ну-ка, Корфъ, ты нашъ дьячекъ, такъ запѣвай.

Баронъ Корфъ, лицейскій запѣвало, не далъ долго упрашивать себя и звонко затянулъ:

— »Этотъ списокъ сущи бредни —
Кто тутъ первый, кто послѣдній...«

Хоръ товарищей не замедлилъ грянуть припѣвъ:

— »Всѣ нули, всѣ нули,
Ай люли, люли, люли!«

— Лихо! ей-Богу, молодцы! похвалили Броглio и Мясоѣдовъ. — Валяй дальше.

— »Покровительствомъ Минервы
Пусть *Вальховскій* будетъ первый...« *)

началъ снова »дьячекъ« Корфъ.

*) Эта самая фраза впослѣдствіи, очевидно, не безъ умысла включена Пушкинымъ, какъ память о »лицейской старинѣ«, въ одну строфу извѣстной пьесы его »*19 октября*« (»Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ«):

»Спартанскою душой плѣняя насъ,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вальховскій сядетъ первый,
Послѣднимъ я, иль Броглio, или Данзасъ...«

— »Мы жъ нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!«

подхватили теперь, вмѣстѣ съ хоромъ, также и двое слушателей. Увлеченіе ихъ, понятно, еще болѣе возросло, когда оба они попали въ куплеты:

— »*Поль* протекціей бояровъ
Будетъ юнкеромъ гусаровъ —
Мы жъ нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!

»*Графу* нѣтъ большой заботы,
Будь хоть юнкеръ онъ пѣхоты —
Мы жъ нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!«

(»Полемъ« запросто назывался товарищами Павелъ Мясоѣдовъ, »графомъ«—Брогліо). Распѣвая куплетъ на самихъ себя, оба сіяли такимъ самодовольствіемъ, точно имъ Богъ знаетъ какіе подарки поднесли.

— А про себя самого ты что-жъ ни-гугу? спросилъ Брогліо Корфа.

— Будетъ и про меня, отвѣчалъ тотъ и затянулъ тотчасъ:

— »*Корфъ* — дьячекъ у насъ исправный,
И сидѣлецъ въ классахъ славный —
Мы жъ нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!«

Ну, а теперь, господа, будетъ съ васъ: хорошаго понемножку, заключилъ онъ.

— Повеличаемъ только еще Дельвига, сказалъ Пушкинъ:

— »*Дельвигъ* мыслитъ: на досугѣ
Можно спать и въ Кременчугѣ —
Мы жъ нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!«

(Въ Кременчугѣ, Полтавской губерніи, стояла бригада, которою командовалъ отецъ Дельвига).

Куплетъ на Дельвига не былъ еще допѣтъ, какъ въ комнату къ пѣвцамъ, въ полуоткрытую дверь, заглянулъ профессоръ Куницынъ.

— Вы, господа, черезчуръ ужь что-то про нули свои распѣлись, замѣтилъ онъ.

— Ахъ, Александръ Петровичъ! въ одинъ голосъ вскричали лицеисты и гурьбой обступили любимаго профессора; — конференція, вѣрно, кончилась?

— Кончилась.

— Такъ что же: много нулей?

— Все узнаете въ свое время. Одно могу сказать вамъ: что никого изъ васъ слишкомъ не обидѣли.

— Такъ что, и кромѣ Вальховскаго, кое-кто изъ насъ попадетъ еще въ гвардію? спросилъ Пущинъ.

— Васъ-то, Пущинъ, кажется, можно поздравить: вы будете выпущены въ гвардію.

— »Не тужи, любезный *Пущинъ*:
Будешь въ гвардію ты пущенъ!«

подхватилъ, смѣясь, Илличевскій: — вотъ и новый куплетъ готовъ!

— А знаете-ли, господа, кто васъ болѣе всѣхъ отстаивалъ?

— Вѣроятно, вы, Александръ Петровичъ.

— Нѣтъ, мой слабый голосъ былъ бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, скромно отозвался Ку-

ницынъ.—Отстаивалъ, отбивалъ васъ отъ всѣхъ нападокъ вашъ почтенный директоръ. Трое же изъ васъ: вы, Пущинъ, вы, Пушкинъ, да вы, Малиновскій, должны ему, какъ отцу родному, просто въ ножки поклониться.

— За что это?

— А вотъ за что. Помните, что года полтора назадъ за вашъ гоголь-моголь васъ троихъ занесли въ черную книгу; или забыли?

— Нѣтъ...

— Ну, такъ въ книгѣ той прямо сказано, что вашъ милый проступокъ долженъ быть принятъ въ соображеніе при выпускѣ вашемъ изъ лицея. Но Егоръ Антонычъ горячо возсталъ противъ этого и убѣдилъ насъ, что за старые грѣхи грѣшно взыскивать: кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ.

— И что же: черная книга сдана въ архивъ?

— Въ архивъ.

— Ай, да Егоръ Антонычъ! молодецъ! вскричалъ Брогліо.—Теперь, господа поэты, вамъ ничего не остается, какъ и его воспѣть.

— Обязательно!

— Не хочу вамъ мѣшать, господа, сказалъ. улыбнувшись, Куницынъ и вышелъ вонъ.

Куплетъ во славу Энгельгардта, дѣйствительно, былъ сложенъ, хотя нельзя сказать, чтобы онъ особенно удался:

— »Пусть о нихъ *) заводятъ споры
Съ *Энгельгардтомъ* профессоры —
И они тѣ-жъ нули,
Ай люли, люли, люли!«

Новая »національная пѣсня« въ литературномъ отношеніи оставляла желать многаго уже потому, что въ сочиненіи ея принимало участіе слишкомъ много лицъ. Тѣмъ удачнѣе были альбомные стихи, которые должны были писать теперь другъ другу на прощанье лицейскіе стихотворцы. Само собою разумѣется, что къ Пушкину приставали болѣе, чѣмъ къ другимъ, и, удовлетворивъ двоихъ: Пущина и Илличевскаго, онъ отъ остальныхъ отдѣлался уже однимъ общимъ посланіемъ: »Къ товарищамъ передъ выпускомъ«. Директоръ, съ своей стороны, предлагалъ ему написать прощальный гимнъ для акта, на которомъ долженъ былъ присутствовать и государь. Пушкинъ сначала-было обѣщался написать, но затѣмъ все не могъ собраться исполнить обѣщаніе, такъ что Энгельгардтъ нарочно зашелъ къ нему въ камеру.

— Ну, что же, Пушкинъ? спросилъ онъ: — гимнъ твой еще не готовъ?

— И не начатъ, былъ отвѣтъ.

— Экой ты! Когда же ты, наконецъ, примешься за него?

— Ей-Богу, не знаю, Егоръ Антонычъ. Заказныхъ стиховъ, повѣрите ли, такая масса... И то едва развязался съ товарищами...

*) Т. е. о вуляхъ.

— Кстати! сказалъ Энгельгардтъ: — хорошо, что напомнилъ. Я имѣлъ случай прочесть твои стихи къ товарищамъ. У тебя, конечно, есть еще собственноручный списокъ съ этихъ стиховъ?

— Есть.

— Такъ дай мнѣ на память! Я не ожидаю, чтобы ты написалъ что-либо и лично мнѣ; но какой-нибудь автографъ твой мнѣ надо же имѣть.

Пушкинъ открылъ конторку и подалъ директору начисто-перебѣленные имъ для себя стихи. Тотъ сейчасъ же прочелъ ихъ, и довольное выраженіе лица его при чтеніи заключительныхъ строкъ сказало яснѣе словъ, какъ поэтъ угодилъ ему. Дѣло въ томъ, что Пушкинъ, какъ-бы въ видѣ шага къ примиренію съ нимъ, косвенно похвалилъ выхлопотанную Энгельгардтомъ лицеистамъ льготу — не застегиваться на-глухо на всѣ пуговицы:

»Друзья, немного снисхожденья!
Оставьте пестрый мнѣ колпакъ,
Пока его за прегрѣшенья
Не промѣнялъ я на шишакъ;
Пока лѣнивому возможно,
Не опасаясь грозныхъ бѣдъ,
Еще рукой неосторожной
Въ іюлѣ распахнуть жилетъ.«

— Спасибо тебѣ! съ теплотою сказалъ Энгельгардтъ, пряча стихи. — Такъ какъ-же, другъ мой, на счетъ гимна?

— Ужъ, право, Егоръ Антонычъ, не берусь

навѣрное... Поручите лучше Дельвигу: онъ такой-же поэтъ, какъ и я...

— Поэтъ, да не такой. Ну, да нечего дѣлать! обратимся къ Дельвигу. Но у меня до тебя еще другое дѣло. Надѣюсь, что въ немъ-то ты мнѣ хоть поможешь.

— Приказывайте.

— Послѣ акта у меня на квартирѣ будетъ небольшой спектакль. Кромѣ моихъ домашнихъ, въ пьесѣ должны участвовать нѣсколько человѣкъ лицеистовъ. У тебя же, Пушкинъ, есть несомнѣнный актерскій талантъ, и нашъ главный режиссеръ, Мери, разсчитываетъ на тебя.

При имени Мери лицо Пушкина разомъ залило румянцемъ, а брови его сдвинулись.

— Мадамъ Смитъ, видно, смѣется надо мной? отрывисто произнесъ онъ.

— Ни чуть. Она сама, видишь ли, сочинила французскую пьеску: »Tout veut parler, voilà ce qui brouille ce petit monde«, и такъ какъ ты не только хорошій актеръ, но и самъ поэтъ, да, кромѣ того, прекрасно говоришь по-французски...

— Нѣтъ, ужь увольте! прервалъ рѣшительно Пушкинъ. — Вы, Егоръ Антонычъ, сами хорошо поймете, почему я не могу.

— Но что мнѣ сказать ей?

— Поблагодарите за честь... Скажите, что родители пришлютъ за мной изъ Петербурга сейчасъ послѣ акта... И это вѣдь сущая правда...

— Пожалуй, скажемъ, если уже ты наотрѣзъ

отказываешься. Не знаю, Пушкинъ, доведется ли намъ съ тобой еще быть наединѣ до твоего отъѣзда,—продолжалъ Энгельгардтъ, и въ голосѣ его зазвучала отечески-задушевная нота.—Поэтому я теперь же дамъ тебѣ совѣтъ на дорогу: въ тебѣ есть искра Божія—не задувай ее!

— Я могъ бы быть, конечно, прилежнѣе, согласился Пушкинъ,—и, вѣроятно, буду сожалѣть о потерянныхъ школьныхъ годахъ...

— О потерянномъ, другъ мой, что̀ теперь толковать! Что́ съ возу упало—то̀ пропало. Но впереди у тебя еще цѣлая жизнь: если ты хочешь стать настоящимъ человѣкомъ, то долженъ доучивать то́, чему не доучился въ лицеѣ и что далось бы тебѣ въ лицеѣ гораздо легче. Помоги тебѣ Богъ! насъ же не поминай лихомъ...

— Я буду поминать васъ только добромъ, Егоръ Антонычъ...

— Спасибо. Такъ вотъ что: если въ трудное время тебѣ понадобится дружеская помощь, искренній совѣтъ—иди прямо ко мнѣ: двери моего дома такъ же, какъ и сердце мое, всегда будутъ открыты для тебя!

Самъ не зная ка̀къ, Пушкинъ очутился въ объятіяхъ Энгельгардта.

— Хоть простились-то друзьями! промолвилъ съ улыбкой растроганнымъ голосомъ Энгельгардтъ и, чтобы скрыть свое внутренее волненье, поспѣшно вышелъ.

А Пушкинъ? На глазахъ у него также на-

вернулись слезы. Онъ стоялъ, какъ въ забытьи: прочувствованныя дружескія слова директора глубоко запали ему въ душу и, какъ показало будущее, принесли хорошіе плоды.

Давно ли онъ рвался изъ стѣнъ лицея! А теперь, когда стѣны эти вдругъ раздвинулись передъ нимъ еще за полгода до срока, неодолимая грусть напала на него: лицей — эта воображаемая нѣкогда тюрьма, сдѣлался для него какъ-бы роднымъ домомъ, а начальники (въ томъ числѣ, конечно, и Энгельгардтъ), товарищи и даже лицейская прислуга стали ему вдругъ такъ же близки, какъ члены своей семьи. Немногіе дни между экзаменами и актомъ пролетѣли для лицеистовъ какъ сонъ; передъ вѣчной, быть можетъ, разлукой имъ хотѣлось наговориться досыта. Воспоминанія о прошломъ, мечты о будущемъ прерывались только дорожными сборами и прощальными визитами къ царскосельскимъ знакомымъ.

Такъ наступило утро послѣдняго дня пребыванія ихъ въ лицеѣ — 9-го іюня. Насколько пышно и торжественно, 6 лѣтъ передъ тѣмъ, открывался лицей, настолько тихъ и скроменъ былъ актъ ихъ выпуска оттуда. Правда, императоръ Александръ Павловичъ, какъ и тогда, удостоилъ актъ своимъ присутствіемъ, но государь и сопровождавшій его князь Голицынъ (исправлявшій должность министра народнаго просвѣщенія, вмѣсто графа Разумовскаго) были един-

ственные присутствующіе изъ »сильныхъ міра сего«. Кромѣ 29-ти воспитанниковъ выпускнаго класса въ парадной формѣ, было тутъ, разумѣется, ихъ начальство, были родители немногихъ изъ нихъ, да кое-кто изъ жителей Царскаго Села. Когда государь, ровно въ 12 часовъ дня, прошелъ изъ внутреннихъ покоевъ дворца въ большой лицейскій залъ, навстрѣчу ему вышли директоръ и всѣ профессора. Когда, затѣмъ, всѣ заняли свои мѣста, Энгельгардтъ съ каѳедры сказалъ небольшую вступительную рѣчь. Послѣ него конференцъ-секретарь, профессоръ Куницынъ, прочиталъ отчетъ о ходѣ занятій лицеистовъ и основныхъ началахъ ихъ воспитанія. Въ заключеніе, князь Голицынъ вызывалъ воспитанниковъ по списку, представлялъ каждаго изъ нихъ государю и вручалъ однимъ — медали или похвальные листы, а другимъ — просто аттестаты.

Первую золотую медаль, оказалось, заслужилъ Вальховскій, вторую — князь Горчаковъ, первую серебряную — Масловъ, вторую — Есаковъ, третью — Кюхельбекеръ и четвертую — Ломоносовъ. Четверымъ другимъ: Корсакову, барону Корфу, Пущину и Саврасову, взамѣнъ медалей, были присуждены похвальные листы. Изъ 17-ти воспитанниковъ, назначавшихся въ гражданскую службу, 9 человѣкъ вышло по 1-му разряду съ чиномъ титулярнаго совѣтника и 8 — по 2-му съ чиномъ коллежскаго секретаря. Изъ

12-ти же воспитанниковъ, выбравшихъ военную карьеру, семеро было выпущено по 1-му разряду — въ гвардію и пятеро по 2-му — въ армію. Въ общемъ счету Пушкинъ оказался 19-мъ, а между »гражданскими чинами« 14-мъ. Тотчасъ за нимъ слѣдовалъ Дельвигъ.

— Сама судьба сдѣлала меня твоимъ вѣрнымъ спутникомъ и оруженосцемъ! сказалъ онъ Пушкину, возвращаясь къ нему отъ стола съ аттестатомъ. — Покажите-ка, братъ: какъ тебя росписали?

Пушкинъ подалъ ему свой аттестатъ.

— »Александръ Пушкинъ... оказалъ успѣхи...« прочелъ про себя Дельвигъ: »... въ законѣ Божіемъ и священной исторіи, въ логикѣ и нравственной философіи, въ правѣ естественномъ, частномъ и публичномъ, въ россійскомъ, гражданскомъ и уголовномъ правѣ — хорошіе; въ латинской словесности, въ государственной экономіи и финансахъ — весьма хорошіе...« Что̀ правда, то̀ правда: ты первый у насъ экономистъ и финансистъ!

— А какъ-же, отозвался шутя Пушкинъ: — пристраивать деньги развѣ не умѣю?

— Еще бы, согласился Дельвигъ и продолжалъ читать: — »Въ россійской и французской словесности, также и въ фехтованіи — превосходные...« По этимъ частямъ, конечно, тебѣ и книги въ руки. »Сверхъ того...« Вотъ это лучше всего: »сверхъ того, занимался исторіею, гео-

графіею, статистикою, математикою, нѣмецкимъ языкомъ...«, стихоплетствомъ и всякими дурачествами.

Послѣднія слова Дельвигъ скороговоркой добавилъ такъ неожиданно отъ себя, что товарищи кругомъ фыркнули, а стоявшій около нихъ дежурный гувернеръ ужаснулся.

— Помилуйте, господа! что съ вами?!

По счастью, вниманіе высокихъ гостей было въ это время отвлечено отъ лицеистовъ, потому что, отпустивъ только-что послѣдняго изъ нихъ, графа Брогліо, князь Голицынъ сталъ представлять государю, поочередно, профессоровъ. Сказавъ каждому изъ нихъ нѣсколько ласковыхъ словъ, императоръ всталъ, подошелъ къ лицеистамъ и обратился къ нимъ съ отеческимъ увѣщеваніемъ »не совращаться съ пути добродѣтели и честности, если они желаютъ быть счастливыми въ жизни, и свято уважать всегда свои обязанности къ Богу и отечеству.«

— А теперь покажи-ка мнѣ свой лицей, обратился государь къ Энгельгардту.

Тотъ немного оторопѣлъ.

— Я долженъ предупредить ваше величество, что воспитанники укладываются въ дорогу, и потому у насъ вездѣ безпорядокъ...

— Безъ этого нельзя, конечно. Но я сегодня не въ гостяхъ у тебя, а, какъ хозяинъ, хочу только посмотрѣть на сборы нашихъ молодыхъ людей.

Съ этими словами императоръ направился прямо къ выходу. Учитель пѣнія, баронъ Тепперъ-де-Фергюсонъ, все время уже стоявшій какъ на угольяхъ, совсѣмъ растерялся. Дѣло въ томѣ, что Дельвигъ, по настоянію Энгельгардта, дѣйствительно, сочинилъ прощальный гимнъ, а Тепперъ положилъ этотъ гимнъ на музыку. И теперь-то, когда настала, наконецъ, минута его торжества, государь вдругъ выходилъ изъ зала!

— Гимнъ, господа! крикнулъ бѣдный учитель и отчаянно замахалъ обѣими руками.

Лицеисты не замедлили грянуть:

»Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье...«,

но грянули такъ громко, что выходившій императоръ въ дверяхъ съ улыбкой обернулся и кивнулъ имъ головой.

— Я вернусь еще къ вамъ, друзья мои.

И точно, пѣвцы не совсѣмъ еще допѣли довольно длинный гимнъ, какъ государь показался снова на порогѣ въ сопровожденіи Голицына и Энгельгардта и остановился, чтобы дослушать послѣдній куплетъ.

— »Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятьяхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: »шествуйте, сыны!«
Простимся, братья! руку въ руку!
Обнимемся въ послѣдній разъ!
Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ, породнила насъ!«

— Прекрасно! сказалъ государь, когда замол-

кли послѣдніе звуки гимна.—А гдѣ же авторъ? гдѣ композиторъ?

Энгельгардтъ подвелъ къ нему тотчасъ Дельвига и Теппера. Удостоивъ того и другаго нѣсколькихъ лестныхъ словъ, императоръ Александръ Павловичъ обратился затѣмъ ко всѣмъ лицеистамъ:

— Ну, дѣти мои! директоръ вашъ выпросилъ у меня для васъ особую милость: на вашу экипировку будетъ отпущено изъ казны 10 тысячъ рублей, и, кромѣ того, тѣ изъ васъ, что поступаютъ на гражданскую службу, будутъ получать, пока не опредѣлятся на штатныя мѣста, окончившіе по 1-му разряду—800 руб., а по 2-му—700 руб. въ годъ. На будущемъ вашемъ служебномъ поприщѣ мы съ вами, надѣюсь, еще не разъ встрѣтимся. Поэтому не говорю вамъ: »прощайте!«, а говорю: »до свиданія, дѣти!«

— До свиданія, ваше величество! восторженно крикнули въ отвѣтъ всѣ 29 человѣкъ лицеистовъ и бросились провожать уходящаго государя сперва на лѣстницу, а оттуда и на улицу.

— Еще разъ благодарю васъ, господа, за всѣ ваши труды! сказалъ государь на прощанье тѣснившемуся около его коляски лицейскому начальству;—и вы не будете забыты мною.

Дѣйствительно, всѣ почти служащіе въ лицеѣ, отъ мала до велика, удостоились монаршихъ щедротъ. *)

---

*) Директору *Энгельгардту* былъ пожалованъ орденъ Св. Владиміра на шею; профессорамъ: *Гауеншильду*, *де-Будри*, *Куницыну* и *Кайданову*—

Въ послѣдній разъ собрались лицеисты въ столовую къ обѣду. Пушкинъ сѣлъ рядомъ съ Дельвигомъ; но ему кусокъ въ ротъ не шелъ: другаго друга его, Пущина, не было съ ними за столомъ; дня за два еще до акта онъ расхворался, а сегодня, перемогаясь, едва выстоялъ до конца чтенія въ актовой залѣ и, по требованію доктора Пёшеля, оттуда прямо спустился въ лазаретъ.

— Надо же было ему расклеиться!... ворчалъ Пушкинъ про себя.

— Кому? переспросилъ Дельвигъ.

— Да Пущину.

— А что?

— Да вмѣстѣ собирались въ Петербургъ.

— И мнѣ съ тобой нельзя, какъ-бы извинился Дельвигъ. — А знаешь что, Пушкинъ: послѣ обѣда прогуляемся-ка еще разъ по парку?

— Прогуляемся. Я даже сейчасъ бы пошелъ: мнѣ вовсе не до ѣды.

— Мнѣ тоже. Такъ идемъ, что ли?

— Идемъ.

Друзья-поэты разомъ встали изъ-за стола и рука объ руку отправились въ паркъ. Обоимъ казалось, что у нихъ еще такъ много недосказан-

---

на шею же орденъ Св. Анны; *Кошанскому и Карцову* — Владимірскій крестъ въ петлицу; гувернеру *Чирикову* и доктору *Пешелю* — Анненскій крестъ въ петлицу; инженеръ-полковнику *Эльснеру* и учителю танцованія *Эбергардту* — золотыя табакерки, первому — съ алмазами; учителю фехтованія *Вальвилю* и капельмейстеру барону *Тепперу-де-Фергюсону* — алмазные перстни; наконецъ, эконому *Ротасту* — чинъ 10-го класса.

наго, о чемъ надо наговориться,— и оба задумчиво молчали или обмѣнивались только отрывистыми фразами. Задушевные звуки голоса, дружелюбные взгляды, крѣпкія рукопожатья высказывали имъ лучше всякихъ словъ то̀, что̀ нужно было имъ еще выразить другъ другу: неизмѣнную вѣрность »до гроба«.

Легко понять, что имъ было не особенно пріятно, когда ихъ одинокая прощальная прогулка была прервана появленіемъ третьяго лица — такого-же поэта, Кюхельбекера.

— Простите, господа... вы гуляете? можно и мнѣ тоже? путаясь, заговорилъ тотъ, замѣтивъ, какъ Пушкинъ вдругъ насупился.

— Кто же тебѣ мѣшаетъ? небрежно отвѣчалъ Пушкинъ. — Желаю тебѣ веселиться.

— Да нѣтъ... Я не то... Знаешь, какъ у Шиллера:

»Ich sei, gewährt mir die Bitte,
In eurem Bunde der Dritte!«

или въ вольномъ переводѣ:

»Дозволь моей маленькой Музѣ
Быть третьей въ семъ братскомъ союзѣ!«

— Браво, Виленька! ты все совершенствуешься! усмѣхнулся уже Пушкинъ и оглядѣлъ саженную фигуру Кюхельбекера. — Маленькая Муза тебѣ, впрочемъ, не совсѣмъ по росту.

— Напротивъ, сказалъ Дельвигъ; — совершенно по законамъ физики: Муза его обратно пропорціональна квадрату его роста.

— А у васъ обоихъ чѣмъ меньше ростъ, тѣмъ больше Муза, миролюбиво соглашался на все Кюхельбекеръ. — Поэтому вамъ, господа, ничего не стоитъ исполнить мою послѣднюю просьбу: напишите мнѣ каждый на прощанье по хорошенькому стишку!

— Еще по »хорошенькому«! Во-время спохватился, нечего сказать: когда въ экипажъ садиться...

— Ну, сдѣлайте божескую милость, господа! Другимъ же вы всѣмъ написали?

— Всѣмъ не всѣмъ; во всякомъ случаѣ, теперь-то не время. Это все равно, какъ еслибы я предложилъ тебѣ сейчасъ сбухтыбарахта рѣшить какой-нибудь Ньютоновъ биномъ.

— А что-жъ? рѣшу! Пойдемъ сейчасъ — рѣшу! А ты мнѣ зато напишешь?

— Нѣтъ, баронъ, ты на этомъ его не поймаешь, сказалъ Пушкинъ. — Такъ и быть, что ли, напишемъ ему что-нибудь?

— Вотъ другъ! вотъ душа-человѣкъ! вскричалъ въ восхищеньи Кюхельбекеръ, и, прежде чѣмъ Пушкинъ успѣлъ защититься, на щекѣ его напечатлѣлся сочный поцѣлуй. — Но въ такомъ случаѣ не пойдешь ли ты сейчасъ домой?

— Ну, вотъ: съ прогулки даже гонитъ! Нечего дѣлать, баронъ, надо идти.

— Ты, пожалуй, пиши, отвѣчалъ Дельвигъ; — для тебя это игрушка; меня же уволь.

Солнце еще не сѣло, когда къ лицейскому

подъѣзду, съ колокольчиками и бубенчиками, стали подкатывать одна за другой брички и коляски. Молодые люди, неразлучно 6 лѣтъ просидѣвшіе на одной скамьѣ, разлетались теперь во всѣ концы свѣта. Въ швейцарской и на тротуарѣ передъ подъѣздомъ шла безпрерывная толкотня: не успѣвали одного проводить, какъ приходилось отправлять другаго.

Вотъ вышелъ, одѣтый совершенно по-дорожному, и Пушкинъ. Началось безпорядочное, но сердечное прощанье. Каждый изъ неуѣхавшихъ еще товарищей поочередно заключалъ его въ объятья и затѣмъ передавалъ слѣдующему. Отъ послѣдняго онъ какъ-бы само собой перешелъ въ руки дежурнаго гувернера, искренно уважаемаго всѣми ими Чирикова. За нимъ же, впереди подначальной команды, подошелъ старшій дядька Леонтій Кемерскій. Пушкинъ взглянулъ на плутовато-добродушное лицо браваго усача—и не узналъ его: старикъ плакалъ, не отирая слезъ, щеки его судорожно подергивало, а, вмѣсто всегдашняго лукавства, въ отуманенныхъ глазахъ его можно было прочесть только самую искреннюю печаль. Печаль эта была у него такъ необычна, что Пушкинъ теперь только, въ эту минуту, будто въ первый разъ замѣтилъ ту значительную перемѣну, которая совершилась за эти 6 лѣтъ со старикомъ: морщинъ въ лицѣ у него прибавилось вдвое, а слегка серебрившіеся прежде усы совсѣмъ побѣлѣли.

— Какъ ты, однако, постарѣлъ, Леонтій, съ

тѣхъ поръ, что мы знаемъ другъ друга! невольно сказалъ ему Пушкинъ.

— Постарѣешь, сударь! отвѣчалъ какимъ-то надтреснутымъ голосомъ Леонтій и всхлипнулъ. — А вы, соколы, крылья отростили и ш-ш-ш! полетѣли... Прощайте, ваше благородіе! Господь храни васъ! счастливо оставаться...

— Прощай, Леонтій.

Волненье старика передалось и Пушкину. Онъ наскоро также обнялъ, поцѣловалъ его и вскочилъ въ бричку.

— А что же, Пушкинъ, обѣщанье твое? спросилъ тутъ, пробиваясь впередъ, Кюхельбекеръ.

— Ахъ, да! вспомнилъ Пушкинъ и подалъ ему изъ кармана листокъ. — Не взыщи: что̀ было на душѣ, то̀ и написалъ.

Кюхельбекеръ не безъ нѣкотораго сомнѣнья бросилъ взглядъ на листокъ въ своихъ рукахъ. Но начальныя строки сразу разубѣдили его:

«Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья,
Моимъ стихамъ внимаетъ нашъ пенатъ.
Лицейской жизни милый братъ,
Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья...«

— Братъ и другъ! растроганно проговорилъ лицейскій Донъ-Кихотъ и обѣими руками потянулся къ поэту. — Спасибо тебѣ...

— Не за что... Ну, трогай! обратился Пушкинъ къ кучеру. — Прощай, баронъ! Прощайте, господа!

— Прощай, Пушкинъ! Добрый путь!

Лошади тронулись.

— Стой! стой! раздался въ это время съ подъѣзда знакомый голосъ. Въ дверяхъ показалась фигура въ сѣромъ больничномъ халатѣ, соскочила внизъ на улицу и протѣснилась сквозь столпившуюся около отъѣзжающаго экипажа кучку.

— Пущинъ! вскричалъ Пушкинъ.

— Меня въ лазаретѣ ты, небось, и забылъ? съ укоромъ говорилъ первый другъ его, крѣпко обнимаясь съ нимъ.

— Извини, милый мой... Все это, знаешь, такъ внезапно... Въ Петербургѣ осенью опять свидимся... Ахъ, Боже! вѣдь и съ Егоромъ-то Антонычемъ я еще хорошенько не простился... Ну, да теперь уже поздно; передай ему мое извиненіе, мой поклонъ...

Кучеръ свистнулъ, бричка снова тронулась; въ воздухѣ взвилось нѣсколько бѣлыхъ платковъ; кто-то крикнулъ еще что-то вслѣдъ отъѣзжающему; экипажъ круто вдругъ завернулъ въ паркъ...

Прощай, лицей!

Глава XXVI.

За стѣнами лицея.

»На силу я
На волю вырвался, друзья!
Ну, скоро-ль встрѣчусь съ великаномъ?«
(Русланъ и Людмила.)

»Отечество тебя ласкало съ умиленьемъ...«
(Посланіе къ Кавказскому Плѣннику.)

ъ Петербургѣ Пушкинъ на этотъ разъ пробылъ всего нѣсколько дней. Прикомандированный къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, онъ принесъ только присягу и затѣмъ съ родителями и сестрой укатилъ до поздней осени въ село Михайловское.

»Помню (говоритъ онъ въ своихъ »Запискахъ«), какъ я обрадовался сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и проч.; но все это нравилось мнѣ не надолго. Я любилъ и донынѣ люблю шумъ и толпу.«

Въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ возвратился въ Петербургъ, и такъ какъ опредѣленныхъ занятій на службѣ у него еще не было, то онъ имѣлъ полную свободу отдаться »шумной толпѣ«, т. е.

такъ-называемому »большому свѣту«. Доступъ туда открылся ему, благодаря родственнымъ связямъ и знакомству съ графами Бутурлиными, Воронцовыми и Лаваль, съ князьями Трубецкими, Сушковыми и другими аристократами. »Толпа« такъ его поглотила, закружила, что оттѣснила на нѣкоторое время даже отъ лицейской товарищеской семьи. Пущинъ, который съ 6-ю другими лицеистами, тою же осенью, сдавъ новый экзаменъ, былъ произведенъ въ офицеры и обучался фронту въ гвардейскомъ образцовомъ батальонѣ, не даромъ возмущался этимъ увлеченіемъ своего друга свѣтскою жизнью.

»Пушкинъ часто сердитъ меня и вообще всѣхъ насъ тѣмъ (разсказываетъ онъ), что любитъ, напримѣръ, вертѣться у оркестра (въ театрѣ) около знати, которая съ покровительственною улыбкой выслушиваетъ его шутки, остроты. Случалось изъ креселъ сдѣлать ему знакъ — онъ тотчасъ прибѣжитъ. Говоришь, бывало:

»— Что тебѣ за охота, любезный другъ, возиться съ этимъ народомъ? Ни въ одномъ изъ нихъ ты не найдешь сочувствія.

»Онъ терпѣливо выслушаетъ, начнетъ щекотать, обнимать, — что обыкновенно дѣлалъ, когда немножко потеряется. Потомъ, смотришь: Пушкинъ опять съ тогдашними львами!... Странное смѣшеніе въ этомъ великолѣпномъ созданіи! Никогда не переставалъ я любить его; знаю, что и онъ платилъ мнѣ тѣмъ же чувствомъ; но не-

вольно, изъ дружбы къ нему, желалось, чтобы онъ, наконецъ, настоящимъ образомъ взглянулъ на себя и понялъ свое призваніе.«

А что же Чаадаевъ, что Жуковскій и друзья его »арзамасцы«, имѣвшіе на него еще недавно такое рѣшительное вліяніе?

Чаадаевъ состоялъ адъютантомъ при начальникѣ гвардіи, генералѣ Васильчиковѣ, и находился въ то время, вмѣстѣ съ высочайшимъ дворомъ, въ Москвѣ. Жуковскій былъ еще въ своемъ миломъ Дерптѣ; а прочіе »арзамасцы« сдѣлали все, что̀ зависѣло отъ нихъ: выбрали молодаго Пушкина въ члены »Арзамаса«. Но то засѣданіе »Арзамаса«, въ которомъ происходилъ его пріемъ, было и единственнымъ, въ которомъ онъ вообще удосужился побывать. Шуточная вступительная рѣчь его начиналась, какъ слѣдовало, торжественными шестистопными ямбами

»Вѣнецъ желаніямъ! И такъ, я вижу васъ,
О, други смѣлыхъ Музъ, о, дивный »Арзамасъ!«

Далѣе онъ такъ рисовалъ образъ истаго »арзамасца«:

»...въ безпечномъ колпакѣ,
Съ гремушкой, лаврами и съ розгами въ рукѣ«.

Къ сожалѣнію, эта любопытная рѣчь цѣлостью не сохранилась. Само собою разумѣется, что новому члену было также присвоено насмѣшливое прозвище, взятое, какъ всегда, изъ стиховъ Жуковскаго; а именно онъ былъ прозванъ »Сверчкомъ«, потому что, сидя, такъ сказать, еще за

печкой царскосельскаго лицея, своей поэтической стрекотней обратилъ уже на себя вниманіе старшихъ поэтовъ.

Захваченный свѣтскимъ вихремъ, Пушкинъ кружился такъ безъ отдыха около полугода. Тутъ, возвратясь однажды, морозною зимнею ночью, домой съ острововъ, куда его возили опять на тройкѣ пріятели-гусары, онъ почувствовалъ сильный ознобъ, а къ утру у него открылся бредъ. Встревоженные родители послали за придворнымъ медикомъ Лейтономъ. Оказалось, что молодой человѣкъ жестоко простудился, и что это — начало горячки. Первымъ дѣломъ ему обрили голову; затѣмъ наняли ему сидѣлку. Но днемъ сестра его, Ольга Сергѣевна, почти не отходила отъ его изголовья. Нѣсколько недѣль жизнь его висѣла на волоскѣ. Наконецъ, съ первыми лучами весенняго солнца онъ ожилъ и сталъ быстро поправляться; а разъ, когда сестра его поутру опять вошла къ нему, онъ потребовалъ бумагу и карандашъ и набросалъ извѣстное стихотвореніе:

»Я ускользнулъ отъ Эскулапа,
Худой, обритый, но живой...«

— Премило! восхитилась Ольга Сергѣевна, прочтя стихи; — но, право, Александръ, побереги себя еще немножко, не пиши.

Братъ ея самоувѣренно улыбнулся.

— Скажи вѣтру: »не свищи!« Скажи птицѣ:

»не пой!« Не пиши я, милая, я въ нѣсколько дней исчахъ бы, какъ безъ воздуха, безъ пищи.

И точно: писательство, казалось, не только не вредило его здоровью, а способствовало еще его укрѣпленію. Когда онъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ непрерывной умственной работы, выпускалъ, наконецъ, изъ рукъ перо, то былъ въ самомъ счастливомъ расположеніи духа, ѣлъ съ двойнымъ апетитомъ, и съ каждымъ днемъ вообще становился свѣжѣе и бодрѣе.

За тѣмъ же занятіемъ застали его разъ и трое молодыхъ гостей: Дельвигъ, сожитель послѣдняго, начинающій также поэтъ Баратынскій и пріятель обоихъ Эртель (впослѣдствіи извѣстный составитель французско-русскаго словаря и другихъ учебныхъ книгъ). Въ полосатомъ бухарскомъ халатѣ, съ ермолкой на обритой головѣ, Пушкинъ лежалъ на кровати съ перомъ въ рукахъ, окруженный бумагами и книгами. При входѣ гостей, онъ не поднялъ головы, а сдѣлалъ только знакъ, чтобы ему не мѣшали, и продолжалъ писать. Тѣ, вполголоса разговаривая, отошли къ окошку. Дописавъ что̀ нужно, Пушкинъ радушно протянулъ обѣ руки Дельвигу и Баратынскому.

— Здравствуйте, братцы!

Съ Баратынскимъ онъ успѣлъ уже вполнѣ сойтись, бывая у Дельвига. Когда ему теперь представили Эртеля, котораго онъ видѣлъ въ

первый разъ, онъ привѣтствовалъ его не менѣе развязно:

— Я давно желалъ съ вами познакомиться: мнѣ говорили, что вы знаете всегда, гдѣ достать лучшія устрицы.

»Я не зналъ, радоваться ли мнѣ этому привѣтствію, или сердиться за него?« сознавался потомъ Эртель. Но вотъ рѣчь зашла о литературѣ — и гость былъ очарованъ.

»Сужденія Пушкина были вообще кратки, но мѣтки (разсказываетъ онъ); и даже когда они казались несправедливыми, способъ изложенія ихъ былъ такъ остроуменъ и блистателенъ, что трудно было доказать ихъ неправильность. Въ разговорѣ его замѣтна была большая наклонность къ насмѣшкѣ, которая часто становилась язвительною. Она отражалась во всѣхъ чертахъ лица его...«

— Глядя на васъ, Александръ Сергѣичъ, замѣтилъ Эртель, — подумаешь, что вы однѣ злыя эпиграммы да сатиры пишете; а между тѣмъ, мнѣ говорили, что у васъ готовится цѣлая героическая поэма.

— И чудо что такое! подтвердилъ Дельвигъ; — судя по тѣмъ стихамъ, что̀ онъ прочелъ уже мнѣ...

— Ну, что̀ я читалъ тебѣ? съ полудовольной, съ полусмущенной улыбкой перебилъ Пушкинъ; — ты не слыхалъ главнаго...

— Такъ прочти же намъ теперь.

— Прочти, въ самомъ дѣлѣ! подхватилъ Баратынскій.

— Прочтите, Александръ Сергѣичъ, ну, пожалуйста! поддержалъ и Эртель.

Пушкинъ не сталъ долго упираться, на скорую руку разобралъ раскиданные на столѣ листы и прочелъ гостямъ одну за другою всѣ готовыя уже пѣсни поэмы. Двое изъ слушателей были сами поэты, третій былъ также любителемъ и знатокомъ поэзіи; поэтому небывало-звучные стихи новой поэмы привели ихъ въ самый неподдѣльный восторгъ.

— Да это музыка, а не стихи! ничего подобнаго не было еще на русскомъ языкѣ! говорили они наперерывъ.

— Ты разомъ переросъ и Жуковскаго, и Батюшкова! рѣшилъ Баратынскій.

— Экъ куда хватилъ... далеко мнѣ еще до нихъ... пробормоталъ Пушкинъ; но та самодовольная мина, съ которою онъ наклонился надъ своимъ писаніемъ, выдавала его тайную радость и гордость.

— А знаешь ли, Пушкинъ, что даже Энгельгардтъ начинаетъ вѣрить въ твой талантъ? сказалъ Дельвигъ. — На-дняхъ встрѣчаю его и спрашиваю: что̀ и какъ у нихъ въ лицеѣ?

»— Вашу братью не совсѣмъ еще забыли, говоритъ; — особенно Пушкина.

»— Это по поводу княжны Волконской? догадался я.

»— И да, и нѣтъ, говоритъ: — когда я засадилъ этого молодца за нее въ карцеръ, онъ отъ нечего дѣлать измаралъ всю стѣну углемъ. Я думалъ было сперва дать выбѣлить ее; но какъ прочелъ написанное — раздумалъ: пусть сохранится какъ нѣкая святыня.

Пушкинъ слушалъ своего друга съ задумчивой улыбкой.

— Да, это были начальные стихи изъ моего »Руслана«, сказалъ онъ. — Карандаша у меня на этотъ разъ не было, такъ взялъ изъ печки уголь. Жаль, что нельзя показать этой »святыни« моему дядѣ Василью Львовичу: вѣдь онъ такой же Ѳома невѣрный, какъ и Энгельгардтъ; не хотѣлъ ни за что признать во мнѣ поэтической искры, не хотѣлъ допустить мысли, что меня выберутъ въ »Арзамасъ«.

— Ахъ, кстати, Александръ Сергѣичъ! спохватился Баратынскій; — слышалъ ты про оказію, что̀ была съ Васильемъ Львовичемъ въ »Арзамасѣ«?

— Нѣтъ; отъ кого мнѣ слышать? Шесть недѣль я вѣдь свѣту не видѣлъ, а вы да и Жуковскій молчите!

— Молчали до сихъ поръ, потому что не хотѣли тебя печалить злоключеніями твоего почтеннаго дяди. Но теперь, когда все устроилось опять къ лучшему, скрывать нечего. Василій Львовичъ, видишь ли, ѣздилъ куда-то изъ Москвы за городъ въ кибиткѣ и въ стихахъ опи-

салъ свою поѣздку. Стихи ему не очень удались; но съ кѣмъ этого не бываетъ? Все это было бы ничего. Но стихи свои онъ прислалъ на судъ друзей своихъ »арзамасцевъ«, и вотъ это была непростительная ошибка. Друзья разжаловали его изъ »арзамасскаго« чина: вмѣсто »Вотъ!« окрестили его »Вотрушкой«.

— Бѣдный дядя!

— Онъ самъ былъ, конечно, всѣхъ болѣе огорченъ и излилъ свою горесть въ посланіи къ жестокимъ друзьямъ, которое начиналось такъ:

»Что дѣлать! Видно, мнѣ кибитка не Парнасъ!
Но строгъ, несправедливъ ученый Арзамасъ!
Я оскорбилъ вашъ слухъ; вы оскорбили друга...«

и т. д. Посланіе это, въ сравненіи съ забракованнымъ, признано было въ »Арзамасѣ« перломъ поэзіи; автору не только возвратили прежній его титулъ: »Вотъ!«, но сдѣлали къ нему еще прибавку: »я васъ«: »Вотъ я васъ!«

— Сразу узнаю по этому Жуковскаго! сказалъ Пушкинъ.—Я, право, такъ радъ за дядю...

— А ужь самъ-то онъ какъ радъ, говорятъ! По всей Москвѣ разъѣзжаетъ, разсказываетъ анекдотъ о себѣ встрѣчному и поперечному.

— Надо будетъ послать ему списокъ съ моего »Руслана«, когда кончу.

— Непремѣнно пошли. Твои лавры замѣнятъ ему его собственные.

— Нѣтъ, господа, у Василья Львовича есть и свои лавры, вступился Эртель: — это призналъ

даже такой злой языкъ, какъ Воейковъ. Вы, Александръ Сергѣичъ, не читали еще его »Парнасскаго Адресъ-Календаря«?

— Нѣтъ, это что такое? Я знаю только его »Домъ сумасшедшихъ«.

— А то новѣйшая его сатира. Кое-что изъ этого »Адресъ-Календаря« я, кажется, помню... Про дядю вашего тамъ сказано: »В. Л. Пушкинъ—при водяной коммуникаціи, имѣетъ въ петлицѣ листочекъ лавра съ надписью: »за Буянова«. Про князя Шаховскаго: »придворный дистилаторъ; составляетъ самый лучшій опіумъ для придворнаго и общественнаго театра: имѣетъ привилегію писать безъ вкуса и безъ толку«. Но больше всего досталось несчастному графу Хвостову: »оберъ-дубина Феба въ рангѣ провинціальнаго секретаря; обучаетъ ипокренскихъ лягушекъ квакать и барахтаться въ грязи«.

— Не въ бровь, а въ глазъ! расхохотался Пушкинъ.—Но, значитъ, и всей нашей пишущей братьѣ не сдобровать у него.

— Нѣтъ, истинные таланты у него выдѣлены. Крыловъ, напр., охарактеризованъ такъ: »дѣйствительный поэтъ 1-го класса; придворный проповѣдникъ, имѣетъ лавровый вѣнокъ и входитъ къ его парнасскому величеству безъ доклада«.

— И ты, Пушкинъ, входишь туда теперь безъ доклада, съ непривычнымъ увлеченіемъ подхватилъ Дельвигъ.—Я предвидѣлъ это еще въ лицеѣ; но скоро признàютъ то-же и всѣ другіе.

Предсказаніе друга начало оправдываться съ перваго же выѣзда больнаго поэта послѣ болѣзни.

Давно уже наслышался Пушкинъ о капитанѣ Преображенскаго полка Павлѣ Александровичѣ Катенинѣ, какъ о знатокѣ иностранной литературы и тонкомъ критикѣ; давно искалъ онъ его знакомства. Но Чаадаевъ, общій ихъ знакомый, тогда еще не возвратился изъ Москвы. И вотъ, едва оправясь отъ болѣзни, Пушкинъ, не думая долго, надѣлъ свою шляпу »à la Bolivar« *), взялъ въ руки трость и отправился прямо на квартиру Катенина. Назвавъ себя, онъ подалъ ему трость и сказалъ:

— Я пришелъ къ вамъ, Павелъ Александровичъ, какъ Діогенъ къ Антисфену **): побей, но выучи!

— Ученаго учить, значитъ — портить, любезно отвѣчалъ Катенинъ — и знакомство завязалось.

Чрезъ Катенина Пушкинъ вскорѣ сошелся и съ былымъ »бесѣдчикомъ«, извѣстнымъ драматургомъ княземъ Шаховскимъ. Тотъ на дѣлѣ оказался премилымъ человѣкомъ, а нѣсколько лѣтъ спустя передѣлалъ для сцены двѣ поэмы Пушкина: »Руслана« и »Бахчисарайскій Фонтанъ«.

*) Шляпа съ прямыми полями, которою онъ впослѣдствіи украсилъ и своего любимаго героя:

›Надѣвъ широкій боливаръ,
Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ...‹

**) *Антисфенъ* (р. въ 420 г. до Р. Х.) и *Діогенъ* (р. въ 414 г. до Р. Х.) — оба древне-греческіе философы; послѣдній — ученикъ перваго.

Не одинъ Катенинъ выдѣлялся изъ среды тогдашней гвардiи своею, въ полномъ смыслѣ слова, европейскою образованностью. Въ первомъ ряду съ нимъ стоялъ Чаадаевъ, который, вернувшись въ Петербургъ, втянулъ Пушкина снова въ свой кружокъ, и генералъ А. Ѳ. Орловъ, который убѣдилъ Пушкина въ безразсудствѣ, при его блестящемъ поэтическомъ дарованiи, отдаться фронтовой службѣ. Отвѣтомъ на эти убѣжденiя служило извѣстное посланiе:

...»Орловъ, ты правъ: я покидаю
Свои гусарскiя мечты
И съ Соломономъ восклицаю:
Мундиръ и сабля — суеты!...«

Болѣе всѣхъ, кажется, былъ доволенъ такимъ его рѣшенiемъ Жуковскiй, который носился съ талантомъ своего ученика-поэта, какъ нѣжная нянька съ баловнемъ-ребенкомъ. Но отказавшись отъ гусарскаго мундира, Пушкинъ не отказался еще отъ гусарскихъ набѣговъ на ближнихъ въ формѣ эпиграммъ, и самому Жуковскому пришлось испытать на себѣ ихъ колкость: именно, Пушкинъ въ то время не хотѣлъ признавать еще такъ-называемыхъ »бѣлыхъ«, т. е. безрифменныхъ стиховъ. Жуковскiй же, переводя аллеманскаго поэта Гебеля, усердно упражнялся въ нихъ. Одно изъ этихъ переводныхъ стихотворенiй его: »Тлѣнность», начиналось такой фразой:

»Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,

Приходитъ въ мысль: что̀, если тожъ случится
И съ нашей хижиной?...«

Пушкинъ, прочтя это начало, тотчасъ его пародировалъ:

»Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что̀, если это проза,
Да и дурная?...«

Незлобивый Жуковскій очень любилъ разсказывать объ этой пародіи всѣмъ знакомымъ, Пушкину же пророчилъ, что разъ и онъ пойметъ достоинства бѣлаго стиха.

Точно также и Карамзинъ не избѣжалъ стихотворныхъ нападокъ нашего поэта. Будучи по-прежнему вхожъ въ домъ великаго исторіографа, Пушкинъ въ глаза и за глаза восторгался выпущенной тогда (въ 1818 г.) изъ печати »Исторіей Государства Россійскаго«, искренне провозглашалъ, что »древняя Россія найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ«, — и въ то-же время черкнулъ на него одну за другой двѣ презлыя эпиграммы.

Могли ли, послѣ этого, прежніе лицейскіе товарищи ждать отъ него пощады? Кюхельбекеру онъ написалъ новое сочувственное стихотвореніе »Къ Мечтателю«, которое тогда-же напечаталъ, подписавшись арзамасскимъ прозвищемъ своимъ »Сверчокъ«; а вслѣдъ затѣмъ безъ жалости поддѣлъ его эпиграммой. Случилось, что онъ сговорился съ Жуковскимъ встрѣтиться у однихъ

знакомыхъ, Жуковскій, однако, не явился. При слѣдующей встрѣчѣ, на вопросъ Пушкина: отчего его не было, Жуковскій оправдался тѣмъ, что лакей его Яковъ имѣетъ дурную привычку не затворять за собой дверей.

— Отъ сквозняка, знать, я и простудился, продолжалъ онъ; — да наканунѣ за ужиномъ поѣлъ еще лишнее. Въ добавокъ, зашелъ опять этотъ Кюхельбекеръ...

— Такъ! И со стихами?

— Съ новой поэмой...

— Тогда не диво, что у тебя всю внутренность перевернуло!

Какъ на грѣхъ, выходя отъ Жуковскаго, Пушкинъ столкнулся на лѣстницѣ съ двумя друзьями: Дельвигомъ и Кюхельбекеромъ!

— Вотъ подлинно: когда говорятъ о волкѣ, такъ онъ ужь тутъ какъ тутъ, сказалъ Пушкинъ, пожимая руку послѣднему.

Кюхельбекеръ весь такъ и встрепенулся.

— А у тебя, голубчикъ, съ Васильемъ Андреичемъ была сейчасъ рѣчь обо мнѣ?

— М-да.

— Ну, что-жъ онъ?

— А вотъ, говоритъ:

»За ужиномъ объѣлся я,
Да Яковъ заперъ дверь оплошно:
Такъ было мнѣ, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно.«

Стихотворный экспромтъ былъ выпаленъ такъ

въ упоръ, что даже невозмутимый вообще Дельвигъ расхохотался, вспыльчиваго же Кюхельбекера какъ варомъ обожгло.

— Ты мнѣ за это отвѣтишь!... буркнулъ онъ внѣ себя. — Я пришлю къ тебѣ моихъ секундантовъ...

— Ну, полно, Вильгельмъ! развѣ ты не понимаешь шутки? вступился было Дельвигъ.

Но Кюхельбекеръ его уже не слышалъ; сломя голову, бѣжалъ онъ съ лѣстницы внизъ и исчезъ за поворотомъ. На слѣдующее утро онъ, точно, прислалъ Пушкину формальный вызовъ, но, благодаря вмѣшательству друзей обоихъ, дѣло обошлось безъ кровопролитія. Въ накладѣ остался, конечно, только бѣдный Донъ-Кихотъ лицейскій: экспромтъ на него обошелъ весь литературный кружокъ, и выраженіе »кюхельбекерно« пріобрѣло въ этомъ кружкѣ значеніе, равнозначущее съ выраженіемъ »тошно«.

Естественно, что домашнимъ Пушкина приходилось страдать отъ его »гусарскихъ« выходокъ еще чаще, чѣмъ другимъ. Иногда шалости его заходили за предѣлы всякаго благоразумія. Такъ, по своемъ выздоровленіи, въ солнечный майскій день, совершая въ обществѣ отца и нѣсколькихъ знакомыхъ увеселительную прогулку на лодкѣ по Невѣ, поэтъ нашъ, въ порывѣ беззавѣтнаго молодечества, вынулъ кошелекъ, досталъ червонецъ и, подбросивъ его на ладони, уронилъ въ воду.

Всѣ такъ и ахнули. Сергѣй Львовичъ, человѣкъ небогатый, а главное скуповатый, былъ справедливо возмущенъ.

— Ты съ ума сошелъ, Александръ! вскричалъ онъ.

— Нѣтъ, папенька, я только безконечно счастливъ, легкомысленно отвѣчалъ сынъ, — счастливъ — какъ Поликратъ; надо же заплатить тоже какую-нибудь дань Нептуну? Вы полюбуйтесь только, какъ это красиво, какъ золото сверкаетъ на солнцѣ!

И, говоря такъ, онъ беззаботно продолжалъ швырять въ Неву червонецъ за червонцемъ.

Многое, что̀ другому ни за что не сошло бы съ рукъ, великодушно прощалось Пушкину, какъ исключительной, артистической натурѣ. Онъ дивилъ не одинъ только »свой муравейникъ«: имя его произносилось уже наряду съ лучшими отечественными писателями во всемъ образованномъ петербургскомъ обществѣ и даже далеко отъ Петербурга. Еще въ апрѣлѣ 1818 г. князь Вяземскій, жившій въ то время въ Варшавѣ и неслыхавшій еще ничего о »Русланѣ и Людмилѣ«, писалъ Жуковскому по поводу другихъ стиховъ своего молодаго друга:

»Стихи чертенка-племянника чудесно-хороши! Въ дыму столѣтій! Это выраженіе — городъ. Я все отдалъ бы за него, движимое и недвижимое. Какая бестія! Надобно намъ посадить его въ желтый домъ; не то этотъ бѣшеный сорва-

нецъ насъ всѣхъ заѣстъ, насъ и отцовъ нашихъ. Знаешь-ли, что Державинъ испугался бы дыма столѣтій? О прочихъ и говорить нечего!«

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя (въ сентябрѣ), старикъ-поэтъ и министръ Дмитріевъ писалъ изъ Москвы А. И. Тургеневу по случаю присылки ему Пушкинымъ стиховъ:

»Скажите искреннюю благодарность мою и молодому Пушкину; я и по заочности люблю его, какъ прекрасный цвѣтокъ поэзіи, который долго не поблѣднѣетъ. Почтенный дядя его недавно читалъ мнѣ нѣсколько начальныхъ стиховъ о томъ-же предметѣ. Не знаю еще, что̀ выйдетъ, но онъ исполненъ священнымъ негодованіемъ, зіяетъ молніей и громомъ говоритъ.«

Изъ этихъ строкъ видно, что и Василій Львовичъ Пушкинъ начиналъ невольно преклоняться передъ пробуждающимся геніемъ племянника.

Четвертый отсутствующій поэтъ, Батюшковъ, который еще такъ недавно представлялся молодому Пушкину недосягаемымъ идеаломъ, также предчувствовалъ его духовное превосходство надъ собою. Страдая уже въ то время первыми приступами своей душевной болѣзни, Батюшковъ, прочитавъ посланіе Пушкина къ Юшкову, судорожно скомкалъ въ кулакѣ стихи и вскричалъ:

— О, какъ сталъ писать этотъ злодѣй!

Онъ не могъ простить начинающему автору его свѣжихъ лавровъ. Но вскорѣ его ожидало

еще большее пораженіе: проѣздомъ черезъ Петербургъ ему пришлось присутствовать при чтеніи »Руслана и Людмила«. Происходило это чтеніе у Жуковскаго, который, не имѣя тогда еще собственной семьи, проживалъ въ семействѣ своего деревенскаго пріятеля А. А. Плещеева, славившагося своимъ искуснымъ чтеніемъ и бывшаго, вслѣдствіе того, нѣкоторое время также чтецомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Лѣтомъ 1818 г., въ селѣ Михайловскомъ, Пушкинъ вчернѣ окончилъ свою поэму, а по возвращеніи осенью въ Петербургъ, усердно занялся ея художественной отдѣлкой. По субботамъ, когда у Жуковскаго сходился избранный кружокъ любителей и литераторовъ, онъ, по мѣрѣ того, какъ подвигалась его работа, прочитывалъ тамъ пѣснь за пѣснью, чтобы выслушать замѣчанія знатоковъ дѣла. Къ началу 1819 года была, наконецъ, готова послѣдняя пѣснь, и когда онъ явился опять въ обычный день къ Жуковскому, его тотчасъ усадили въ кресло посреди комнаты за столъ съ двумя свѣчами и стаканомъ сахарной воды и заставили читать поэму отъ начала до конца.

Никто изъ слушателей не смѣлъ шелохнуться, чтобы не проронить ни слова. Изрѣдка раздавались только сдержанныя восклицанія:

— Изумительно!

— Какая смѣлость выраженій!

— Что за яркія краски!

— Что за музыкальныя рифмы!

Когда онъ замолкъ, съ полминуты еще царило кругомъ благоговѣйное молчаніе. Потомъ, точно по уговору, всѣ разомъ шумно поднялись, столпились около молодаго автора и наперерывъ принялись пожимать ему руку, осыпать его непритворными поздравленіями.

— Благодарю васъ, господа... бормоталъ онъ, сконфуженный и радостный.—Вотъ мой учитель!

Онъ указалъ на Жуковскаго. Тотъ, ни слова не отвѣтивъ, удалился изъ комнаты, но вслѣдъ затѣмъ опять возвратился и подалъ »ученику« свой собственный литографированный портретъ съ надписью:

»Ученику-побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя въ высокоторжественный день окончанія »Русланы и Людмилы«.

Изъ всѣхъ присутствующихъ, послѣ самого Пушкина, наибольшее впечатлѣніе приношеніе это произвело, казалось, на Батюшкова. Одинъ онъ только не двинулся изъ своего дальняго, полутемнаго угла, когда всѣ остальные обступили Пушкина. Теперь онъ нервно сорвался со стула, схватилъ шапку, наскоро простился съ хозяиномъ и выбѣжалъ вонъ. Но два мѣсяца спустя, находясь уже въ Неаполѣ и нѣсколько успокоясь, онъ писалъ А. И. Тургеневу въ Петербургъ:

»Просите Пушкина именемъ Аріоста выслать мнѣ свою поэму, исполненную красотъ и на-

дежды, если онъ возлюбитъ славу паче разсѣянія.«

Въ 1820 году, наконецъ, »Русланъ и Людмила« явились въ печати. Уже ранѣе о поэмѣ ходило въ публикѣ такъ много слуховъ, что всѣ наперерывъ бросились читать ее. Истинный цѣнитель художественныхъ произведеній Бѣлинскій не выступилъ еще въ то время на литературное поприще; за то въ мелкихъ рецензентахъ не было недостатка. И вотъ во всей нашей журналистикѣ поднялся невообразимый гамъ. Одни критики называли перо Пушкина »мастерскимъ«, самого Пушкина величали »юнымъ гигантомъ словесности нашей«; другіе, напротивъ, съ пѣною у рта, громили его и за древне-русскій фантастическій сюжетъ, и за простонародныя и необычныя выраженія. Крыловъ кратко и мѣтко въ четырехъ строкахъ охарактеризовалъ безтолковые пересуды этихъ непризванныхъ судей:

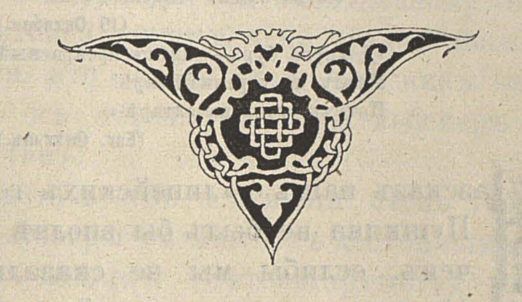
РЕЦЕНЗЕНТУ.

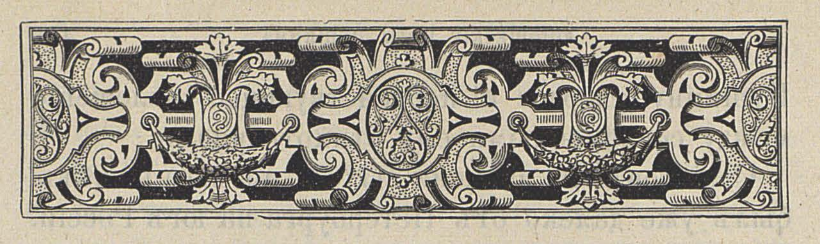
›Хоть надъ поэмою и долго ты корпишь,
Красотъ ей не придашь и не умалишь.
Браня, всѣмъ кажется, ее ты хвалишь,
Хваля, ее бранишь‹.

Зато масса читающей публики была безусловно плѣнена, побѣждена поэмой, которой, по изяществу и звучности стиха, ничего подобнаго до тѣхъ поръ у насъ не существовало. Первый крупный поэтическій опытъ разомъ завоевалъ

Пушкину твердое и первенствующее положеніе между современными ему стихотворцами.

Самъ онъ, ко времени выхода поэмы въ свѣтъ, былъ уже далеко отъ Петербурга на югѣ Россіи. Но слѣдовавшіе за его лицейскими годами, переходные къ возмужалости годы выходятъ уже за рамки нашего разсказа, и мы коснулись ихъ только въ той мѣрѣ, въ какой они органически связаны съ школьнымъ періодомъ его жизни.

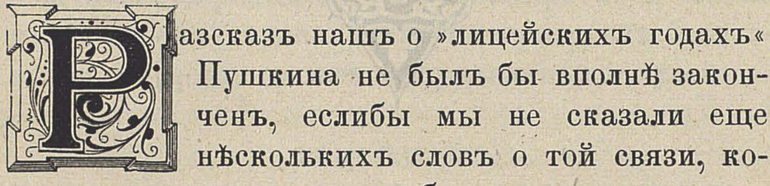
Эпилогъ.

»Куда бы насъ ни бросила судьбина
И счастіе куда-бъ ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ — чужбина,
Отечество намъ — Царское Село.«

(19 Октября.)

»Дохнула буря — цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ!
Потухъ огонь на алтарѣ!«

(Евг. Онѣгинъ.)

Разсказъ нашъ о »лицейскихъ годахъ« Пушкина не былъ бы вполнѣ законченъ, еслибы мы не сказали еще нѣсколькихъ словъ о той связи, которая сохранилась между бывшими товарищами по оставленіи лицея. Царское Село и 19-е октября (день открытія лицея) — вотъ два магнита, оказывавшіе на лицейскую семью и впослѣдствіи неизмѣнную притягательную силу.

Къ первой лицейской годовщинѣ по выпускѣ изъ лицея Пушкинъ не возвратился еще изъ села Михайловскаго, и потому не могъ участвовать въ обычномъ празднествѣ. На этотъ разъ

оно происходило также въ Царскомъ Селѣ, въ ближайшее къ 19-му октября воскресенье, но не послѣ этого числа, а до него, именно 13-го октября. Причиною тому было то, что на этотъ день было назначено освященіе вновь отстроенной въ Царскомъ лютеранской церкви, и директоръ Энгельгардтъ нашелъ наиболѣе удобнымъ соединить оба торжества. Въ »Сынѣ Отечества« 1818 года напечатано »письмо лицейскаго ветерана къ лицейскому ветерану«, описывающее этотъ знаменательный день, и еслибы даже внизу не стояло подписи: »Вильгельмъ К.«, то по сентиментальному тону этого любопытнаго документа не трудно было бы догадаться, кто авторъ его. Объяснивъ въ началѣ поводъ къ торжеству, Кюхельбекеръ продолжаетъ такъ:

»Представь себѣ всѣ наши столь тебѣ знакомые разговоры съ нимъ, съ достойнымъ начальникомъ нашимъ (Энгельгардтомъ); представь себѣ всѣхъ ветерановъ, сколько насъ ни было въ Петербургѣ, за столомъ его, въ кругу его семейства, членами его любезнаго семейства. Представь, какъ многіе изъ насъ бродятъ по роднымъ, но незабвеннымъ мѣстамъ, гдѣ провели мы лучшіе годы своей жизни; какъ иной сидитъ въ той же кельѣ, въ которой сидѣлъ шесть лѣтъ, забываетъ все, что съ нимъ ни случилось со времени его выпуска, и воображаетъ себѣ, что онъ тотъ же еще воспитанникъ.

тотъ же еще лицейскій; какъ двое другихъ, которыхъ дружба и одинакія наклонности соединили еще въ ихъ миломъ уединеніи, навѣщаютъ въ саду каждое знакомое дерево, каждый кустъ, каждую тропинку, обходятъ прудъ, останавливаются на Розовомъ полѣ, на Екатерининскомъ мѣстѣ, или въ темныхъ аллеяхъ, окружающихъ Павильонъ уединенія. Какую сладостную меланхолію вливала осень въ мою душу здѣсь, въ родномъ краю моемъ!...«

(Далѣе въ письмѣ описывается вечерній спектакль, за которымъ слѣдовали балъ и ужинъ.)

»...Представленіе кончилось; заиграли польское и балъ открывается въ другомъ уже залѣ; но вдругъ четверо изъ лицейскихъ ветерановъ останавливаютъ весь рядъ танцующихъ, обнимаютъ достойнаго директора, благодарятъ его, благодарятъ со слезами за представленіе піесы, которая служитъ для нихъ доказательствомъ, что и ихъ преемники воспитываются въ тѣхъ самыхъ правилахъ, въ которыхъ они воспитывались, въ правилахъ, которыя научили насъ любить отечество и добродѣтель болѣе жизни, болѣе крови своей...«

Выписанный нами выше эпиграфъ лучше всего выражаетъ тѣ чувства, которыя продолжалъ питать къ Царскому Селу Пушкинъ. А какою искреннею, просвѣтленною грустью вѣетъ отъ слѣдующихъ строкъ, вылившихся у него въ 1828 году, при возвращеніи послѣ многолѣтняго отсутствія, въ дорогія ему мѣста:

»Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой!
Такъ отрокъ Библіи, безумный расточитель,
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ...«

Пушкинъ зашелъ тогда, конечно, и въ лицей. Объ этомъ посѣщеніи его подробностей не сохранилось. Лицеистъ 7-го выпуска, маститый академикъ нашъ Я. К. Гротъ, былъ тогда въ младшемъ курсѣ и не видѣлъ Пушкина, который ходилъ только съ старшимъ курсомъ; но три года спустя, въ 1831 году, когда Пушкинъ, женившись, жилъ все лѣто въ Царскомъ, г. Гроту удалось видѣть его въ лицеѣ.

»Никогда не забуду восторга, съ какимъ мы его приняли (разсказываетъ онъ). Какъ всегда водилось, когда пріѣзжалъ кто-нибудь изъ нашихъ »дѣдовъ«, мы его окружили всѣмъ курсомъ и гурьбой провожали по всему лицею. Обращеніе его съ нами было совершенно простое, какъ съ старыми знакомыми; на каждый вопросъ онъ отвѣчалъ привѣтливо, съ участіемъ разспрашивалъ о нашемъ бытѣ, показывалъ намъ свою бывшую комнатку и передавалъ подробности о памятныхъ ему мѣстахъ. Послѣ мы не разъ встрѣчали его гуляющимъ въ царскосельскомъ саду, то съ женою, то съ Жуковскимъ.«

Жившіе въ Петербургѣ »дѣды« лицейскіе, т. е. лицеисты перваго выпуска, вѣрные преданіямъ

лицея, ежегодно праздновали лицейскую годовщину, сперва на квартирѣ у Илличевскаго, а потомъ у Тыркова и Яковлева. Послѣднему за это было присвоено почетное прозвище »лицейскаго старосты«, а квартира его называлась »лицейскимъ подворьемъ«. Сходки »дѣдовъ« имѣли чисто-товарищескій, семейный характеръ, и на нихъ не допускалось ни одно постороннее лицо — даже изъ числа лицеистовъ послѣдующихъ выпусковъ. Въ видѣ исключенія, съ 1824 года, чести этой удостоивался одинъ человѣкъ — бывшій директоръ ихъ Энгельгардтъ, который за годъ передъ тѣмъ оставилъ службу въ лицеѣ.

Нечего говорить, что Пушкинъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, сдѣлался также постояннымъ участникомъ этихъ товарищескихъ собраній. Юмористическіе протоколы ихъ по большей части написаны его рукой. Протоколъ 1828 года, составленный имъ же, начинается такъ:

»Собралися на пепелищѣ скотобратца курнофеюса Тыркова, по прозванію кирпичнаго бруса, 8 человѣкъ скотобратцевъ, а именно: Дельвигъ — Тося, Илличевскій — Олосенька, Яковлевъ — паясъ, Корфъ — дьячокъ Морданъ, Стевенъ — шведъ, Тырковъ (смотри выше), Комовскій — лиса, Пушкинъ — французъ (смѣсь обезьяны съ тигромъ)« *).

---

*) »*Скотобратцами*« лицеисты перваго выпуска называли себя иногда еще въ лицеѣ по поводу каррикатуръ Илличевскаго, въ которыхъ они изображались въ видѣ животныхъ. Прозвище *курнофеюсъ*

Далѣе въ протоколѣ идутъ 11 пунктовъ, въ которыхъ перечисляются занятія собранія. Въ этихъ пунктахъ значится, между прочимъ: »вели бесѣду«; »пѣли скотобратскіе куплеты прошедшихъ шести годовъ« (т. е. »прощальную пѣснь« Дельвига); »Олосенька, въ видѣ французскаго тамбуръ-мажора, утѣшалъ собравшихся«; »Тырковіусъ безмолвствовалъ«; »толковали о гимнѣ ежегодномъ и негодовали на вдохновеніе скотобратцевъ«; »паясъ представлялъ восковую фигуру«.

Послѣдній, 11-й пунктъ гласилъ:

»И завидѣвъ на дворѣ часъ 1-й и стражу вторую, скотобратцы разошлись, пожелавъ добраго пути воспитаннику императорскаго лицея Пушкину, французу, иже написа сію грамоту« *).

За этимъ слѣдуютъ подписи, а послѣ нихъ куплетъ опять рукою Пушкина:

»Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричавъ: *ура!*,
Прощайте, братцы, мнѣ въ дорогу,
А вамъ въ постель уже пора.«

дано было Тыркову въ лицеѣ же за то, что онъ былъ курносъ, а *кирпичнымъ брусомъ* онъ звался за цвѣтущій, смуглобурый цвѣтъ лица; Яковлевъ получилъ кличку *паяса* за искусное передразниванье другихъ; Комовскій прозывался *лисой* за ловкость и лукавство, а Стевенъ — *шведомъ* по происхожденію. Остальныя прозвища объяснены нами уже ранѣе въ своемъ мѣстѣ.

*) »*Воспитанникомъ лицея*« Пушкинъ назвалъ себя въ протоколѣ иронически потому, что, выйдя въ 1824 году въ отставку, онъ, по беззаботности своей, потерялъ выданный ему на службѣ аттестатъ, и, вмѣсто послѣдняго, предъявлялъ полиціи свой лицейскій аттестатъ, гдѣ назывался »воспитанникомъ лицея«.

»Въ дорогу« Пушкинъ собирался почти всякую осень, потому что это время года въ деревенскомъ уединеніи было особенно плодотворно для его поэтической дѣятельности.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда его не было въ Петербургѣ къ 19-му октября, онъ присылалъ обыкновенно »скотобратцамъ« стихотворное привѣтствіе. Безъ него, ихъ записнаго пѣвца, лицейскій праздникъ былъ точно немыслимъ.

Послѣднюю лицейскую годовщину передъ своей смертью, 19-го октября 1836 года, Пушкинъ снова провелъ въ кругу друзей. Печальный, какъ бы убитый видъ его обратилъ общее ихъ вниманіе. На вопросъ: что́ съ нимъ? онъ отговорился нездоровьемъ. На второй вопросъ: не написалъ ли чего по случаю 25-ти-лѣтія лицея? онъ отвѣчалъ, что написалъ, но не совсѣмъ окончилъ. По неотступной просьбѣ товарищей, онъ нехотя досталъ изъ кармана листокъ и сталъ читать свое превосходное стихотвореніе:

»Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался...«

Но слезы мѣшали ему читать, мѣшали видѣть. Голосъ его оборвался, и, быстро вставъ, онъ удалился на другой конецъ комнаты. Одинъ изъ товарищей, вмѣсто него, дочелъ стихи вслухъ. Въ углу своемъ Пушкинъ просидѣлъ довольно долго, пока настолько успокоился, что могъ опять присѣсть за столъ къ друзьямъ. Онъ будто предчувствовалъ свой близкій конецъ, предчувство-

валъ живѣе, чѣмъ еще пять лѣтъ передъ тѣмъ, когда въ этомъ же товарищескомъ кружкѣ, предсказывалъ:

›И мнится — очередь за мной...
Зоветъ меня мой *Дельвигъ* милый...‹

Дельвигъ на цѣлыя шесть лѣтъ опередилъ своего друга. По выходѣ изъ лицея, онъ, съ грѣхомъ пополамъ, четыре года тянулъ служебную лямку мелкимъ чиновникомъ въ министерствѣ финансовъ. По врожденному своему отвращенію къ серьезному труду, онъ осенью 1821 года вышелъ уже въ отставку, чтобы имѣть еще болѣе досуга для любимаго своего занятія — изящной словесности. Но жить исключительно литературой въ тѣ времена было невозможно. и потому Дельвигъ принялъ мѣсто помощника библіотекаря въ императорской Публичной библіотекѣ. которое предложилъ ему директоръ этой библіотеки, Оленинъ. Покровительствуя молодымъ литераторамъ, Оленинъ нарочно опредѣлилъ его помощникомъ къ знаменитому баснописцу Крылову, который занималъ должность библіотекаря. Хотя Крыловъ былъ не менѣе лѣнивъ, чѣмъ Дельвигъ, но такъ какъ дѣла у обоихъ было немного, то они ладили между собой. Скопленные въ Публичной библіотекѣ драгоцѣнные литературные матеріалы, которыми могъ теперь постоянно пользоваться Дельвигъ, дали его Музѣ болѣе положительное направленіе: отъ лирическихъ стихотвореній онъ обратился къ идилліямъ

въ классическомъ родѣ. Въ 1825 году онъ женился и перешелъ чиновникомъ особыхъ порученій въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Мѣсто это, съ одной стороны, лучше обезпечивало его въ матеріальномъ отношеніи, а съ другой — давало ему еще больше досуга. Вся служба его ограничивалась тѣмъ, что онъ приходилъ въ департаментъ и собиралъ около себя кружокъ слушателей-сослуживцевъ, потому что былъ прекраснымъ разсказчикомъ и имѣлъ всегда въ запасѣ цѣлый коробъ новѣйшихъ анекдотовъ. Такой же кружокъ пріятелей-литераторовъ сходился у него на дому по середамъ и воскресеньямъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ зажилъ семьяниномъ. Что касается его литературнаго дарованія, то едва ли не одинъ Пушкинъ только, по сердечной привязанности къ лицейскому другу, считалъ его крупнымъ талантомъ. Баснописецъ Измайловъ рѣзко, но мѣтко охарактеризовалъ значеніе обоихъ въ слѣдующей баснѣ:

РОЗА И РЕПЕЙНИКЪ.

»Репейникъ возгордился,
Да чѣмъ же? — Съ розою въ одномъ саду онъ росъ.
Иной молокососъ,
Который цѣлый курсъ проспалъ и пролѣнился,
А послѣ и въ писцы на дѣлѣ не годился,
Твердитъ, поднявши носъ:
»Съ такимъ-то вмѣстѣ я учился!«
Хорошъ тотъ, слова нѣтъ! Ему хвала и честь;
Да что, скажи, въ тебѣ-то есть?«

Впрочемъ, не создавъ самъ ничего сколько-

нибудь выдающагося, Дельвигъ обладалъ тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, и Пушкинъ, пока былъ живъ его другъ, читалъ ему всегда свои новыя произведенія до ихъ печатанія и исправлялъ ихъ по его совѣтамъ. Идеалистъ Жуковскій, зараженный пристрастіемъ Пушкина къ Дельвигу, возлагалъ на послѣдняго также несбыточныя надежды и особенно увлекался его широко-задуманными планами новыхъ поэмъ. Однажды, выслушавъ такой планъ, Жуковскій крѣпко обнялъ Дельвига и воскликнулъ:

— Берегите это сокровище въ себѣ до дня его рожденія!

Поэтъ-лѣнивецъ такъ свято берегъ свое »сокровище«, что оно никогда не увидѣло свѣта Божьяго, какъ и всѣ его большіе замыслы. Года за четыре до своей смерти, Дельвигъ сталъ издавать альманахъ »Сѣверные Цвѣты«. Альманахъ этотъ былъ принятъ публикой довольно благосклонно. Въ 1830 году онъ задумалъ »Литературную Газету«; но крупныя непріятности, вышедшія у него съ цензурой, на столько подѣйствовали на него, что и безъ того слабое здоровье его не выдержало: онъ слегъ и уже не оправился. 14-го января 1831 года онъ умеръ на рукахъ жены на 33-мъ году жизни. Пушкина въ то время не было въ Петербургѣ; но какъ глубоко чувствовалъ онъ эту утрату, видно изъ слѣдующихъ строкъ его къ Плетневу:

»Что скажу тебѣ, мой милый! Ужасное из-

вѣстіе получилъ я въ воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову *) объявить ему все — и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска! Вотъ первая смерть, мною оплаканная... Никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изо всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ остался на виду — около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Считай по пальцамъ: сколько насъ? Ты, я, Баратынскій — вотъ и все. Вчера провелъ я день съ Нащокинымъ **), который сильно пораженъ его смертью. Говорили о немъ, называя его »покойникъ Дельвигъ«, и этотъ эпитетъ былъ столь же страненъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! Согласимся: покойникъ Дельвигъ — быть такъ. Баратынскій боленъ съ огорченія. Меня не такъ-то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ — и постараемся быть живы.«

Намъ, потомкамъ, Дельвигъ интересенъ только, какъ вѣрный спутникъ и »оруженосецъ« поэта-генія, и самъ онъ лучше всего выразилъ свое литературное значеніе въ эпитафіи, которую написалъ себѣ:

»Что̀ жизнь его? Протяжный сонъ;
Что̀ смерть? Отъ грезъ ужасныхъ пробужденье.«

Съ первымъ другомъ своимъ Пущинымъ Пушкинъ встрѣчался только изрѣдка въ театрѣ

*) *Салтыковъ* — тесть Дельвига.

**) *Нащокинъ* — московскій пріятель Пушкина.

да у общихъ знакомыхъ. Съ лицейской скамьи дороги ихъ разошлись: въ то время, какъ вѣтренникъ Пушкинъ искалъ сильныхъ ощущеній въ развлеченіяхъ »большаго свѣта«, болѣе степенный Пущинъ весь отдался коронной службѣ — сперва военной, а затѣмъ гражданской, перейдя судьею въ уголовную палату. Тѣмъ не менѣе, даже при этихъ рѣдкихъ встрѣчахъ, братскія отношенія ихъ другъ къ другу не измѣнились; а когда Пушкинъ, съ 1824 года, безвыѣздно поселился въ селѣ Михайловскомъ, Пущинъ былъ одинъ изъ тѣхъ трехъ друзей, которые обрадовали его тамъ:

»Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ печальный,
О, Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его лицея превратилъ.«

(Вторымъ гостемъ его былъ Горчаковъ, третьимъ Дельвигъ.)

Въ »запискахъ« своихъ Пущинъ такъ живо описываетъ эту поѣздку свою въ Михайловское, что мы передадимъ разсказъ его собственными его словами:

»Проведя праздникъ у отца въ Петербургѣ, послѣ Крещенія я поѣхалъ въ Псковъ. Погостилъ у сестры нѣсколько дней и отъ нея вечеромъ пустился изъ Пскова; въ Островѣ, проѣздомъ, ночью взялъ три бутылки клико (шампанскаго) и къ утру слѣдующаго дня уже приближался къ желаемой цѣли. Свернули мы, нако-

нецъ, съ дороги въ сторону, мчались, среди лѣса, по гористому проселку: все мнѣ казалось не довольно скоро! Спускаясь съ горы, недалеко уже отъ усадьбы, которую за частыми соснами нельзя было видѣть, сани наши, въ ухабѣ, такъ наклонились на бокъ, что ямщикъ слетѣлъ. Я съ Алексѣемъ, неизмѣннымъ моимъ спутникомъ отъ лицейскаго порога, кое-какъ удержался въ саняхъ. Схватили возжи. Кони несутъ среди сугробовъ, опасности нѣтъ: въ сторону не бросятся, все лѣсъ и снѣгъ имъ по брюхо; править не нужно. Скачемъ опять въ гору извилистой тропой; вдругъ крутой поворотъ, и какъ-будто неожиданно вломились смаху въ притворенныя ворота, при громѣ колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засѣли въ снѣгу нерасчищеннаго двора.

»Я оглядываюсь: вижу на крыльцѣ Пушкина, босикомъ, въ одной рубашкѣ, съ поднятыми вверхъ руками. Не нужно говорить, что̀ тогда во мнѣ происходило. Выскакиваю изъ саней, беру его въ охапку и тащу въ комнату. На дворѣ страшный холодъ, но въ иныя минуты человѣкъ не простужается. Смотримъ другъ на друга, цѣлуемся, молчимъ! Онъ забылъ, что надобно прикрыть наготу; я не думалъ объ заиндевѣвшей шубѣ и шапкѣ. Было около 8-ми часовъ утра. Не знаю, что̀ дѣлалось. Прибѣжавшая старуха застала насъ въ объятіяхъ другъ друга, въ томъ самомъ видѣ, какъ мы попали въ домъ: одинъ —

Пущинъ въ гостяхъ у Пушкина.

почти голый, другой — весь забросанный снѣгомъ. Наконецъ, пробила слеза (она и теперь, черезъ 33 года, мѣшаетъ писать въ очкахъ); мы очнулись. Совѣстно стало передъ этой женщиной; впрочемъ, она все поняла. Не знаю, за кого меня приняла; только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчасъ догадался, что это добрая его няня, столько разъ имъ воспѣтая, и чуть не задушилъ ее въ объятіяхъ.

»Все это происходило на маленькомъ пространствѣ. Комната Александра была возлѣ крыльца, съ окномъ на дворъ, въ которое онъ увидѣлъ меня, услышавъ колокольчикъ. Въ этой небольшой комнатѣ помѣщалась кроват его съ пологомъ, письменный столъ, диванъ, шкапъ съ книгами, и проч., и проч. Во всемъ поэтическій бзпорядокъ, вездѣ разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьевъ (онъ всегда съ самаго лицея писалъ оглодками, которые едва можно было держать въ пальцахъ).

»Послѣ первыхъ нашихъ обниманій пришелъ и Алексѣй, который, въ свою очередь, кинулс цѣловать Пушкина: онъ не только близко зналъ и любилъ поэта, но и читалъ наизустъ многіе изъ его стиховъ.

»Подали намъ кофе; мы усѣлись съ трубками. Бесѣда пошла правильнѣе; многое надо было хронологически разсказать, о многомъ разспросить другъ друга.

»Пушкинъ показался мнѣ нѣсколько серьезнѣе прежняго, сохраняя однакоже ту-же веселость; можетъ быть, самое положеніе его произвело на меня это впечатлѣніе. Онъ, какъ дитя, былъ радъ нашему свиданію, нѣсколько разъ повторялъ, что ему еще не вѣрится, что мы вмѣстѣ. Прежняя его живость во всемъ проявлялась — въ каждомъ словѣ, въ каждомъ воспоминаніи: имъ не было конца въ неумолкаемой нашей болтовнѣ.

»Я привезъ Пушкину въ подарокъ »Горе отъ ума«; онъ былъ очень доволенъ этой, тогда рукописной комедіей, до того ему вовсе почти незнакомой. Послѣ обѣда, за чашкой кофею, онъ началъ читать ее вслухъ: жаль, что не припомню теперь мѣткихъ его замѣчаній, которыя, впрочемъ, потомъ частію явились въ печати.

»Потомъ онъ мнѣ прочелъ кое-что свое, большею частью въ отрывкахъ, которые впослѣдствіи вошли въ составъ замѣчательныхъ его піесъ; продиктовалъ начало изъ поэмы »Цыганы« — для »Полярной Звѣзды«, и просилъ, обнявши крѣпко Рылѣева, благодарить за его патріотическія Думы.

»Между тѣмъ время шло за полночь. Намъ подали закусить; на прощанье хлопнула третья пробка. Мы крѣпко обнялись, въ надеждѣ, можетъ быть, скоро свидѣться въ Москвѣ. Шаткая эта надежда облегчала разставанье послѣ такъ отрадно промелькнувшаго дня. Ямщикъ уже запрягъ лошадей, колоколецъ брякалъ у крыльца,

на часахъ ударило три. Мы еще чокнулись стаканами, но грустно пилось: какъ-будто чувствовалось, что въ послѣдній разъ вмѣстѣ пьемъ и пьемъ на вѣчную разлуку! Молча я набросилъ на плечи шубу и убѣжалъ въ сани. Пушкинъ еще что-то говорилъ мнѣ вслѣдъ; ничего не слыша, я глядѣлъ на него: онъ остановился на крыльцѣ со свѣчей въ рукѣ. Кони рванули подъ гору. Послышалось: »Прощай, другъ!« Ворота скрипнули за мной...«

Друзьямъ не было уже суждено свидѣться: вскорѣ Пущина превратная судьба занесла на другой край свѣта — на границу Китая, въ Читу. Но въ самый день прибытія его туда, ему вручили пришедшее уже раньше привѣтствіе друга-поэта:

»Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ тоже утѣшенье,
Да озаритъ онъ заточенье
Лучомъ лицейскихъ, ясныхъ дней!«

Уже старикомъ Пущинъ получилъ разрѣшеніе возвратиться на родину, въ село Марьино, Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи, гдѣ тихо и окончилъ вѣкъ свой 3-го апрѣля 1859 года.

Еще безотраднѣе была судьба третьяго прія-

теля Пушкина, Кюхельбекера. Не смотря на свои выдающіяся способности, на свои прекрасныя душевныя качества, на свое нѣмецкое усердіе и терпѣніе, онъ, какъ и надлежало истому Донъ-Кихоту, началъ и кончилъ жизнь восторженнымъ сумасбродомъ и неудачникомъ. Попавъ съ лицейской скамьи, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, онъ, однако, скоро бросилъ службу и укатилъ за-границу. Здѣсь, въ Парижѣ, онъ не безъ успѣха прочелъ по-французки нѣсколько лекцій о славянской литературѣ; но онъ далъ слишкомъ большой просторъ своему краснорѣчію, и его вызвали обратно въ Россію. Перейдя на службу въ Тифлисъ, онъ близко сошелся тамъ съ Грибоѣдовымъ. Но его тянуло въ Москву, и въ 1823 г. онъ окончательно перебрался туда. Существуя уроками въ университетскомъ пансіонѣ и въ частныхъ домахъ, онъ все свободное время посвящалъ литературѣ. Даже Пушкинъ, который прежде постоянно подтрунивалъ надъ его стихотворными опытами, началъ относиться теперь къ нимъ снисходительнѣе: благодаря своей настойчивости, Кюхельбекеръ выработалъ себѣ понемногу правильный русскій слогъ и сталъ строчить очень недурные, хотя и напыщенные стихи, которые охотно принимались въ журналы. Въ сообществѣ съ княземъ Одоевскимъ онъ предпринялъ, наконецъ, и собственный журналъ: »Мнемозину«. Но роковой для многихъ русскихъ литераторовъ

1825 годъ оказался таковымъ и для Кюхельбекера. Десять лѣтъ несчастный безумецъ долженъ былъ искупать свои заблужденія въ стѣнахъ тюрьмы, а всю остальную жизнь — въ ссылкѣ. Но и въ заточеніи, въ разлукѣ со всѣми близкими, онъ не упалъ духомъ: по доставлявшимся ему журналамъ и книгамъ онъ прилежно слѣдилъ за умственнымъ движеніемъ и ростомъ милой ему Россіи, велъ дневникъ всему прочитанному и лучшее утѣшеніе находилъ въ молчаливой бесѣдѣ съ своей собственной Музой. 19-го октября 1836 г., когда Пушкинъ въ послѣдній разъ праздновалъ съ друзьями въ Петербургѣ лицейскую годовщину, на другомъ краю свѣта опальный товарищъ его Кюхля изливалъ въ стихахъ свои чувства къ нимъ и въ особенности къ Пушкину, своему идеалу:

»...Чьи рѣзче всѣхъ рисуются черты
Предъ взорами моими? Какъ перуны
Сибирскихъ грозъ, его златыя струны
Рокочутъ... Пушкинъ, Пушкинъ! это ты!«

Въ 1837 г. Кюхельбекеръ женился на совершенно необразованной дѣвушкѣ, дочери баргузинскаго почтмейстера, которая ни мало не могла раздѣлять его возвышенныхъ стремленій. Во время зимней бури въ 1844 году, переѣзжая Байкалъ и спасая жену и дѣтей, Кюхельбекеръ такъ простудился, что уже не оправился. Въ добавокъ онъ вскорѣ еще ослѣпъ. Незадолго передъ своимъ концомъ, онъ продиктовалъ старому товарищу

своему Пущину послѣднюю свою волю и умеръ отъ чахотки въ Тобольскѣ 11 августа 1846 года. На могильной плитѣ его начертали всепрощающія слова Спасителя:

»Пріидите ко Мнѣ вси страждущіи и обремененіи и Азъ упокою вы!«

Двое другихъ лицейскихъ стихотворцевъ, связанные между собой тѣсной дружбой, какъ соиздатели »Лицейскаго Мудреца«: Илличевскій и Корсаковъ не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. Илличевскій, которому профессоръ Кошанскій отдавалъ когда-то предпочтеніе даже передъ Пушкинымъ, оставилъ слѣдъ въ литературѣ небольшимъ только томикомъ стиховъ: »Опыты въ антологическомъ родѣ«, изданномъ въ 1827 году; на служебномъ же поприщѣ дошелъ не далѣе начальника отдѣленія. Изъ Корсакова, поэта и музыканта, можетъ быть, со временемъ и развился бы талантъ; но уже три года по выпускѣ изъ лицея онъ скончался, какъ и Кюхельбекеръ, отъ чахотки на чужбинѣ, во Флоренціи. Достойно удивленія присутствіе духа, которое выказалъ Корсаковъ передъ неизбѣжнымъ концомъ: за часъ еще до смерти, онъ сочинилъ самому себѣ русскую надгробную надпись и нарочно написалъ ее четкими, крупными литерами, чтобы итальянскіе граверы, копируя, ненарокомъ не исказили ея. Вотъ эта надпись:

›Прохожій, поспѣши къ странѣ родной своей!
Ахъ! грустно умирать далёко отъ друзей!‹

Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, посвященныхъ лицейской годовщинѣ (1825 г.), Пушкинъ, пересчитывая отсутствующихъ друзей, сочувственно вспоминаетъ и о Корсаковѣ:

»Онъ не прищелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ,
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
Подъ миртами Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
Не начерталъ надъ русскою могилой
Словъ нѣсколько на языкѣ родномъ,
Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылый
Сынъ сѣвера, бродя въ краю чужомъ.«

Двѣ матки лицейскія: графъ Брогліо и Комовскій имѣли діаметрально противоположную участь. Первый, замѣшанный въ 1829 г. въ возмущеніи Греціи, погибъ молодымъ еще человѣкомъ геройскою смертью въ случайной стычкѣ; второй, прослуживъ недолго помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, удалился въ свою частную жизнь и окончилъ ее мирно въ глубокой старости, въ 1880 году, искренне оплакиваемый семьей и многочисленными друзьями.

Большинство другихъ товарищей Пушкина, упоминаемыхъ въ нашемъ разсказѣ, достигло на государственной службѣ »степеней извѣстныхъ«: Ломоносовъ былъ посланникомъ въ Гагѣ, баронъ Корфъ — членомъ государственнаго совѣта и директоромъ императорской Публичной библіотеки, Корниловъ — сенаторомъ, Бакунинъ — тверскимъ губернаторомъ, Вальховскій — бри-

гаднымъ генераломъ, Матюшкинъ — адмираломъ, Масловъ — директоромъ департамента податей и сборовъ, Малиновскій и Данзасъ — полковниками. Всѣхъ ихъ, однако, неизмѣримо опередилъ одинъ — князь Горчаковъ. Какъ въ лицеѣ онъ былъ у всѣхъ на виду, ставился всѣмъ въ примѣръ, такъ точно и за стѣнами лицея онъ выдвинулся впереди всего русскаго народа, сталъ первымъ подданнымъ русскаго царя — государственнымъ канцлеромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ. Сколько разъ судьба Россіи была, можно сказать, въ его рукахъ! сколько разъ взоры всей Европы были неотступно устремлены на него! И ему же было суждено пережить всѣхъ первенцевъ лицея. Удалившись уже отъ дѣлъ, но сохраняя почетное званіе канцлера, онъ угасъ отъ старческой дряхлости 27 февраля 1883 г. Такимъ образомъ, къ нему, оказывается, относились вѣщія слова его геніальнаго товарища-поэта:

›...Кому-жъ изъ насъ подъ старость день лицея
Торжествовать придется одному?
Несчастный другъ! Средь новыхъ поколѣній
Докучный гость и лишній и чужой,
Онъ вспомнитъ насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...‹

Профессоръ лицеистовъ перваго выпуска Кошанскій, который, во всякомъ случаѣ, далъ первый толчокъ ихъ литературному направленію, впослѣдствіи времени гордился своимъ геніальнымъ ученикомъ-поэтомъ. Я. К. Гротъ, въ сво-

ихъ школьныхъ воспоминаніяхъ, разсказываетъ объ этомъ, между прочимъ, слѣдующее:

»Читать съ воспитанниками Пушкина еще не было принято и въ лицеѣ; его мы читали сами иногда во время классовъ, украдкою. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, Кошанскій разъ привезъ намъ на лекцію только-что полученную отъ Пушкина изъ деревни рукопись: »19 октября 1825 года« (»Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ«) и прочелъ намъ это стихотвореніе съ особеннымъ чувствомъ, прибавляя къ каждой строфѣ свои поясненія. Только тамъ, гдѣ рѣчь шла о заблужденіяхъ поэта, онъ довольствовался многозначительной мимикой, которая, вообще входила въ его пріемы. Особенно при стихахъ:

»Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ,«

онъ далъ намъ почувствовать, что и Пушкинъ не во всемъ заслуживаетъ подражанія.«.

Умеръ Кошанскій въ 1831 г. въ должности директора института слѣпыхъ въ Петербургѣ; а любимый профессоръ лицеистовъ Куницынъ — въ 1840 г. директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Изъ числа прочихъ профессоровъ, Гауеншильдъ ознаменовалъ себя переводомъ на нѣмецкій языкъ исторіи Карамзина.

Назвавъ Карамзина, не можемъ кстати не упомянуть, что хотя знаменитый исторіографъ имѣлъ непосредственное вліяніе на Пушкина только до

1820 года, послѣ котораго имъ не суждено было уже свидѣться, но какъ дорогъ онъ всегда оставался Пушкину — краснорѣчивѣе всего говоритъ текстъ посвященія »Бориса Годунова«:

»Драгоцѣнной для россіянъ памяти Николая Михайловича Карамзина, сей трудъ, геніемъ его вдохновенный, съ благоговѣніемъ и благодарностію посвящаетъ Александръ Пушкинъ.«

Другой неизмѣнный покровитель и старшій другъ Пушкина Жуковскій пережилъ его 15-ю годами и далъ намъ подробное, глубоко-трогательное описаніе послѣднихъ минутъ его. Съ восшествіемъ на престолъ императора Николая I, будучи назначенъ воспитателемъ наслѣдника (впослѣдствіи императора) Александра Николаевича, Жуковскій до 1840 года почти вовсе отказался отъ литературы; только съ этого времени, сдѣлавшись опять свободнымъ, онъ могъ вернуться къ своему любимому занятію и перевелъ стихами, между прочимъ, всю Гомерову »Одиссею«. Послѣднею, лебединою пѣснью его было, какъ думаютъ, стихотвореніе: »Царскосельскій лебедь«, точно написанное имъ на самого себя:

»...вновь помолодѣлый,
Радостно вздымая перья груди бѣлой,
Голову на шеѣ, гордо распрямленной,
Къ небесамъ подъемля, весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый.
А когда допѣлъ онъ — на небо взглянувши

И крылами сильно дряхлыми взмахнувши —
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся... и его не стало
Въ высотѣ... и навзничь съ высоты упалъ онъ;
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ негорящій.«

Подобно Жуковскому, несомнѣнно, конечно, и поэтъ-дядя, Василій Львовичъ, способствовалъ развитію таланта молодаго Пушкина, хотя не столько своими собственными, довольно слабыми стихами, сколько своимъ поощрительнымъ примѣромъ. Небезъинтересно, что Василій Львовичъ, долго сомнѣвавшійся въ дарованіи племянника, впослѣдствіи громче всѣхъ прославлялъ его по всей Москвѣ и самъ попытался подражать ему въ поэмѣ своей »Капитанъ Храбровъ«, которую, однако, такъ и не дописалъ. Много лѣтъ страдая подагрой, онъ цѣлые дни проводилъ лежа на диванѣ, и въ 1830 г., съ книгой въ рукахъ и со словами: »Какъ скучны статьи Катенина!« испустилъ послѣдній вздохъ.

Свою мать, Надежду Осиповну, Пушкину пришлось схоронить за нѣсколько мѣсяцевъ только до своей собственной смерти. Во время ея послѣдней болѣзни, сынъ нѣжно ухаживалъ за нею, и тутъ-то она стала отвѣчать ему, чуть-ли не впервые, такой-же беззавѣтною материнскою лаской.

Сергѣй Львовичъ не былъ въ Петербургѣ во время внезапной кончины сына и (какъ мы

увидимъ ниже) долго былъ безутѣшенъ. Онъ дожилъ до 1848 г. и подъ конецъ жизни впалъ въ дѣтство.

Младшій сынъ его, Левъ Сергѣевичъ, служилъ нѣкоторое время офицеромъ на Кавказѣ, велъ вообще разсѣянную жизнь и пережилъ отца только пятью годами.

Сестра поэта, Ольга Сергѣевна, вышла замужъ за лицеиста Павлищева. Въ послѣдніе годы ее занимали исключительно тайны загробной жизни. Въ молодости она хотя и пописывала недурные стихи, а впослѣдствіи написала свои воспоминанія (на французскомъ языкѣ), но въ порывѣ спиритическаго экстаза, къ сожалѣнію, сожгла всѣ свои рукописи. Ослѣпнувъ и разбитая параличемъ, она скончалась въ 1868 г., въ кругу своей семьи, въ Петербургѣ.

Вѣрная няня Пушкина, Арина Родіоновна, раздѣлявшая съ нимъ цѣлые годы сельскаго одиночества въ Михайловскомъ, перебралась, вмѣстѣ съ нимъ, въ 1826 г. въ Петербургъ, гдѣ и похоронена въ 1828 году.

Теперь намъ остается сказать еще только о главномъ дѣйствующемъ лицѣ нашего правдиваго повѣствованія — самомъ Пушкинѣ. Но это — такая неисчерпаемая тэма, что мы, волей-неволей, ограничимся только самымъ существеннымъ, прямо относящимся къ нашему разсказу.

По мѣрѣ своего умственнаго роста, Пушкинъ все живѣе ощущалъ недостатокъ своей научной

подготовки для серьезнаго литературнаго дѣла, и въ 1821 году еще признавался въ этомъ Чаадаеву:

»Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить, въ объятіяхъ свободы,
Мятежной младости утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.«

Въ Одессѣ онъ сталъ учиться англійскому языку, чтобы читать Байрона въ оригиналѣ, началъ составлять себѣ избранную библіотеку; съ переѣздомъ же въ 1824 г. въ село Михайловское, онъ выписалъ себѣ изъ Петербурга кипы научныхъ книгъ, сталъ изучать Шекспира, Тацита, Карамзина и древнія лѣтописи русскія; дѣлалъ изъ нихъ пространныя выписки, а на поляхъ писалъ свои собственныя критическія замѣтки, которыя впослѣдствіи изумляли знатоковъ глубокомысліемъ и дѣловитостью. Не даромъ императоръ Николай Павловичъ, послѣ продолжительной бесѣды съ Пушкинымъ, отозвался, что говорилъ съ умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи!

По возвращеніи въ Петербургъ, Пушкинъ съ удвоенной энергіей принялся за грандіозный трудъ — изученіе всѣхъ матеріаловъ къ исторіи Петра Великаго и его преемниковъ. Плодомъ этихъ изученій явился, между прочимъ, несравненный романъ: »Капитанская дочка«.

Особенное усердіе и поэтическое вдохновеніе

сходили на поэта осенью. Тогда онъ нарочно удалялся отъ свѣта въ сельское уединеніе, гдѣ литературная производительность его въ это время года была изумительна. Такъ, въ письмѣ своемъ къ Плетневу изъ Москвы отъ 9 декабря 1830 года, онъ сообщаетъ:

»Скажу тебѣ (за тайну), что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда: двѣ послѣднія главы »Онѣгина«, совсѣмъ готовыя для печати; повѣсть, писанную октавами (»Домикъ въ Коломнѣ«); нѣсколько драматическихъ сценъ или маленькихъ трагедій; именно: »Скупой рыцарь«, »Моцартъ и Сальери«, »Пиръ во время чумы« и »Донъ Жуанъ«. Сверхъ того, написалъ около 30-ти мелкихъ стихотвореній. Хорошо? Еще не все (весьма секретное, для тебя единаго!): написалъ я прозою 5 повѣстей (»Повѣсти Бѣлкина).«

И такая-то масса капитальныхъ произведеній была создана въ какіе-нибудь три мѣсяца! Большую поэму свою »Полтава« онъ написалъ тоже осенью (1828 г.), въ двѣ недѣли времени. Точно давно предчувствуя, что нить жизни его разомъ оборвется, онъ торопился сдѣлать все, что̀ было въ его силахъ. Онъ сознавалъ, что онъ — »избранникъ небесъ«, которому свыше предопредѣлено быть »пророкомъ« своего народа:

»Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,

И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!«

Французская поговорка, что никто не бываетъ пророкомъ въ своемъ отечествѣ, не примѣнима къ Пушкину. Онъ уже въ молодые годы пользовался такою популярностью, что́ куда-бы онъ ни показывался, вездѣ сбѣгались глазѣть на него, какъ на диковиннаго звѣря. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Дельвигу изъ Тверской губерніи, гдѣ онъ гостилъ въ 1828 г. у близкихъ знакомыхъ, онъ разсказываетъ о такомъ забавномъ случаѣ:

»Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито *). Петръ Марковичъ **) здѣсь повеселѣлъ и уморительно милъ. На дняхъ было сборище у одного сосѣда; я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованные ребятишки, хотѣли непремѣнно туда же ѣхать. Мать принесла имъ изюму и черносливу и думала тихонько отъ нихъ убраться. Но Петръ Марковичъ ихъ взбудоражилъ, онъ къ нимъ прибѣжалъ:

»— Дѣти! дѣти! мать васъ обманываетъ! не ѣшьте черносливу, поѣзжайте съ нею: тамъ будетъ Пушкинъ; онъ весь сахарный, а задъ его яблочный; его разрѣжутъ и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку.

---

*) Извѣстная въ то время ученая собака, угадывавшая карты цвѣта и проч.

**) *Полторацкій*, пріятель Пушкина.

»Дѣти разревѣлись:

»— Не хотимъ черносливу! хотимъ Пушкина!

»Нечего дѣлать — ихъ повезли, и они сбѣжались ко мнѣ, облизываясь; но увидѣвъ, что я не сахарный, а кожаный, совсѣмъ опѣшили.«

Изъ множества подобныхъ анекдотовъ, приведемъ еще только одинъ, гдѣ разочарованіе было на сторонѣ Пушкина. Во время одного изъ своихъ странствій по Россіи, поэтъ нашъ, въ ожиданіи, пока на почтовой станціи перепрягали лошадей, вошелъ въ общую комнату и потребовалъ себѣ обѣдъ. Едва онъ сѣлъ за столъ, какъ передъ нимъ очутилась незнакомая барышня, очень миловидная и приличная на видъ, и, разсыпаясь въ похвалахъ его таланту, преподнесла ему вышитый кошелекъ. Польщенный поэтъ искренне поблагодарилъ ее, послѣ обѣда же сѣлъ опять въ коляску и покатилъ далѣе. Но не отъѣхалъ онъ еще за черту деревни, какъ его нагналъ верховой и остановилъ экипажъ.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ Пушкинъ.

— Да ваша милость изволили забыть отдать 10 рублей за кошелекъ, что̀ купили у барышни, былъ отвѣтъ.

Пушкинъ расхохотался и отдалъ деньги. Послѣ онъ часто разсказывалъ объ этомъ случаѣ охлажденія его авторскаго самолюбія.

Какъ мы уже упомянули, предчувствіе близкой смерти явственно тяготило Пушкина на послѣдней лицейской годовщинѣ 1836 года. Еще въ

апрѣлѣ того же года, самъ отвезя тѣло умершей матери своей въ Псковскую губернію, въ Святогорскій монастырь, онъ купилъ тамъ мѣсто и для себя, рядомъ съ ея могилой, и былъ все время крайне разстроенъ. Тѣмъ же предчувствіемъ смерти вѣетъ отъ его послѣдняго, какъ полагаютъ, стихотворенія:

»Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце проситъ.
Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ
Частицу бытія; а мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить. И глядь — все прахъ: умремъ!
На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля;
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ...«

Съ вечера 27-го января 1837 года по Петербургу сперва смутно, а затѣмъ все настоятельнѣе началъ распространяться невѣроятный, ужасный слухъ: что Пушкинъ, великій Пушкинъ, котораго всѣ знали въ полномъ цвѣтѣ силъ, отъ котораго ожидали для родной литературы еще такъ много, смертельно раненъ, что ему остается жить только нѣсколько дней, можетъ быть — нѣсколько часовъ! Со всѣхъ концовъ столицы и знакомые и незнакомые наперерывъ присылали справляться о положеніи больнаго. Отъ императора Николая Павловича прискакалъ еще въ полночь къ ходившему за умирающимъ, лейбъ-медику Арендту, фельдъ-егерь съ собственноручной запиской, которую Арендтъ долженъ былъ прочесть поэту:

»Если Богъ не приведетъ намъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, писалъ государь, — посылаю тебѣ мое прощеніе и послѣдній совѣтъ умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я беру ихъ на свои руки.«

— Я не лягу, буду ждать, приказалъ государь словесно передать Арендту.

»Какой трогательный конецъ земной связи между царемъ и тѣмъ, кого онъ когда-то отечески присвоилъ и кого до послѣдней минуты не покинулъ! (писалъ потомъ Жуковскій къ отцу Пушкина). Какъ много прекраснаго, человѣческаго въ этомъ порывѣ, въ этой поспѣшности захватить душу Пушкина на отлетѣ, очистить ее для будущей жизни и ободрить послѣднимъ земнымъ утѣшеніемъ. »Я не лягу, я буду ждать!«

За нѣсколько часовъ до кончины Пушкина, государь вызвалъ къ себѣ во дворецъ Жуковскаго, чтобы выслушать отъ него подробности о ходѣ болѣзни, и повторилъ ему то же, что̀ сказалъ ранѣе въ запискѣ: чтобы Пушкинъ не безпокоился о судьбѣ жены и дѣтей.

— Они мои! заключилъ онъ.

— Вотъ я какъ утѣшенъ! сказалъ Пушкинъ, судорожно поднимая къ небу руки, когда выслушалъ отъ Жуковскаго обѣщаніе государя. — Скажи государю, что я желаю Ему долгаго, долгаго царствованія... что я желаю Ему счастія въ его сынѣ... что я желаю Ему счастія въ его Россіи..

И какъ истинно по-царски Николай Павловичъ сдержалъ свое слово! Не только съ имѣнія Пушкина былъ снятъ весь казенный долгъ, но вдовѣ его была назначена пожизненная пенсія въ 5,000 руб., дѣтямъ въ 6,000 руб., и, кромѣ того, на изданіе сочиненій поэта было пожаловано 50,000 рублей.

Въ послѣднія минуты мысли умирающаго возвратились еще разъ къ его свѣтлой юности, къ Царскому Селу.

— Какъ жаль, что нѣтъ теперь здѣсь ни Пущина, ни Малиновскаго! сказалъ онъ со вздохомъ единственному изъ бывшихъ при немъ лицейскихъ товарищей, Данзасу.

Пуля осталась невынутою; каждая минута неизбѣжно приближала его къ концу.

— Смерть идетъ... вдругъ промолвилъ онъ и затѣмъ отрывисто прибавилъ: — Карамзину!

Было тотчасъ послано за Екатериной Андреевной Карамзиной, которая, сохраняя къ поэту со временъ Царскаго Села теплое материнское чувство, не замедлила прибыть.

— Перекрестите меня! попросилъ онъ ее и поцѣловалъ благословляющую его руку.

Передъ наступленіемъ предсмертной агоніи, онъ еще разъ приласкалъ жену и затѣмъ впалъ въ забытье.

»Друзья, ближніе, молча, окружили изголовье отходящаго (разсказываетъ писатель Даль); я, по просьбѣ его, взялъ его подъ мышки и припод-

нялъ повыше. Онъ вдругъ будто проснулся, быстро раскрылъ глаза, лицо его прояснилось, и онъ сказалъ:

»— Кончена жизнь!

»Я не дослышалъ и спросилъ тихо:

»— Что́ кончено?

»— Жизнь кончена... отвѣчалъ онъ внятно и положительно. — Тяжело дышать, давитъ... были послѣднія слова его.

»Всемѣстное спокойствіе разлилось по всему тѣлу; отрывистое, частое дыханіе измѣнилось въ болѣе и болѣе медленное, тихое, протяжное; еще одинъ слабый, едва замѣтный вздохъ — и пропасть необъятная, неизмѣримая раздѣлила живыхъ отъ мертваго. Онъ скончался такъ тихо, что предстоящіе не замѣтили смерти его...«

Когда узнали въ городѣ, что поэта не стало, квартира его сдѣлалась мѣстомъ паломничества, къ которому въ продолженіе двухъ дней отовсюду стекались люди всѣхъ званій и состояній, чтобы въ послѣдній разъ поклониться дорогому праху, взять на память отъ него хоть лоскутокъ сюртука, клокъ волосъ. Наиболѣе горячія почитательницы поэта предусмотрительно запаслись даже ножницами; и къ концу втораго дня длинный сюртукъ усопшаго обратился какъ-бы въ куртку, а волосы на головѣ и бакенбарды оказались остриженными крайне неровно. Чтобы при входѣ и выходѣ посѣтителей наблюдать хотя извѣстную очередь, пришлось поставить полицію;

во избѣжаніе же чрезмѣрнаго скопленія публики на похоронахъ, отпѣваніе, назначенное-было въ Исакіевскомъ соборѣ, подъ утро, въ 3-мъ часу ночи, было внезапно отмѣнено, и тогда же тѣло было перенесено въ Конюшенную церковь. Но это ни къ чему не повело. Ко времени отпѣванія, вся площадь передъ церковью, весь Невскій проспектъ вплоть до Аничкова моста были запружены народомъ, а въ самой церкви, куда впускали не иначе, какъ по билетамъ, была страшная давка.

Когда, послѣ отпѣванія, гробъ подняли, вынесли изъ церкви, поставили на катафалкъ, когда, сквозь море головъ, шагъ за шагомъ двинулась погребальная колесница съ безчисленной вереницей каретъ, — вдругъ все разомъ запнулось: нѣсколько человѣкъ наклонилось надъ высокимъ мужчиной, который, въ истерическихъ рыданіяхъ, упалъ посреди дороги. То былъ одинъ изъ друзей покойнаго, такой же поэтъ — князь Вяземскій.

Вечеромъ того же дня, саксонскій посланникъ Люцероде, у котораго назначенъ былъ балъ, объявилъ съѣхавшимся гостямъ:

— Ныньче были похороны Пушкина: у меня не будутъ танцовать.

Отвезти тѣло усопшаго на мѣсто послѣдняго успокоенія — въ Святогорскій монастырь — взялся вѣрный покровитель его съ дѣтства Александръ Ивановичъ Тургеневъ, которому, такимъ обра-

зомъ, выпало на долю устроить и первую, и послѣднюю участь поэта.

Взрывъ негодованія, озлобленія противъ убійцы народнаго генія былъ, понятно, всеобщій. Но ни у кого не поднялась на него рука, когда стала извѣстной предсмертная воля Пушкина, настоятельно выраженная имъ Данзасу:

— Требую, чтобъ ты не мстилъ за мою смерть: прощаю ему и хочу умереть христіаниномъ.

Какое впечатлѣніе произвела смерть поэта на отца его и брата, видно изъ письма Сергѣя Львовича по поводу присланнаго ему княземъ Вяземскимъ портрета сына въ гробу, на который старикъ-отецъ не могъ рѣшиться взглянуть.

»У меня не достаетъ на это духу (писалъ онъ) и, вѣроятно, долго не достанетъ. И это не потому, чтобы я боялся возобновить мою скорбь: ужасная потеря, мною понесенная, даетъ мнѣ знать себя теперь еще сильнѣе (если только это возможно), нежели въ то время, когда я получилъ о ней страшное извѣстіе. Время не ослабляетъ, а только усиливаетъ мою горесть: съ каждымъ днемъ моя тоска становится рѣзче и мое уединеніе чувствительнѣе. Насильственная кончина такого сына, каковъ мой, не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ несчастій. Для меня она была внѣ всякаго вѣроятія... Я получилъ письмо отъ Льва (младшаго сына): онъ въ отчаяньи, и я за него трушу.«

Едва ли менѣе былъ потрясенъ роковою вѣстью

Пущинъ, находившійся въ то время за тысячи верстъ отъ Петербурга.

»Слушая этотъ горькій разсказъ (пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ), я сначала рѣшительно какъ-будто не понималъ словъ разсказчика: такъ далеко была отъ меня мысль, что Пушкинъ долженъ умереть въ цвѣтѣ лѣтъ, среди живыхъ на него надеждъ. Это былъ для меня громовой ударъ изъ безоблачнаго неба: ошеломило меня, а вся скорбь не вдругъ сказалась на сердцѣ... Во всѣхъ кружкахъ только и рѣчи было, что о смерти Пушкина, объ общей нашей потерѣ; но въ итогѣ выходило одно: что его не стало и что не воротить его! Провидѣніе такъ рѣшило; намъ остается смиренно благоговѣть предъ его опредѣленіемъ...«

Романистъ Бестужевъ, писавшій подъ именемъ Марлинскаго, узналъ о смерти Пушкина, живя на Кавказѣ, и цѣлую ночь напролетъ послѣ этого извѣстія не могъ заснуть, а на разсвѣтѣ собрался въ отдаленный монастырь Св. Давида, построенный на крутой горѣ.

»Придя туда (разсказываетъ онъ въ письмѣ къ брату), я призвалъ священника и попросилъ отслужить панихиду надъ могилой Грибоѣдова, надъ могилой поэта, попранною святотатственными ногами, безъ камня, безъ надписи! Я плакалъ тогда, какъ плачу теперь, — плакалъ горячими слезами, плакалъ надъ другомъ и товарищемъ по жизни, оплакивалъ самого себя! А когда

священникъ запѣлъ: »за убіенныхъ болярь Александра и Александра«, я чуть не задохся отъ рыданій: этотъ возгласъ показался мнѣ не только поминовеніемъ, но и предсказаніемъ...« *)

Подобно Бестужеву-Марлинскому, не было почти писателя въ Россіи, который такъ или иначе не почтилъ бы память геніальнаго собрата. Жуковскій, Тютчевъ, Губеръ, Полежаевъ и даже сатирикъ Воейковъ излили скорбь свою въ прочувствованныхъ стихахъ; а молодой Лермонтовъ, до тѣхъ поръ никому еще неизвѣстный поэтъ, своимъ пламеннымъ стихотвореніемъ на смерть Пушкина разомъ упрочилъ себѣ литературное имя. Подолинскій въ Одессѣ посвятилъ памяти Пушкина одну изъ лучшихъ своихъ крымскихъ элегій, а Кольцовъ — свое прекрасное стихотвореніе »Лѣсъ«, въ которомъ иносказательно говоритъ о самомъ погибшемъ поэтѣ:

»Гдѣ-жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблѣсть царская?
»Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой.«

Давнишній пріятель Пушкина, польскій поэтъ Мицкевичъ въ Парижѣ отозвался некрологомъ

*) Предчувствіе не обмануло Бестужева: онъ, дѣйствительно, палъ въ бою съ черкесами нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 7 іюня 1837 года.

во французскомъ журналѣ »Le Globe«; наконецъ, даже персидскій стихотворецъ Мирза Фахтъ-Али (Ахундовъ) оплакалъ кончину міроваго поэта въ небольшой поэмѣ на родномъ своемъ языкѣ.

Теперь, когда со дня горестнаго событія протекло болѣе полустолѣтія, внезапность впечатлѣнія, естественно, исподволь сгладилась. Тѣмъ не менѣе, во всѣхъ случаяхъ, когда приходится чествовать память нашего великаго поэта, чествованія эти принимаютъ всенародный торжественный характеръ. Такъ было при открытіи въ 1880 году памятника его въ Москвѣ; такъ было и въ 50-ти лѣтнюю годовщину смерти его, 29 января 1887 года. Потомство, очевидно, оцѣнило въ немъ и поэта, и учителя: давъ намъ неисчерпаемый кладъ умственныхъ наслажденій, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, первый научилъ насъ писать неприкрашенную правду о русской жизни русскимъ языкомъ.

Завѣтное желаніе, выраженное имъ въ извѣстной элегіи: »Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ«, исполнилось: тѣло его покоится »близь милаго предѣла«, въ сосѣдствѣ села Михайловскаго, на кладбищѣ Святогорскаго монастыря, рядомъ съ его матерью и родителями ея Ганнибалами; а вокругъ него »сіяетъ вѣчною красою равнодушная природа«: бѣлая пирамида его могильнаго памятника, окруженная зеленью, высоко возвышается надъ нивами и лугами, растилающимися

по ту сторону монастырской ограды. Далѣе же, къ Михайловскому, виднѣется та самая роща, которую нѣкогда такъ радушно привѣтствовалъ нашъ поэтъ:

»...Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ,
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго...«

Молодое, незнакомое племя это — мы, его поздніе потомки. Но о томъ, чтобы кому-нибудь изъ насъ перерости его, не можетъ быть и рѣчи; дай Богъ намъ хоть настолько дорости до него, чтобы вполнѣ уразумѣть его, проникнуться его чистой поэзіей, просвѣтленной умомъ и правдой:

»Да здравствуютъ Музы, да здравствуетъ Разумъ!
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!«

ПЕРЕЧЕНЬ

главнѣйшихъ источниковъ, послужившихъ матеріаломъ для настоящей повѣсти.

1) Сочиненія А. С. Пушкина, особенно »Записки« и письма его.
2) »А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи.« *П. В. Анненкова.* 1873.
3) »А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. 1799 — 1826 г.« *П. Анненкова.* 1874.
4) »А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи.« *П. Бартенева.* (»Москов. Вѣдомости« 1854 г. № 117 и 119, 1855 г. № 142.)
5) »Записки *И. И. Пущина* о дружескихъ связяхъ его съ Пушкинымъ.« (»Атеней« 1859 г. № 8.)
6) »Извлеченія изъ писемъ *Илличевскаго.*« (»Русскій Архивъ« 1864 г.)
7) »Пушкинъ въ лицеѣ и его лицейскія стихотворенія.« *В. Гаевскаго.* (»Современникъ« 1863 г. №№ 7 и 8.)
8) »Первенцы лицея и его преданія.« *Я. К. Грота.* (»Складчина«. Литературный сборникъ, 1874 г.)
9) »Старина царскосельскаго лицея.« *Я. К. Грота.* (»Русскій Архивъ« 1875 г. № 4.)
10) »Пушкинъ въ царскосельскомъ лицеѣ.« *Я. Грота.* (»Русскій Вѣстникъ« 1887 г. № 2.)
11) »А. С. Пушкинъ (1816 — 1837). По документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ.« Статья *Кн. П. П. Вяземскаго.* (»Русскій Архивъ« 1884 г. № 4.)
12) »А. С. Пушкинъ. 1799 — 1820.« Статья *К. П. П.* (»Русская Старина« 1879 г. № 6.)
13) »Памяти Пушкина.« *М. В. Юзефовича.* (»Русскій Архивъ« 1880 г. № 3.)
14) »Пушкинъ въ южной Россіи. 1820 — 1823.« Статья *П. Бартенева* (»Русскій Архивъ« 1866 г.)

15) »Къ біографіи Пушкина. Выдержки изъ записной книжки.« *М. И. Семевскаго.* (»Русскій Вѣстникъ« 1869 г. № 11.)
16) »А. С. Пушкинъ, его жизнь и сочиненія«, изд. 1864 г.
17) »Альбомъ Пушкинской выставки 1880 г.«, изд. Общ. Любит. Росс. Словесности, подъ редакціею *Л. Поливанова.* 1882.
18) »Памятная книжка Императорскаго Александровскаго лицея.« 1856.
19) »Историческій очеркъ Императорскаго, бывшаго царскосельскаго, нынѣ Александровскаго лицея«. *И. Селезнева.* 1861.
20) »Дельвигъ.« *В. Гаевскаго.* (»Современникъ« 1853 г. №№ 2 и 5, 1854 г. №№ 1 и 9.)
21) »Свѣтлѣйшій *князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ,* въ его разсказахъ изъ прошлаго.« (»Русская Старина« 1883 г. № 10.)
22) »В. К. Кюхельбекеръ. 1797—1846 г.« *Ю. В. Кусова* и *М. В. Кюхельбекера.* (»Русская Старина« 1875 г. № 7.)
23) »О первомъ выпускѣ воспитанниковъ Императорскаго царскосельскаго лицея.« (»Сынъ Отечества» 1817 г. № 26, Смѣсь.)
24) »Письмо лицейскаго ветерана къ лицейскому ветерану.« *Вильгельма К.* (Кюхельбекера). (»Сынъ Отечества« 1818 г. № 45.)
25) »Воспоминанія о директорѣ царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардтѣ.« *В. Е. Энгельгардта.* (»Русскій Архивъ« 1872 г. №№ 7 и 8.)
26) »Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ Пушкинское время.« *П. В. Гаевскаго.* (»Отечественныя Записки« 1861 г. № 11.)
27) »Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Со словъ бывшаго его лицейск. товарища и секунданта, *К. К. Данзаса.*« 1863.
28) »Смерть А. С. Пушкина«. *В. И. Даля.* (»Московская Медицинская Газета« 1860 г. № 49.)
29) »Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина.« *М. Лонгинова* (»Современная Лѣтопись« 1863 г. № 18.)
30) »Послѣднія минуты Пушкина«, описанныя *В. А. Жуковскимъ* въ 1837 г. (въ письмѣ къ С. Л. Пушкину.)
31) »Сестра А. С. Пушкина, Ольга Сергѣевна Павлищева.« Біографическій очеркъ *Л. Павлищева.* (»Новости« 1875 г. №№ 1, 4, 7, 9 и 11.)
32) »В. Л. Пушкинъ.« Біографическій очеркъ *В. П. Авенаріуса.* (»Историческій Вѣстникъ« 1882 г. № 3.)
33) »Объ отношеніяхъ А. С. Пушкина къ дядѣ его В. Л. Пушкину.« Замѣтка *М. Лонгинова.* (»Русскій Архивъ« 1863 г.)
34) »Мелочи изъ запаса моей памяти.« *М. А. Дмитріева.* 1869 (О В. Л. Пушкинѣ, Карамзинѣ, гр. Хвостовѣ и »Арзамасѣ«.)
35) »Воспоминанія *Ф. Ф. Вигеля.*« Т. II и III. 1864—1866. (Объ А. С. и В. Л. Пушкинѣ и объ »Арзамасѣ«.)

36) »Сочиненія Державина«. Т. 8. »Біографія поэта«. *Я. Грота.* 1880.
37) »Полное Собраніе Сочиненій *С. Т. Аксакова.*« Т. III. (Воспоминанія о Державинѣ, Дмитревскомъ и Шишковѣ.)
38) »В. А. Жуковскій и его произведенія. 1783—1883.« Сочиненіе *П. Загарина.* 1883.
39) »В. А. Жуковскій. 1783—1852. Столѣтняя годовщина дня его рожденія. Очеркъ и письма поэта.« Сообщ. проф. *Н. А. Висковатовъ,* докт. *К. К. Зейдлицъ* и акад. *Я. К. Гротъ.* (»Русская Старина« 1883 г.)
40) »Подлинныя черты изъ жизни В. А. Жуковскаго.« Кореспонденція Жуковскаго 1815—1816 гг. (»Русскій Архивъ« 1864 г.)
41) »Н. М. Карамзинъ.« *А. Старчевскаго.* 1849.
42) »Н. М. Карамзинъ. Матеріалы для его біографіи.« *М. Погодина.* 1866.
43) »Воспоминанія *К. С. Сербиновича*«, между прочимъ, о Н. М. Карамзинѣ. (»Русская Старина« 1874 г. Т. XI.)
44) »Рѣчи, произнесенныя въ университетѣ Св. Владиміра по случаю столѣтняго юбилея Н. М. Карамзина.« 1866.
45) »Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ.« *М. Н. Лонгинова.* (»Русскій Вѣстникъ« 1862 г. № 11.)
46) »Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ.« *Д. Свербеева.* (»Русскій Архивъ« 1868 г.)
47) »Воспоминанія перваго камеръ-пажа великой княгини Александры Θеодоровны 1817—1819 г.«, между прочимъ, объ императорѣ Александрѣ I и императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ. (»Русская Старина« 1875 г. Т. XII и XIII.)
48) »Капитуляція Парижа въ 1814 г.« Разсказъ *М. Θ. Орлова.* (»Русская Старина« 1877 г. Т. XX.)
49) »Изъ дневника свитскаго офицера.« *С. Г. Хомутова.* (»Русскій Архивъ« 1870 г.)
50) »Записки *И. С. Жиркевича*«, между прочимъ, о пребываніи императора Александра I въ Парижѣ въ 1814 г. (»Русская Старина« 1874 г. № 12.)
51) »Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе. 1777—1877 г. Составлено по порученію Его Имп. Выс. Вел. Князя Константина Николаевича.«
52) »Изъ записокъ *Ипполита Оже,* 1814—1817«, между прочимъ, о »Павловскомъ праздникѣ« 1814 г. (»Русскій Архивъ« 1877 г. № 1.)
53) »Бесѣда любителей русскаго слова и Арзамасъ въ царствованіе Александра I и мои воспоминанія.« *А. Стурдза.* (»Москвитянинъ« 1851 г. № 21.)

54) »Графъ Блудовъ и его время.« *Е. П. Ковалевскаго.* 1871. (Объ »Арзамасѣ« и »арзамасцахъ«.)
55) *А. Ѳ. Воейковъ*: 1) »Домъ сумасшедшихъ«, 1814—1838 гг., и 2) »Парнасскій адресъ-календарь« 1818 г. (»Русская Старина« 1874 г. № 3.)
56) »Дневникъ чиновника.« (*Жихарева*). (»Отечественныя Записки« 1855 г. С, СІ и СII.)
57) »Полное собраніе сочиненій князя *П. А. Вяземскаго.*« Т. VIII. »Старая записная книжка«, 1883.
58) »Сочиненія *Бѣлинскаго.*« Т. 8. 1860. (Критическій разборъ сочиненій Пушкина.)
59) Рукописные матеріалы о »лицейской старинѣ«, хранящіеся у академика *Я. К. Грота.*
60) Семейныя воспоминанія *К. С. Комовскаго*, сына лицейскаго товарища Пушкина.
61) Семейныя преданія потомковъ лицейскаго доктора *Ф. О. Пёшеля.*
62) Семейныя преданія самого автора повѣсти — уроженца Царскаго Села и сына преподавателя царскосельскаго лицея.

Оглавленіе.

РИСУНКИ:

Цѣна этой книги:

въ бумажкѣ	2 р. 25 к.,	съ перес. 2 р. 50 к.
въ папкѣ	2 р. 50 к.,	съ перес. 3 р.
въ перепл.	3 р.,	съ перес. 3 р. 50 к.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенск. пр., № 53.

2007054961